

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Тема номера:

**Социальная урбанистика: социология городской жизни
и социальные последствия урбанизации**

№ 5 (189)

сентябрь — октябрь 2025

**ГРАЖДАНСКОЕ
УЧАСТИЕ**

**СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА**

**МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ**

**СОЦИОЛОГИЯ
ПОТРЕБЛЕНИЯ**

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор АЦ ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
руководитель научно-методического департамента АЦ ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «АЦ ВЦИОМ», 2025. — № 5 (189). — 334 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

И. А. Вершинина, А. Н. Расходчиков

Город: от «социальной лаборатории» к цифровой среде для инноваций 3

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

К. А. Пузанов, Д. Р. Кодзокова, В. А. Зотова

Тревожный фон жилого фонда: влияние реновации на освоение общественных пространств горожанами в Москве.....18

Л. А. Чернышева, А. М. Хохлова

«И современно, и с отголосками прошлого»: ностальгия в проектах сохранения исторических деревянных домов40

В. А. Прохода

Отношение к мигрантам в контексте поселенческого статуса жителей России и других европейских стран64

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

М. Б. Зайчук

Адаптация методики отбора территорий для комплексного развития при помощи методов пространственного анализа90

Е. А. Григорьева

От справедливости к эффективности: трансформация представлений об идеальном городском управлении..... 115

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Н. Ильина, А. Н. Расходчиков, М. А. Пильгун

Восприятие социальных детерминант здоровья в мегаполисе: коренные москвичи vs «новые горожане» 139

И. А. Вершинина, Т. С. Мартыненко, А. В. Лядова

Экологическая культура современных городов: поиск пути к экологическому благополучию 163

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: сентябрь — октябрь 2025 185

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

Е. В. Тыканова

(Не)противоречивый исход: множественные результаты деятельности городских общественных движений в России 200

Е. В. Недосека, А. Е. Ненько

Картирование структуры сообществ в масштабах города на основании данных социальных сетей..... 223

СОЦИОЛОГИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Н. Е. Шилкина, А. В. Мальцева, С. Д. Гуриева

Кикшеринг в большом городе: игра, идентичность и борьба за пространство 251

Е. В. Фролова, О. В. Рогач

Городская гастрономия в практиках культурного потребления туристов..... 273

ПРАКТИКИ ГОВОРЯТ

Н. А. Климова, М. С. Нарышкина

Качество городской среды современных деловых районов Москвы в социальных ожиданиях жителей на примере делового центра Москва-Сити..... 293

А. Н. Языкеев

Возможности диагностики чрезмерного туризма на примере городов Калининградской области 314

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3146](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3146)

И. А. Вершинина, А. Н. Расходчиков

ГОРОД: ОТ «СОЦИАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ» К ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ ДЛЯ ИННОВАЦИЙ

Правильная ссылка на статью:

Вершинина И. А., Расходчиков А. Н. Город: от «социальной лаборатории» к цифровой среде для инноваций // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 3—17. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3146>.

For citation:

Vershinina I. A., Raskhodchikov A. N. (2025) The City: From a “Social Laboratory” to a Digital Environment for Innovation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3—17. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3146>. (In Russ.)

Получено: 15.10.2025. Принято к публикации: 25.10.2025.

ГОРОД: ОТ «СОЦИАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ» К
ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ ДЛЯ ИННОВАЦИЙ

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: urbansociology@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6186-4388>

РАСХОДЧИКОВ Алексей Николаевич — кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: silaslowa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6814-9029>

Аннотация. Статья открывает специальный тематический номер журнала, посвященный социальной урбанистике. За время существования социальной урбанистики значительно изменились и пространственные формы, и вызовы, перед которыми оказываются города. В своей статье приглашенные редакторы номера пытаются проследить эволюцию социальной урбанистики за прошедшее столетие и выявить наиболее актуальные вопросы, интересующие исследователей сегодня. 2025 г. рассматривается как юбилейный для социальной урбанистики, поскольку сто лет назад была опубликована классическая работа представителей Чикагской школы «Город», а в Париже прошла Международная выставка современных декоративных и промышленных искусств, привлекая внимание к смелым проектам советских архитекторов. Кроме того, в 2025 г. исполняется 95 лет со дня рождения Т. М. Дридзе и проводятся 25-е Дридзевские чтения в память о ее научном наследии.

THE CITY: FROM A “SOCIAL LABORATORY” TO
A DIGITAL ENVIRONMENT FOR INNOVATION

Inna A. VERSHININA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: urbansociology@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6186-4388>

Aleksei N. RASKHODCHIKOV² — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Faculty of Social Sciences and Mass Communications
E-MAIL: silaslowa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6814-9029>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article opens a Special Issue of the Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes journal devoted to social urban studies. Since the emergence of social urban studies, both the spatial forms and the challenges that cities face today have changed significantly. In their article, the Issue's guest editors attempt to trace the evolution of social urban studies over the past century and identify the most pressing issues of interest to researchers today. The year 2025 is considered a milestone for social urban studies since a century ago was published the Chicago School's classic work *The City and the International Exhibition of Modern Decorative and Industrial Arts in Paris* attracted attention to the bold projects of Soviet architects. Furthermore, 2025 marks the 95th anniversary of Tamara Dridze's birth, and the 25th Dridze Readings will be held in memory of her scholarly legacy this year.

Urbanization is not only increasing the urban population of most countries around the world

Урбанизация не только увеличивает городское население большинства стран мира, но и распространяет городские практики и образ жизни на сельские поселения. Границы между городом и селом постепенно размываются, порождая новые формы поселений, которые уже сложно отнести к городам, пригородам или сельским территориям. Возрастающая мобильность стирает границы агломераций — сегодня уже сложно однозначно ответить на вопрос, где заканчивается Московская или Санкт-Петербургская агломерация. Меняется и представление о горожанине как постоянно проживающем в городе человеке, актуализируются вопросы маятниковой миграции и «новых горожан». Распространение цифровых технологий ставит перед современными исследователями новые вопросы и предлагает непривычные ракурсы рассмотрения традиционных проблем, что меняет социальную урбанистику и превращает города в «живые лаборатории» для инноваций будущего. Социальная урбанистика продолжает традиции ориентации на человека и городские сообщества, уделяет внимание вопросам социального неравенства, права на город, миграции и общественного здоровья, но закономерно стремится расширить свои границы, используя идеи и методы городской и визуальной антропологии, экономической географии и теории управления, архитектуры и ландшафтного дизайна, экологии и городского планирования, что способствует появлению междисциплинарных исследований.

В заключительной части авторы представляют вошедшие в специальный номер статьи.

Ключевые слова: город, социальная урбанистика, урбанизация, дезурбанизация, социальная экология, урбанизм, миграция, умный город, цифровая среда

but also spreading urban practices and lifestyles to rural communities. The boundaries between city and village are gradually blurring, giving rise to new forms of settlement that are no longer easily classified as cities, suburbs, or rural areas. The boundaries of agglomerations are dissolving due to increasing mobility, and it is now difficult to definitively determine where the Moscow or St. Petersburg agglomeration end. The concept of the city dweller as a permanent resident is also changing, raising questions of commuting and "new citizens". The spread of digital technologies poses new questions for contemporary researchers and offers unusual perspectives on traditional problems, changing social urban studies and transforming cities into "living laboratories" for future innovation. Social urban studies continue the tradition of focusing on people and urban communities, issues of social inequality, the right to the city, migration, and public health. However, it naturally strives to expand its scope, drawing on ideas and methods from urban and visual anthropology, economic geography, management, architecture and landscape design, ecology, and urban planning, which contributes to the emergence of interdisciplinary research.

In the final part, the authors present the articles included in the Special Issue.

Keywords: city, social urban studies, urbanization, deurbanization, social ecology, urban studies, migration, smart city, digital environment

Символично, что специальный выпуск журнала, посвященный социальной урбанистике, выходит именно в 2025 г. Ровно сто лет назад, в 1925 г., произошли два знаковых события: во-первых, была опубликована классическая работа Чикагской школы «Город» [Park, Burgess, Mackenzie 1925], имеющая огромное значение для социологической теории города; во-вторых, состоялась Международная выставка современных декоративных и промышленных искусств в Париже, где Ле Корбюзье предложил план Вуазен для реконструкции Парижа, а советские архитекторы, старавшиеся разработать практические решения для вызовов непростого времени между двумя мировыми войнами, получили возможность громко заявить о себе. Каждое из этих событий, оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие социальной урбанистики, достойно внимания.

Сто лет назад Р. Парк и Э. Берджесс были ведущими фигурами влиятельнейшей Чикагской школы социологии и активно популяризировали исследования города как в США, так и за их пределами. Знаковую работу «Город» 1925 г. часто приписывают им двоим, забывая, что третья глава «Экологический подход к изучению человеческих сообществ» была написана Р. Маккензи, а Л. Вирт составил обширную библиографию и предложил обзор литературы по городским сообществам, составляющий почти треть от общего объема книги. Характерно, что человекоориентированный подход Вирта, выраженный в манифесте «Урбанизм как образ жизни» [Wirth, 1938], смог захватить широкие массы городских исследователей за пределами круга профессиональных ученых. А внимание к городским сообществам до сих пор остается одним из ключевых акцентов для урбанистов. И это не случайно, ведь, по справедливому замечанию Л. Б. Когана, — «ключ к управлению городом лежит во взаимодействии с городскими сообществами» [Коган, 2010: 319].

В работе «Город» социологи из Чикагской школы стремились продемонстрировать, что города следует рассматривать как полезный инструмент для изучения общества в целом, как лабораторию для получения эмпирических данных, и это помогло социологии города стать одной из отраслей научного знания: «То, что делает город местом, особенно выгодным для исследования институтов и социальной жизни вообще, — это тот факт, что в городских условиях институты растут очень быстро. Они растут прямо у нас на глазах, и процесс их роста открыт для наблюдения и, таким образом, — для эксперимента. Есть и еще один факт, делающий город предпочтительным местом для исследований социальной жизни и придающий ему качество социальной лаборатории: это то, что в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается» [Парк, 2002: 12]. С подобным рассмотрением города в качестве лаборатории был согласен и Э. Берджесс, утверждавший, что «изменения в нашей социальной жизни... острее всего <проявляются> в наших крупнейших американских городах» [Burgess, 1984: 47], одним из которых в 1920-е годы был Чикаго. По словам С. Сассен, Чикаго стал для социологов, изучавших его, не просто лабораторией, но и эвристическим пространством, позволившим понять динамику промышленно-капиталистических обществ [May et al., 2005: 353].

При этом многие социальные проблемы городов (снижение значимости семьи и высокий уровень разводов, преступность и др.) рассматриваются Э. Берджессом как «разрушительные» силы, являющиеся результатом именно их быстрого роста [Burgess, 1984: 47]. Неудивительно, что для Чикагской школы социологии

чрезвычайно важной была проблема миграции, поскольку конец XIX — начало XX века — время бурного роста города, который на тот момент по численности населения занимал второе место после Нью-Йорка. Тем более что еще за несколько лет до публикации «Города» увидело свет также ставшее классическим исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» [Thomas, Znaniecki, 1918—1921]. Движение населения предстает для Р. Парка и Э. Берджесса как индикатор, позволяющий оценить «метаболизм» города.

Следует отметить, что публикация работы «Город» имела не только теоретическое значение, она сыграла большую роль в преобразовании Чикаго и других американских городов. В частности, М. Яновиц в предисловии к переизданию 1967 г. отметил, что авторы не предложили конкретных ответов, но поставили очень важные вопросы, а результаты их исследований стали ключевыми в «войне против бедности» [Park, Burgess, Mackenzie, 1984: VIII]. При этом нельзя сказать, что за прошедшие сто лет книга полностью утратила свою релевантность для социальной урбанистики, некоторые идеи Р. Парка и Э. Берджесса звучат вполне современно, хотя многие уже нуждаются в переосмыслении, поскольку города продолжают стремительно меняться. В частности, по мнению Э. Сойи, многие идеи Чикагской школы подходят лишь для описания моноцентрического индустриального города, который постепенно остается в прошлом [Soja, 2000: 88], а потому современной социальной урбанистике следует оттолкнуться от них — и идти дальше. При этом метафора «движения» в городском пространстве, активно использовавшаяся Р. Парком и Э. Берджессом, развивается и получает новые ракурсы рассмотрения.

В современной социальной урбанистике движение — это уже не только миграция в город или между его районами, но форма существования социальности. Р. Парк отмечал, что «географические барьеры и физические дистанции значимы для социологии только там и тогда, где и когда они определяют условия, при которых актуально поддерживаются коммуникация и социальная жизнь» [Парк, 2006: 16], однако в условиях распространения цифровых технологий «движение преодолело дистанцию и другие естественные барьеры» [Gottmann, 1994: 13]. Это позволяет указывать на мобильности как новый предмет социологии [Urry, 2000] и утверждать, что «в движении» постоянно находится огромное число людей, потому что «для миллиардов людей постоянная мобильность превращается в норму» [Khanna, 2021: 5]. Масштабы «движения» за сто лет, прошедших с момента публикации работы Чикагской школы, вышли далеко за пределы города и пригородов, но некоторые идеи классиков по-прежнему довольно интересны.

Символично, что проходящий осенью 2025 г. в Москве фестиваль архитектурного образования и карьеры «Открытый город 2025» в качестве своего главного ориентира обозначает «мобильность». «Современный город — это не торговля и потребление, это высочайшая плотность коммуникаций, обеспечивающая скорость развития цивилизации. Высокая мобильность жителей обеспечивает высокую конкурентность городов в системе расселения. Непрерывный рост мегаполисов требует непрерывного повышения качества мобильности», — заявили кураторы проекта Тимур Башкаев и Александр Змеул в своем манифесте¹.

¹ Башкаев Т., Змеул А. Манифест Фестиваля архитектурного образования и карьеры «Открытый город 2025». URL: <https://openacityfest.ru> (дата обращения: 30.10.2025).

Исследования, проведенные в Чикаго, выявили ключевые проблемы крупного промышленного центра первой трети XX века, однако, как полагает Р. Сеннет, они проигнорировали один очень важный аспект: подробно проанализировав социальную жизнь города, они не уделили внимания его материальной составляющей — архитектуре и городскому планированию [Sennett, 2018: 63—89]. Именно эти вопросы оказались в центре внимания на проходившей в 1925 г. Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств в Париже. Организаторы поставили перед участниками выставки задачу показать, как выглядит современность, — и оказалось, что архитектурный стиль 1925 г. — это ар-деко со своей авангардной эстетикой и такими основополагающими принципами, как «изобразительность, декоративность и конструктивность» [Азизян, 2010: 50]. Две фамилии на этой выставке звучали значительно чаще других: Ле Корбюзье и К. Мельников.

Ле Корбюзье предложил свой знаменитый план Вуазен для Парижа и сразу же превратился в главного идеолога многоэтажного строительства, которое, как он считал, должно было стать символом новой эпохи. По его словам, пришло время «нового духа» в архитектуре, эстетика которой «вытекает из простого практического факта — высоты этажа, и скоро в ней произойдет переворот благодаря новому техническому феномену: железобетону» [Ле Корбюзье, 2017: 41]. Им восхищались, его критиковали, но необходимо признать, что именно Ле Корбюзье — один из тех архитекторов, чьи идеи определили облик городов как XX века, так и нынешнего столетия, поскольку высокэтажное строительство стало одной из характерных черт многих больших городов. Как отметил Й. Терборн, вертикальное измерение городов в виде небоскребов постепенно вытеснило горизонтальное, для которого были свойственны широкие бульвары и авеню [Therborn, 2017: 347]. При этом сам Ле Корбюзье считал, что главное, что стоит увидеть на выставке 1925 г., — это советский павильон, автором которого был Константин Степанович Мельников.

Идеи советских архитекторов в 1920-е годы поражали своей смелостью и новизной, поскольку они получили социальный заказ от государства на разработку новых форм, которые создавали бы пространство социальной справедливости и воспитали бы нового человека. Полемизируя с Ле Корбюзье, М. Я. Гинзбург писал: «Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите лечить город, пытаетесь его сохранить по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое... Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий» [цит. по: Ушакин, 2011: 11]. Советские архитекторы в 1925 г. не боялись экспериментировать и зачастую предлагали даже более кардинальные изменения пространства, чем Ле Корбюзье.

В частности, К. Мельников в 1925 г., когда автомобили еще только начинали захват городского пространства, разработал проект гаражей над мостом над Се-

ной — многоэтажных дворцов для такси [Мельников, 1985: 79], который не был реализован, но поражал своей смелостью и оригинальностью. Можно сказать, что и его идеи нашли свое продолжение и практическое воплощение, а многоэтажные парковки стали частью повседневной жизни большого города, но гораздо позже, чем он это предложил. Творчество К. Мельникова, выдающегося архитектора и художника, продолжает вызывать интерес и сегодня: в Национальном центре «Россия» проходит большая выставка «Рождение масштаба», где представлены его лучшие работы, отражающие дух архитектуры авангарда и советского модернизма. Лозунг этой выставки — «Архитектура будущего», потому что в поиске новых форм мы неизбежно возвращаемся к наиболее жизнеспособным и смелым идеям из прошлого. В Музее архитектуры им. А. В. Щусева проходит фотовыставка «Образы дома Мельникова», где в работах авторов разных лет показано, как этот архитектурный шедевр создавался, разрушался и снова возродился. Да, этот дом — одно из главных архитектурных произведений К. Мельникова — едва не был утрачен в угоду коммерческому градостроительству. И только благодаря усилиям городских сообществ, градозащитников и архитекторов-энтузиастов мы по-прежнему можем изучать его необычную архитектуру в Кривоарбатском переулке Москвы. Эта история наглядно демонстрирует взаимосвязь урбанистики как межсекторального поиска научного знания, новых форм и содержания городской жизни с энергией городских сообществ, имеющих право принять или отвергнуть новые идеи, а также способных защитить то, что является действительно ценным для города.

За сто лет, прошедших с 1925 г., города серьезно изменились, вместе с ними изменились и подходы к формированию городской среды, социологическим и междисциплинарным исследованиям городской жизни. Сегодня все больше научных знаний появляется на стыке дисциплин, и социология города закономерно стремится расширить свои границы, используя идеи и методы городской и визуальной антропологии, экономической географии и теории управления, архитектуры и ландшафтного дизайна, экологии и городского планирования. Но, продолжая традиции ориентации на человека, социальные процессы и городские сообщества, новое, только формирующееся направление — «социальная урбанистика» — сохраняет акцент на вопросах социального неравенства, права на город, проблемах миграции, общественного здоровья и других значимых для жителей аспектах.

Стоит отметить, что мода на междисциплинарность нередко порождает такие абстрактные направления исследований, как «урбанистический дизайн», «салютингенный дизайн», «цифровые исследования», «медиааналитика», «data science» и т. д. Размытость теоретических оснований, неопределенность объекта исследований или его абстрактность создают широкие возможности для манипуляций знанием, игнорирования проблем сочетаемости методов; порождают неоперационализируемые понятия и однобокие практики. Типичный пример — ставшее распространенным понятие «комфортная городская среда», подразумевающее, что среда становится не чьей-то конкретно, а просто городской, что входит в противоречие со средовым подходом. При этом главный акцент делается на комфортность, что может быть справедливо для дома отдыха, но довольно странно для города, где человек не только живет, но и работает, что не всегда сопряжено с комфортом.

Социальная урбанистика как междисциплинарная отрасль научного знания изучает проблемы управления урбанизацией с позиции социальных процессов, взаимодействия людей и сообществ в городской среде, влияния урбанизированной среды на человека и социальные изменения. Урбанизация как явление характеризуется не только массовым перемещением людей в города из сельской местности, но и распространением городского образа жизни на все виды поселений. Этот процесс, в последние десятилетия охвативший большинство стран мира, ставит под вопрос старую дихотомию разделения города и села. Еще 50 лет назад сельское хозяйство было основным видом экономической деятельности на селе, основой выживания, социальных взаимодействий и культурных традиций. Современный сельский житель все чаще покупает продукты в магазине, заказывает товары на маркетплейсах, а процессы автоматизации уменьшают количество занятых непосредственно в сельскохозяйственном производстве.

Эти изменения происходят стихийно, они проявляются как побочный результат глобализации, развития технологий и свободного выбора отдельных индивидов и семей, порождая, как большинство неуправляемых процессов, новые проблемы: стихийное разрастание мегаполисов, их перенаселение и чрезмерную концентрацию населения в больших городах, а также обезлюдивание обширных территорий — исчезновение сел, снижение числа жителей и деградацию в большинстве малых и средних городов. При этом жизнь в перенаселенном городе с постоянно уплотняющейся застройкой и ухудшающейся экологией заставляет часть горожан искать более спокойные места для жизни, приобретать загородные дома, порождая встречную тенденцию деурбанизации. Массовость этого явления можно наблюдать в Москве и Санкт-Петербурге каждую пятницу, анализируя протяженность пробок, образующихся на выездных магистралях в преддверии выходных дней.

Ключевой задачей социальной урбанистики становится изучение феноменов урбанизации и деурбанизации, возможностей управления данными процессами, а также разработка новых методов исследования систем расселения и способов формирования привлекательной для людей среды на территориях различной степени урбанизации.

Современный город, особенно крупный, гораздо сложнее своих собратьев из прошлого века. На него воздействуют массовые туристические потоки и международная деловая активность, возросшие скорость и разнообразие транспортных средств, климатические изменения, развитие цифровой среды и технологий искусственного интеллекта. Соответственно, в этой области знаний формируются новые концепции: «умный город» [Ильина, Коно, 2023], креативный город [Флорида, 2007], здоровый город [Оздоровление городской среды, 2022], город как бренд [Щербинин, Щербинина, Севостьянов, 2018], — и направления исследований, посвященные влиянию цифровой среды [Сети 4.0., 2020], новых видов мобильности [Felli, 2012], климатических изменений [Jon, 2021; Hannigan, 2022; Вершинина, Мартыненко, Хомякова, 2025], массового туризма [Языкеев, 2024], конструирования города будущего [Градосельская и др., 2025] и других тенденций на развитие городов. Остаются актуальными и традиционные вопросы и проблемы социологии города и социальной урбанистики.

Как и сто лет назад, ведущие урбанисты продолжают писать о кризисе городов, требующем поиска новых теоретических оснований для управления современными мегаполисами, превращающимися в сложные системы, где сотни процессов протекают одновременно и взаимосвязанно. Необходимо и осмысление новых форм городской жизнедеятельности, адекватных условиям постиндустриального общества и распространению современных технологий. И снова одним из ключевых элементов «умного города» становятся «умные сообщества» [Komninos, 2015], поскольку только они способны обеспечить условия для превращения городов из «социальных лабораторий» прошлого в «живые лаборатории» для инноваций будущего.

Рассуждая о теоретических основаниях современной социальной урбанистики, нельзя не вспомнить еще одного юбиляра этого года — Тамару Моисеевну Дридзе, чьи работы остаются фундаментальными для осмысления социальной и экологической природы города [Дридзе, 1998]. В своей экоантропоцентрической парадигме социального знания она отстаивала понимание города как искусственной среды для человека, сформировавшегося как вид в совершенно другом — природном — ареале, и предложила социальное определение города как среды жизнедеятельности человека [Дридзе, 2000]. Конечную цель любой градостроительной деятельности Тамара Моисеевна видела в воспроизводстве социального, то есть создании среды не только благоприятной для живущего в ней человека, но и развивающей — для новых поколений.

Эти принципы формируют более точные и научно обоснованные подходы к пониманию экологии города, где главной задачей становится далеко не биоразнообразие, а создание условий для гармоничного развития человека. Архитектура и градостроительство здесь видятся как способы формирования образа жизни и высокого социального качества среды. «Глубинные истоки социокультурной динамики скрыты в самом характере интеракции, трактуемой мною как обмен веществом, энергией и информацией между человеком и средой», — отмечала Т. М. Дридзе. Это означает, что городская среда хороша, если она коммуникативна, создает условия для общения людей, гармонично сочетает технологические и природные ландшафты, сохраняет символы прошлого и стремится в будущее.

В этом году у Т. М. Дридзе двойной юбилей: 95 лет со дня рождения и уже 25-е Дридзевские чтения, которые традиционно пройдут в декабре 2025 г. в Институте социологии РАН в память о ее научном наследии. Но главные из обозначенных ею пороков городского развития все еще не преодолены, это отсутствие социальной «подосновы» в градостроительной деятельности [Расходчиков, 2024] и низкая культура диалога между всеми заинтересованными сторонами градостроительства [Адамьянц, 2023]. Это значит, что социальные основания городского развития остаются актуальным направлением научных работ в городской социологии и социальной урбанистике. Среди различных градостроительных профессий и «заинтересованных сторон» именно городские социологи чаще всего встают на защиту интересов людей и городских сообществ.

Разнообразие тем и подходов к городским исследованиям этого специального номера научного журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» вполне соответствует сложности и многовекторности

развития современных городов. Хочется отметить, что заявленная тема — социальная урбанистика — вызвала интерес исследовательского сообщества: было подано более 50 заявок на публикацию. Однако объем одного выпуска ограничен, поэтому, к нашему глубокому сожалению, мы были вынуждены отобрать лишь часть работ.

Открывают номер три статьи, объединенные под рубрикой «Социальная диагностика» и охватывающие, наверное, одни из наиболее актуальных вопросов качественного городского развития: проблемы реализации программы реновации в Москве и ее социальные эффекты (К. Пузанов, Д. Кодзокова и В. Зотова), сохранение историко-культурного наследия, в том числе ценность деревянного зодчества для современных городов (А. Хохлова, Л. Чернышева), а также особенности отношения к мигрантам жителей российских городов (В. Прохода).

Раздел «Теория, методология и методы» начинается со статьи, в которой М. Зайчук представляет методические подходы отбора территорий для комплексного развития (КРТ), что довольно актуально ввиду активного использования механизмов КРТ для обновления городской среды многих российских городов. В теоретическом обзоре Е. Григорьевой предпринимается не менее актуальная попытка сопоставления зарубежных и отечественных теорий в городской социологии. Здесь отдельно хочется отметить оригинальный авторский подход к выделению исторических периодов развития урбанистической мысли в России и других странах.

Раздел «Междисциплинарные исследования» представляют две работы, демонстрирующие новые подходы к городским исследованиям. Авторский коллектив в составе экономиста И. Ильиной, филолога М. Пильгун и социолога А. Расходчикова исследует феномен «новых горожан», демонстрируя, как по-разному коренные москвичи и приезжие воспринимают отдельные аспекты городской среды. В методологическом плане работа может быть интересна, так как предлагает новый подход к использованию методов лингвистики и нейросетевых технологий для анализа фокус-групповых интервью. Статья И. Вершининой, Т. Мартыненко и А. Лядовой предлагает задуматься над тем, насколько значима роль экологической культуры жителей городов в решении экологических проблем или хотя бы сокращении их негативных социальных эффектов. Авторы указывают, что именно города зачастую оказываются акторами, наиболее открытыми для кооперации и сотрудничества, а потому экологическая культура их жителей может иметь большее значение, чем кажется на первый взгляд.

Не остались забытыми и городские сообщества, которым посвящены две работы коллег из Социологического института РАН в Санкт-Петербурге, объединенные под рубрикой «Гражданское участие». В статье Е. Тыкановой изучается деятельность городских общественных движений, в ней соотносятся ожидаемые и непредвиденные результаты их активности. В другой статье из данной рубрики А. Ненько и Е. Недосека представляют подходы к анализу градозащитных движений через анализ сетевой активности онлайн-сообществ.

В разделе «Социология потребительского поведения» рассматриваются шеринговые практики и гастрономическое поведение, в последние годы привлекающие все больше внимания городских исследователей. Н. Шилкина, А. Мальцева и С. Гуриева предлагают свой взгляд на растущую популярность аренды самока-

тов через цифровые приложения и считают кикшеринг скорее городским развлечением, отражающим формирование запроса на шеринговое потребление как игровую деятельность. В статье Е. Фроловой и О. Рогач также показан запрос на развлечения, но уже со стороны туристов и в другой сфере — городской гастрономии, где ценятся нестандартная атрибутика потребления пищи и получение нового опыта. Можно отметить, что если сто лет назад «движение» рассматривалось в социологических исследованиях города в контексте миграции, то сегодня внимание ученых все чаще привлекают туристы, способствующие созданию новых ракурсов изучения привычных тем.

Хорошей традицией журнала стала возможность предоставления слова не только ученым, но и практикам. В этом выпуске опубликована интересная работа Н. Климовой и М. Нарышкиной, посвященная проблеме сочетания высотной застройки с качества городской среды. В статье предпринимается попытка осмысления такого важного элемента городской среды, как деловой район, приводится исторический обзор, раскрывающий особенности и эволюцию деловых районов Москвы. В работе А. Языкеева исследуется еще одно сравнительно новое явление — чрезмерный туризм, в последние годы создающий значительные неудобства для жителей туристических городов. Подход автора демонстрирует глубокое понимание социальных процессов в части влияния туристической деятельности на городское развитие, где в качестве ключевого фактора обозначается участие горожан в туристской деятельности.

Город в XXI веке в чем-то остается «лабораторией» для изучения социальных процессов и явлений, при этом он постоянно усложняется, расширяется, функционирует уже не только в физическом и социальном измерениях, но также и в цифровой среде, что ставит перед социальной урбанистикой новые вопросы и позволяет данному направлению динамично развиваться. Надеемся, этот тематический номер журнала станет первым, но не последним в серии исследований по социальной урбанистике, и это только начало разговора о современных городах и их особенностях, потому что есть еще много вопросов, заслуживающих внимания социологического сообщества.

Список литературы (References)

1. Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация в современном российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 150—151. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250024384-5>.
Adamyants T. Z. (2023) Social Communication in Modern Russian Society. *Sociological Studies*. No. 2. P. 150—151. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250024384-5>. (In Russ.)
2. Азизян И. А. Инобытие ар-деко в отечественной архитектуре // Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления. М.: КомКнига, 2010. С. 50—63.
Azizyan I. A. (2010) The Otherness of Art Deco in Domestic Architecture. *Architecture of the Stalin Era: An Experience of Historical Understanding*. Moscow: KomKniga. P. 50—63. (In Russ.)

3. Вершинина И. А., Мартыненко Т. С., Хомякова К. Л. «География отчаяния»: экологические беженцы в эпоху изменения климата // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2025. № 5.
Vershinina I. A., Martynenko T. S., Khomyakova K. L. (2025) "Geography of Despair": Environmental Refugees in the Era of Climate Change. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. No. 5. (In Russ.)
4. Дридзе Т. Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Институт психологии РАН, 1998.
Dridze T. (1998) *Urban Development: From Social Diagnostics to Constructive Dialogue of Stakeholders*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
5. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эко-антропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. / РАН. Ин-т социологии. Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектных технологий; Отв. ред. Т. М. Дридзе. М.: Издательство Института социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 5—42. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2767> (дата обращения: 30.10.2025).
Dridze T. M. (2000) Two New Paradigms for Social Cognition and Social Practice. *Social Communication and Social Management in the Eco-Anthropocentric and Semiosociopsychological Paradigms: In 2 Books* / RAS. Institute of Sociology. Center for Social Management, Communication and Social-Project Technologies; Ed. T. M. Dridze. Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2000. Book 1. P. 5—42. Source: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2767> (date of access: 30.10.2025). (In Russ.)
6. Ильина И. Н., Коно М. Трансформация подходов к развитию «умного города». М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. <https://www.doi.org/10.17323/978-5-7598-2579-1>.
Ilyina I. N., Kono M. (2023) Transformation of Approaches to the Development of the "Smart City". Moscow: HSE University. <https://www.doi.org/10.17323/978-5-7598-2579-1>. (In Russ.)
7. Коган Л. Б. Об идеологии городской цивилизации и городской среды: к стратегии социального развития // Материалы IX Дридзевских чтений. М.: Институт социологии РАН, 2010. С. 319—321.
Kogan L. B. (2010) On the Ideology of Urban Civilization and the Urban Environment: Towards a Strategy of Social Development. *Proceedings of the IX Dridzev Readings*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. P. 319—321. (In Russ.)
8. Ле Корбюзье. Новый дух в архитектуре. М.: Strelka Press, 2017.
Le Corbusier (2017) *The New Spirit in Architecture*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
9. Мельников К. С. Архитектура моей жизни. М.: Искусство, 1985.
Melnikov K. S. (1985) *Architecture of My Life*. Moscow: Art. (In Russ.)

10. Градосельская Г. В., Желтикова И. В., Пильгун М. А., Расходчиков А. Н. Методология исследования образов будущего и место в ней социолингвистического анализа цифрового контента // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 81—91. <https://www.doi.org/10.17223/15617793/510/8>. Gradoselskaya G. V., Zheltikova I. V., Pilgun M. A., Raskhodchikov A. N. (2025) Methodology for Studying Images of the Future and the Place of Sociolinguistic Analysis of Digital Content in IT. *Bulletin of Tomsk State University*. No. 510. P. 81—91. <https://www.doi.org/10.17223/15617793/510/8>. (In Russ.)
11. Оздоровление городской среды. М.: Фонд «Московский центр урбанистики “Город”», 2022.
Improving the Urban Environment. (2022) Moscow: Moscow Center for Urban Studies “City” Foundation. (In Russ.)
12. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3—12.
Park R. (2002) The City as a Social Laboratory. *Sociological Review*. Vol. 2. No. 3. P. 3—12. (In Russ.)
13. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11—18.
Park R. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. *Sociological Review*. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 11—18. (In Russ.)
14. Расходчиков А. Н. Социологическое сопровождение проектов территориального планирования как инструмент взаимодействия органов власти с населением // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 124—142. <https://www.doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-124-142>.
Raskhodchikov A. N. (2024) Sociological Support for Territorial Planning Projects as a Tool for Interaction Between Authorities and Citizens. *Public Administration Issues*. No. 1. P. 124—142. <https://www.doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-124-142>. (In Russ.)
15. Сети 4.0. Управление сложностью: Сборник статей по материалам международных научно-практических конференций, состоявшихся в Москве в 2018—2019 годах. М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2020.
Networks 4.0. Complexity Management: A Collection of Articles Based on the Materials of International Scientific and Practical Conferences Held in Moscow in 2018—2019. (2020) Moscow: All-Russian Public Opinion Research Center. (In Russ.)
16. Ушакин С. А. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6. С. 10—16.
Ushakin S. A. (2011) Rebuilding History: The Soviet Past Today. *Neprikosnovennyy Zapas*. No. 6. P. 10—16. (In Russ.)
17. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.
Florida R. (2007) Creative Class: People Who Change the Future. Moscow: Classic-XXI. (In Russ.)

18. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г., Севостьянов А. В. Конструирование городского бренда. М.: Аспект Пресс, 2018.
Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G., Sevostyanov A. V. (2018) Construction of a City-Brand. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
19. Языкеев А. Н. Влияние событийного туризма на развитие региона. М., 2024.
Yazykeev A. N. (2024) The Impact of Event Tourism on Regional Development. Moscow. (In Russ.)
20. Burgess E. W. (1984) The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. In: Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W. *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
21. Felli R. (2012) Managing Climate Insecurity by Ensuring Continuous Capital Accumulation: “Climate refugees” and “Climate migrants”. *New Political Economy*. Vol. 18. No. 3. P. 337—363.
22. Gottmann J. (1994) Beyond Megalopolis. Tokyo: The Community Study Foundation.
23. Hannigan J. (2022) Environmental Sociology. London, New York: Routledge.
24. Jon I. (2021) Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics. London: Pluto Press.
25. Khanna P. (2021) Move: The Forces Uprooting Us. New York, NY: Scribner.
26. Komninos N. (2015) The Age of Intelligent Cities: Environments and Innovation-for-all Strategies. London, New York: Routledge.
27. May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M. (2005) The Future of Urban Sociology. *Sociology*. Vol. 39. No. 2. P. 343—370. <https://doi.org/10.1177/0038038505050544>.
28. Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W. (1925) The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. Chicago, IL: University of Chicago Press.
29. Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W. (1984) The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. Chicago, IL: University of Chicago Press.
30. Sennett R. (2018) Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books).
31. Soja E. W. (2000) Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Oxford, Malden: Blackwell.
32. Therborn G. (2017) Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso.
33. Thomas W., Znaniecki F. (1918—1921) The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1—2, Chicago, IL: University of Chicago Press; Vol. 3—5, Boston: Richard G. Badger.

34. Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. London, New York: Routledge.
35. Wirth L. (1938) Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology*. Vol. 44. No. 1. P. 1—24.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3033](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3033)**К. А. Пузанов, Д. Р. Кодзокова, В. А. Зотова****ТРЕВОЖНЫЙ ФОН ЖИЛОГО ФОНДА: ВЛИЯНИЕ РЕНОВАЦИИ
НА ОСВОЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОЖАНАМИ
В МОСКВЕ****Правильная ссылка на статью:**

Пузанов К. А., Кодзокова Д. Р., Зотова В. А. Тревожный фон жилого фонда: влияние реновации на освоение общественных пространств горожанами в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 18—39. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3033>.

For citation:

Puzanov K. A., Kodzokova D. R., Zotova V. A. (2025) Disquieting Background of the Housing Stock: The Impact of Renovation on the Development of Public Spaces by Citizens in Moscow. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 18–39. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3033>. (In Russ.)

Получено: 23.05.2025. Принято к публикации: 29.08.2025.

ТРЕВОЖНЫЙ ФОН ЖИЛОГО ФОНДА: ВЛИЯНИЕ РЕНОВАЦИИ НА ОСВОЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОЖАНАМИ В МОСКВЕ

ПУЗАНОВ Кирилл Александрович — кандидат геологических наук, доцент, ВШУ имени А. А. Высоковского, факультет городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: kpuzanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2236-5743>

КОДЗОКОВА Диана Руслановна — младший научный сотрудник, ВШУ имени А. А. Высоковского, факультет городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dkodzokova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2689-2644>

ЗОТОВА Варвара Алексеевна — старший преподаватель, ВШУ имени А. А. Высоковского, факультет городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vzotova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3822-9815>

Аннотация. Статья посвящена оценке влияния московской программы реновации, запущенной Правительством Москвы 1 августа 2017 г., на социальное самочувствие жителей, их восприятие района и практики взаимодействия с городской средой. Авторы изучают трансформацию общественных пространств и социальных практик в районах, затронутых реновацией.

Методология исследования базируется на качественных методах: полуструктурированных интервью с жителями (30 интервью),

DISQUIETING BACKGROUND OF THE HOUSING STOCK: THE IMPACT OF RENOVATION ON THE DEVELOPMENT OF PUBLIC SPACES BY CITIZENS IN MOSCOW

Kirill A. PUZANOV¹ — Cand. Sci. (Geol.), Associate Professor, A. A. Vysokovsky Graduate School of Urbanism
E-MAIL: kpuzanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2236-5743>

Diana R. KODZOKOVA¹ — Junior Researcher, A. A. Vysokovsky Graduate School of Urbanism
E-MAIL: dkodzokova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2689-2644>

Varvara A. ZOTOVA¹ — Senior Lecturer, A. A. Vysokovsky Graduate School of Urbanism
E-MAIL: vzotova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3822-9815>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study aims to assess the impact of the Moscow renovation program, launched by the Moscow Government on August 1, 2017, on residents' social well-being, their perception of the area, and practices of interaction with the urban environment. The subject of the study is the transformation of public spaces and social practices in areas affected by renovation.

The research methodology is based on qualitative methods: semi-structured interviews with residents (30 interviews), standardized

стандартизированном наблюдении и ментальном картографировании (60 карт) в трех районах Москвы — Зюзино, Проспект Вернадского и Восточное Измайлово. Дополнительно использован ГИС-анализ для визуализации данных.

Ключевые результаты исследования включают: выявление «реновационного фона» как комплексного социального явления, характеризующегося ощущениями тревожности и неопределенности у жителей; обнаружение процессов фрагментации городской среды через практику ограждения новых жилых комплексов; идентификацию четырех групп горожан с различным отношением к реновации — «амбассадоры», «бережливые традиционалисты», «осторожные наблюдатели» и «недовольные критики». Исследование показало, что реновация существенно влияет на социальные практики, трансформирует представления о приватном и публичном пространствах, создает новые стандарты городской жизни.

Основной вывод состоит в необходимости переосмысления подходов к городскому развитию с учетом социальных практик и потребностей жителей для создания более связной и инклюзивной городской среды.

Ключевые слова: реновация, общественное пространство, сообщество, городская среда, социальное пространство

observation, and mental mapping (60 maps) in three Moscow districts — Zyuzino, Prospekt Vernadskogo, and Vostochnoye Izmaylovo. Additionally, GIS analysis was used for data visualization.

Key research results include: identifying the «renovation background» as a complex social phenomenon characterized as a complex social phenomenon characterized by feelings of anxiety and uncertainty among residents; discovering urban environment fragmentation through the practice of new residential complexes fencing; identifying four groups of citizens with different attitudes towards renovation — «ambassadors», «careful traditionalists», «cautious observers», and «dissatisfied critics». The study showed that renovation significantly affects social practices, transforms ideas about private and public spaces, and creates new urban life standards.

The main conclusion is the need to rethink urban development approaches, taking into account social practices and residents' needs to create a more coherent and inclusive urban environment.

Keywords: renovation, public space, community, urban environment, social space

Сообщества и общественные пространства

Жилищная политика времен Хрущева, под эгидой которой строились дома, падающие сейчас под московскую реновацию, реализовывалась в кардинально отличных от нынешних условиях: не существовало рынка жилья в его современном понимании, квартиры распределялись в том числе с учетом места работы. Самыми яркими примерами служат «рабочие городки» при заводах, но и помимо них внутри быстро растущей Москвы образовывались районы научной или творческой интеллигенции, дома чекистов и генералов. Все это отражается, например, в вернакулярной топонимике столицы [Павлюк, 2017]. Важно также, что

иной была и структура общественных пространств. Центр города не был так насыщен досуговой инфраструктурой, а свободное время горожане чаще проводили в своем районе. В связи с этим общественные пространства внутри района играли важную функциональную роль.

Постепенно происходила трансформация города, вызванная индустриализацией: «Разделение жизни на отдельные сферы — рабочую и нерабочую, публичную и приватную, производственную и репродуктивную — породило сложный набор изменений, которые неизбежно повлияли на способы взаимосвязи и обособления людей, или, используя терминологию Зиммеля, на то, как они формируют сети принадлежности» [Блокланд, 2023: 28]. Все это сформировало определенный набор городских практик, характерных для тех или иных районов столицы.

Сообщество

Чаще всего сообщество интерпретируется как социальная сущность, сеть сильных и слабых связей внутри которой более развита, чем ее связи со внешним миром [Грановеттер, 2009]. Этот подход кажется нам не в полной мере релевантным в условиях современного мира с его повышенной мобильностью и цифровизацией.

Талья Блокланд предлагает определять сообщество как набор практик [Блокланд, 2023], что в случае нашего исследования позволяет выстроить прямую зависимость между существованием сообщества и территорией. Применительно к данной статье мы даже можем уточнить его, так как имеем дело с конкретным пространственным контекстом. Если трактовать сообщество в духе Блокланд, то в районах, попавших под реновацию, сообщество было сформировано в том числе под влиянием общественных пространств.

Таким образом, сообщество мы будем понимать, как устойчивый во времени набор городских практик, реализуемых в публичных пространствах [там же]. Теоретические наработки Блокланд позволяют нам вывести на первый план понятие общественного пространства, а концепт сообщества сделать зависимым от него. Благодаря этому ходу мы сможем сместить фокус с чисто социологического концепта на средовой, пространственный и градостроительный. Изменения, происходящие в структуре общественных пространств района, задают общий тон того, как будут создаваться и по итогу выглядеть сообщества. Как мы увидим далее, они станут осью формирования общих для жителей конкретной территории ожиданий от будущего и ностальгических воспоминаний о прошлом.

Риск, который мы видим при реализации программы реновации, — разрушение старых, сформированных на этой территории практик под влиянием многих факторов, среди которых и масштабная трансформация среды, и приток новых жителей, и гипотетическое отчуждение территории района от его старожилов. Начиная с 1950-х годов преимущественно в зарубежной литературе можно встретить не только критику распада сообществ [Mitchell, 1950; Putnam, 1995; Clark, 2014], но и размышления о том, нужны ли сообщества в принципе в современном мире [Brint, 2001; Crow, 2002]. В научном сообществе звучит мысль, что «конструирование того, что означает „сообщество“, оказывается все более разнотипным, динамичным и спорным» [там же: 11]. Цифровизация и увеличение мобильности в последние десятилетия только поддерживают этот дискурс. Од-

нако если формы существования сообществ и меняются, то их значимость лишь возрастает.

Одной из ключевых функций сообщества для индивида становится прогнозируемость. «Если мы хотим совладать с интенсивностью городского опыта, то для городской жизни требуется определенная степень предсказуемости» [там же: 132]. Сообщество и наш район дают человеку ощущение предсказуемости и устойчивости, что позволяет ему совершать больше публичных практик.

На чем базируется эта устойчивость в моменте здесь и сейчас? Помимо прочего, у нее есть два важных основания: понимание прошлого и прогнозируемость или образ будущего. Ностальгия играет значимую роль для устойчивости в настоящем: «Роль конструкций прошлого, скорее, помогать разыгрывать ситуации здесь и сейчас, нежели отражать, как все было когда-то... Посредством ностальгии фрагментированные сообщества могут представляться целостными и едиными... формируют сюжеты о принадлежности, в основе которых лежит конкретное место» [там же: 13].

С будущим несколько сложнее, так как оно не апеллирует к совместному опыту и в целом редко становится частью коллективного дискурса горожан, разве что в сугубо абстрактных категориях. Конкретизированный образ будущего — удел профессионалов, а не жителей, но для нас важна не детализированная картина будущего, а гарантированность того, что оно наступит. С этим ощущением обыватель вполне может столкнуться на бытовом уровне. «Во всех метафорах, которые в последние два десятилетия использовали такие социальные мыслители, как Гидденс, Бек и Бауман, присутствует это возросшее ощущение нестабильности на совершенно экзистенциальном уровне... Это повышенное ощущение нестабильности в ситуации, когда мало что является предсказуемым, возможно, лучше всего ухвачено в понятии „прекарность“ (precariousness)» [там же: 210]. Постоянное ощущение, что все в любой момент может измениться, не способствует формированию личной картины будущего. Здесь важно иметь в виду возможность не просто говорить о будущем, но и непосредственно влиять на него. В контексте уверенности, предсказуемости и доверия к территории (одна из форм обобщенного доверия) можно активно вмешиваться, переосмысливать и создавать пространство: проводить дворовые праздники, субботники, коллективно готовить еду, сушить белье на улице, заниматься огородничеством, сажать деревья.

В контексте наших размышлений можно считать, что успешное будущее наступило, когда у горожанина сформировалось чувство доверия к территории. Оно помогает возникнуть ощущению принадлежности — «не просто некоего чувства, но результата практик, в особенности перформативных или социальных практик „перед другими“» [Helbrecht, Dirksmeier, 2012: 286]. Все эти действия, ориентированные в будущее, но происходящие в настоящем, говорят нам о чувстве принадлежности к территории, создают плацдарм для репликации практик и поддержания тем самым существования общественного пространства. Они становятся необходимым условием для создания и развития сообществ.

Если же будущее непрозрачно и прогнозировать его не представляется возможным, горожанин, член сообщества, теряет мотивацию к влиянию на пространство вокруг, теряет связь с тем самым сообществом. В условиях, когда организа-

ция пространств зависит исключительно от воли градостроителей, архитекторов, города и его служб (носителей образа будущего территории), горожанин перестает быть соавтором пространства и становится исключительно пользователем, лишаясь как самой субъектности, так и мотивации ее проявлять и бороться за нее.

Далее мы рассмотрим случаи жителей трех районов Москвы со сложившейся в 1960-х годах городской средой, которые в силу изменения структуры общественных пространств в процессе глобальной трансформации районов (в данном случае реновации) все еще сохраняют или уже теряют связь с территорией и с сообществом.

Реновация как точка бифуркации

По данным официального сайта мэра Москвы, проект реновации затрагивает порядка 25 % территории Москвы в границах до 2012 г. Программа реновации жилья в Москве предусматривает расселение более 350 тыс. квартир. В программу включено 5175 домов. Подобрано 614 территорий для строительства жилых домов в объеме 16,4 млн кв. метров недвижимости для 1 млн жителей. Более 300 домов по реновации уже введены в эксплуатацию, более 130 тыс. жителей переехали по программе реновации¹.

Вместе с изменениями самой жилой застройки меняется и городская среда: система общественных пространств, привычные маршруты, структура социальных объектов и пр. Помимо того, что изменения касаются непосредственно физической среды района, они могут влиять и на символические ценности местных жителей, вызывать фрустрацию относительно происходящего, продуцировать локальный активизм, низовую самоорганизацию, порождать конфликтные ситуации [Лефевр, 2015].

При обсуждении реновации в медийном и научном дискурсах фокус внимания чаще всего смещается к обсуждению самых ярких сюжетов: сноса и строительства домов [Костякова, 2023; Могзоев, Кузьмичева, 2017], потенциальной нехватки парковочных мест [Большеротова, 2018] и недочетов в правовой системе программы [Говоров, 2020; Пожидаев, 2018; Акаёмова, Чейшвили, 2018].

Мы предлагаем обратить внимание не столько на сами дома, сколько на территории между ними: на общественные пространства района, где реализуется локальная социальная жизнь. Таким образом, ключевым концептом в данной работе становится общественное пространство — общедоступная для всех местных жителей и гостей района система территорий, которая представляет собой авансцену реализации общественных практик. Она формирует каркас излюбленных горожанами мест рекреации и выступает, как мы увидим далее, одной из возможных основ для формирования сообществ.

Система общественных пространств неразрывно связана с понятием городской среды, хотя и не сводится к ней. В рамках работы мы использовали понимание городской среды как продукта физической реальности и индивидуального психологического проживания этой реальности жителями, как результат освое-

¹ Сергей Собянин. Личный блог. URL: <https://www.sobyanin.ru/achievements/bestcity/the-city-of-the-most-modern-housing> (дата обращения: 22.10.2025).

ния пространства и сам процесс этого освоения [Каганов, 1999; Высоковский, 2015; Глазычев, 1984].

«Реновационный фон», который, как далее мы покажем на материалах интервью с жителями, часто характеризуется как тревожный, зависит от трех измерений: (1) воспроизводства общественных, необходимых для коллективных практик жителей района, (2) сохранения образа прошлого и (3) прогнозируемость будущего как смысловая и ценностная основа сообщества. «Реновационный фон» — это сумма в разной степени осознанных переживаний жителей тех районов, где реализуется программа реновации, связанных с прошлым, настоящим и будущим их места обитания.

Цель нашей работы — оценить, как масштабная физическая трансформация городской среды в процессе реновации влияет на восприятие района, на практики взаимодействия с ним в целом и с публичными пространствами в частности, на образ будущего района и соотнесение его с прошлым.

Методология и методика

Для исследования были отобраны районы Москвы на разных стадиях реновации: Зюзино, Проспект Вернадского и Восточное Измайлово. Выбор районов в рамках исследования основывается на критериях, позволяющих охватить разнообразие аспекты процесса реновации и ее воздействия на практики и отношение к городской среде, а именно:

1) проявленность процесса реновации в районе (Зюзино — флагманский район реновации, в котором много завершенных проектов, Проспект Вернадского — район с активной фазой реновации по состоянию на 2022 г., Восточное Измайлово — район, где реновация только начинается);

2) географическое расположение района (Зюзино — юго-западное, ближе к периферии, Проспект Вернадского — юго-западное, ближе к центру, Восточное Измайлово — восточная часть города, ближе к периферии);

3) социально-экономические параметры населения района (Зюзино — гетерогенный состав населения по социально-экономическим показателям, Проспект Вернадского — относительно однородный состав населения по доходу (выше среднего) и образованию, Восточное Измайлово — район, в котором массово селились рабочие, в сравнении с остальными районами в нем в среднем проживают менее обеспеченные люди) [Ноздрина, Макагонов, 2022].

В рамках исследования мы не использовали административно-территориальные границы районов, а сфокусировались на тех частях их территории, которые сильнее всего затронуты реновацией и примечательны с точки зрения разнообразия инфраструктуры, практик пользования и реновационной специфики. Это позволило сконцентрировать усилия на понимании локальных процессов, тем более что горожанам в их повседневных практиках гораздо ближе и понятнее формат и размер «квартала». Далее по тексту, упоминая районы Зюзино, Восточное Измайлово и Проспект Вернадского, мы говорим об отобранных территориях. На рисунках 1—3 отображены границы исследования в каждом из районов и его реновационная специфика.

Рис. 1. Границы исследуемой территории Зюзино:
 Херсонская ул., Керченская ул., Перекопская ул., Севастопольский проспект

Рис. 2. Границы исследуемой территории Восточного Измайлова:
 Измайловский б-р., 16-я Парковая ул., Сиреневый б-р., 11-я Парковая ул.

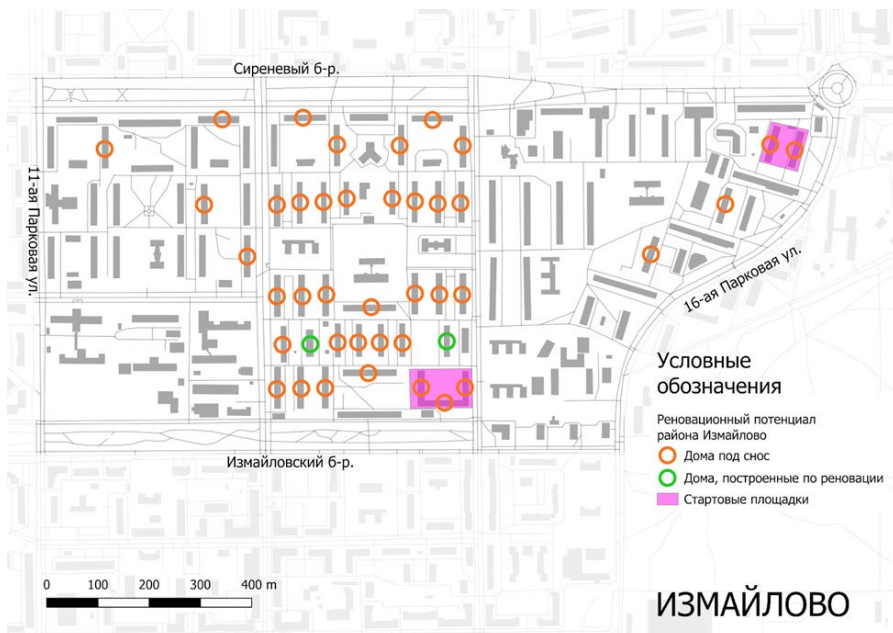

Рис. 3. Границы исследуемой территории Проспекта Вернадского:
ул. Лобачевского, Ленинский просп., ул. Удальцова и проспект Вернадского

Помимо того, что Зюзино является флагманским районом реновации, в 2021 г. в нем открыли новую станцию метрополитена. В Проспекте Вернадского современный реновационный процесс набирает обороты, но жители помнят и предыдущие этапы изменения архитектурного облика района, постепенное благоустройство парков, к тому же по состоянию на 2022 г. в районе прокладывают новую ветку метрополитена, что оказывает существенное влияние на динамику развития района. В Восточном Измайлове на момент проведения исследования не было активного строительства ни жилых домов, ни транспортных объектов.

С точки зрения методики исследования ключевая идея работы заключается в возможности посмотреть на район глазами трех групп жителей:

- 1) тех, кто жил в районе и переехал в него же по программе реновации;
- 2) тех, кто жил в районе, но не вошел в программу или же вышел из нее путем голосования;
- 3) тех, кто не жил в районе до этого, но купил квартиру в реновационном доме и переехал в район.

Первые две группы (условно внутренние) помнят район до реновации, у них были сформированы определенные публичные практики и принадлежность к территории и сообществу в нашем понимании. При этом одна из внутренних групп изменила свои бытовые практики за счет переезда. Жители из первых двух групп, которые привлекались в качестве информантов для полуструктурированных интервью, представляли собой тех, кто проживал в районе более десяти лет и более одного года в новом доме, построенном по программе реновации, или в доме под рассе-

ление в течение одного-пяти лет. Третья группа (условно внешние) — это новоселы, которые не знали район раньше и только формируют к нему свое отношение.

При формировании качественной выборки мы предположили, что длительность проживания в районе, семейный статус, условия проживания, наличие близких социальных связей в доме и районе влияют на знакомство с его инфраструктурой и пользование ею, на наличие у человека устоявшихся публичных практик. Реновация как длительный ступенчатый процесс активного изменения привычного облика района способствует тому, что жители начинают пересматривать собственные отношения с районом. В то же время становятся более видимыми существующие на локальном уровне ценности горожан. Процесс рефлексии места своего проживания, спровоцированный или усилившийся под воздействием реновационных изменений, делает возможным и актуальным разговор о надеждах и угрозах, которые жители возлагают на процессы трансформации и будущее района. К ограничениям такого подхода к отбору информантов можно отнести то, что мы могли охватить не все типы жителей района, а способ отбора через районные группы, в которых мы рекрутировали жителей путем размещения объявлений, смещал отбор на проактивных горожан. Тем не менее в отборе мы преследовали принцип соблюдения гетерогенности состава информантов, приглашая к интервью людей разного пола, разного возраста, разной степени укорененности в районе, различного семейного статуса, с разной детностью.

Наблюдение как метод в данном случае применяется, во-первых, для придания большей объективности описаниям районов местными жителями, а во-вторых, для анализа ежедневных процессов в районе и его функциональной наполненности, которые в свою очередь оказывают влияние на пользование районом и его восприятие. В ходе наблюдения фиксировались особенности аудиального и визуального ландшафтов, функциональное разнообразие среды и благоустройство, вероятные маршруты жителей. Всего было охвачено 299 точек замеров территориально равномерно расположенных по исследуемым участкам. Замеры проводились в разное время в будние и выходные дни.

Ментальное картографирование добавляет к картине наблюдений и данных интервью субъективные смыслы, которыми местные жители на неререфлексируемом уровне наделяют территорию проживания, указывает на знание территории, ключевые узловые точки района, основные пути и границы территории, а также на привязанность к ней и рутинные публичные практики взаимодействия.

Эмпирическую основу исследования составили:

1) 30 полуструктурированных интервью с жителями исследуемых районов (по 10 в каждом из трех районов);

2) стандартизированное наблюдение в выбранных районах в разные временные промежутки в будни и выходные, проводимое студентами факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ с фиксацией наблюдений в бланках наблюдений согласно разработанной инструкции;

Выбранные методы подкреплены дополнительными инструментами — ГИС-анализом для обобщения и визуализации данных наблюдения и текущего состояния реновационных процессов в выбранных районах. В рамках ГИС-анализа исполь-

зованы данные ресурсов OpenStreetMap² и сайта Комплекса градостроительной политики и строительства города Москвы³.

Обсуждение результатов

Понимание реновации и отношение к ней

Если говорить о реновации как таковой, то в общем понимании это процесс обновления. Он состоит из преобразования общественных пространств, транспортной инфраструктуры, жилого массива и т. д.

При объяснении того, что такое реновация, информанты почти никогда не описывают ее как изменение среды, а говорят исключительно об обновлении жилья. Конечно, это связано в первую очередь с самой программой московской реновации. Но при этом в интервью с ними о происходящих вокруг изменениях всплывают дополнительные смыслы, такие как обновление района в целом. Обновление среды рассматривается как естественный процесс обновления города. Есть представление, что такой город, как Москва, должен меняться и улучшаться, поскольку это мегаполис.

Несмотря на то, что люди не замечают, как на них влияет постоянное нахождение в «реновационном фоне», те, кто не переехал по программе, а живет рядом со строящимися домами или домами под снос, все время обсуждают, следят через различные социальные сети или СМИ за реновационным процессом так, будто бы реновация имеет к ним самое прямое отношение. В этом можно заметить много тревоги по отношению к происходящему, желание быть в курсе изменений и уделение большого количества внимания и времени этому процессу.

Ожидание переезда по реновации затрагивает все поколения в семьях, люди отказываются делать ремонт в своих квартирах, копят на будущий переезд, расширение жилья и прочее, следят за качеством вновь возводимых домов, уточняют у своих соседей по району их опыт переезда и взаимодействия с курирующими выбор жилья и переезд органами.

Стройплощадки и снос старых домов — маркеры происходящей реновации, их расположение влияет на то, как люди меняют пользование районом. Вокруг них формируются зоны обхода, что провоцирует смену привычных пеших практик и часто создает ощущение небезопасности, нечистоты. Те, кто живет близко к стройке, отмечают, что тяжело терпеть шум, круглосуточный график работы строительной техники, пыль и грязь, которых становится много на улице, к этому добавляются бытовые неудобства.

Если мы затронем угрозы, которые ощущают жители, то надо заметить, что многие переживают, что привычные места, где они проводят время вместе со своими друзьями и близкими сейчас, могут попасть под обновление среды в целом или будут разрушены. Жители частично связывают это с программой реновации, но в целом — с комплексным обновлением Москвы.

² Некоммерческий веб — картографический проект OpenStreetMap. URL: <https://www.openstreetmap.org/#map=10/55.7503/37.6419> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Программа реновации жилья. Комплекс градостроительной политики и градостроительства Москвы. URL: <https://stroj.mos.ru/novaia-programma-rienovatsii-piatietazhiek?from=cl> (дата обращения: 20.10.2025).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что сама по себе реновация создает для горожанина «тревожный фон». Он вынужден постоянно думать о том, не пропадет ли его любимое место завтра, станет ли в районе лучше, не сотрется ли его «характер», вызовет ли сложности увеличение количества людей, спровоцирует ли оно дополнительные изменения и т. д. Это во многом связано с тем, что жителям не хватает детальной коммуникации с властями, четкого понимания, что будет сделано и как именно. Важно подчеркнуть, что беспокойство о том, как повлияет реновация на изменения в районе, испытывают не только те, чьи дома непосредственно попали в программу, но жители соседних домов.

Тем не менее, несмотря на неудобства, люди оценивают этот процесс позитивно. Люди рады тому, что их переселят в новые дома, они увеличат жилплощадь, пространство вокруг дома будет облагорожено. Они готовы терпеть, потому что понимают, что строят довольно быстро, и на это не жалуются. Жители воспринимают это как часть естественного развития города.

Пространственный аспект

Реновация и публичные пространства

Часто реновационные дома в составе комплекса строятся вместе с забором. Тем самым создается квазипубличное пространство только для жителей этих домов. Данное предположение основано на том, что, как показывает практика прежних периодов обновления районов («лужковский» период или даже более ранние периоды), строящиеся дома какое-то время вписываются в общую ткань района, но постепенно становятся эксклавами в этом районе за счет появления новых шлагбаумов, заборов, заградительных препятствий, и эта ткань начинает разрушаться. Проблема тесно связана с недостатком бесплатных парковочных мест или их дороговизной.

Местные жители переживают, что количество людей в районе увеличится, и это не позволит пользоваться публичными пространствами на том же уровне. Районы пятиэтажной застройки часто характеризуются обилием озеленения, их часто описывают как уютные и тихие. Информанты ожидают, что в результате роста населения район приобретет совершенно иной вид, перестанет быть таким приятным, каким был раньше. Жители нуждаются в том, чтобы сохранялись зеленые зоны, разновысотная застройка и парковочные места, чтобы соразмерно увеличению количества жителей развивались социальная инфраструктура и транспортная доступность. Это ожидания москвичей от программы реновации, причем они совпадают с главными страхами: сокращение зеленых пространств, нехватка парковок, увеличение нагрузки на социальную и транспортную инфраструктуру.

С точки зрения публичных пространств москвичи ожидают от реновации появления новых мест для проведения досуга, таких как кафе, рестораны, досуговые центры. В Зюзино и в Восточном Измайлове выявлена потребность в увеличении мест для проведения культурных мероприятий, театров, кружков. В Восточном Измайлове также информанты говорили о нехватке спортивных площадок и доступных бесплатных или недорогих секций для детей. Зюзино и Восточное Измайлово — довольно однородные районы с ограниченным набором функций, отсутствием разнообразия мест отдыха, возможностей для досуга и продоволь-

ственных магазинов. Поэтому там существует потребность в новых объектах разного класса. В свою очередь район Проспект Вернадского более разнообразный, ожидания его жителей скорее касаются сохранения существующего уровня разнообразия и качества жизни.

Основываясь на рассуждениях информантов, можно сделать вывод, что сам по себе проект реновации в текущем виде не ставит целью сохранение или улучшение городской среды с точки зрения открытых публичных пространств. Тем не менее жители надеются, что реновация будет способствовать улучшению среды и при этом, с учетом всех изменений, сохранится уникальность района: любимые места, важные для них природные объекты, «дух» района и само сообщество. Под улучшением чаще всего подразумевается сохранение или увеличение разнообразия, качество инфраструктуры и домов.

Темпоральный аспект

Образ прошлого

Контекст прошлого ожидаемо часто возникал в интервью применительно к излюбленным с детства местам, которые в настоящем представляют ценность и страх потерять которые в ходе реновации присутствует в жизни горожан.

У нас есть прекрасный парк 50-летия Октября. Он обустроивается каждый год. Становится приятнее гулять. Я гуляю там с самого детства и помню, как там было. Сейчас дорожки для велосипедистов, дорожки для пешеходов, детские площадки невероятные, впереди какие-то мастер-классы проходят... Но еще, конечно, есть некоторые минусы, которые... там пытаются захватить наш парк и построить что-то там, честно говоря, не вникала... (Проспект Вернадского, ж, 29)

Сравнение с прошлым также позволяет оценивать текущий контекст изменений, выстраивать систему различий «лучше — хуже». Интересно, что позитивные изменения нередко связывают с глобальными городскими трендами, а негативные — с локальными районными изменениями.

Безопасность. Ну это прям, наверное, даже оценю на один. Потому что раньше мы гуляли поздно — всегда, не боялись. А сейчас мы этого не делаем, потому что уже люди поменялись все как-то. Как-то вот непонятно, неприятно вечером гулять, то есть уже настороженно как-то я к этому отношусь. Потому что реально много людей, и много из них вообще непонятных. И очень много квартирантов, очень много людей из Киргизии. Ну, я как бы не ощущаю у себя безопасности. (Зюзино, ж, 38)

Район становится безопаснее, потому что раньше у меня (в детстве) постоянно были какие-то истории про маньяков, нигде не было фонарей, то есть там, если идешь, темно, сейчас все-таки в этом смысле... Но это, я бы сказала, просто в целом по Москве, наверное, стало безопаснее, не только по району, потому что везде там камеры появились, везде есть свет на улицах и так далее. (Восточное Измайлово, ж, 25).

История взаимоотношений с районом формирует связь, выраженную в любимых местах или местах памяти. При этом опыт или события, описываемые в прошлом, не обязательно касаются непосредственно говорящего человека. Это может быть опыт членов семьи или просто знакомых.

Мы и продавали, и покупали. Специально, конечно. Во-первых, здесь школа, где училась моя дочь. Математическая, 3—4. Во-вторых, у меня сестра здесь недалеко живет. А в-третьих, я люблю Измайлово, я люблю парк измайловский свой. (Восточное Измайлово, ж, 71)

Период ожидания расселения

На изменение социального поведения оказывает сильное влияние период ожидания расселения. Растет тревожность, продуцируемая этим ожиданием: постоянно пребывая в состоянии неопределенности, люди не могут ничего сделать с домом, так как боятся, что его снесут, как только они, например, сделают ремонт. При этом из-за того, что программа переселения какое-то время была заморожена, сроки сноса домов неоднократно переносились. В беседах с уже переехавшими по программе информантами мы фиксируем их радость от того, что долгое ожидание закончилось и они наконец могут присвоить себе свою квартиру, сделать тот ремонт, который хотят.

Можно также предположить, что такое состояние людей сильно отчуждает их от пространства, в котором они живут. Не только от квартиры, которую нельзя обновить, но и от дома, и от пространства вокруг, что в отдельных примерах приводит к деградации дворовой среды.

Просто ее [бабушки] история. Она жила с сыном всю жизнь в этой пятиэтажке, и они всегда мечтали о новой квартире. То есть они даже ремонт не делали. Бывает же такое, что в ожидании на чемодане они прожили очень много лет. И вот наконец-то случилось, они переехали, и они дико счастливы, потому что эта квартира большая, она там на шестнадцатом этаже, теперь они видят закаты, и они просто счастливы. (Зюзино, ж, 38)

Социальные практики и новые стандарты

Когда район меняется, если мы говорим про изменение социальных практик жителей районов, в первую очередь меняется понимание приватного и публичного. То, что можно было определить как приватное пространство, постепенно становится публичным. Старожилы, которые помнят старую Москву, рассказывают, например, что в их молодости можно было сушить белье на веревках. Город воспринимался как часть своего пространства, где ты мог сделать свой сад, разбить огород. Но постепенно обновление района приводило к тому, что город отнимал у них эту возможность взаимодействия с ним напрямую, все больше и больше расширяя границы публичного и, соответственно, сжимая границы приватного. Пространство для жителя оказалось ограничено забором или шлагбаумом.

В самых старых, давно сложившихся частях районов можно обнаружить сохранение практик соседства. Эти территории не изменялись на протяжении де-

сятелетий и характеризуются примерно тем же составом жителей, что и при заселении.

Программа реновации, как и любая масштабная программа обновления города, задает новые негласные «стандарты» для поведения горожан, новую систему различий — что уместно, а что недопустимо, кто вписывается в новый городской ландшафт, а кто из него исключается. Эти «стандарты» нигде не прописаны, но они явным образом влияют на поведение горожан и заслуживают отдельного внимательного исследования. А главное — с учетом темпов обновления города можно сказать, что такие «стандарты» меняются довольно быстро. Люди не успевают адаптироваться к ним и оказываются выключенными из пространства. Им предлагается либо срочно адаптироваться к новому типу совместного существования, либо остаться со своими практиками и чувствовать себя маргинальными по отношению к обновленной среде.

В свою очередь те, кто соответствует новому «стандарту», не понимают, как они могут сожительствовать в новых условиях с теми, кто не адаптировался. Так, жители, соответствующие этому конструируемому в данный момент «стандарту», могут быть недовольны тем, что их соседи курят на лестничных клетках, ходят во дворе в майках, громко разговаривают, организуют в холлах этажей уголки с растениями, перевозят из пятиэтажек ветхую мебель «с тараканами». Это приводит к тому, что они либо «отгораживаются» внутри района, либо решают менять место жительства.

Наиболее уязвимы в таком контексте мигранты, так как им сложнее адаптироваться, чем среднестатистическому местному жителю, привыкшему к периодическим городским нововведениям. Поэтому в том числе на общем фоне мигранты становятся сильнее заметны: разница между людьми, которые соответствуют новым «стандартам» или быстро адаптируются, и мигрантами в обновленной городской среде только увеличивается.

Прозрачность будущего

В целом жители смотрят на будущее района скорее оптимистично и надеются на улучшение инфраструктуры, хотя сохраняется некоторая неуверенность в успешности проекта реновации. Наши информанты готовы терпеть неудобства, связанные с шумом, грязью, увеличением числа людей в районе и т. д., для того чтобы в будущем поднять уровень качества своей жизни. Однако как ожидания, так и опасения носят не агентный характер: жители в них жертвы или бенефициары, но не агенты.

Надежды касаются преимущественно улучшения условий и качества жизни в результате переселения в новое жилье. Также информанты рассчитывают, что переселение произойдет по заявленному плану, однако сроки часто переносятся, что заставляет людей тревожиться и отказываться от долгосрочного планирования. От реновации ожидается в том числе сохранение любимых мест в районе, чаще всего в таком контексте речь идет об озеленении, парках, скверах, бульварах и лесных массивах, а также участках старой застройки как элементов исторического облика района.

Тревоги связаны в первую очередь с изменениями в привычном образе жизни, возможной потерей личного пространства и недостаточно высокого каче-

ства нового жилья. Также информанты высказывали опасения по поводу вероятности разрушения общности соседей. Самым сильным страхом можно назвать увеличение количества людей в районе, которое, по мнению жителей, приведет к большой загрузке социальной инфраструктуры, повлияет на транспортную доступность, а самое главное — приведет к дефициту парковочных мест. Последняя проблема воспринимается как наиболее реалистичная, так как с ней информанты сталкиваются уже сейчас.

Отношение к будущему ожидаемо балансирует между страхами и надеждами, ожиданием обновления или краха. В этом отношении можно выделить четыре группы горожан, которые по-разному видят будущее реновационных районов.

1. «Амбассадоры реновации» — этот сегмент представлен активными жителями, которые воспринимают реновацию не только как обновление инфраструктуры, но и как возможность для бизнеса и повышения общего качества жизни. Это люди, которые в принципе любят все новое. Они считают, что реновация придаст стимул развитию и инновациям и это может благоприятно сказаться на их личном и профессиональном росте.

Я просто очень люблю все новое. Я все время новое пробую, в новые места езжу. И для меня это [реновация] было бы, ну, такой какой-то новый этап в жизни, то есть там переезд. Да, я понимаю, что это тяжело, и это занимает много физических и психологических, наверное, сил. Но я бы с удовольствием. И я даже очень, конечно, расстроена, что наш дом не входит пока в список на реновацию, вот, но я бы с удовольствием поменяла его. Ну и как-то вот переезжаешь в новое жилье, и сразу ты там, и новый район, да, то есть это все-все новое, и я просто люблю менять что-то, тем более ты же меняешь на лучшее. (Восточное Измайлово, ж, 44)

2. «Бережливые традиционалисты» — второй сегмент, который мы выделяем, представлен жителями, которые ценят историю и уникальную атмосферу своего района. Они стремятся к тому, чтобы реновация не разрушила неповторимый дух места, сохраняя его историческое наследие и уникальные черты.

Позитивное изменение от реновации может присутствовать, но благодаря определенному сохранению традиций. Здесь довольно-таки неплохая история, и здесь есть объекты, которые представляют архитектурное наследие. Хочется их сохранить, чтобы новое вписывалось в эту картину. (Зюзино, м, 38)

3. «Осторожные наблюдатели» — третий сегмент представлен теми, кто остается в стороне, предпочитая наблюдать за процессом реновации, не делая поспешных выводов. Эти жители подходят к изменениям с осторожностью, ждут, как реновация будет воплощена на практике, и оценивают ее воздействие на их район в долгосрочной перспективе.

Сначала я даже обрадовалась. А теперь, когда знакомые переехали, когда я уже знаю, какие есть подводные камни, я лучше посмотрю, как это дальше пойдет. Подожду, пока стабилизируется ситуация. (Проспект Вернадского, ж, 44)

Инт.: Что, как Вам кажется, в нем изменится через четыре-пять лет? Какой это будет район? Что в нем поменяется?

Инф.: Мне кажется, все так же останется. Ничего не изменится. Будут незначительные изменения, там, ну, что-то немножечко посадят, например какие-то деревья, но это будут незначительные перемены. (Проспект Вернадского, ж, 41)

4. «Недовольные критики» — те, кто выражает недовольство в отношении реновации и критикует ее. Они обеспокоены потенциальной утратой привычного образа жизни, связей с соседями и возможным увеличением стоимости жилья. Эта группа выражает опасения по поводу влияния реновации на свою повседневную жизнь и социальные связи.

Наш район, где мы живем, это еще старая Москва. Сохранилась архитектура 50-х годов. Можно рассказать про каждый дом. ты на него смотришь — ты понимаешь, когда его построили, почему его построили, как он устроен внутри, что для людей. Эта структура сохраняется. Ни одна новостройка не имеет таких преимуществ: стен толстых 60 сантиметров, теплых полов паркетных. (Восточное Измайлово, м, 40)

Выводы

Понятие «реновация» трактуется горожанами неоднозначно. Для жителей конкретного района реновация означает реализацию масштабной программы обновления жилого фонда, инициированной властями Москвы, но при этом четко ассоциируется с более широким процессом трансформации и обновления города. Эти изменения затрагивают не только физическую среду, но и социальные и культурные аспекты жизни горожан.

Реновация оказывает комплексное воздействие на различных уровнях и в разных аспектах общественной жизни. Это воздействие можно обозначить термином «реновационный фон», оно затрагивает временной аспект, где периоды тревожного ожидания относительно будущего и сложности его прогнозирования могут растягиваться на годы. Реновация формирует у жителей и надежды, связанные с переездом в новый дом.

Анализ программы реновации в Москве показал, что применяемый в настоящий момент подход предполагает скорее стихийное развитие общественных пространств. Согласно нашему пониманию сообществ, в таких условиях будет сложно сохранить практики взаимодействия жителей со средой.

Одной из ключевых проблем становится практика ограждения новых жилых комплексов, которая способствует фрагментации городской среды. Заборы и закрытые пространства препятствуют свободному доступу жителей к территории, ограничивают социальные взаимодействия и нарушают естественную связь между элементами района. В результате нарушается формирование целостного городского пространства: район превращается в сумму отдельных ЖК, не достигающих синергетического эффекта. Подобная архитектурная интервенция в социальную среду — суть проявление власти архитектурного пространства над социальным [Бурдье, 1993].

На этом фоне можно утверждать, что точечная застройка, характерная для периода управления мэра Ю. М. Лужкова, обладала большей степенью органичности по отношению к городской среде, меняла ее локально, за счет точечного уплотнения и увеличения нагрузки на инфраструктуру, не трансформируя кардинально привычную систему общественных пространств. Проекты того периода, как правило, не предполагали создания закрытых территорий с ограждениями, что способствовало сохранению связности городского пространства и более естественному интегрированию территорий новых зданий в существующую инфраструктуру. Это подчеркивает необходимость переосмысления подходов к формированию среды в рамках современной программы реновации, чтобы избежать распространения ошибок, связанных с излишней фрагментацией территории и ограничением ее доступности. Как пишет В. В. Савчук, «заборы убивают общественные пространства» [Савчук, 2019]. По итогу проведенного исследования мы можем не только согласиться с этим выводом, но и расширить его: заборы не просто убивают общественные пространства, а отчуждают человека от городской среды.

Исследования показывают, что доступность, связанность и проницаемость общественных пространств играют ключевую роль в формировании чувства принадлежности, идентичности и социальной сплоченности [Лавренова, 2023]. В результате реновации затрудняется привычное взаимодействие местных жителей, иногда разрушаются устоявшиеся социальные практики. Постоянные преобразования городской среды и переселение жителей в новое, отвечающее требованиям комфорта жилье постепенно устанавливают новые «стандарты» жизни в городе. Эти «стандарты», в свою очередь, изменяют правила взаимодействия жителя с городом (то есть влияют на настоящее индивида) и задают новые, не всегда понятные сценарии пользования общественными пространствами района (то есть затрагивают будущее горожанина). Такие изменения далеко не всегда гармонично интегрируют носителей практик, сложившихся в иной градостроительной среде, в новые районы.

Это не только затрудняет сохранение районных сообществ, так как меняется структура общественных пространств, но и ставит под вопрос формирование новых сообществ. Можно предположить, что районная логика формирования сообществ из-за практики ограждения территорий заборами превратится в логику ЖК и подъездных чатов, потенциально снижающую разнообразие и устойчивость социальной ткани города.

Ожидания и опасения жителей, связанные с реновацией, можно условно разделить на три временные перспективы: те, что угрожают текущему бытованию; те, что переопределяют прошлое; и те, что снижают прогнозируемость будущего. Исходя из нашей концептуальной рамки, это основания для поддержания устойчивости сообщества. Часть страхов затрагивают сразу несколько временных планов, но для простоты мы разделим их на три категории.

Опасения переопределения прошлого связаны в первую очередь с потерей привычных форматов бытования. Это изменение привычек и маршрутов вследствиестроек, появления новых домов и расселения старых; потеря зеленых зон и общественных пространств; трансформация знакомой среды и социальных связей.

Угрозы настоящему осязаемы, они выводятся из повседневного опыта жителей. Чаще всего речь идет о неминуемом увеличении плотности жителей в районе. Также информанты опасаются ухудшения инфраструктуры — транспорта, доступности магазинов и медицинских учреждений. Увеличение количества мигрантов в период активных действий по реновации в других районах, рост предложений по аренде в домах под снос также вызывают беспокойство. Заметно напряжение и по поводу возможных переносов сроков.

К надеждам и опасениям от будущего мы относим трудности, связанные с управлением новыми домами, вопросы качества строительства и ремонта, благоустройства. Жители ожидают потенциальных проблем с ними и одновременно выражают надежду на долговечность нового жилья и его соответствие современным стандартам. К этому блоку относится также неопределенность расположения нового места жительства: люди переживают, что будут вынуждены переехать в менее комфортный или менее привлекательный район. Из позитивных ожиданий можно назвать надежды на обустройство новых мест для отдыха и досуга, улучшение эстетической привлекательности района с сохранением существующих зеленых зон.

В ожиданиях и опасениях жителей нет агентного выражения своих пожеланий. Максимально возможное влияние на процесс реновации и в целом на изменения упирается в точечные взаимодействия с соответствующими органами власти или учреждениями с запросами об исполнении договоренностей в надлежащем виде. Это связано в первую очередь с масштабностью преобразований. Вся ответственность за качество территории передается городу и ответственным за каждый этап структурам. Это касается как программы реновации, так и проектов «Моя улица» и «Мой двор». Глобальное влияние жителей на развитие района не видится им возможным. Это еще одна черта современного города и его структуры, которая влияет на отчуждение дома, двора, района от его жителя, перекалифицируя его в пользователя. Все вместе это создает плацдарм для будущих точек социального напряжения.

Мы видим необходимость дальнейшего изучения этого явления, чтобы понять, как именно новые «стандарты» городской среды влияют на повседневные практики горожан, какие социальные группы оказываются наиболее уязвимыми перед изменениями и какие механизмы могли бы способствовать их более успешной интеграции в обновленный городской контекст. Этот аспект представляется важным направлением для будущих исследований в рамках изучения динамики городской трансформации.

Список литературы (References)

1. Акаёмова Н. В., Чейшвили М. З. Пробелы правового регулирования реновации в г. Москве // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 110—114.
Akayomova N. V., Chejshvili M. Z. (2018) Gaps in the Legal Regulation of Renovation in Moscow. *Problems of Economics and Legal Practice*. No. 4. P. 110—114. (In Russ.)

2. Блокланд Т. Сообщество как городская практика. М.: Новое литературное обозрение. 2023.
Blokland T. (2023) Community as Urban Practice. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
3. Большеротова Л. В., Большеротов А. Л. Реновация в Москве: проблемы и решения // Жилищное строительство. 2018. № 4. С. 9—14.
Bol'sherotova L. V., Bol'sherotov A. L. (2018) Renovation in Moscow: Problems and Solutions. Housing Construction. No. 4. P. 9—14. (In Russ.)
4. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos. 1993.
Bourdieu P. (1993) Sociology of Politics. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)
5. Высоковский А. А. Т. 1. Theory. М.: Grey Matter, 2015.
Vysokovskij A. A. (2015) Vol. 1. Theory. Moscow: Grey Matter. (In Russ.)
6. Высоковский А. А., Каганов Г. З. Городская среда: проблемы существования / ВНИИ теории архитектуры и градостроительства / под ред. А. А. Высоковского, Г. З. Каганова. М.: ВНИИТАГ. 1990 (1991).
Vysokovskij A. A., Kaganov G. Z. (1990 (1991)) Urban Environment: Problems of Existence. Moscow: VNIITAG. (In Russ.)
7. Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука. 1984.
Glazychev V. L. (1984) Socio-Ecological Interpretation of Urban Environment. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Говоров С. В. Градостроительный анализ реализации программы «Реновация жилья в Москве» // Инновации и инвестиции. 2020. № 10. С. 174—178.
Govorov P. V. (2020) Urban Analysis of the Programme Implementation 'Renovation of Housing in Moscow'. *Innovations and Investments*. No. 10. P. 174—178. (In Russ.)
9. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31—50. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2009-4-31-50>.
Granovetter M. S. (2009) The Strength of Weak Ties. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 31—50. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2009-4-31-50>. (In Russ.)
10. Каганов Г. З. Образы городской среды в массовом сознании и в искусстве. М. 1999.
Kaganov G. Z. (1999) Images of Urban Environment in Mass Consciousness and in Art. Moscow. (In Russ.)
11. Костякова С. В. Особенности текущей программы реновации жилищного фонда периода индустриального домостроения в Москве // Инновации и инвестиции. 2023. № 3. С. 262—267.
Kostyakova P. V. (2023) Peculiarities of the Current Programme of Renovation of the Housing Stock of the Period of Industrial Housing Construction in Moscow. *Innovations and Investments*. No. 3. P. 262—267. (In Russ.)

12. Лавренова О. А. Любовь и место. Памяти И-Фу Туана // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 58—67. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2023-2-58-67>.
Lavrenova O. A. (2023) Love and Place. In Memory of I-Fu Tuan. *Geographical Environment and Living Systems*. No. 2. P. 58—67. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2023-2-58-67>. (In Russ.)
13. Лефевр А. Производство пространства. М.: 2015.
Lefebvre H. (2015) *The Production of Space*. Moscow. (In Russ.)
14. Могзоев А. М., Кузьмичева К. И. Реновация жилищного фонда города Москвы // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2017. Т. 4. № 23. С. 70—74. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2017-4-70-74>.
Mogzoev A. M., Kuz'micheva K. I. (2017) Renovation of the Housing Fund of the City of Moscow. *Vestnik of the Moscow University named after S. Y. Witte. Series 1. Economics and Management*. Vol. 4. No. 23. P. 70—74. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2017-4-70-74>. (In Russ.)
15. Ноздрина Н. Н., Макагонов П. П. Опыт исследования дифференциации районов Москвы по социально-экономическим показателям // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. С. 204—221.
Nozdrina N. N., Makagonov P. P. Experience in the Study of the Moscow Environment Differentiation in Terms of Socio-Economic Indicators. *Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. 2022. P. 204—221. (In Russ.)
16. Павлюк С. Г. Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 2. С. 33—42. <https://doi.org/10.17323/usp22201733-42>.
Pavlyuk P. G. (2017) Urban Local Toponymy as an Indicator of Spatial Self-Organisation of Society. *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 2. P. 33—42. <https://doi.org/10.17323/usp22201733-42>. (In Russ.)
17. Пожидаев В. Е. Многоквартирный дом как объект права собственности: основные подходы и проблемы правового статуса // Право и политика. 2018. № 8. С. 140—145. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.8.27214>.
Pozhidaev V. E. (2018) Apartment Building as an Object of Property Right: Main Approaches and Problems of Legal Status. *Law and Politics*. No. 8. P. 140—145. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.8.27214>. (In Russ.)
18. Савчук В. В. Заборы — Третья Беда России // Неприкосновенный запас. № 1. 2019. С. 83—96.
Savchuk V. V. (2019) Zabory — The Third Trouble of Russia. *Neprikosnovny Zapas*. No. 1. P. 83—96. (In Russ.)
19. Brint S. (2001) Gemeinschaft Revisited: A Critique and Reconstruction of the Community Concept. *Sociological Theory*. Vol. 19. No. 1. P. 1—23. <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00125>.

20. Clark, A. K. (2014) Rethinking the Decline in Social Capital. *American Politics Research*. Vol. 43. No. 4. P. 569—601. <https://doi.org/10.1177/1532673X14531071>.
21. Crow G. (2002) Community Studies: Fifty Years of Theorization. *Sociological Research Online*. Vol. 7. No. 3. P. 82—91. <https://doi.org/10.5153/sro.742>.
22. Helbrecht I., Dirksmeier P. (2012) *New Urbanism: Life, Work, and Space in the New Downtown*. London: Routledge.
23. Mitchell G. D. (1950) Social Disintegration in a Rural Community. *Human Relations*. Vol. 3. No. 3. P. 279—306. <https://doi.org/10.1177/001872675000300303>.
24. Putnam R. (1995) Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6. No. 1. P. 65—78. <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3027](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3027)

Л. А. Чернышева, А. М. Хохлова

**«И СОВРЕМЕННО, И С ОТГОЛОСКАМИ ПРОШЛОГО»:
НОСТАЛЬГИЯ В ПРОЕКТАХ СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ**

Правильная ссылка на статью:

Чернышева Л. А., Хохлова А. М. «И современно, и с отголосками прошлого»: ностальгия в проектах сохранения исторических деревянных домов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 40—63. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3027>.

For citation:

Chernysheva L. A., Khokhlova A. M. (2025) “Both with a Modern Feel and with a Blast from the Past”: Nostalgia in the Projects of Historical Wooden Houses’ Preservation . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 40–63. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3027>. (In Russ.)

Получено: 15.05.2025. Принято к публикации: 20.08.2025.

«И СОВРЕМЕННО, И С ОТГОЛОСКАМИ ПРОШЛОГО»: НОСТАЛЬГИЯ В ПРОЕКТАХ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ

ЧЕРНЫШЕВА Любовь Алексеевна — кандидат социологических наук, PhD in sociology, старший научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: l.a.chernysheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9107-8211>

ХОХЛОВА Анисья Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: anisya_khokhlova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2057-7988>

Аннотация. В статье анализируются проекты сохранения исторических деревянных домов и кварталов в российских городах. Авторы предлагают детализированный взгляд на такие инициативы, выходящий за рамки дихотомии между музеефикацией и коммерциализацией. В качестве аналитического инструмента используется понятие Т. Беннета «рабочие поверхности социального», позволяющее проследить, как социальные и мемориальные аспекты городской жизни, связанной с деревянными домами, превращаются в культурные продукты, нацеленные на реализацию определенных политик: от воспитания «хорошего горожанина» до го-

“BOTH WITH A MODERN FEEL AND WITH A BLAST FROM THE PAST”: NOSTALGIA IN THE PROJECTS OF HISTORICAL WOODEN HOUSES’ PRESERVATION

Liubov A. CHERNYSHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), PhD in Sociology, Senior Researcher
E-MAIL: l.a.chernysheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9107-8211>

Anisya M. KHOKHLOVA^{2,1} — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Chair of Sociology of Culture and Communication; Senior Researcher
E-MAIL: anisya_khokhlova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2057-7988>

¹ Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The paper analyzes projects aimed at the preservation of historical wooden houses and quarters in Russian cities. The authors offer a nuanced approach to preservation initiatives that goes beyond the dichotomy of museumification vs. commercialization. As an analytical tool, they apply T. Bennett’s notion of “working surfaces on the social” that enables tracing how the social and memorial aspects of urban life associated with wooden houses turn into cultural products designed to promote certain policies: from cultivating a “good urbanite” to urban economic development or local patriotism.

родского экономического развития или поддержания локального патриотизма.

Опираясь на различие ностальгии как настроения и ностальгии как режима, предложенное Х. Брембек и Н. Сёрумом, авторы показывают, как в процессах трансформации зданий вовлеченные акторы работают с их исторической и коммеморативной ценностью. На основе пяти кейсов и 35 интервью с различными акторами, задействованными в сохранении исторических домов в Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме, в работе показывается, как в разных контекстах происходят медиированные разными формами ностальгии «разборка» и «сборка» деревянного дома, в ходе которых не только физически трансформируются здания, но и переопределяются их функции, формируются задачи сохранения, стираются и возникают новые значения.

Ключевые слова: наследие, историческая ценность, деревянные дома, музеефикация, ностальгия, реконструкция

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01093, <https://rscf.ru/project/24-28-01093/>.

Relying on the distinction between nostalgia as mood and nostalgia as mode offered by H. Brembeck and N. Sörum, the authors show how actors engaged in the transformations of buildings work with their historical and commemorative value. Based on 5 cases and 35 interviews with actors involved in the preservation of historical houses in Nizhny Novgorod, Vologda and Totma, the paper shows how wooden houses get “disassembled” and “(re)assembled” in different contexts, and how these processes — in the course of which the buildings are not only transformed physically but also reinterpreted functionally, while the ends of preservation get articulated, and meanings emerge and get erased — are mediated by various forms of nostalgia.

Keywords: heritage, historical value, wooden houses, museumification, nostalgia, reconstruction

Acknowledgments. This research has been supported by the grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01093, <https://rscf.ru/project/24-28-01093/>.

Введение

Нижегородский квартал церкви Трех Святителей — территория, на которой один из крупнейших российских проектов восстановления деревянных домов «Заповедные кварталы» развернул деятельность по сохранению¹ и приспособлению старых зданий под новые функции. В ходе полевой работы мы несколько часов гуляли по кварталу с экскурсоводом — сотрудником проекта. Остановившись около одного из домов, он обратил наше внимание на его окраску:

С ним интересная история. <...> Как выясняется, в какой цвет красить дом? В отдельных случаях мы в архивах находим план и рисунок фасада, где рукой архитекто-

¹ Под сохранением деревянных зданий мы понимаем усилия по их восстановлению, реставрации, консервации и поддержанию/воссозданию художественных особенностей. Хотя эти понятия имеют разное наполнение, мы не задаемся целью их аналитически дифференцировать, а используем в описании кейсов вслед за информантами.

ра какой-то цвет выбран. <...> Но на стыках между досками, на бревнах можно найти иногда целые слои краски и докопаться до первого слоя. <...> В данном случае выяснилось, что цвет дома розовый, но не такой [мягкий] розовый, а прямо фуксия — прямо кровь из глаз! <...> Волонтеры не были рады своей находке, потому что красить в точно такой же цвет <...> — это значит вызывать огонь на себя. Никто не поверит, что было именно так. (И1)²

В проектах сохранения домов подобные дилеммы встречаются постоянно. Вовлеченные акторы встают перед выбором: от каких элементов прошлого, будто от слоев краски на фасаде, необходимо избавиться, а какие, напротив, стоит сохранить? Дилемма цвета дома обнаруживает конфликт между двумя возможными векторами работы с деревянным зданием: его музеефикацией, предполагающей максимально точное соответствие историческому материалу, и коммерциализацией наследия, когда проект должен соответствовать ожиданиям и предпочтениям туристов и инвесторов.

В этой статье мы рассмотрим, как в российских городах организованы проекты сохранения исторических деревянных кварталов и отдельных деревянных домов, набирающие популярность с конца 2010-х годов [Манцерова, 2023; Бахарева, Садова, 2021]. Вместо того чтобы обсуждать их возникновение и влияние на городскую среду в контексте бинарной оппозиции музеефикации — коммерциализации, мы предложим более нюансированный взгляд на то, как в подобных проектах разрешаются напряжения, связанные с этой оппозицией. Для этого мы сфокусируемся на процессах трансформации зданий и ответим на вопрос, как в рамках проектов сохранения акторы организуют работу с исторической и коммеморативной ценностью деревянных зданий и какую роль в этих процессах играет ностальгия.

Опираясь на различение ностальгии как настроения, то есть аффективного переживания, и как режима, то есть избирательной и целенаправленной репрезентации прошлого [Brembeck, Sörum, 2017], а также на теорию культурной сборки [Bennett, 2007], мы проанализируем, как ностальгия становится ресурсом, инструментом и медиатором проектов сохранения. Используя дизайн множественного кейс-стади, мы обратимся к проектам в трех российских городах — Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме, — демонстрирующим разное обращение с историческим материалом, а также вариации форматов «разборки» и «сборки» деревянных домов, в метафорическом и прямом смысле отделяющие их от некоторых исторических и коммеморативных связей и ассоциаций и присоединяющие новые элементы, отвечающие задачам проекта, — так, чтобы получилось, словами одной из наших информанток, «...и современно, и с отголосками прошлого» (И17). Мы раскроем механизм превращения социальных аспектов жизни домов и связанной с ними памяти в культурные продукты в рамках разнообразных и причудливо сочетающихся задач: от извлечения коммерческой прибыли до создания «хорошего горожанина», готового нести ответственность за поддержание деревянной застройки, от профессионального восстановления аутентичной архитектуры до сохранения пространства повседневной жизни горожан.

² Сведения об информантах представлены в таблице 1.

Проекты реконструкции деревянных домов: между музеефикацией и коммерциализацией

В городах по всему миру наследие задействуется для достижения задач городского речедевелопмента. Трансформация ветхой исторической застройки в ценные объекты наследия находит поддержку исследователей, связывающих их появление с положительными изменениями в городской экономике [Doratli, 2005; Шумилкин, Грачева, 2019]. С другой стороны, критические городские исследования обращают внимание на то, что проекты, задействующие исторические здания или места памяти, зачастую не только осуществляют их музеефикацию³, сохраняя ценные объекты и превращая их в части музейного пространства [Zuanni, 2021; Айкас, 2023], но также нацелены на создание притягательных для туристов мест. Городская историческая среда в таком случае предстает лишь эстетичным фоном туристических практик, где нет места повседневным активностям горожан [Denslagen, 2009]. Наследие в городах вписывается в логику неолиберального развития и становится инструментом переоценки ценности (и стоимости) городских территорий, что приводит к созданию неравенств и вытеснению маргинализированных сообществ [Ruay, Almeida, 2020]. В подобных процессах, получивших название «джентрификация наследием» [Meloni, 2025; Zhu, González Martínez, 2022], активную роль играют не только государство и частные компании, но и культурные институции, такие как крупные городские музеи [Fiore, Caradonna, 2025].

При более пристальном рассмотрении оказывается, что целенаправленная работа с памятью в городском пространстве опирается на разные подходы, выходящие за пределы чисто коммерческой или музейной логики. Так, проекты могут быть направлены на работу с локальным сообществом [ibid.], создание нарратива, альтернативного государственной памяти [Wang, 2014], или даже радикальный отказ от построения какого-либо нарратива [Edensor, 2005]. В подобных проектах могут сочетаться разные элементы: «очищение» объектов от повседневной жизни и их музеефикация, коммерциализация наследия, стремление к общению с внешними публиками или его отсутствие, однако академические подходы, рассматривающие процессы музеефикации, зачастую нечувствительны к подобному разнообразию.

Чтобы «схватить» такую вариативность, мы обращаемся к понятию «рабочие поверхности социального» [Bennett, 2007]. Рассматривая проблему чрезмерного слияния «социального» и «культурного» в рамках культурной социологии, Т. Беннетт предлагает не принимать их за синонимы и обращать внимание на то, как эти аналитически различимые сферы соединяются через «рабочие поверхности социального», то есть своеобразные «интерфейсы», созданные в процессе переработки повседневного социального опыта в культурные продукты (например, музейные артефакты и нарративы). Эти «поверхности» создаются специалистами в ходе исторических и институциональных процессов; по сути, они определяют, как созданная и признанная экспертами «культура», в свою очередь, будет воздействовать на общественную жизнь. Беннетт раскрывает, как ассамбляжи производства

³ В этой статье мы не различаем понятия музеефикации и музеализации и называем музеефикацией процессы трансформации объектов, зданий, пространств в экспонаты, функционирующие согласно логике музея как пространства сохранения и демонстрации (см. подробно о различиях: [Váduva et al., 2024]).

культуры⁴ — музеи, художественные и научные институции — конфигурируют разные «рабочие поверхности», организуя объекты, тексты и людей в сети, которые облегчают управление социальными практиками. Таким образом, понятие «рабочие поверхности социального» помещает в центр рассмотрения одновременно работу по созданию культурного объекта/продукта и работу, которую получившийся культурный продукт выполняет, оказывая влияние на социальную динамику.

Подобный подход сочетается с пониманием зданий не как стабильных сущностей, но как гибких, постоянно меняющихся, существующих как событие [Jacobs, 2006], не имеющих предзаданных функций и значений. Ниже мы рассмотрим, как вокруг здания формируются социотехнические сети, определяющие здание как особый культурный продукт [Yaneva, 2008; Edensor, 2013] и формирующие его как действующую «поверхность», нацеленную на решение целого спектра задач и производящую те или иные эффекты в отношении городского пространства и сообщества за пределами понятий коммерциализации и музеефикации.

Ностальгия и историческая ценность в проектах реконструкции деревянных домов

В работе по созданию «поверхностей» существенную роль играют эксперты — специалисты по работе с наследием. Именно они осуществляют музеефикацию объектов, зданий и памяти, то есть семиотическую работу, в рамках которой происходит отбор релевантных задачам символических элементов и уничтожение всего «лишнего» [Yaneva, 2017]. В зависимости от поставленных задач в ходе приспособления под новые функции могут сохраниться лишь несколько элементов прошлого здания, не нарушающих консистентность нового проекта [Edensor, 2005], или элементы, принадлежащие только одному историческому периоду, одному типу «историчности», которому эксперты отдают приоритет [Halauniova, 2021]. Подобная экспертная работа по «очищению» маскирует политику экспертов — реставраторов, архитекторов, девелоперов, музейных специалистов. Например, скрытые стремления создавать туристически привлекательные пространства, ориентировать их на определенные городские публики (средний класс) [Edensor, 2005], поддерживать принятый исторический нарратив или сочетать эстетики реставрируемого объекта и окружающей его городской среды [Halauniova, 2021].

Эксперты таким образом проводят собственную политику в отношении наследия, историчности, аутентичности и музеефикации. Их работа выходит за рамки рационального подхода, «научности» и позитивистского представления о ценности объектов, с которыми они имеют дело. Хотя эксперты могут формулировать ценность на языке «объективности» и «беспристрастности» [Jones, 2010], в действительности их работа по производству ценности и трансляции знания опирается на чувственное восприятие [Jethro, 2015], символическое присвоение объекта наследия и его воплощение в своем жизненном опыте [van de Port, Meyer, 2018: 6], основанное на опыте физического соприкосновения с местами и зданиями [Jones, 2010].

⁴ То есть специфические комбинации объектов, людей, знаний и практик, собранные и организованные институциями, чтобы производить определенные элементы как «культурные» с целью воздействия на общество.

Значимую роль в работе с историческим материалом играет ностальгия, причем эксперты не только переживают ее сами, вовлекаясь в процессы интерпретации истории [Simine, 2013; Bulger, 2011], но и проецируют ее на своих информантов при сборе материала для создания музейных выставок [Snellman, 2016]. Ностальгия предстает аффективной практикой, которая, с одной стороны, сама опосредована социально, а с другой — влияет на то, как вовлеченные в работу с наследием акторы понимают и переживают свой опыт [Smith, Campbell, 2017]. Подобная двойственность делает ностальгию удачным инструментом создания притягательности объектов наследия [Brembeck, Sörum, 2017].

Развивая понимание ностальгии одновременно как аффекта и как прагматичного инструмента, Х. Брембек и Н. Сёрум [ibid.] предлагают два понятия: «ностальгия как настроение» (mood) и «ностальгия как режим» (mode), позволяющие рассматривать ностальгию как перформативный механизм. *Ностальгия как настроение* — это субъективное чувство, возникающее при взаимодействии с объектом или средой. Она напрямую связана с личными воспоминаниями, переживаемыми эмоциями, чувством утраты прошлого. Так, покупатель может испытать ностальгию, увидев в винтажном магазине вещи из своего детства [ibid.], а жители исторического квартала испытывают привязанность к своим домам и переживают ностальгические чувства вне зависимости от того, связывает ли их с этим местом семейная история или нет [Istasse, 2016]. *Ностальгия как режим* — это организованный способ работы с прошлым, избирательное представление прошлого, созданное с теми или иными целями, будь то музеефикация, получение коммерческой выгоды или что-то еще. Ностальгия может формироваться в музеях и других институтах, связанных с сохранением и репрезентацией истории [Simine, 2013; Bulger, 2011], в рамках маркетинговых стратегий, когда намеренно созданная атмосфера и визуальный стиль призваны вызывать ностальгические чувства у потребителей [Brembeck, Sörum, 2017], или в частных пространствах квартир, где использование винтажных предметов позволяет сформировать альтернативный временной фрейм⁵ [Kannike, 2013].

Два представленных формата ностальгии не могут быть четко разделены: *режим* создает условия для переживания *настроения* [Brembeck, Sörum, 2017]. *Настроение* же, как мы покажем в эмпирической части статьи, выступает основой для формирования *режима*, если его переживают акторы, вовлеченные в процессы сохранения исторических зданий. Далее мы рассмотрим, как становится возможным переход от *настроения* к *режиму*, сделав акцент на том, как персональные переживания и аффекты, связанные с практикой работы с деревянным домом, формируют «рабочую поверхность» и начинают производить работу по созданию коллективных переживаний ностальгии.

Эмпирические данные и методы

Эмпирическими данными статьи послужили полуструктурированные интервью ($N = 35$) с акторами, вовлеченными в проекты по сохранению и преобразованию деревянной застройки: местными чиновниками, инвесторами, активистами, крае-

⁵ Мы понимаем временной фрейм как когнитивную схему, которую акторы используют для структурирования проектов наследия, опираясь на понимание уместности и сочетаемости исторических эпох и связанной с ними материальности.

ведами, историками, реставраторами и жителями деревянных домов, — собранными в трех городах — Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме. Эти разномасштабные города обладают (отчасти) признанным историческим и архитектурным наследием в области деревянного зодчества и одновременно довольно обширным фондом ветхих и разрушающихся деревянных зданий. Для исследования мы отобрали ряд проектов, которые демонстрируют максимальную вариативность в понимании (не)ценности деревянных зданий, способах обращения с историческим материалом, целях и, соответственно, степени музеефикации и коммерциализации деревянной застройки. В своем анализе мы сознательно отказались от пошаговой реконструкции процессов переживания и инструментального использования ностальгии в каждом из кейсов, вместо этого апеллируя к примерам из разных проектов для демонстрации разнообразных способов обращения с прошлым и подходов к работе с материальностью зданий. Краткая характеристика кейсов представлена в таблице ниже. Для отбора информантов мы проанализировали социальные медиа, освещавшие изучаемые проекты, в каждом из них выделили ключевых акторов и обратились к ним с просьбой об участии в исследовании. В ряде случаев при рекрутинге также использовалась техника «снежного кома». Полученные в рамках множественного кейс-стади нарративы были подвергнуты открытому, осевому и выборочному кодированию.

Таблица 1. Характеристика кейсов

Кейс	Основные акторы	Специфика кейса	Вектор развития	Информанты
Заповедные кварталы, Н. Новгород	Сотрудники АНО, осуществляющего управление территорией, городские и региональные власти, волонтеры «Том Соьер Феста» (ТСФ), реставраторы, местные жители, потенциальные бизнес-резиденты	Частно-государственный проект ревитализации так называемого квартала церкви Трех Святителей, охватывающего 28 исторических деревянных домов в центре города в границах ул. Новая, Короленко, Славянская и Студеная, и создания в квартале культурно-туристического кластера. Некоторые здания в квартале имеют статус ОКН	Профессиональная реставрация деревянных зданий; попытки балансировать между музейными и коммерческими функциями территории и задействовать в ее развитии широкий спектр инструментов: от локальных мероприятий и интерактивных экскурсий до вовлечения горожан в восстановление домов	И1 — м., экскурсовод, сотрудник проекта И2 — ж., сотрудница проекта, координатор ТСФ И3 — эксперт И4 — бывший чиновник И5 — м., экскурсовод, градозащитник И6 — м., реставратор И7 — ж., местная жительница И8 — ж., сотрудница проекта, координатор ТСФ
Красный просвещенец, Н. Новгород	Местные жители, градозащитники, создатели виртуального музея квартала, городские и региональные власти	Инициированная местными жителями кампания в защиту исторического квартала 1920-х гг., охватывающего 14 деревянных и 2 кирпичных дома в центре города, в границах ул. Белинского, Ашхабдской, Генкиной и Тверской, от угрозы сноса в рамках программы КРТ и реновации. Комплекс не является ОКН	Жители настаивают на сохранении не только деревянной архитектуры, уникальной планировки квартала и исторической памяти, связанной с бытом советской интеллигенции, но и среды их текущей повседневной жизни. Их оппоненты отказывают кварталу в архитектурной и исторической ценности	И9 — ж., эксперт, жительница и защитница квартала И10 — ж., краевед, градозащитница

Кейс	Основные акторы	Специфика кейса	Вектор развития	Информанты
Квартал меценатов (муниципальный проект «Купцы, промышленники, предприниматели города Вологды — меценаты и благодетели: связь времён»), Вологда	Городские и областные власти, сотрудники Городского проектного центра «Вологда», сотрудники Вологодского музея-заповедника и Государственного архива Вологодской области	Инициированный «сверху» проект сохранения средовой застройки на участке в границе ул. Козленской, Предтеченской, Пушкинской и Советского пр. и создания на ее базе «историко-просветительского пространства», способного привлечь туристов и креативный бизнес (пока существует только в форме проектной документации/концепции)	Ремонт/реставрация деревянных зданий, создание исторического нарратива, демонстрирующего преемственность между влиятельными дореволюционными родами вологодских купцов и меценатов и современным городским развитием. Попытки балансировать между сохранением атмосферы тихого аутентичного исторического квартала, музеефикацией и коммерциализацией	И11 — ж., одна из создательниц проекта, градозащитница И12 — ж., одна из создательниц проекта, сотрудница музея И13 — ж., чиновник
Дома Якимовых, Вологда	Семья предпринимателей-меценатов, городские власти, реставраторы, клиенты размещенных в домах бизнесов: горожане и туристы	Пять деревянных домов (три датируются XIX в., один — концом XVIII, еще один — рубежом XIX и XX вв.), расположенных в разных частях города (четыре находятся в частной собственности семьи, пятый — в долгосрочной аренде) и приспособленных или планируемых к адаптации под коммерческие нужды. Часть зданий являются ОКН	Попытки балансировать между новыми коммерческими функциями зданий и сохранением их аутентичности в ходе бережной профессиональной реставрации; размещение в домах любительских музейных экспозиций	И14 — ж., экскурсовод по музейным экспозициям в домах И15 — м., ж., предприниматели, меценаты
Частные деревянные дома, Тотьма	Владельцы домов, городские власти, негосударственные организации, поддерживающие общественные инициативы, волонтеры ТСФ	Проекты ремонта/реставрации двух деревянных жилых домов, инициированные старыми или новыми владельцами при поддержке других акторов	Попытки балансировать между практиками и потребностями жильцов, с одной стороны, и сохранением аутентичной архитектуры и интерьеров — с другой	И16 — м., частный собственник И17 — ж., частный собственник И18 — ж., сотрудница музея, волонтер ТСФ И19 — ж., сотрудница музея, волонтер ТСФ

Ностальгия как *настроение*: формирование привязанности к деревянным зданиям

Эмоциональные ностальгические переживания, связанные с городской деревянной застройкой, охватывают континуум от предельно индивидуализированных и укорененных в личном опыте связей с конкретным домом или кварталом до морально нагруженных сожалений об утрате городского деревянного ландшафта в целом. В самых очевидных случаях деревянные дома становятся материальными контейнерами личных воспоминаний и семейной истории. Так, в одном из тотемских деревянных домов жило несколько поколений семьи информанта. Старшие родственники застали дом до капитального ремонта, который случился в 1980-х годах и который семья оценивает как «вторжение», катастрофу, практи-

чески уничтожившую оригинальный облик дома и «вынувшую [из него] душу» (И16). Для них ностальгические переживания связаны с ощущением утраты знакомых и любимых предметов и интерьеров:

И там как раз мама соприкоснулась с этими печами <...> и вот эти двери. <...> То есть дом утрачен изнутри. Половицы были вынуты и куда-то ушли. Ушли куда-то и филенчатые двери двустворчатые, как и печи. Все ушло. (И16)

Для младших членов семьи новый облик дома стал данностью, но и они воспроизводят дискурс утраты, опираясь на воспоминания родителей. Такие ностальгические переживания связаны с сенсоральным опытом соприкосновения с материальностью дома, где визуально и на ощупь знакома и «греет» (И16) каждая доска. При этом домашний мир деревянных домов порой идеализируется, очищается от неприятных и болезненных эпизодов и впечатлений (бытовые неудобства, конфликты с соседями) и репрезентируется как утерянный рай или рай, который может быть утрачен: «...Все отмечают, что там легче дышится, что там хочется жить. А мне, кстати, не один раз говорили <...> разные люди в разные года, совершенно разного социального статуса <...>: „Мы тут как в раю живем“» (И9).

В других случаях деревянные дома являются частью локальной городской среды, где проходило детство информантов, а потому также связаны с их личными практиками и воспоминаниями и в целом воспринимаются как малая родина:

Я родилась в этом городе. Живу и работаю на улице Чернышевского, на которой находится наш дом. <...> На первом этаже была аптека <...> И мы ходили с мамой в эту аптеку, это моя, считайте, домовая аптека была. (И14)

Здесь озабоченность судьбой домов становится продуктом и маркером локальной идентичности. Возможна и обратная траектория, когда формирование привязанности к городу в целом и восприятие его как домашней среды побуждает взять ответственность за сохранение конкретного здания:

И я думаю: а почему бы там не купить какой-то дом и не сохранять его? То есть Тотьма, по-моему, для меня уже как родная. <...> И я прям чувствую, что здесь мне настолько хорошо, душевно, что мне никуда уезжать жить в другое место даже не хочется. (И17)

Аффективное переживание приобщенности к истории и судьбе зданий может возникать и благодаря волонтерскому участию в их консервации или ремонте, например в рамках фестиваля ТСФ («У меня тема [заботы о деревянных домах] вообще старинная, давно в душе сидит. <...> Я вот с 2019 г., каждый год я всегда с Том Сойер Фестом. Причем всегда с кисточкой, всегда в первых рядах» (И18)), или профессиональному/меценатскому — в их реставрации («Захватывает это. Когда берешь и покупаешь какое-то старое здание, стараешься вникнуть в историю и смотришь, кто, например, [здесь] раньше жил» (И15)). В таком переживании важным часто оказывается соприкосновение с материальностью домов, которые ощущаются своеобразными свидетелями былых событий, мостиком между

настоящим и прошлым: «Когда работали над этим домом, <...> счищали <...> старые слои краски, грязь, и взору открылось вот это вот чудо — замечательная древесина» (И1).

Создатели проектов рисуют романтизированные картины далекого прошлого, где деревянная застройка неразрывно связана с жизнью и трудами горожан, принесших величие своему городу и создавших его уникальность. В таких избирательных реконструкциях прошлого чаще всего фигурирует купечество, усилия которого определили расцвет городов:

Поэтому сложилось новое название: «Купцы — промышленники — предприниматели — меценаты — благотворители», — как характеризующие этих людей понятия. <...> Цель проекта была очень проста: <...> сделать так <...> чтобы благодарные потомки узнали о них, о том, что было сделано в Вологде благодаря их стараниям. (И11)

Образ былого величия зачастую резко контрастирует с текущим состоянием домов, что также стимулирует ностальгию-настроение:

У нас много таких купцов-меценатов, которые [определили] историю этого города [Тотьмы]. <...> Я прям всегда топлю за наш Русский Север, за Вологодскую область, за Архангельскую. Это прям уникальность. То есть это надо сохранять всегда. (И18)

Предметом ностальгических переживаний и нарративов могут выступать не только связанные с деревянной застройкой люди и их опыт, эпохи, но и сама «уходящая натура» (отчасти) сохранившихся деревянных домов и кварталов, которым угрожают ветшание или снос. Хрупкость и временность существования обостряют эмоции, связанные с этими городскими объектами.

И я пошла в сторону квартала Трех святителей. <...> Там кошка торчала из форточки, и жительница сидела около окна, смотрела телевизор. Я просто в форточку спросила: «Ну, какая у вас ситуация?» Они говорят: «Да все, нас расселяют уже, сносят, скоро нас тут всех снесут, никого не будет, <...> тут все, все уже обречено». И вот я просто по этому кварталу гуляла, делала фотографии и думала, что это последние фотографии <...>, которые я делаю в этом квартале, что больше я его никогда не увижу. (И2)

Еще острее переживается утрата конкретных домов, которые не удалось спасти: «Почему еще жалко дом, который увидел, что его за ночь снесли, разобрали. Там были не слишком выдающиеся наличники, но я уже думал, как я их впишу в какую-нибудь будущую свою экскурсию. А уже не впишу» (И1). Их потеря воспринимается как необратимая катастрофа, порожденная равнодушием городских публик: «...вот видите, история такая: его можно бы сохранить, но никому не было до этого дела — и пропало» (И15). Иногда чувство утраты масштабируется до всего городского деревянного ландшафта: «...все это сжималось довольно быстро. Сейчас это жалкие остатки [деревянного модерна]» (И3).

Такая эмоционально нагруженная ностальгия не является исключительно ретроспективной, а заставляет информантов думать о будущем сохранившейся де-

ревянной застройки, выступающей важным элементом городской идентичности, и мобилизовать усилия для ее сохранения. Чтобы реализовать эту большую цель, акторы, проникнувшиеся ностальгией-настроением, стремятся создать проекты, которые будут распространять переживаемый ими аффект на других горожан, таким образом превращая ностальгию в *режим*.

Ностальгия как режим: сборка и настройка проектов работы с деревянными домами

В поисках «правильной» ностальгии:

задачи инструментального использования ностальгии

Ностальгия не только рождается «естественно» и спонтанно благодаря личной памяти и биографии горожан или опыту соприкосновения с материальностью домов, но и инструментально (пере)осмысливается и (вос)создается в ходе реализации разномасштабных проектов для решения экономических и социальных задач. Градозащитники, краеведы, работники музеев могут стремиться вызывать у горожан ощущение сопричастности к жизни и судьбе деревянных построек и через создание ностальгии формировать «ответственных горожан», которые будут готовы защищать деревянную застройку в случае угрозы сноса и заботиться о ее состоянии. Один из способов формирования такой ностальгии — непосредственное участие горожан в ремонте/консервации. За плечами многих участников исследования во всех трех городах опыт участия в фестивале восстановления исторической среды ТСФ в качестве волонтеров или организаторов. Нижегородский проект «Заповедные кварталы» фактически вырос из этой добровольческой практики. В буквальном смысле прикасаясь к истории зданий — ощущая шершавость досок и запах стружки, бережно покрывая краской замысловатый завиток резьбы, — горожане привязываются к зданиям, обнаруживают в них ценность и становятся готовы защищать их. Здесь ностальгия переживается как радость от сохранения зданий или боль утраты: «...Нам разрешили покрасить — мы покрасили. А внутри мы сделать ничего не могли. И дом не спасли. <...> И для меня это до сих пор боль в сердце. И я все равно чувствую за него ответственность. Хотя это не моя собственность» (И19). Волонтеров ТСФ ждут у себя и защитники «Красного просвещенца», чтобы не только обновить фасады, но и привлечь внимание других горожан к возможному сносу.

Конечно, волонтерство требует значительных временных и эмоциональных затрат, а также привлекает только определенную часть городской общественности, но личная сопричастность создается и в иных формах: через организацию мероприятий для соседей или пополнение музейных коллекций личными вещами бывших и нынешних жильцов, а также музеефикацию повседневных практик, как в случае квартала «Красный просвещенец», повседневность которого зафиксирована в формате виртуального музея, служащего доказательством его ценности.

Иногда подобные мероприятия и форматы ориентированы на внешние городские публики и даже коммерциализированы, но все равно стремятся сохранить атмосферу «ламповых» событий «для своих» (например, чаепития в саду и «домашние концерты» в «Заповедных кварталах», а также интерактивные экскурсии, где предметы коллекции попадают в руки посетителей, а местные жители делятся с ту-

ристами семейными историями). Такие практики, как полагают информанты, стимулируют горожан и туристов увидеть ценность деревянных зданий.

Конечно, мнение [посетителей] поменялось на очень такое позитивное. Если раньше <...> говорили: «Снесите эти деревянные, зачем они нужны? Надо давно все зачистить, чего вы там ковыряетесь в этих остатках культурного наследия, пытаетесь спасти то, что уже давно нельзя спасти?», — то сейчас благодаря все-таки, мне кажется, большой очень работе <...> экскурсоводов, просветительской большой деятельности, благодаря тому, что благоустройство, реставрация действительно идет... <...> В общем, среда определяет сознание, вот среда меняется — и сознание меняется. (И2)

Между тем городские администрации и музейные работники видят в ностальгии коммерческий потенциал: она может создавать особую идентичность места, привлекающую туристов и стимулирующую потребление. Например, рабочая группа «Заповедных кварталов» заявляет о своих амбициях следующим образом: «Мы верим, что старинный квартал может и должен превратиться в культурно-туристический кластер в центре Нижнего Новгорода»⁶. Формирование такого кластера предполагает умелую музеефикацию образа жизни купечества и мещанского сословия, прежде населявших район, а также коммерциализацию эстетики дореволюционного быта, которая прямо эксплуатируется или косвенно обыгрывается в символике проекта, дизайне его социальных сетей, сувенирной продукции:

И при этом погружение произойдет не просто когда вы пройдете по улице, фотографии красивые сделаете, а когда вы ощутите себя частью эпохи. То есть вы, условно говоря, покупаете в той же самой стилистике те блюда, которые были характерны для Нижнего Новгорода. Эту купеческую среду ощутите на себе полностью. То есть полностью 5D-ощущения. <...> И вот эта иммерсивность, она дает добавленную стоимость. (И4)

Сходным образом, пока существующий только на бумаге «Квартал меценатов» в Вологде позиционируется как «новый туристически-музейный хаб», способный привлечь не только туристов, но и бизнес и создать разнообразные площадки для досуга и потребления: тематические кафе и рестораны, концерты, фестивали.

Разумеется, в приоритете у бизнеса, использующего исторические деревянные здания, — коммерческая прибыль. Предприниматели Якимовы, размещающие в отреставрированных домах цветочные магазины и кафе, подчеркивают, что продают не только товары и услуги, но и возможность побывать в исторических интерьерах, приобщиться к истории и памяти, получить эстетическое удовольствие: «Это какой-то плюс к бизнесу. Получается красиво, люди интересуются, люди идут. И все равно вот эта вот старина и вот эта вот обстановка, она душу греет и людям, да и нам тоже» (И15). Эксплуатируя ностальгию по красоте утерянного образа жизни, они расширяют ассортимент за счет антикварной и винтажной посуды, а также аксессуаров, елочных игрушек и тематических сувениров. Кроме того, они признают, что некоторые клиенты делают выбор в пользу их магазинов в том числе и по-

⁶ О музее под открытым небом «Заповедные кварталы» см. URL: <https://tickets.zkvartaly.ru/about> (дата обращения: 18.10.2025).

тому, что таким образом хотят приобщиться к сохранению деревянной застройки. Наконец, признание и репутация меценатов, которые Якимовы приобрели благодаря своим нашумевшим реставрационным проектам, не только служат продвижению их бизнеса, но и помогают в сетевизации и заключении новых сделок.

Примечательно, однако, что, несмотря на явную коммерческую ориентацию многих проектов, в большинстве полученных нарративов экономический успех не артикулируется как центральная задача, а коммерциализация ностальгии описывается скорее как мягкий инструмент просвещения и воспитания «хороших горожан» либо как «необходимая жертва» для сохранения деревянной застройки. Так, миссией «Заповедных кварталов» заявлены «возрождение исторической среды» и «восстановление деревянных объектов культурного наследия»⁷, инициаторы создания «Квартала меценатов» стремятся к «сохранению аутентичной среды» (И12), а предприниматели из Вологды фреймируют свою деятельность в терминах «социальной миссии» и «предназначения», подчеркивая второстепенность коммерческой выгоды.

Для властей связанная с деревянными домами ностальгия носит амбивалентный характер. С одной стороны, деревянная застройка зачастую видится как обременение, от которого необходимо избавляться, чтобы освободить место для новой коммерческой инфраструктуры. Поэтому деревянные здания часто стигматизируются в дискурсе политических элит как «гнилушки» и «трущобы», их ценность как городских объектов отрицается, а связанные с ними память и ностальгия «обнуляются»: «Какой деревянный Нижний, о чем вы вообще говорите? Развалюхи какие-то, гнилушки. Это работа просто колоссальная [доказывать ценность деревянной застройки]: это нужен целый институт, который будет каждый день местным промывать мозги, начиная с чиновников» (И5).

С другой стороны, деревянные здания могут стать частью уникальной идентичности города и региона, и в этом случае укорененная в них ностальгия может конвертироваться в туристический интерес и инвестиционную привлекательность, а потому она связывается с дискурсом прогрессивного городского развития. В этом случае логика управления ностальгией напоминает ту, что мы описывали выше как нацеленную на коммерциализацию и рентабельность, однако из-за доступности государственных субсидий окупаемость проектов оказывается менее важной, чем достижение формальных отчетных показателей, свидетельствующих о динамичном развитии города (например, рост туристических потоков или числа привлеченных предпринимателей). Для администрации сохранение аутентичности зданий не является самостоятельной задачей: важны лишь эффекты, которые такая, реальная или имитированная, аутентичность может производить:

Мы <...> проводили мощную нотаризацию по всем нашим памятникам и каменного, и деревянного зодчества как раз для того, чтобы выделить тот перечень памятников, которые находятся в центральной части города, которые могут составлять турмаршрут, который мы можем предоставить бизнесу для производства работы, для вовлечения в хозяйственный оборот. (И13)

⁷ О музее под открытым небом «Заповедные кварталы» см. URL: <https://tickets.zkvartaly.ru/about> (дата обращения: 18.10.2025).

Выделенные нами задачи воспитания ответственных граждан, достижения коммерческой рентабельности и подотчетного городского развития почти никогда не бывают представлены в проектах в чистом виде, а причудливо перемешиваются, дополняя друг друга или конкурируя между собой. Более того, задачи не всегда четко артикулированы участниками с самого начала: они могут вырастать из новых обстоятельств, открывшихся в ходе реализации проектов, пересматриваться или вытеснять друг друга.

Настройка режима ностальгии в ходе работы над проектами

Для решения описанных выше задач подходят далеко не все версии истории, памяти и ностальгии, связанные с деревянными домами. Разные городские акторы, вовлеченные в проекты по сохранению и/или трансформации деревянной застройки, осуществляют сложную семиотическую работу по селекции и репрезентации тех временных фреймов и связанных с ними исторических нарративов и воспоминаний, которые считают наиболее релевантными своим задачам, и отсоединению «лишних» элементов.

Большинство изученных нами домов, за исключением квартала «Красный просвещенец», были построены в дореволюционное время. Их архитектура, материальность старых стен и перекрытий, а порой и сохранившиеся интерьеры могут выступать источником и опорой ностальгии по ушедшей эпохе. С другой стороны, эти дома использовались и в советское время и сохранили следы советских перестроек и ремонтов, а также быта жильцов. Некоторые дома оставались/остаются жилыми и в постсоветский период, а значит, наполнены привычками и практиками недавних обитателей. Однако непрерывность времени, в которой существуют дома, постоянно неуловимо или резко меняясь, наполняясь новыми смыслами и теряя старые, вступает в противоречие с проектной логикой, где одни исторические эпизоды и связанные с ними ностальгические нарративы оказываются более востребованными и ценными, чем другие. Это противоречие может разрешаться разными способами.

Чаще всего используется стратегия удревления. Советские и тем более постсоветские «слои» воспринимаются как недостаточно старые и историчные, а потому недостаточно ценные, и отсеиваются. В этом случае цель реставрации видится в том, чтобы максимально приблизиться к самым ранним версиям конструкции, материалов и интерьеров, а затем здание наполняется историческими предметами — может быть, не аутентичными для него, но соответствующими «правильным» временным фреймам. Такая стратегия отчетливо прослеживается в домах Якимовых, которые в ходе реставрации бережно освобождаются от всего (пост) советского и наполняются антикварной мебелью и посудой, создающими впечатляющие декорации для современных магазинов и кафе и одновременно отсылающими к истории вологодского купечества и меценатства. Однако такая стратегия подвергается критике, поскольку, обесценивая «недостаточно старое» прошлое, она приводит к утрате всех более поздних «культурных слоев»:

Они снимают старую краску, докапываются до оригинального слоя и как-то пытаются восстановить на основе этого оригинального слоя цвет. А все, что было до этого, все

те этапы, когда дом перекрашивали — в советское время, в 20-м веке, в 90-е годы, — это все не учитывается, мы это все выкидываем из истории. (И6)

Другая возможная стратегия — ранжирование эпох, когда противоречие современного и несовременного решается посредством зонирования пространства, где разные помещения или здания комплекса отсылают к разным историческим периодам и раскрывают разные ностальгические нарративы. Так, в проекте «Квартал меценатов» невозможно игнорировать советские эпизоды: Дом купца Самарина, где располагается центральный для проекта выставочный комплекс «Вологда на рубеже XIX—XX вв.», сохранился в советское время благодаря тому, что там во время ссылки жила сестра В. И. Ленина Мария Ульянова, и ее квартира до сих пор составляет часть экспозиции. Однако приоритетной для нового проекта все же остается утерянная история дореволюционного купечества, которую создатели планируют продемонстрировать и через работу со средой, и через выставочный нарратив, наполненный досоветскими биографическими деталями, личными документами и предметами:

До сих пор есть люди в Вологде, которые нас называют «ульяновским домиком», приходят: «А меня здесь принимали в пионеры. А я здесь принимала присягу». <...> В общем, очень много сделано за эти тринадцать лет для того, чтобы о нас узнали, и не стояли бы мы просто в центре города как что-то такое раритетное, на ладан дышащее. И вот это на ладан дышащее благодаря этому проекту, связанному с купцами-предпринимателями, хочется [воскресить]. (И12)

Самые непроблематичные и причудливые сочетания досоветского и (пост)советского обнаруживаются в частных деревянных домах, поддерживаемых и восстанавливаемых владельцами. Так, в семье тотемского художника создается семейный музей, где сохраненные или обнаруженные в ходе ремонта элементы интерьера и предметы быта мирно соседствуют с вещами и картинами нынешних хозяев. Новая владелица тотемского дома в ходе ремонта оставляет то, что ей нравится — неважно, какой эпохе это принадлежит, — и без сожалений расстается с теми элементами, которые не соответствуют ее эстетическим предпочтениям и представлениям о функциональном жилье:

Мы сохранили то, что могли. <...> Мы перила все сохранили и будем их задействовать в процессе ремонта <...>. Также частичка сохранена истории какой-то в качестве мебели, то есть будем реставрировать. <...> Мне не хочется вдаваться прямо в такую избу, хочется все современно, но какие-то детальки я бы все равно сохранила. (И17)

Как мы видим, частные пространства позволяют свободнее соединять элементы эпох и не придавать большого значения их консистентности [Kannike, 2013].

Первоначально большая свобода оперирования различными временными фреймами была свойственна и предпринимателям Якимовым, которые были готовы при работе с первым домом поступиться историчностью ради функциональности, а в своем любительском музее, созданном в Доме с лилиями, представили

не только эпизоды дореволюционного прошлого, но и советскую историю семьи, проживавшей в здании до революции, а также историю собственного семейного бизнеса. Однако по мере того как Якимовы стали привлекать к работе профессиональных реставраторов, их подход стал более строгим, требующим максимальной консистентности временных фреймов и соответствующим первой стратегии.

При нащупывании предпочтительного режима возникают противоречия между идеальной эстетикой и материальностью зданий, соответствующей выбранному временному фрейму и «правильной» ностальгии, с одной стороны, и необходимостью функционального использования зданий для жилых, коммерческих или выставочных целей — с другой. Так, инициаторы проекта «Заповедные кварталы» предпочли бы идти по пути сохранения максимально аутентичного исторического облика зданий и среды, что потребовало бы максимальной музеефикации территории и очищения ее от «лишних» наслоений советского и постсоветского периодов, в том числе современных жилых функций. Нынешние жильцы выглядят для них как источники беспокойства и беспорядка, препятствующие созданию аутентичной исторической атмосферы. Если избавиться от жильцов оказывается невозможным, предпринимаются попытки встроить их в проект, проводя благоустройство придомовых территорий в соответствии с эстетикой проекта (например, снося «некрасивые» сараи и разбивая клумбы) и организуя во дворах публичные мероприятия. Это встречает противодействие жителей, не готовых поступиться привычными практиками использования домов и территории и подчиниться логике музеефикации:

Мы сейчас «встали на оборону» двора. <...> Чаепития тут делают. <...> Те, кто приходят, не понимают, что тут живут люди. Фотографируют окна, заглядывают. Они пишут, что в дома надо «Вдохнуть новую жизнь» — значит, нас надо оттуда выдохнуть! (И7)

В свою очередь инициаторы ревитализации видят в сопротивлении жителей попытки эксплуатации своих ресурсов и усилий и пренебрежение ценностью квартала:

Но есть еще какое-то потребительство: «Вы нам теперь <...> вечно должны — сделать мне участок, поставить мне забор, провести мне канализацию, отопление, потому что мой дом стал памятником. А я сама не буду ничего делать». <...> И это право выдвигать любые требования и делать что хочешь с этими объектами. Вот хочу там веранду пристроить — все, взяла, пристроила по деревянной резьбе, которую мы чистили, реставрировали. (И8)

Порой стремление вернуться к аутентичной версии облика здания, в целом характерное для энтузиастов проекта, вступает в конфликт с их собственными эстетическими предпочтениями и ожиданиями администрации, что хорошо иллюстрирует эпизод, с которого мы начали статью: при реставрации дома открывается первый слой краски, столь шокирующе яркий и явно неуместный в современном городском ландшафте, что в конечном счете приходится поступиться аутентичностью и сделать выбор в пользу менее броского оттенка.

Кроме того, созданию и/или поддержанию аутентичной ностальгической атмосферы может угрожать благоустройство и развитие коммерческой инфраструктуры, необходимой для повышения туристического потенциала территорий.

Наш уголок прямо в центре города. <...> Может быть, замечали: заходишь за ворота — и как будто вся суета там осталась. <...> Благоустройство этой площадки <...> именно на аутентичной основе для города просто бесценно. Это и туристический такой момент, и уголок отдохновения для самих вологжан. <...> Антропогенная нагрузка на эти дома не должна быть очень большой. Поэтому, конечно, такие опасения [нарушить атмосферу] есть. (И12)

Однако такая регенерация зачастую выступает необходимым условием сотрудничества с властями и бизнесом, без которого реализация проекта становится невозможной. Кроме того, участники проектов озабочены привлечением на территорию «правильного» бизнеса (тематических кафе и кондитерских, креативных индустрий, организации праздников и пр.), который подойдет ее атмосфере и будет перекликаться с ее историческим нарративом, и опасаются экспансии «трэш-бизнеса» (И10), такого как шаверма и ремонт телефонов. При этом информанты признают, что музеефикация территории выступает барьером для предпринимателей, которые не могут использовать «аутентичное» пространство в своих целях:

Инвесторы приходят и уходят: нам не нравится. <...> То есть вот эта стандартная реставрация — она никому не интересна. Вернее, она не имеет будущего. Нужно реставрировать объект, уже заранее зная, какой будет функционал, под инвестора, понимая, кто туда зайдет делать бизнес или использовать. (И8)

Это напряжение артикулируют и сами представители бизнеса. Так, Якимовым пришлось пожертвовать удобством использования помещений и согласиться с существенным удорожанием проектов ради более корректной и «историчной» реставрации.

Материальность зданий также может способствовать или препятствовать производству «правильной» ностальгии. Описывая процессы реставрации, Якимовы и привлеченные ими специалисты подчеркивают, что «дом сам подсказывает», как следует продолжать работу. Это означает, что иногда в ходе исследований обнаруживаются ценные элементы архитектуры или интерьера, которые могут обыгрываться при разработке концепции пространства. Так, в ходе работ в доме Черноглазова были найдены аутентичные входные двери с уникальным резным орнаментом в стиле модерн — цветками лилий, а при реставрации дома на ул. Герцена, 38 были раскрыты фрагменты росписи стен. Однако бывают и неприятные сюрпризы — в доме Дружинина реставраторы рассчитывали раскрыть оригинальные балки, но оказалось, что в советский период те были заменены дешевым брусом.

Возникает потребность в компенсации дефицита материальной аутентичности с помощью специальной работы по производству ценности зданий. В доме Дружинина, например, нехватка оригинальных материалов уравнивается эстети-

кой фасадов и интересными интерьерными решениями. Если же и такая компенсация оказывается невозможной, как в квартале «Красный просвещенец» с его минималистичной типовой застройкой, ставка делается на артикуляцию ценности повседневности: виртуальный музей квартала рассказывает о романтике скрипа ступеней и запахе деревянной лестницы, о «царь-тополе» в саду, о необходимости оставлять зимой струйку воды, чтобы избежать замерзания труб в деревянном доме, и о садовой лавочке, которую не чинят, желая «сохранить старость, сохранить эпоху буквально, не изменяя, не улучшая»⁸. В этом случае не требуется очищения от современных жилых функций: напротив, они становятся главным материалом для выстраивания релевантного ностальгического нарратива. Однако это не означает, что селекции не происходит вовсе: в виртуальном музее создается цифровая копия квартала, которая репрезентирует лишь интересные и трогательные эпизоды недавнего прошлого и настоящего, тогда как неприглядные стороны быта и общежития игнорируются. В результате посетители музея имеют дело с очищенной, эстетизированной и экзотизированной версией повседневности, наилучшим образом пригодной для создания и переживания ностальгии.

Дискуссия и заключение

Итак, исторический дом — важная локация для исследований наследия [Hodge, Beranek, 2011]: он дает возможность увидеть моменты перехода между частным и публичным, связывает физическое пространство жизни и социальное пространство памяти и позволяет «пересобрать» актуальные коллективные идентичности и переосмыслить ценность наследия в повестке музеефикации [Wang, 2014].

В этой статье мы реконструировали процессы (вос)производства различных значений исторических деревянных домов, таких как музей, культурный центр, место притяжения туристов, жилье, показатель развития города или «гнилушка», разными акторами: от частных предпринимателей и жителей до градозащитников и чиновников, и показали, как эти значения соотносятся с более широким контекстом городской политики. Наш анализ свидетельствует о том, что работа с деревянными зданиями не может быть описана простой оппозицией музеефикации — коммерциализации, поскольку охватывает широкий и изменчивый спектр практик обращения с их исторической и коммеморативной ценностью. «Ухватить» эту сложность нам помогает понятие «рабочие поверхности социального», позволяющее рассматривать проекты работы с деревянными домами как подручные для городских акторов «сборки» различных элементов, превращающие материальность дома, предметы, биографии жильцов, опыт пребывания в доме и усилия по его сохранению в культурные продукты, призванные решать те или иные задачи: от сохранения памяти до привлечения туристов или выполнения показателей городского развития, — и тем самым реализовывать различные городские политики. Исследование показало, что существенную роль в функционировании таких «поверхностей» играет ностальгия как перформативный механизм, одновременно выступающий и аффектом, и прагматичным инструментом.

⁸ Старая лавочка без ножки, но со мхом // Красный просвещенец. URL: <https://redprosvet.info/phenomena/staraya-lavochka-bez-nozhki-no-so-mhom.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Ностальгия как *настроение* формируется в опыте взаимодействия акторов с материальным наследием деревянного дома, в практиках сохранения здания и разнообразной заботы о нем, а также во взаимодействии с историческими документами, с бывшими и нынешними жильцами. Она основывается и на персональном опыте жизни в доме, и на семейной истории, и на воспоминаниях о детстве или ином периоде жизни, проведенном в окружении деревянной застройки. Она также создается в процессе непосредственного соприкосновения с материальностью зданий. Важным триггером такой ностальгии становится угроза сноса или переживания, связанные с уже свершившимся сносом: аффект, произведенный комбинацией эмоций, памяти и практик заботы, служит «движком» для создания такой «рабочей поверхности социального», которая смогла бы распространить эмоцию ностальгии на разные городские публики и сохранить ценные здания.

Опираясь на аффективную ностальгию, акторы создают проекты, где ностальгия превращается в *режим* — управляемый механизм, посредством которого они добиваются реализации конкретных социальных, экономических и политических задач. Одна из таких задач, которая пронизывает почти все изученные кейсы, — создание «хорошего горожанина». Проекты «исторического квартала», «магазина с музейным пространством» и семейного «дома-музея» нацелены на формирование гражданина, ответственного за будущее деревянной застройки в городе, понимающего ее ценность и готового в нужный момент мобилизоваться для ее защиты. Эту задачу акторы комбинируют с другими, такими как создание притягательных туристических мест, помогающих городу демонстрировать хорошие показатели развития, или экономически успешных коммерческих пространств. При этом экономический успех проектов почти не артикулируется как центральная задача, выступая скорее условием участия городских публик и сохранения домов. Однако для чиновников привлечение инвесторов и приспособление наследия под коммерческие нужды стоит на первом месте, а сохранение наследия остается непроговариваемым фоном. В этом смысле успешные проекты меценатов работают как *поверхности*, способные производить новых горожан-инвесторов.

Чтобы превратить «аварийный деревянный дом» в «дом-музей», а улицу с «гнилушками» — в «исторический квартал», необходимо отобрать воспоминания и нарративы о прошлом, которые согласуются с задачами и видением вовлеченных акторов, и «отсеять» неподходящие. В проектах, которые мы анализируем, чаще «вычищаются» элементы, связанные с советской и постсоветской эпохами, а приоритет отдается дореволюционному периоду, принятому создателями проектов как «истинная сущность» домов. Там, где дореволюционный слой отсутствует, вычищаются «неудобные», конфликтные элементы (пост)советского периода, а сохранению (в цифровом формате) подвергаются лишь романтизированные образы повседневности домов. Удалению также подлежит жилая функция домов, поскольку она мешает превращению дома в управляемый, предсказуемый культурный продукт, который легко поддерживать и менять для производства ностальгии.

Проекты также вступают в противоречие с окружающей средой, которую невозможно адаптировать под нужды ностальгии как *режима*. Современное благоустройство территории вокруг деревянных зданий, необходимость привлекать

туристов и встраивать дома в экономические потоки требуют компромиссов. Создатели неизбежно внедряют современные функции и элементы даже в проекты, ориентированные на максимальное сохранение «аутентичного» пространства: это не только новые материалы, которыми заменяют отжившие свое конструктивные элементы или убранство, но и все, что необходимо для поддержания экономической устойчивости проектов. Элементы эти, однако, неслучайны, поскольку их присоединение должно усиливать ностальгию как *режим*. Именно поэтому исторические дома наполняют функциями кофейни, цветочного магазина, культурного пространства или винтажной лавки, а не шавермы или ремонта телефонов.

В изученных кейсах мы преимущественно имеем дело с небольшими, экспериментальными, инициированным активистами, семейными проектами, у которых нет готовых прототипов и инструкций по «сборке». Если в проектах, реализуемых профессионалами музейного дела или крупными девелоперами, специалисты стратегически отбирают «удобные» элементы наследия, стремясь создать непротиворечивую дизайн-стратегию [Edensor, 2005], то в наших примерах чаще обнаруживается эклектичность подходов, где выбор элементов для ностальгии как *режима* опирается на ностальгию-*настроение* самих создателей. Стремясь раскрыть больше слоев истории и превратить «гнилушки» в ценные исторические объекты, создатели проектов вынуждены жертвовать теми или иными временными фреймами и эпизодами. Однако общая гибкая ориентация на сохранение деревянной застройки за пределами логики музейности и коммерциализации позволяет свободно комбинировать элементы современности и прошлого и таким образом переживать и использовать ностальгию вне устоявшихся форм и нарративов.

Литература (References)

1. Бахарева М. А., Садова Е. С. (2021) «Том Сойер Фест» в Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 7—21. <https://doi.org/10.17323/usp6320217-21>.
Bakhareva M. A., Sadova E. S. (2021) Tom Sawyer Fest in Vologda: The Experience of Public Participation in Preserving the Historical Image of the City. *Urban Studies and Practices*. Vol. 6. No. 3. P. 7—21. <https://doi.org/10.17323/usp6320217-21>. (In Russ.)
2. Манцерова М. А. (2023) Роль волонтерства в сохранении историко-культурной среды Нижнего Новгорода // *Vita memoriae: Теории и практики исторических исследований* / под ред. Л. В. Софроновой, Т. Г. Чуговой. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина. С. 145—148.
Mantserova M. A. (2023) The Role of Volunteering Activities in the Preservation of the Historical and Cultural Environment of Nizhny Novgorod. In: Sofronova L. V., Chugunova T. G. (eds.) *Vita Memoriae: Theories and Practices of Historical Research*. Nizhny Novgorod: Minin State Pedagogical University at Nizhny Novgorod. P. 145—148 (In Russ.)
3. Шумилкин А. С., Грачева Е. Е. (2019) К проблеме сохранения и развития историко-архитектурного пространства района улиц Славянской, Короленко,

- Новой в Нижнем Новгороде // Градостроительство и архитектура. Т. 9. № 2. С. 136—141. <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2019.02.18>.
- Shumilkin A. S., Gracheva E. E. (2019) To the Problem of Preservation and Development of the Historical and Architectural Space of the Streets of Slavyanskaya, Korolenko and Novaya in Nizhny Novgorod. *Urban Construction and Architecture*. Vol. 9. No. 2. P. 136—141. <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2019.02.18>. (In Russ.)
4. Aykaç P. (2023) Absent Presents: Musealisation of the Historic Town of Hasankeyf as a Manifestation of 'Absent Heritage'. *Journal of Architectural Conservation*. Vol. 29. No. 3. P. 214—231. <https://doi.org/10.1080/13556207.2023.2180715>.
 5. Bennett T. (2007) The Work of Culture. *Cultural Sociology*. Vol. 1. No. 1. P. 31—47. <https://doi.org/10.1177/1749975507073918>.
 6. Brembeck H., Sörum N. (2017) Assembling Nostalgia: Devices for Affective Caption on the Re:heritage Market. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 23. No. 6. P. 556—574. <https://doi.org/10.1080/13527258.2017.1300928>.
 7. Bulger T. D. (2011) Personalising the Past: Heritage Work at the Museum of African American History, Nantucket. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 136—152. <https://doi.org/10.1080/13527258.2011.541066>.
 8. Denslagen W. F. (2009) Romantic Modernism: Nostalgia in the World of Conservation. Amsterdam: Amsterdam University Press.
 9. Doratli N. (2005) Revitalizing Historic Urban Quarters: A Model for Determining the Most Relevant Strategic Approach. *European Planning Studies*. Vol. 13. No. 5. P. 749—772. <https://doi.org/10.1080/09654310500139558>.
 10. Edensor T. (2005) The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory in Excessive Space. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 23. No. 6. P. 829—849. <https://doi.org/10.1068/d58j>.
 11. Edensor T. (2013) Vital Urban Materiality and Its Multiple Absences: The Building Stone of Central Manchester. *Cultural Geographies*. Vol. 20. No. 4. P. 447—465. <https://doi.org/10.1177/1474474012438823>.
 12. Fiore E., Caradonna V. (2025) Heritagizing the Other: Diversity, Heritage and Gentrification in Amsterdam Oost. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 49. No. 1. P. 95—110. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.13288>.
 13. Halauniova A. (2021) Getting the Right Shade of Ochre: Valuation of a Building's Historicity. *Space and Culture*. Vol. 24. No. 3. P. 421—436. <https://doi.org/10.1177/1206331221997656>.
 14. Hodge C. J., Beranek C. M. (2011). Dwelling: Transforming Narratives at Historic House Museums. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 97—101. <https://doi.org/10.1080/13527258.2011.541063>.
 15. Istasse M. (2016) Affects and Senses in a World Heritage Site: The Sensual and Emotional Side of Fez Medina. In: Brumann C., Berliner D. (eds.) *World Heritage on*

- the Ground: Ethnographic Perspectives*. Oxford: Berghahn. P. 149—170. <https://doi.org/10.3167/9781785330919>.
16. Jacobs J. M. (2006) A Geography of Big Things. *Cultural Geographies*. Vol. 13. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1191/1474474006eu3540a>.
 17. Jethro D. H. (2015) Aesthetics of Power: Heritage Formation and the Senses in Post-Apartheid South Africa. PhD Thesis. Utrecht: University of Utrecht.
 18. Jones S. (2010) Negotiating Authentic Objects and Authentic Selves. Beyond the Deconstruction of Authenticity. *Journal of Material Culture*. Vol. 15. No. 2. P. 181—203. <https://doi.org/10.1177/1359183510364074>.
 19. Kannike A. (2013) Nostalgia at Home: Time as a Cultural Resource in Contemporary Estonia. *Journal of Baltic Studies*. Vol. 44. No. 2. P. 153—176. <https://doi.org/10.1080/01629778.2013.775848>.
 20. Meloni P. (2025) The Ambivalence of Cultural Heritage Policies: Creative Cities and Gentrification in Florence. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 31. No. 5. P. 541—558. <https://doi.org/10.1080/13527258.2025.2476449>.
 21. Ruy A. T., Almeida R. H. D. (2020) Territorial Museification: Fundamentals of a Concept. *Revista Brasileira de Estudos Urbanos e Regionais*. Vol. 22. <https://doi.org/10.22296/2317-1529.rbeur.202026en>.
 22. Simine S. A. (2013) Mediating Memory in the Museum: Trauma, Empathy, Nostalgia. London: Palgrave Macmillan.
 23. Smith L., Campbell G. (2017) 'Nostalgia for the Future': Memory, Nostalgia and the Politics of Class. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 23. No. 7. P. 612—627. <https://doi.org/10.1080/13527258.2017.1321034>.
 24. Snellman H. (2016) An Ethnography of Nostalgia: Nordic Museum Curators Interviewing Finnish Immigrants in Sweden. *Journal of Finnish Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 158—177. <https://doi.org/10.5406/28315081.19.2.09>.
 25. Van de Port M., Meyer B. (2018) Heritage Dynamics: Politics of Authentication, Aesthetics of Persuasion and the Cultural Production of the Real. In: Meyer B., van de Port M. (eds.) *Sense and Essence: Heritage and the Cultural Production of the Real*. London: Berghahn. P. 1—39. <https://doi.org/10.3167/9781785339394>.
 26. Văduva L., Petroman C., Vălulescu D., Marin D., Petroman I. (2024) Musealisation, Museification, Museumification, and/or Museumisation? *Quaestus*. No. 24. P. 115—124.
 27. Wang C. (2014) How Does a House Remember? Heritage-ising Return Migration in an Indonesian-Chinese House Museum in Guangdong, PRC. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 20. No. 4. P. 454—474. <https://doi.org/10.1080/13527258.2013.771791>.
 28. Yaneva A. (2008) How Buildings 'Surprise.' *Science & Technology Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 8—28. <https://doi.org/10.23987/sts.55231>.

29. Yaneva A. (2017) Five Ways to Make Architecture Political: An Introduction to the Politics of Design Practice. London: Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781474252386>.
30. Zhu Y., González Martínez P. (2022) Heritage, Values and Gentrification: The Re-development of Historic Areas in China. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 28. No. 4. P. 476—494. <https://doi.org/10.1080/13527258.2021.2010791>.
31. Zuanni C. (2021) Theorizing Born Digital Objects: Museums and Contemporary Materialities. *Museum and Society*. Vol. 19. No. 2. P. 184—198. <https://doi.org/10.29311/mas.v19i2.3790>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3018](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3018)

В. А. Прохода

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ В КОНТЕКСТЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО СТАТУСА ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Правильная ссылка на статью:

Прохода В. А. Отношение к мигрантам в контексте поселенческого статуса жителей России и других европейских стран // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 64—89. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3018>.

For citation:

Prokhoda V. A. (2025) Attitudes Towards Migrants in the Context of the Settlement Status of Residents of Russia and Other European Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 64—89. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3018>. (In Russ.)

Получено: 14.05.2025. Принято к публикации: 08.10.2025.

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ В КОНТЕКСТЕ
ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО СТАТУСА ЖИТЕЛЕЙ РОС-
СИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

ПРОХОДА Владимир Анатольевич — канди-
дат социологических наук, старший научный
сотрудник кафедры философии образования
философского факультета, Московский госу-
дарственный университет им. М.В. Ломоно-
сова, Москва, Россия

E-MAIL: prochoda@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7508-960X>

Аннотация. Цель статьи — выявить, разли-
чаются ли установки по отношению к ми-
грантам в зависимости от поселенческого
статуса жителей России и других европей-
ских стран, определить, чем обусловлены
возможные различия. Анализируются ма-
териалы десятой волны Европейского со-
циального исследования и сопоставимого
с ним Российского социального исследо-
вания. С использованием многомерного
анализа рассчитаны интегративные пока-
затели «отношение к мигрантам» и «готов-
ность к приему мигрантов», characterizu-
ющие установки населения. Отношение
к мигрантам жителей городов и сельской
местности рассмотрено с учетом возмож-
ного эффекта влияния основных социаль-
но-демографических характеристик.

Определено, что в большинстве европей-
ских стран отношение горожан к приезжим
позитивнее, чем у сельских жителей. В Рос-
сии и ряде других государств зависимости
отношения от поселенческого статуса не об-
наружено. В большинстве стран выявлена
диспропорция в уровне образования жи-
телей городов и сельской местности, при
этом респонденты с высшим образовани-
ем более благосклонны к приезжим. Под-
черкивается опосредованный характер этой
зависимости. В России значимая связь об-

ATTITUDES TOWARDS MIGRANTS IN THE CON-
TEXT OF THE SETTLEMENT STATUS OF RES-
IDENTS OF RUSSIA AND OTHER EUROPEAN
COUNTRIES

Vladimir A. PROKHODA¹ — Cand. Sci. (Soc.),
Senior Research Fellow at the Department of
Philosophy of Education, Faculty of Philosophy
E-MAIL: prochoda@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7508-960X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article aims at identifying wheth-
er attitudes towards migrants differ depending
on the settlement status of residents of Rus-
sia and other European countries and to deter-
mine what causes possible variation. The au-
thor analyzes materials of the tenth wave of
the European Social Survey and the compara-
ble Russian Social Survey and, using multivar-
iate analysis, estimates the integral indicators
“attitude towards migrants” and “readiness to
accept migrants” characterizing the attitudes
of the population. The attitudes of urban and
rural residents toward migrants are examined
taking into account the possible influence of
key sociodemographic characteristics.

The study reveals that in most European coun-
tries, the attitude of city dwellers towards new-
comers is more positive than that of rural res-
idents. At that, no significant differences in
attitudes depending on settlement status
were found in Russia and several other coun-
tries. In most countries, a disproportion in the
level of education between urban and rural
residents was found, with respondents with
higher education holding more favorable at-
titudes toward immigrants. The study empha-
sizes the indirect nature of this relationship. In
Russia, no significant correlation between ed-
ucation and attitudes is revealed, which partly
explains the lack of differences in attitudes to-

разования и установок не фиксируется, что отчасти объясняет отсутствие различий в отношении к мигрантам между городским и сельским населением. Констатируется, что экономический статус является слабым объясняющим фактором различий в оценках горожан и селян.

На примере одного из индикаторов традиционализма и наднациональной европейской идентичности выявлено, что различия в установках жителей городов и сел связаны с особенностями ценностных ориентаций. Сквозь призму страны рождения респондента и его родителей характеризуется среда социального взаимодействия. Отмечается, что неоднородное окружение в большей степени характерно для городского населения. Делается вывод, что различия в отношении к мигрантам горожан и селян в существенной степени отражают уровень образования, ценностные ориентации и разнородное окружение. При этом комбинация и степень влияния факторов могут варьироваться. В части стран имеет место совершенное опосредование, в других прямой эффект снижается, но остается значительным. Необъясненные различия могут быть связаны с частотой и характером контактов коренных жителей и мигрантов.

Ключевые слова: мигранты, иммиграция, образование, социальные установки, отношение к мигрантам, готовность к приему мигрантов, городское и сельское население

ward migrants between urban and rural residents. The author concludes that economic status is a weak explanatory factor for differences in assessments between urban and rural residents, and its effect is observed only in certain countries.

Using one of the indicators of traditionalism and supranational European identity as an example, the author reveals that differences in attitudes between urban and rural residents are linked to differences in value orientations. The social environment of social interaction is characterized through the lens of the respondent's and their parents' country of birth. It is noted that a heterogeneous environment is more characteristic of the urban population. Ultimately the author concludes that that differences in attitudes toward migrants between urban and rural residents largely reflect education level, value orientations, and a heterogeneous environment. However, the combination and degree of influence of these factors may vary. In some countries, perfect mediation occurs, while in others, the direct effect is reduced but remains significant. Unexplained differences may be associated with the frequency and nature of contact between native-born residents and migrants.

Keywords: migrants, immigration, education, social attitudes, attitudes towards migrants, readiness to accept migrants, urban and rural population

Введение

России на фоне сложившейся демографической ситуации и дефицита кадров для динамичного развития требуются мигранты. В полной мере это относится и к целому ряду европейских государств¹. Необходимость привлечения мигрантов, их важная роль в развитии экономики как ресурса рабочей силы осознается

¹ Demographic Change in Europe // European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3112> (дата обращения: 24.04.2025).

и неоднократно озвучивалась на официальном уровне как в России, так и за рубежом. Эксперты оценивают иммиграцию как важный позитивный ресурс для социально-экономического и демографического развития, показывают ее положительный эффект для национальной экономики.

Однако миграция, особенно нелегальная, сопряжена с широким спектром рисков, может приводить к росту социальной напряженности и другим негативным последствиям, что обуславливает попытки ужесточения контроля на государственном и межгосударственном уровне. Роль иммиграции вызывает интенсивные дискуссии о мерах обеспечения общественной безопасности, становится частью политической повестки. Освещение миграционного вопроса в СМИ меняется в зависимости от национальных особенностей, однако в целом имеет тенденцию создавать негативные нарративы, в которых иммиграция ассоциируется с угрозами кризиса, преступности для коренного населения.

Отношение принимающего сообщества во многом предопределяет миграционные планы, успешность интеграции и адаптации мигрантов [Kahanec, Tosun, 2009], выступая в качестве фактора политики и сигнала о готовности приема местным населением [Мукомель и др., 2022: 116]. Опросы общественного мнения свидетельствуют об актуализации миграционного вопроса, сравнительно широком распространении негативных установок по отношению к мигрантам.

Глобальный опрос Gallup International, проведенный в 2024 г., показал, что за 15 лет в мире сократилась доля людей, позитивно оценивающих иммиграцию. При этом Восточная Европа оказалась в числе регионов с максимальным сокращением². Согласно опросу «Евробарометр», проведенному в 2021 г., иммиграция занимала третье место в рейтинге главных проблем, с которыми сталкивается Европейский союз³.

Города в силу больших перспектив трудоустройства, возможностей доступа к инфраструктуре выступают точками притяжения мигрантов, именно в них приезжие ищут достойный уровень жизни. По данным российской официальной статистики, в 2023 г. в города прибыло в 4,1 раза больше внешних мигрантов (450 714 человек), чем в сельскую местность (109 720 человек). В целом миграционный прирост городского населения более чем в пять раз превысил аналогичный показатель для сельского населения⁴. О чрезвычайно значимой роли городов свидетельствуют и данные европейской статистики⁵. Статистическая информация подтверждается результатами социологических опросов, согласно которым горожане существенно чаще отмечают как факт наличия мигрантов в месте своего проживания, так и их многочисленность⁶.

² More People View Immigration Negatively than Those Who View It Positively // Gallup International. 2025. 14 February. URL: <https://www.gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/more-people-view-immigration-negatively-than-those-who-view-it-positively> (дата обращения: 22.04.2025).

³ Integration of Immigrants in the European Union // European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2276> (дата обращения: 25.04.2025).

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Population by Citizenship and Country of Birth — Cities and Greater Cities // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/urb_cpорcb/default/table?lang=en&category=mi.mil.mil_urb (дата обращения: 25.03.2025).

⁶ Всероссийский телефонный опрос «Спутник» проведен в период с 16.05.2021 по 23.05.2021 // ВЦИОМ-Навигатор. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/c7124fc1-1cd9-4ef9-a6cb-08c8ced1542e/cross/c7e9e220-72a3-4936-a9a8-3aa4a89e778e> (дата обращения: 24.04.2025).

Цель исследования — выявить, различаются ли установки жителей *городов* и *сельской местности* по отношению к мигрантам, определить, чем обусловлены возможные различия. Полученные результаты могут выступать в качестве эмпирического основания для разработки мер, направленных на формирование установок населения с учетом специфики поселенческого статуса как основы для успешной интеграции мигрантов.

Обзор научной литературы

С учетом существующего терминологического многообразия [Seobanu, Escandell, 2010] обозначим, что в публикации используется терминология, принятая в Европейском социальном исследовании (ESS). Под мигрантами понимаются люди из других стран, переезжающие жить в страну проведения опроса. Такой подход, обеспечивая унификацию, в то же время имеет некоторые ограничения, в полной мере не дифференцируя мигрантов и другие категории. Например, возвращенец из эмиграции в целом соответствует этому определению. Затрудняется и возможность учета ряда характеристик миграции.

Теоретическую рамку исследования составляют теория интегрированной угрозы [Stephan, Stephan, 2000] и теория контакта [Allport, 1979; Pettigrew, Tropp, 2012; Варшавер, 2015]. В рамках первой негативизм в установках связывается с отрицательной оценкой влияния миграции на общество, когда экономические, культурные интересы коренного населения оказываются под угрозой [Fetzer, 2000]. Сами угрозы могут быть как реальными, так и символическими [Stephan, Renfro, 2002].

Вторая теория объясняет, как и при каких условиях среда взаимодействия в городах может способствовать более позитивному восприятию мигрантов по сравнению с сельской местностью. Разнообразие населения признается определяющей характеристикой городской среды [Lee, Sharp, 2017]. Позитивные установки рассматриваются как результат большего числа контактов между приезжими и коренными жителями городов. При отсутствии реальных контактов даже представление позитивного взаимодействия способствует улучшению отношения [Crisp, Turner, 2009].

Большинство эмпирических исследований свидетельствуют о более позитивном отношении к мигрантам жителей городов [Fennelly, Federico, 2008; Seobanu, Escandell, 2010; Paas, Halapuu, 2012]. В сельской местности европейских стран выше вероятность поддержки как полного, так и расового исключения мигрантов [Gorodzeisky, Semyonov, 2009]. В то же время результаты отдельных национальных исследований показывают отсутствие значимых различий в отношении к приезжим в зависимости от поселенческого статуса [Sáez-Pascual, 2024].

Различия в установках связывают с групповой изоляцией, отсутствием разнообразия, мотивации вступления в контакт, трудностями с объединением людей в сельской местности [Crawley, Drinkwater, Kausar, 2019], увеличенным числом контактов в городах в силу высокой плотности населения [Markaki, Longhi, 2013]. При сравнении на разных уровнях урбанизации фиксируется разрыв в космополитически-националистических взглядах между жителями городов и сел [Huijsmans et al., 2021]. Констатируется, что городская среда способствует

ет толерантности [Huggins, Debies-Carl, 2015], а сельское население характеризуется как более консервативное и расово предвзятое. Сельская местность рассматривается как символ национальной идентичности и традиций [Goicolea et al., 2023]. Отмечается, что европейская наднациональная идентичность положительно связана с отношением к мигрантам, в то время как люди, сильно идентифицирующие себя со своей страной, воспринимают мигрантов как угрозу [Konings, De Coninc, D'Haenens, 2023].

Многочисленные исследования свидетельствуют о важной роли образования как фактора отношения коренного населения к мигрантам [Chandler, Tsai, 2001; Монусова, 2021]. Менее образованная часть населения более восприимчива к экономической и культурной угрозам миграции [Konings, Mosaico, 2020]. Позитивное восприятие приезжих связывают с высоким уровнем образования, способствующего лучшей способности к абстрагированию, либерализующему эффекту, формированию космополитического мировоззрения и толерантности [Umansky, Weber, Lutz, 2025; Haubert, Fussell, 2006]. При этом образование как механизм социализации может транслировать различные культурные нормы и ценности в зависимости от общественного заказа, определяемого либерально-демократическими традициями страны [Coenders, Scheepers, 2003].

В ряде работ отмечается влияние образования в контексте гипотезы конкуренции на рынке труда через корреляцию с уровнем дохода, профессиональной квалификацией, стабильностью положения [Schneider, 2008]. Образование как критерий стратификации обеспечивает более уверенный статус, что дает преференции перед иммигрантами. Однако, как свидетельствует метаанализ, при контроле экономических характеристик значимость образования сохраняется [Dražanová et al., 2024].

Эффект образования ярче проявляется в городах, а негативные установки по отношению к мигрантам более выражены в сельской местности [Garcia, Davidson, 2013]. Люди с высоким уровнем образования склонны выбирать города в качестве места жительства [Sáez-Pascual, 2024] не только по экономическим причинам, но и в силу их большей привлекательности для придерживающихся космополитических установок и предпочтений в образе жизни [Huijsmans et al., 2021]. Влияние космополитизма сильнее всего проявляется среди жителей крупных городов, а эффект контакта — в средних городах, что связывают с размером сообществ и контекстом контакта (наличие повторных взаимодействий, длительность) [Ceballos, Yakushko, Lyons, 2014].

Отдельные исследования показывают, что проживание в сельской местности само по себе не связано с негативными установками по отношению к мигрантам при учете влияния уровня образования и характера социального взаимодействия [Zahl-Thanem, Haugen, 2019].

В нашей стране результаты исследований неоднозначны. Одни авторы фиксируют выраженный негативизм жителей городов [Этничность..., 2017: 63], в том числе с привязкой к численности населения [Воронина, 2023]. При сравнении с Европой делается вывод, что за рубежом городские жители более космополитичны и терпимы, чем жители сельской местности, а в России имеет место противоположный эффект [Bessudnov, 2015: 19]. Другие ученые констатируют более

негативное отношение к мигрантам жителей сел и поселков городского типа [Моносова, 2021: 452; Социокультурные..., 2016: 52]. С учетом возможности влияния фактора времени и широкого контекста присоединимся к мнению о том, что результаты отечественных исследований требуют уточнений [Мастикова, Фадеев, 2020: 107].

Проведенный анализ научной литературы позволяет выдвинуть следующие гипотезы.

1. В большинстве европейских стран горожане по сравнению с сельскими жителями демонстрируют более позитивные установки по отношению к мигрантам.

2. Различия в установках по отношению к мигрантам городского и сельского населения отчасти обусловлены уровнем образования респондентов.

3. Разнородная среда в большей степени характерна для городов и связана с позитивным восприятием мигрантов. Характер среды взаимодействия влияет на различия в установках сельского и городского населения.

4. Привязанность к Европе как ценностная ориентация связана с благосклонным отношением к мигрантам и в большинстве стран влияет на различия в установках жителей сельской местности и городов.

В целом на фоне объема научной литературы, характеризующей национальные аспекты отношения к мигрантам, отметим некоторый дефицит междисциплинарных исследований, направленных на сравнение установок жителей сельской местности и городов.

Материалы и методы

Эмпирической базой для вторичного анализа послужили материалы десятой волны ESS и Российского социального исследования (РСИ), реализованного по сопоставимой с ESS программе. РСИ проведено Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) в июле-декабре 2021 г. методом личного интервью по месту жительства респондентов, отобранных по случайной вероятностной выборке населения страны в возрасте 15 лет и старше ($n = 2070$). Сбор первичной социологической информации в большинстве других стран-участниц проводился в период со второй половины 2021 г. по первую половину 2022 г.⁷

В рассматриваемый временной интервал важным событием, определяющим миграционную ситуацию в Европе, стал кризис украинских беженцев. В основных странах-реципиентах полевой этап исследования в конце февраля 2022 г. был либо уже завершен (Австрия, Германия, Россия, Литва, Словакия, Франция, Чешская Республика), либо была собрана существенная часть материала (Великобритания $\approx 70\%$, Польша $\approx 80\%$, Италия $\approx 50\%$, Испания $\approx 50\%$, Нидерланды $\approx 85\%$), что позволяет проводить корректные сопоставления.

⁷ Даты проведения полевого этапа в формате месяц, год. Австрия: 08.21—12.21, Бельгия: 10.21—09.22, Болгария: 06.21—09.21, Великобритания: 08.21—09.22, Венгрия: 06.21—10.21, Германия: 10.21—01.22, Греция: 11.21—05.22, Израиль: 02.22—07.22, Ирландия: 11.21—12.22, Исландия: 07.21—02.22, Испания: 01.22—05.22, Италия: 10.21—04.22, Латвия: 11.21—01.22, Литва: 07.21—12.21, Нидерланды: 10.21—04.22, Норвегия: 06.21—05.22, Польша: 01.22—05.22, Португалия: 08.21—03.22, Республика Кипр: 03.22—08.22, Северная Македония: 10.21—03.22, Сербия: 01.22—05.22, Словакия: 05.21—10.21, Словения: 09.20—08.21, Финляндия: 08.21—01.22, Франция: 08.21—12.21, Хорватия: 05.21—11.21, Чешская Республика: 07.21—09.21, Черногория: 11.21—03.22, Швейцария: 05.21—05.22, Швеция: 12.21—01.22, Эстония: 06.21—12.21.

Анализируются данные по 32 странам⁸. Для обеспечения возможности сравнения стран применены весовые коэффициенты⁹. Основные вопросы, используемые в обработке и анализе, представлены в таблице 1. Нумерация вопросов соответствует опросному инструментарию.

Таблица 1. Основные вопросы анкеты, интегративные показатели и результаты анализа

		Нагрузки
«Отношение к мигрантам»*	b43. Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Россию, в целом плохо или хорошо сказывается на экономике России? (Шкала ответов от 0 до 10) 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 Плохо для экономики Хорошо для экономики	0,88
	b44. Теперь, пользуясь этой карточкой, скажите, как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России? (Шкала ответов от 0 до 10) 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 Разрушает культуру нашей страны Обогащает культуру нашей страны	0,90
	b45. Как Вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже? (Шкала ответов от 0 до 10) 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 Становится хуже Становится лучше	0,91
«Готовность к приему»**	b40. Используя эту карточку, скажите, следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения России, переезжать жить в нашу страну? (Шкала ответов: «1» — Следует позволить многим таким людям переезжать жить в Россию; «2» — Следует позволить некоторым таким людям переезжать жить в Россию; «3» — Следует позволить переезжать лишь немногим из них; «4» — Никому не разрешать)	0,86
	b41. А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России? (Шкала ответов: см. b40)	0,94
	b42. А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы? (Шкала ответов: см. b40)	0,91
	f14. Какая из фраз на карточке наилучшим образом описывает место, где Вы живете? (Шкала ответов: «1» — Большой город; «2» — Пригород или окраина большого города; «3» — Небольшой город или поселок городского типа; «4» — Деревня/село; «5» — Ферма или отдельный дом в сельской местности / хутор)	

* Использован факторный анализ (трактруется в широком смысле); метод главных компонент; извлечена одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина = 0,74; объясняемая дисперсия = 80,3%; критерий Бартлетта — $p < 0,001$.

** Категориальный анализ главных компонент; выделена одна компонента; α Кронбаха = 0,89; объясненная дисперсия — 81,6%. Наблюдения с пропущенными значениями исключены.

⁸ Количество опрошенных в странах — участницах проекта: Австрия — 2003; Бельгия — 1341; Болгария — 2718; Великобритания — 1149; Венгрия — 1849; Германия — 8725; Греция — 2799; Израиль — 1308; Ирландия — 1770; Исландия — 903; Испания — 2283; Италия — 2640; Латвия — 1023; Литва — 1659; Нидерланды — 1470; Норвегия — 1411; Польша — 2065; Португалия — 1838; Республика Кипр — 875; Северная Македония — 1429; Сербия — 1505; Словакия — 1418; Словения — 1252; Финляндия — 1577; Франция — 1977; Хорватия — 1592; Чешская Республика — 2476; Черногория — 1278; Швейцария — 1523; Швеция — 2287; Эстония — 1542.

⁹ Использован весовой коэффициент проектирования после стратификации (без поправки на размер популяции) — «pspwght». Вес рекомендован ESS к использованию для анализа как по отдельной стране, так и для межстрановых сравнений. Подробнее см. Руководство по использованию весов и планированию выборки: URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS_weighting_data_1_1.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

Эмпирический анализ начинается с выявления обобщенных переменных, характеризующих установки населения. Расчет интегративного показателя «отношение к мигрантам» проведен на основе факторного анализа применительно к переменным b43, b44, b45, раскрывающим роль миграции для национальной экономики, культуры, а также страны как места для жизни в целом. Факторная структура воспроизводится на национальных выборках. Сокращение исходных переменных b40, b41, b42 проведено посредством категориального анализа главных компонент с сохранением обобщенной переменной «готовность к приему мигрантов».

Различия в установках жителей городов и сельской местности выявлены с использованием t-критерия для независимых выборок. Уровень значимости повсеместно обозначен «**» для $p \leq 0,01$; «*» при $p \leq 0,05$. Различия между странами определены посредством использования однофакторного дисперсионного анализа. Далее проводился иерархический регрессионный анализ¹⁰. Применительно к каждой стране с выявленными значимыми различиями в установках сельского и городского населения поэтапно вводились предикторы, отобранные на основании результатов предыдущих исследований. Дополнительно предварительно проводился корреляционный анализ. В процессе подбора избегались незначимые и избыточные переменные, увеличивающие размерность задачи без существенного повышения качества модели и изменений коэффициентов регрессии.

Задача построения модели, наиболее полно описывающей отношение населения к мигрантам, не ставилась, поскольку выявление главных факторов, влияющих на отношение к мигрантам городского и сельского населения, выходит за рамки настоящей публикации. Основное внимание уделялось не приросту объяснительной силы модели, а опосредующему эффекту вводимых переменных. Интерес представляют снижение β -коэффициентов «места жительства» и их значимость, подтверждающие, что как минимум часть эффекта влияния поселенческого статуса на «отношение к мигрантам» проходит через добавленные в модели опосредующие переменные. Во всех моделях зависимая переменная — «отношение к мигрантам».

Модели 1 (M1, исходные модели) включают один предиктор — «место жительства». Варианты ответов на вопрос f14 преобразованы в две группы. Коды: 0 — сельская местность; 1 — города.

Модели 2 (M2) — добавлен предиктор «образование», измеряемый по количеству лет, потраченных на обучение. Поскольку в европейских странах возможны горизонтальные и вертикальные траектории получения образования, дополнительно для проверки устойчивости результата учитывалось наличие у респондента высшего образования. Коды: 0 — без высшего образования; 1 — высшее образование.

Модели 3 (M3) — добавлен предиктор «происхождение», рассчитанный на основе трех коррелирующих между собой исходных переменных: c21 «Вы родились в этой стране?»; c26 «Ваш отец родился в этой стране?»; c28 «Ваша мать родилась в этой стране?». Коды: 0 — респондент и/или отец и/или мать родились в стране проведения опроса; 1 — респондент и/или отец и/или мать родились в другой стране.

¹⁰ Под иерархической регрессией понимается множественная линейная регрессия методом иерархического ввода.

Модели 4 (M4) — добавлен предиктор «привязанность к Европе». Вопрос: с10 «Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к Европе?». Шкала ответов: от 0 — вообще не чувствую эмоциональной привязанности до 10 — чувствую очень сильную эмоциональную привязанность.

Модели 5 (M5) — добавлен предиктор «традиционализм». Вопрос b38 «Послушание и уважение к авторитетам — самые важные ценности, которые должны усвоить дети». Инвертированные коды: от 1 — совершенно не согласен до 5 — полностью согласен.

Модели 6.1 (M6.1, исходные модели) включают предикторы — «большие города», «остальные города и ПГТ» (объединены категории «пригороды или окраины» + «небольшой город и ПГТ») ¹¹. Варианты ответов на вопрос f14 (см. табл. 1) преобразованы в три дихотомические переменные. Опорная категория — «сельская местность».

Модели 6.2 (M6.2) включают предикторы — «большие города», «остальные города или ПГТ», «образование», «происхождение», «привязанность к Европе», «традиционализм».

Модели 7 (M7) включают добавленные единым блоком к набору предикторов M5 социально-демографические характеристики. Вопрос f2 «Ваш пол». Коды: 0 — мужской; 1 — женский. Возраст респондента — количество полных лет. Вопрос f42 «Какое из высказываний наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?». Преобразованные коды: 0 — «живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений» + «этого дохода нам в принципе хватает»; 1 — «жить на такой доход довольно трудно» + «жить на такой доход очень трудно».

Применительно к количественным переменным «образование», «привязанность к Европе», «традиционализм» для уточненной оценки прямого и косвенных эффектов (эффект воздействия через переменную-посредник) использовался анализ медиации методом бутстрэпа (вычисление по 5 000 выборок), реализованный в макросе PROCESS в рамках модели простой медиации (модель 4) ¹².

Установки горожан и сельского населения по отношению к мигрантам

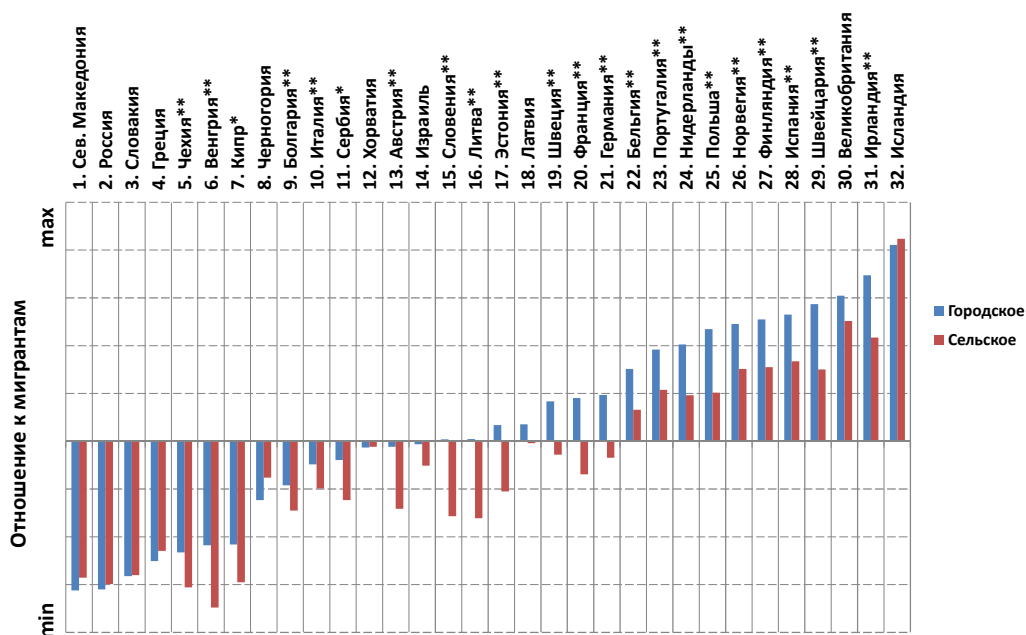
На основе факторного анализа рассчитывался интегративный показатель, условно именуемый в дальнейшем «отношение к мигрантам» (см. табл. 1). В целом чем благоприятнее отношение респондентов к приезжим, тем больше значение показателя. Позитивно воспринимающие миграцию положительно оценивают влияние притока мигрантов на национальную экономику, культуру, жизнь в стране в целом, и наоборот.

Далее страны — участницы ESS были ранжированы по возрастанию средних факторных значений «отношения к мигрантам» у городского населения от минимума «негативное отношение» до максимума «позитивное отношение» (см. рис. 1).

¹¹ Объединение проведено в силу малочисленности категории «пригород или окраина большого города» в ряде стран (Болгария $n = 58$, Венгрия $n = 41$, Северная Македония $n = 67$ и т.д.).

¹² См. подробнее: Hayes A. F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. New York, NY: Guilford Publications, 2017.

Рис. 1. Отношение к мигрантам городского и сельского населения
(32 страны ранжированы в порядке возрастания показателя у городского населения)

Как городское, так и сельское население стран — участниц проекта весьма дифференцировано в зависимости от отношения к мигрантам. На европейском фоне россияне демонстрируют негативные установки по отношению к приезжим, значимо не отличаясь от жителей Северной Македонии и Словакии. Россияне, проживающие в сельской местности, схожи в оценках с сельским населением Республики Кипр, Чехии, Северной Македонии, Словакии, Венгрии, Греции.

В целом в левой части рисунка 1 концентрируются государства, через которые с момента начала европейского миграционного кризиса проходят основные транзитные потоки нелегальных мигрантов. В сравнительно благополучной правой части представлены как страны — реципиенты миграционных потоков (преимущественно Северной и Западной Европы), так и географически изолированные островные государства.

Результаты позволяют констатировать, что во всех странах — участницах проекта установки горожан по отношению к мигрантам либо позитивнее ($n = 22$), либо статистически значимо не отличаются от установок сельских жителей ($n = 10$, в том числе Россия). Выявленные различия в оценках больше характерны для стран с выраженным позитивным отношением населения к мигрантам и части государств, расположенных в центре рисунка 1.

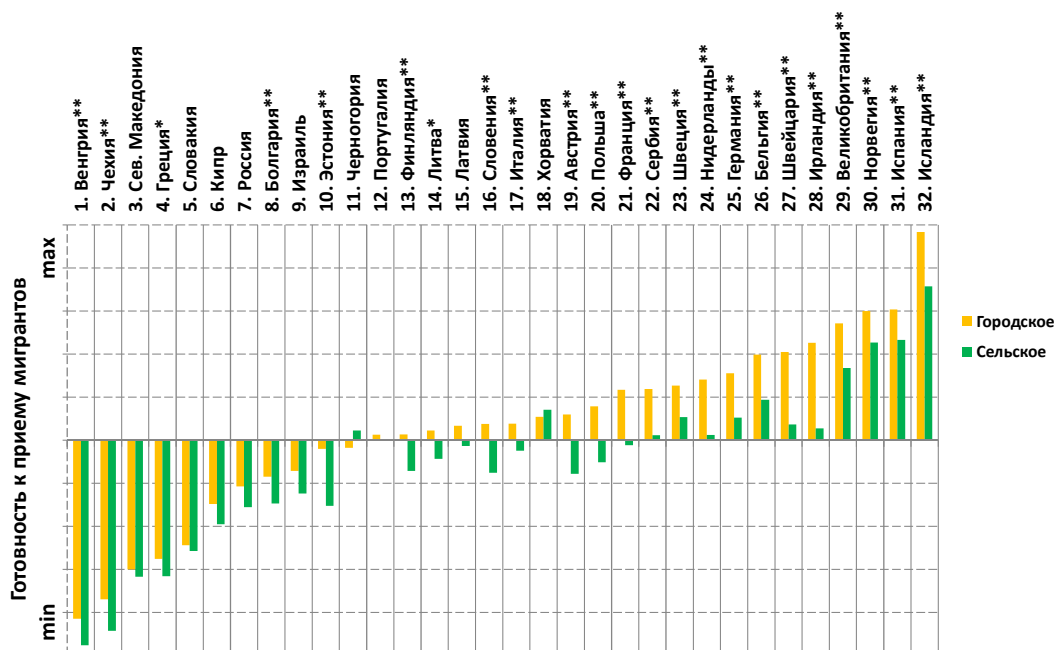
Попутно отметим, что значимые различия средних значений в зависимости от поселенческого статуса россиян отсутствуют и по исходным вопросам b43, b44, b45. Применительно к обобщенной переменной «отношение к мигрантам»

отсутствие различий сохраняется при использовании общего для стран — участниц ESS вопроса f14 без преобразования ответов в две категории (см. табл. 1).

Воспроизводимость полученных результатов с учетом разных категорий мигрантов оценим посредством расчета интегративного показателя, характеризующего готовность городского и сельского населения к их приему (см. табл. 1). Для удобства восприятия исходные шкалы были инвертированы: чем больше значение показателя, тем выше готовность населения к приему приезжих как той же расы или национальности, что и большинство населения страны, так и отличающихся от него, в том числе приезжих из бедных стран за пределами Европы. Объединение исходных вопросов, касающихся разных категорий мигрантов, в единую латентную переменную подтверждает высокую согласованность ответов в каждой стране.

Ранжированные по «готовности к приему» мигрантов городским населением страны представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Готовность к приему мигрантов городского и сельского населения
(32 страны ранжированы в порядке возрастания показателя для городского населения)

Россия все так же дислоцирована в левой части рисунка, однако последовательность государств меняется. Наша страна, например, переместилась со второго на седьмое место. Некоторые различия в установках объясняются состоянием рынка труда и отчасти — распространением рационального подхода к рабочей силе. Коренные жители демонстрируют готовность к приему в обмен на закрытие потребностей экономики в малопривлекательных для себя сферах. Иными сло-

вами, существенная часть местного населения, при отсутствии выраженных позитивных установок, готова терпеть трудовых мигрантов на местах, на которых их нечем заменить.

Наблюдается повторение ситуации, когда в большинстве европейских государств ($n = 23$) фиксируется значимое различие в оценках между городскими и сельскими жителями. Сельское население демонстрирует меньшую степень готовности к приему мигрантов. В остальных странах ($n = 9$), в том числе в России, значимые различия отсутствуют.

Учет различий между городским и сельским населением по значениям обоих рассчитанных показателей — «отношение к мигрантам» и «готовность к приему мигрантов» — позволяет констатировать, что во всех странах — участницах проекта городское население относится к приезжим либо благосклоннее, либо не хуже сельских жителей. При этом большинство стран характеризуется наличием значимого различия в установках населения.

Все государства можно условно разделить на три группы. Первую, самую многочисленную группу ($n = 20$) составляют государства, в которых по обоим обобщенным переменным фиксируются различия между горожанами и селянами (далее — группа № 1). Вторую наполняют преимущественно постсоциалистические страны (Латвия, Россия, Северная Македония, Словакия, Хорватия, Черногория, Израиль), где различия в установках населения отсутствуют (группа № 2). В состав третьей входят страны с выявленным различием только по одному интегративному показателю (Великобритания, Исландия, Греция, Португалия, Республика Кипр). Отметим, что здесь в ряде случаев результат был близок к пороговым значениям. Учитывая неопределенный статус группы, в дальнейшем анализе акцентируем внимание на группах № 1 и № 2.

Можно констатировать, что выдвинутая ранее гипотеза подтвердилась. В большинстве европейских стран городское население относится к мигрантам позитивнее, чем сельское. Актуальной остается задача определения характеристик, обуславливающих различия в установках жителей городов и сельской местности. Обратимся к результатам регрессионного анализа.

Образование и установки по отношению к мигрантам городских и сельских жителей

Исследование показало, что в странах группы № 1, за исключением Болгарии, чем больше лет потрачено на обучение, тем позитивнее отношение респондентов к мигрантам (см. табл. 2). В странах группы № 2 фиксируется либо слабое влияние «образования», либо оно отсутствует (Израиль, Латвия, Россия).

При включении в исходные модели (M1) предиктора «образование» объяснительная сила M2 значительно повышается во всех странах, кроме Болгарии¹³. Влияние места жительства снижается почти повсеместно, за исключением Республики Чехия и Бельгии (см. рис. 3). Последнее связано с отсутствием различий в количестве лет, потраченных респондентом на обучение, между сельской местностью и городами. В то время как в большинстве рассматриваемых европейских госу-

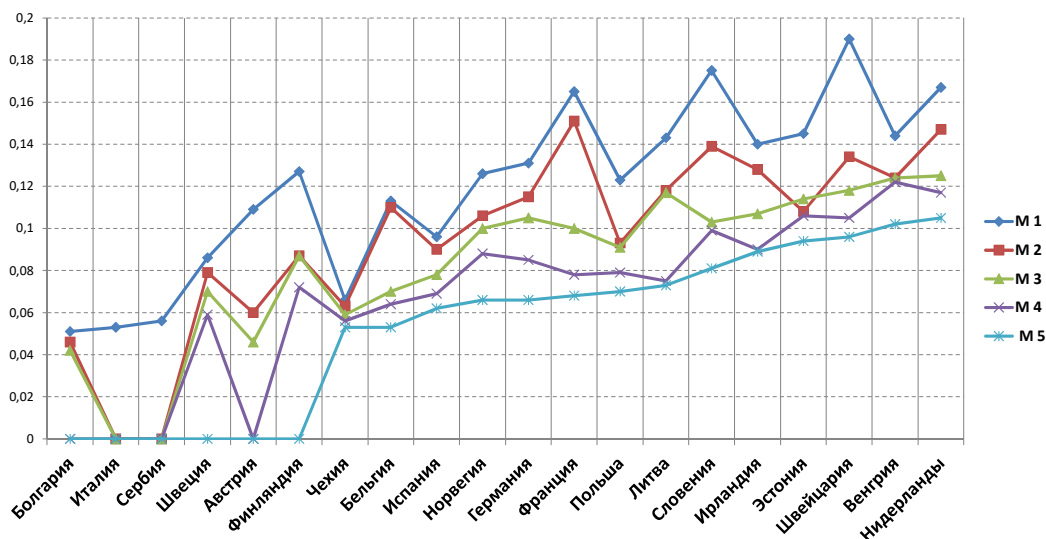
¹³ M2 по странам значимы — **. Болгария, Сербия — *.

дарств имеет место диспропорция в уровне образования в зависимости от поселенческого статуса. Горожане в среднем тратят на обучение либо большее количество лет, либо значимо не отличаются от сельского населения.

Таблица 2. **Результаты регрессионного анализа M5 и M7 (20 стран, β -коэффициент, R-squared)**

Страна	Стандартизированный β -коэффициент						R-squared	
	M5					M7	M5	M7
	Место жительства	Образование	Происхождение	Привязанность к Европе	Традиционализм	Место жительства		
Австрия	0	0,114**	0,111**	0,253**	-0,319**	0	0,264	0,273
Бельгия	0,053*	0,170**	0,129**	0,185**	-0,161**	0,053*	0,144	0,166
Болгария	0	0	0,049*	0,100**	0,054**	0	0,016	0,025
Венгрия	0,102**	0,117**	0,055*	0	-0,203**	0,099**	0,077	0,079
Германия	0,066**	0,063**	0,068**	0,318**	-0,289**	0,066**	0,242	0,249
Ирландия	0,089**	0,117**	0,186**	0,391**	-0,095**	0,079**	0,264	0,274
Испания	0,062**	0,072**	0,167**	0,157**	-0,211**	0,056*	0,103	0,110
Италия	0	0,206**	0,224**	0,322**	-0,175**	0	0,231	0,239
Литва	0,073**	0,083**	0	0,380**	-0,085**	0,064**	0,201	0,238
Нидерланды	0,105**	0,105**	0,126**	0,317**	-0,125**	0,102**	0,187	0,188
Норвегия	0,066*	0,111**	0,062*	0,187**	-0,210**	0,072**	0,126	0,127
Польша	0,070**	0,063**	0	0,270**	-0,102**	0,065**	0,111	0,130
Сербия	0	0,063*	0	0,128**	-0,059*	0	0,024	0,049
Словения	0,081**	0,145**	0,125**	0,148**	-0,200**	0,081**	0,138	0,142
Финляндия	0	0,089**	0	0,279**	-0,272**	0	0,189	0,196
Франция	0,068**	0,151**	0,193**	0,277**	-0,236**	0,060**	0,246	0,256
Чехия	0,053**	0,095**	0,066**	0,161**	-0,220**	0,055**	0,096	0,126
Швейцария	0,096**	0,196**	0,112**	0,226**	-0,174**	0,088**	0,192	0,199
Швеция	0	0,124**	0,104**	0,209**	-0,311**	0	0,192	0,208
Эстония	0,094**	0,082**	0	0,181**	-0,182**	0,068**	0,117	0,161

Рис. 3. Влияние места жительства на «отношение к мигрантам» до и после включения в регрессию предикторов «образование», «происхождение», «привязанность к Европе», «традиционализм» (20 стран, 5 моделей для каждой страны, значение β -коэффициента)

Сравнительно большая доля высокообразованных респондентов в городах обуславливает позитивное «отношение к мигрантам». Иными словами, часть эффекта влияния места жительства на «отношение к мигрантам» проходит через «образование»¹⁴. В Италии и Сербии объяснительная сила поселенческого статуса становится статистически незначимой.

Анализ медиации позволяет сделать вывод, что косвенный эффект значителен в большинстве стран группы № 1, за исключением Бельгии, Болгарии, Ирландии, Сербии и Чехии (см. табл. 3). В Италии влияние места жительства полностью опосредуется «образованием».

Можно констатировать, что гипотеза о том, что различия в установках по отношению к мигрантам городского и сельского населения отчасти обусловлены «образованием» респондентов, подтвердилась.

Таблица 3. Влияние места жительства на отношение к мигрантам: прямой и косвенные эффекты посредством «образования», «привязанности к Европе», «традиционализма» (20 стран, *b*, доверительный интервал бутстрепа)

Страна	Прямой эффект (<i>b</i>)	Косвенный эффект (<i>b</i> , доверительный интервал бутстрепа)		
		Образование	Привязанность к Европе	Традиционализм
Австрия	Незначим	0,041 [0,023—0,061]	0,043 [0,017—0,070]	0,075 [0,046—0,105]
Бельгия	0,120**	0,002 [−0,011—0,016]	0,023 [0,006—0,042]	0,018 [0,004—0,034]

¹⁴ Результат в целом воспроизводится при использовании дихотомической переменной, учитывающей наличие у респондентов высшего образования.

Страна	Прямой эффект (b)	Косвенный эффект (b, доверительный интервал бутстрепа)		
		Образование	Привязанность к Европе	Традиционализм
Болгария	Незначим	0,021 [–0,005—0,046]	0,017 [0,002—0,033]	–0,005 [–0,013—0,003]
Венгрия	0,146**	0,021 [0,011—0,035]	–0,001 [–0,006—0,003]	0,037 [0,012—0,058]
Германия	0,142**	0,018 [0,012—0,024]	0,049 [0,034—0,064]	0,064 [0,051—0,078]
Ирландия	0,174**	0,013 [–0,004—0,031]	0,046 [0,014—0,080]	0,000 [–0,006—0,006]
Испания	0,125**	0,007 [0,001—0,017]	0,020 [0,004—0,039]	0,014 [–0,006—0,036]
Италия	Незначим	0,046 [0,030—0,064]	–0,001 [–0,025—0,025]	0,004 [–0,010—0,017]
Литва	0,146**	0,028 [0,007—0,050]	0,110 [0,067—0,158]	0,014 [0,001—0,031]
Нидерланды	0,154**	0,016 [0,006—0,028]	0,018 [–0,002—0,039]	0,022 [0,010—0,037]
Норвегия	0,139**	0,034 [0,018—0,054]	0,019 [0,006—0,037]	0,046 [0,026—0,068]
Польша	0,146**	0,033 [0,008—0,060]	0,043 [0,017—0,070]	0,024 [0,011—0,039]
Сербия	Незначим	0,019 [–0,006—0,047]	0,044 [0,017—0,077]	0,030 [0,006—0,059]
Словения	0,204**	0,041 [0,021—0,065]	0,007 [–0,007—0,024]	0,052 [0,028—0,080]
Финляндия	0,076*	0,032 [0,015—0,051]	0,038 [0,015—0,063]	0,074 [0,051—0,100]
Франция	0,185**	0,019 [0,007—0,034]	0,063 [0,036—0,092]	0,024 [0,003—0,047]
Чехия	0,085*	0,004 [–0,003—0,111]	0,002 [–0,012—0,018]	0,000 [–0,021—0,022]
Швейцария	0,146**	0,066 [0,044—0,090]	0,027 [0,008—0,048]	0,023 [0,010—0,039]
Швеция	Незначим	0,015 [0,003—0,029]	0,030 [0,009—0,055]	0,061 [0,030—0,093]
Эстония	0,170**	0,041 [0,017—0,069]	0,036 [0,016—0,060]	0,042 [0,022—0,066]

Примечание. Фоновой заливкой отмечены ячейки таблицы, в которых ноль попадает в 95-процентный доверительный интервал.

В России горожане в целом образованнее селян. Последнее обусловлено действием ряда факторов, в том числе различным восприятием ценности образования, обеспеченностью местами в вузах, финансовой и территориальной доступностью, спецификой рынка труда и др. [Буланова, 2016]. Однако характерная для большинства европейских стран связь образования с отношением к мигрантам в России не проявляется, что в том числе *предопределяет отсутствие различий в установках* в зависимости от поселенческого статуса россиян.

Объяснение может быть связано со специфичными проблемами отечественного образования — сложностями формирования универсальных компетенций (УК), ориен-

тацией педагогов прежде всего на передачу содержания дисциплины, проблемами измерения и оценки УК и др. Возможно, в России на первый план выходят другие агенты социализации — семья, СМИ, лидеры общественного мнения и т.д. Уточнение их роли требует проведения дополнительных исследований и дальнейшего обсуждения.

В контексте конкуренции с мигрантами на рынке труда образование также не дает россиянам существенных преимуществ. В условиях статусной неконсистентности общества оно сравнительно слабо обеспечивает повышение уровня дохода и предопределяет профессиональный статус.

Страна рождения и различия в установках горожан и селян

Среду социального взаимодействия можно охарактеризовать сквозь призму страны рождения респондента и/или его родителей. Очевидно, что за исключением некоторых ситуаций опрошенные, указавшие в качестве места рождения своего или родителей другую страну, сами являются или были ранее мигрантами либо происходят из семей мигрантов или бывших мигрантов.

Государства — участники проекта сильно дифференцированы по рассматриваемому показателю. Максимальное разнообразие фиксируется в Израиле, где 46,2 % респондентов отмечают факт своего рождения или рождения хотя бы одного из родителей в другой стране, в Швейцарии — 44,8 %, в Эстонии — 30,2 %. Минимальных значений показатель достигает в Болгарии — 2,6 % и Венгрии — 3,6 %.

Для большинства стран группы № 1 характерна зависимость между «происхождением» и отношением опрошенных к мигрантам. В целом выходцы или потомки выходцев из других стран позитивнее относятся к мигрантам (см. табл. 2). Влияние не обнаружено в Литве, Польше, Сербии, Финляндии и Эстонии. В Польше и Сербии значимые различия между городскими и сельскими жителями по стране рождения отсутствуют, в Финляндии они минимальны. Применительно к Литве и Эстонии ситуацию с происхождением как минимум родителей имеет смысл интерпретировать с учетом исторического прошлого (распад СССР). Это тот случай, когда «происхождение» может не быть маркером мигрантов или выходцев из их семей.

Интересна ситуация в Германии, где при наличии представительной группы (22 %) респондентов, указавших местом своего рождения или рождения родителей другую страну, фиксируется сравнительно слабая зависимость с установками. Очевидно, закрепившиеся мигранты, как и опрошенные с миграционным прошлым, в условиях напряженности на рынке труда или дефицита ресурсов сами могут опасаться конкуренции с вновь прибывающими переселенцами, что сказывается на отношении к мигрантам.

Страны группы № 2 характеризуются относительно однородным «происхождением» жителей городов и сельской местности при одновременном отсутствии или наличии очень слабой зависимости «происхождения» с установками. В России значимые различия по рассматриваемому показателю между жителями сел и городов не фиксируются, что может нивелировать различия в установках населения.

Включение «происхождения» в модели (МЗ)¹⁵ приводит к снижению влияния места жительства на отношение к мигрантам в большинстве стран группы № 1,

¹⁵ МЗ по странам значимы — **. Объяснительная сила моделей увеличивается за исключением Сербии, Финляндии, Эстонии.

за исключением Венгрии, Польши, Литвы, Сербии, Финляндии и Эстонии, что дает основания предполагать наличие частичного опосредующего эффекта (см. рис. 3).

Таким образом, выдвинутая гипотеза *подтверждается отчасти*. Разнородная среда действительно в большей степени характерна для городов и связана с позитивным восприятием мигрантов. Однако влияние страны рождения на различия в установках по отношению к мигрантам городского и сельского населения проявляется не повсеместно.

Различия в ценностных ориентациях и отношении к мигрантам

Городские и сельские жители различаются не только отдельными социально-демографическими характеристиками, но и ценностными ориентациями, что оказывает влияние на отношение к мигрантам в контексте поселенческого статуса. К числу факторов отношения к мигрантам относится эмоциональная привязанность к Европе. Идентификация с Европой в группе № 1 повсеместно, кроме Венгрии с ее проявлениями евроскептицизма и стремлением к консервативным ценностям, снижает предубеждение по отношению к приезжим (см. табл. 2).

Интересно, что при выраженной европейской идентичности представители аут-группы (out-group) в лице приезжих из стран за пределами Европы в целом получают такие же положительные оценки, как и внутренние для ЕС мигранты, которые должны восприниматься как члены собственной группы (in-group). Для стран группы № 1 (за исключением Бельгии) характерно, что европейская идентичность сильнее проявляется среди жителей городов.

Группу № 2 в целом характеризует сравнительно низкий уровень эмоциональной привязанности к Европе. В постсоциалистических государствах сказывается комплекс факторов: исторический опыт, различия в экономическом развитии, политическая ситуация и т. д. При этом за исключением России в них отсутствуют значимые различия в оценках городского и сельского населения.

Можно предположить, что привязанность, являясь аффективным компонентом наднациональной идентичности, базируется на разделении респондентами основных европейских ценностей — космополитизма, культурного разнообразия, открытости, равенства, что предопределяет более благосклонное отношение, в том числе к внешним мигрантам. Различия в установках жителей городов и сел в итоге обусловлены особенностями ценностных ориентаций.

Добавление предиктора «привязанность к Европе» в модели M4 сопровождается снижением объяснительной силы «места жительства» в странах группы № 1 (см. рис. 3)¹⁶. Анализ медиации позволяет уточнить результаты — во всех странах кроме Венгрии, Италии, Нидерландов, Словении и Чехии, косвенный эффект значителен. В Австрии и Болгарии β -коэффициенты поселенческого статуса незначимы, что при отсутствии прямого эффекта является аргументом в пользу наличия полного опосредования. Таким образом, «привязанность к Европе» как ценностная ориентация в большинстве стран влияет на различия в установках жителей сельской местности и городов.

¹⁶ M4 по странам значимы — **.

В контексте поселенческого статуса рассмотрим связь отношения к мигрантам с одним из индикаторов ценности традиционализма. «Традиционализм» за единичными исключениями связан с более негативным отношением к приезжим. Во многом это предопределяется восприятием миграции как угрозы традиционному образу жизни, культуре, идентичности. В странах группы № 1 зависимость проявляется повсеместно (см. табл. 2). Объяснение ситуации в Болгарии, где направление связи изменяется, требует проведения дополнительного исследования. В группе № 2 влияние проявляется сравнительно слабо или отсутствует (Черногория).

Предсказательная сила поселенческого статуса снижается при включении «традиционализма» в модели М5 (см. рис. 3)¹⁷. Наличие значительного косвенного эффекта отмечается в большинстве стран, за исключением Болгарии, Ирландии, Испании, Италии и Чехии (см. табл. 3).

Отношение к мигрантам в контексте типа населенного пункта

Рассмотреть установки респондентов по отношению к мигрантам в зависимости от типа населенного пункта, а также факторы влияния позволяют результаты линейной регрессии М6.1 и М6.2 (см. табл. 4)¹⁸.

В целом объяснительная сила моделей М6.2 существенно не меняется в сравнении с М5, однако появляется возможность уточнений. Так, жители больших городов повсеместно относятся к мигрантам позитивнее селян. В то же время население остальных городов или ПГТ в ряде стран на уровне М6.1 в своих установках значимо не отличается от сельских жителей. С учетом опосредующего эффекта число таких государств увеличивается до девяти.

Таблица 4. **Результаты регрессионного анализа М6.1, М6.2**
(20 стран, β -коэффициент, R-squared)

Страна	М6.1		М6.2						R-squared	
	Большие города	Остальные города и ПГТ	Большие города	Остальные города и ПГТ	Образование	Происхождение	Привязанность к Европе	Традиционализм	М5	М6.2
Австрия	0,201**	0,065**	0,055*	0	0,106**	0,104**	0,250**	-0,316**	0,259	0,263
Бельгия	0,179**	0	0,118**	0	0,177**	0,110**	0,180**	-0,152**	0,144	0,153
Болгария	0,087**	0	0,086**	0	0	0,049*	0,097**	0,065**	0,016	0,022
Венгрия	0,187**	0,117**	0,132**	0,083**	0,111**	0,054*	0	-0,201**	0,078	0,080
Германия	0,179**	0,098**	0,098**	0,047**	0,058**	0,064**	0,317**	-0,285**	0,238	0,241
Ирландия	0,105**	0,147**	0,072**	0,093**	0,117**	0,186**	0,390**	-0,095**	0,259	0,258
Испания	0,086**	0,091**	0	0,073**	0,072**	0,168**	0,157**	-0,211**	0,105	0,105
Италия	0,065**	0	0	0	0,206**	0,224**	0,322**	-0,176**	0,233	0,232
Литва	0,273**	0,105**	0,164**	0	0,076**	0	0,370**	-0,072**	0,199	0,214

¹⁷ М5 по странам значимы — **.

¹⁸ М6.1 по странам значимы — **. Сербия — *. М6.2 по странам значимы — **.

Страна	M6.1		M6.2						R-squared	
	Большие города	Остальные города и ПТ	Большие города	Остальные города и ПТ	Образование	Происхождение	Привязанность к Европе	Традиционализм	M5	M6.2
Нидерланды	0,198**	0,116**	0,136**	0,072**	0,106**	0,119**	0,316**	-0,120**	0,187	0,191
Норвегия	0,110**	0,114**	0,058*	0,060*	0,110**	0,062*	0,187**	-0,208**	0,123	0,123
Польша	0,145**	0,120**	0,069**	0,070**	0,062**	0	0,270**	-0,102**	0,107	0,107
Сербия	0,087**	0	0	0	0,061*	0	0,127**	-0,057*	0,026	0,025
Словения	0,210**	0,119**	0,120**	0	0,144**	0,123**	0,146**	-0,192**	0,137	0,143
Финляндия	0,184**	0,083**	0	0	0,086**	0	0,278**	-0,268**	0,189	0,189
Франция	0,173**	0,149**	0,057*	0,067**	0,150**	0,192**	0,277**	-0,235**	0,247	0,247
Чехия	0,060*	0,081**	0	0,071**	0,094**	0,067**	0,160**	-0,223**	0,100	0,101
Швейцария	0,153**	0,164**	0,076**	0,084**	0,195**	0,110**	0,225**	-0,173**	0,194	0,194
Швеция	0,163**	0,072**	0,082**	0	0,115**	0,102**	0,208**	-0,309**	0,191	0,195
Эстония	0,184**	0,129**	0,116**	0,093**	0,082**	0	0,179**	-0,180**	0,117	0,117

Различия в установках жителей городских населенных пунктов разного типа можно объяснить разнообразием состава населения, интенсивностью взаимодействия, особенностями рынка труда, более развитой инфраструктурой и т.д. Интересно, что в ряде государств — в Ирландии, Испании, Норвегии, Швейцарии, Чехии — жители небольших городских населенных пунктов демонстрируют более позитивные установки, чем респонденты, проживающие в крупных городах, либо различия не фиксируются.

В целом выявленные ранее механизмы опосредования полноценно проявляются применительно к разным типам городов. Об этом свидетельствует почти повсеместное снижение β -коэффициентов при сравнении M6.1 и M6.2. Пошаговая интерпретация выходит за рамки рассмотрения настоящей публикации и требует проведения отдельного исследования. Перспективным для дальнейшей разработки представляется использование расширенной классификации населенных пунктов. На имеющихся выборках возникают определенные проблемы, связанные с наполняемостью отдельных категорий. В связи с этим в будущем представляется целесообразным проведение исследований в сравнительном дизайне.

Отношение к мигрантам и социально-демографические характеристики горожан и селян

Социально-демографические характеристики также можно рассмотреть в качестве предикторов. Для этого добавим в модели единым блоком пол, возраст, самооценку дохода (M7)¹⁹. За единичными исключениями добавленные переменные либо не оказывают значимого влияния, либо сравнительно слабо влияют на от-

¹⁹ M7 по странам значимы — **.

клик. В странах группы № 1 изменения F значимы кроме Венгрии, Нидерландов, Норвегии. Однако объяснительная сила $M7$ в большинстве стран увеличивается минимально (см. табл. 2)²⁰. Наибольшие изменения фиксируются в Прибалтике, что отчасти может быть связано с ярко выраженным демографическим кризисом и проблемой вымирания села.

Смещения β -коэффициентов, характеризующие вклад места жительства, по сравнению с $M5$ повсеместно минимальны. Иными словами, эффект влияния поселенческого статуса в большинстве стран сохраняется без существенных изменений. Интересно, что в контексте теории конкуренции объяснительный вклад материального положения респондентов оказывается весьма скромным. Отчасти это связано с тем, что в большинстве стран группы № 1 сельское население слабо отличается либо вообще не отличается от городского в оценках дохода. В отдельных государствах селяне оценивают материальное положение даже лучше, чем горожане. Такая ситуация объясняется субъективным характером оценки, высоким уровнем цен в городах, более низкой стоимостью жизни в сельской местности и, соответственно, большей покупательной способностью селян. В целом можно констатировать, что экономический статус является слабым объясняющим фактором различий в оценках горожан и селян.

Возраст приводит к снижению вклада места жительства в Литве и Эстонии, где сельское население в целом значительно старше жителей городов, при одновременном наличии связи возраста с отношением к мигрантам. Что же касается пола, то его влияние на эффект места жительства незначительно.

Заключение

С использованием многомерного анализа апробированы алгоритмы расчета интегративных показателей «отношение к мигрантам» и «готовность к приему мигрантов», характеризующих установки населения европейских государств. Повсеместно установки горожан либо позитивнее, либо статистически значительно не отличаются от установок сельских жителей. В целом городское население большинства стран — участник проекта по сравнению с сельским позитивнее относится к мигрантам и демонстрирует большую готовность к их приему. Однако в ряде по большей части постсоциалистических государств, в том числе в России, значимые различия в установках отсутствуют. Россияне вне зависимости от поселенческого статуса демонстрируют негативное по европейским меркам отношение к мигрантам. В странах группы № 1 жители больших городов относятся к мигрантам позитивнее селян. В то же время население остальных городов или ПГТ в ряде государств по своим установкам значительно не отличается от сельских жителей.

Различия в отношении к мигрантам в контексте поселенческого статуса обусловлены влиянием комплекса факторов. В большинстве стран обнаружена прямая связь образования и «отношения к мигрантам». С учетом выявленных диспропорций городского и сельского населения в охвате высоким уровнем образования можно констатировать наличие значительного косвенного эффекта.

²⁰ В силу громоздкости результатов ограничимся приведением в таблице 2 для $M7$ R -squared и β -коэффициент места жительства.

Сквозь призму страны рождения респондента и его родителей характеризуется среда социального взаимодействия. Отмечается, что разнородное окружение в большей степени характерно для городского населения. В ряде стран его наличие связано с благосклонностью к приезжим. При этом влияние «происхождения» на различия в отношении к мигрантам городского и сельского населения выявлено в большинстве государств.

Часть эффекта влияния поселенческого статуса на отношение к мигрантам проходит через ценностные ориентации, в частности традиционализм, связанный с негативными установками населения, и базирующуюся на разделении респондентами основных европейских ценностей и наднациональном самосознании европейскую идентичность. Экономический статус является слабым объясняющим фактором различий в установках горожан и селян.

Таким образом, различия в отношении к мигрантам городского и сельского населения в существенной степени отражают уровень образования, ценностные ориентации и происхождение. При этом комбинация и степень влияния опосредующих переменных могут варьироваться. В части стран прямой эффект становится незначителен. Однако полное опосредование повсеместно не достигается.

Вторичный анализ ограничивает возможности учета широкого спектра переменных, в том числе характеризующих коммуникативные модели. Выскажем предположение, что необъясненные различия в такой ситуации могут быть связаны с частотой и характером контактов. Городскому пространству свойственны более частые личные контакты с мигрантами, что в условиях их позитивного характера должно проявляться в положительных установках. В будущих исследованиях целесообразно предусмотреть блоки вопросов, направленных на выявление частоты и характера взаимодействия с мигрантами.

Рекомендации применительно к сложившейся в России ситуации связаны с действием смягчению негативных аттитудов посредством образования и коммуникационных стратегий. В образовании представляется полезной организация мониторинга сформированности релевантных универсальных компетенций, что подразумевает разработку надежных и качественных инструментов измерения путем обобщения опыта международных проектов оценки результатов и успешных практик ряда российских образовательных организаций.

В рамках коммуникационной интеграции целесообразно внедрение комплекса мер, направленных на повышение информированности с целью минимизации стереотипного восприятия мигрантов, путем создания коммуникативных площадок, обеспечивающих возможности для межгрупповых контактов.

К ограничениям исследования относится отсутствие возможности учета детальной классификации в зависимости от размера городского населенного пункта, что могло бы уточнить некоторые результаты.

Список литературы (References)

1. Буланова М. Б. Образование в жизненном мире жителей села // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2. С. 105—111. Bulanova M. (2016) Education in the Life World of Villagers. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 2. P. 105—111. (In Russ.)

2. Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214.
Varshaver E. A. (2015) Contact theory: Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 183—214. (In Russ.)
3. Воронина Н. С. Отношение россиян к иммигрантам в период пандемии COVID-19 (2020—2021 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 104—123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.6>.
Voronina N. S. (2023) Attitude of Russians towards Immigrants during the COVID-19 Pandemic (2020—2021). *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*. Vol. 11. No. 1. P. 104—123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.6>. (In Russ.)
4. Мاستикова Н. С., Фадеев П. В. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 99—125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681>.
Mastikova N. S., Fadeev P. V. (2020) Who is Set Against Migrants in Russia? Analyzing Certain Socio-Demographic Characteristics. *Vestnik Instituta Sotziologii*. Vol. 11. No. 4. P. 99—125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681>. (In Russ.)
5. Монусова Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>.
Monusova G. A. (2021) Russians' Attitudes Towards Migrants: Opinions and Doubts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 436—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>. (In Russ.)
6. Мукомель В. И., Григорьева К. С., Монусова Г. А. и др. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
Mukomel V. I., Grigoreva K. S. (eds.) (2022) *Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators*. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
7. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации: результаты исследования / отв. редактор М. Ф. Черныш М.: Институт социологии РАН, 2016.
Chernysh M. F. (ed.) (2016) *Sociocultural and Sociostructural Factors of Interethnic Tension in the Regions of the Russian Federation: Research Results*. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
8. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте / отв. ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.
Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. (eds.) (2017) *Ethnicity and Interethnic Relations in a Social Context*. Moscow: FCTAS RAS.
9. Allport G. W. (1979) *The Nature of Prejudice*. New York, NY: Basic Books.
10. Bessudnov A. (2015) Ethic Hierarchy and Public Attitudes towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 5. P. 567—580. <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>.

11. Ceballos M., Yakushko O., Lyons C. (2014) Rural and Urban Attitudes toward Immigrants in the U. S. Midwest and Great Plains. *Journal of Social Sciences*. No. 4. P. 150—161. <https://doi.org/10.3844/jssp.2014.150.161>.
12. Ceobanu A. M., Escandell X. (2010) Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 309—328. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102651>.
13. Chandler C. R., Tsai Y. Social Factors Influencing Immigration Attitudes: An Analysis of Data from the General Social Survey. *The Social Science Journal*. 2001. Vol. 38. No. 2. P. 177—88. [http://dx.doi.org/10.1016/S0362-3319\(01\)00106-9](http://dx.doi.org/10.1016/S0362-3319(01)00106-9).
14. Coenders M., Scheepers P. (2003) The Effect of Education on Nationalism and Ethnic Exclusionism: An International Comparison. *Political Psychology*. Vol. 24. No. 2. P. 313—343. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/0162-895X.00330>.
15. Crawley H., Drinkwater S., Kausar R. (2019) Attitudes towards Asylum Seekers: Understanding Differences between Rural and Urban Areas. *Journal of Rural Studies*. Vol. 71. P. 104—113. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.08.005>.
16. Crisp R. J., Turner R. N. (2009) Can Imagined Interactions Produce Positive Perceptions?: Reducing Prejudice through Simulated Social Contact. *American Psychologist*. Vol. 64. No. 4. P. 231—240. <https://doi.org/10.1037/a0014718>.
17. Dražanová L., Gonnot J., Heidland T., Krüger F. (2024) Which Individual-Level Factors Explain Public Attitudes toward Immigration? A Meta-Analysis. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 50. No. 2. P. 317—340. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2023.2265576>.
18. Garcia C. E., Davidson T. (2013) Are Rural People More Anti-Immigrant than Urban People? A Comparison of Attitudes towards Immigration in the United States. *Journal of Rural Social Sciences*. No. 1. P. 80—105.
19. Gorodzeisky A., Semyonov M. (2009) Terms of Exclusion: Public Views towards Admission and Allocation of Rights to Immigrants in European Countries. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 401—423. <https://doi.org/10.1080/01419870802245851>.
20. Fennelly K., Federico C. (2008) Rural Residence as a Determinant of Attitudes toward U. S. Immigration Policy. *International Migration*. Vol. 46. No. 1. P. 151—190. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2008.00440.x>.
21. Fetzer J. S. (2000) Public Attitudes Towards Immigration in the United States, France and Germany. New York, NY: Cambridge University Press.
22. Goicolea I., Gotfredsen A., Jonsson F., Wernesjö U. (2023) The Promise of Belonging: Racialized Youth Subject Positions in the Swedish Rural North. *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 24. P. 695—713. <https://doi.org/10.1007/s12134-022-00973-y>.

23. Haubert J., Fussell E. (2006) Explaining Pro-Immigrant Sentiment in the U.S.: Social Class, Cosmopolitanism, and Perceptions of Immigrants. *International Migration Review*. No. 3. P. 489—507. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2006.00033.x>.
24. Huijsmans T., Harteveld E., Van der Brug W., Lancee B. (2021) Are Cities ever More Cosmopolitan? Studying Trends in Urban-Rural Divergence of Cultural Attitudes. *Political Geography*. Vol. 86. P. 1—15. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102353>.
25. Huggins C. M., Debies-Carl J. S. (2015) Tolerance in the City: The Multilevel Effects of Urban Environments on Permissive Attitudes. *Journal of Urban Affairs*. No. 3. P. 255—269. <https://doi.org/10.1111/juaf.12141>.
26. Kahanec M., Tosun M. S. (2009) Political Economy of Immigration in Germany: Attitudes and Citizenship Aspirations. *The International Migration Review*. Vol. 43. No. 2. P. 263—291. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2009.00765.x>.
27. Konings R., De Coninc D., D'Haenens L. (2023) The Role of European and National Identity and Threat Perceptions in Attitudes towards Immigrants. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 3. No. 2. P. 446—460. <https://doi.org/10.1080/14782804.2021.2007058>.
28. Konings R., Mosaico M. (2020) Explaining Differences in Perceived Threat: Why Education Matters. *Italian Journal of Sociology of Education*. No. 2. P. 101—121. <https://doi.org/10.14658/pupj-ijse-2020-2-5>.
29. Lee B. A., Sharp G. (2017) Ethnoracial Diversity across the Rural-Urban Continuum. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. No. 1. P. 26—45. <https://doi.org/10.1177/0002716217708560>.
30. Markaki Y., Longhi S. (2013) What Determines Attitudes to Immigration in European Countries? An Analysis at the Regional Level. *Migration Studies*. Vol. 1. No. 3. P. 311—337. <https://doi.org/10.1093/migration/mnt015>.
31. Paas T., Halapuu V. (2012) Determinants of People's Attitudes towards Immigrants in Europe. The University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper No. 88—2012. Tartu: University of Tartu. P. 3—18. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2137084>.
32. Pettigrew T. F., Tropp L. R. (2012) When Groups Meet: The Dynamics of Intergroup Contact. New York, NY: Psychology Press.
33. Sáez-Pascual B. (2024) Attitudes and Prejudice towards Immigration in Rural and Urban Contexts in Spain. *European Public & Social Innovation Review*. Vol. 9. P. 1—13. <https://doi.org/10.31637/epsir-2024-514>.
34. Schneider S. L. (2008) Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat. *European Sociological Review*. Vol. 24. No. 1. P. 53—67. <https://doi.org/10.1093/esr/jcm034>.

35. Stephan W. G., Renfro C. L. (2002) The Role of Threat in Intergroup Relations. In: Mackie D. M., Smith E. R. (eds.) *From Prejudice to Inter-Group Emotions: Differentiated Reactions to Social Groups*. New York, NY: Psychology Press. 2002. P. 191—207.
36. Stephan W. G., Stephan C. W. (2000) An Integrated Threat Theory of Prejudice. In: Oskamp S. (ed.) *Reducing Prejudice and Discrimination*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 23—45.
37. Umansky K., Weber D., Lutz, W. (2025) Revisiting the Role of Education in Attitudes toward Immigration in Different Contexts in Europe. *Genus*. Vol. 81. Art. 1. <https://doi.org/10.1186/s41118-024-00238-9>.
38. Zahl-Thanem A., Haugen M. S. (2019) Attitudes toward Immigrants in Rural Norway. A Rural-Urban Comparison. *Sociologia Ruralis*. Vol. 59. No. 4. P. 685—700. <https://doi.org/10.1111/soru.12251>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3016](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3016)**М. Б. Зайчук****АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ ОТБОРА ТЕРРИТОРИЙ
ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ПРИ ПОМОЩИ
МЕТОДОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА****Правильная ссылка на статью:**

Зайчук М. Б. Адаптация методики отбора территорий для комплексного развития при помощи методов пространственного анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 90—114. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3016>.

For citation:

Zaychuk M. B. (2025) Adaptation of the Territory Selection Methodology for Integrated Development Using Spatial Analysis Methods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 90—114. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3016>. (In Russ.)

Получено: 14.05.2025. Принято к публикации: 29.08.2025.

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ ОТБОРА ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ПРИ ПОМОЩИ МЕТОДОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА

ЗАЙЧУК Михаил Борисович — аспирант, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия; руководитель подразделения по научным исследованиям и разработкам, ООО «Рокет групп», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: mikhail_zaychuk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5817-2225>

Аннотация. Статья посвящена проблеме жилищного неравенства, вызванного различиями в условиях проживания горожан в Санкт-Петербурге в результате принятой модели градостроительного развития. Несмотря на то что в районах города накоплен большой объем ветхого и аварийного жилищного фонда, основная доля территорий, отведенных для комплексного развития в Санкт-Петербурге, располагается на периферийных незастроенных землях. Это способствует разрастанию города и не решает проблему реновации устаревающего жилья, провоцируя рост неравенства в качестве жилья и обеспеченности инфраструктурой между срединной частью города и новыми районами, удаленными от городского ядра.

В качестве первого шага к решению проблемы жилищного неравенства в работе предлагается адаптировать методику Минстроя по отбору территорий для комплексного развития жилой застройки. Автор предлагает дополнить пространственный анализ территории города при помощи ГИС-инструментов оценкой по критериям осуществимости реновации, которая предполагает (1) оценку степени ветхости жилых зданий на основании данных о проведенном капитальном ремонте и (2) оценку наличия на территории района свободного пространства для строительства стартового дома в целях со-

ADAPTATION OF THE TERRITORY SELECTION METHODOLOGY FOR INTEGRATED DEVELOPMENT USING SPATIAL ANALYSIS METHODS

Mikhail B. ZAYCHUK^{1,2} — Postgraduate Student; Head of Research and Development
E-MAIL: mikhail_zaychuk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5817-2225>

¹ ITMO University, St. Petersburg, Russia

² The Rocket Group LLC, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article regards the problem of housing inequality caused by differences in the living conditions of citizens in St. Petersburg, resulting from the adopted urban development model. Even though a large volume of dilapidated and hazardous housing is accumulated in the established city's districts, most territories allocated for integrated development in St. Petersburg are located on peripheral, undeveloped lands. This contributes to urban sprawl and does not address the problem of outdated housing renovation, provoking growing inequality in housing quality and infrastructure provision between the central part of the city and new districts located on the outskirts of the city.

As a first step toward addressing housing inequality, this article proposes adapting the Ministry of Construction's methodology for selecting areas for integrated development. The author suggests supplementing the spatial analysis of the city territory using GIS tools with an assessment based on the criteria of renovation feasibility, which involves (1) an assessment of the degree of residential buildings dilapidation based on data on completed major repairs and (2) an assessment of the availability of free space in the area for the construction of a starter apartment building in order to preserve existing communities without relocation to other areas. The proposed methodology is

хранения сложившихся сообществ без переселения в другие районы. Предложенная методика апробируется на примере Санкт-Петербурга в целях определения наиболее привлекательных районов для качественно-преобразования жилищного фонда и изменения общего вектора градостроительного развития. Адаптированная методика может быть применена в других субъектах Российской Федерации, поскольку использует данные из открытых источников.

Ключевые слова: жилищный фонд, жилищное неравенство, городское разрастание, комплексное развитие территорий, геоинформационные системы, пространственный анализ

Благодарность. Автор выражает благодарность социологу, руководителю бюро исследований «Гражданская инженерия» Петру Иванову за ценные комментарии и помощь в раскрытии проблематики.

tested using the example of St. Petersburg to identify the most attractive areas for the implementation of a high-quality transformation of the housing stock and changing the overall vector of urban development. The adapted methodology can be applied in other regions of the Russian Federation, since it uses data from open sources.

Keywords: housing stock, housing inequality, urban sprawl, integrated territorial development, geographic information systems, spatial analysis

Acknowledgments. The author expresses his gratitude to sociologist and Head of the Civil Engineering research bureau Petr Ivanov for valuable comments and assistance in uncovering the research problem.

Введение

В России более 60 % семей проживает в домах, возведенных в период с 1946 по 1995 г.; за это время было построено 62 % всего жилищного фонда страны с суммарной площадью 2,4 млрд кв. м.¹ По результатам социологического опроса, проведенного ВЦИОМ совместно с Фондом «ДОМ.РФ» в 2022 г., более 3 млн российских семей считают свое жилье аварийным и непригодным для жизни, что втрое больше официальных данных (0,9 млн семей)¹. Объем аварийного и ветхого жилищного фонда продолжает увеличиваться ежегодно на 2 млн кв. м., что приводит к ухудшению жилищных условий граждан².

Жилищные условия — один из ключевых параметров качества жизни населения России³, они занимают центральное положение в иерархии жизненных благ горожан, что делает их важным стратификационным маркером [Старикова, 2018]. Жилые районы, составляющие основную часть российских городов, постепенно приходят в упадок, качество среды в них не отвечает запросам современных го-

¹ Результаты социологического опроса, проведенного ВЦИОМ и ДОМ.РФ // ТАСС. 2022. 20 января. URL: <https://tass.ru/nedvizhимость/13476493> (дата обращения: 15.04.2025).

² Аварийное жилье в России будет ежегодно прирастать на 2 млн кв. м // РБК. Недвижимость. 2022. 16 февраля. URL: <https://realty.rbc.ru/news/620ccc169a7947f10b3c4b66?from=copy> (дата обращения: 15.04.2025).

³ Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года // Минстрой. URL: <https://www.minstroyf.gov.ru/docs/15909/> (дата обращения: 15.04.2025).

рожан. Подавляющая часть нового жилищного фонда реализуется на свободных окраинных землях, вследствие чего города все более растягиваются, что приводит к негативным последствиям [Безвербный и др., 2021].

Неустойчивость экстенсивной модели развития крупных российских городов приводит к нарастанию проблемы неравенства в условиях проживания, когда периферия застраивается новым жильем, необеспеченным инфраструктурой, а жилые районы срединной части города с развитой инфраструктурой деградируют без инвестиций [Махрова, Голубчиков, 2012].

Цель работы — предложить метод решения проблемы жилищного неравенства за счет выявления потенциальных территорий реновации жилищного фонда средствами пространственного анализа, с апробацией на примере Санкт-Петербурга. В рамках исследования решаются следующие задачи:

- определение аспектов жилищного неравенства, которые могут быть скорректированы в процессе комплексного развития жилой застройки;
- анализ существующих подходов по определению потенциальных территорий для комплексного развития жилой застройки;
- адаптация методики отбора территорий с дополнением методами оценки степени ветхости жилых зданий на основе данных о проведенном капитальном ремонте, а также оценкой наличия места в районе для возведения стартового дома;
- апробация методики отбора территорий на примере Санкт-Петербурга.

Жилищное неравенство в работах зарубежных и отечественных исследователей

Жилищное неравенство — частное направление исследований в области социального неравенства и стратификации, одна из тем социологии города, урбанистики и экономической социологии. Для измерения жилищной стратификации зарубежные ученые чаще всего используют конкретные показатели, среди которых стоимость жилья, право собственности, этническая и социально-экономическая однородность жильцов дома или района, инфраструктура в районе и уровень его престижности.

Работы американских ученых Р. Дуайера и Д. Мэсси посвящены анализу жилищной стратификации в США. В американском обществе ярко выражено неравенство в доступе к жилью, проявляющееся по этническому и расовому признаку [Dwyer, 2009; Massey, 2008]. Жилищное неравенство в европейских странах изучают, например, К. Колб, Н. Скопек, Х. Блоссфельд, обращаясь к особенностям распределения жилья и его стоимости [Kolb, Skopek, Blossfeld, 2013]. Исследование позволяет составить картину того, как распределяются жилищные ресурсы среди населения разных европейских стран и что препятствует получению качественного жилья.

Большую часть трудов по вопросам жилищной стратификации составляют работы китайских исследователей. В наши дни Китай переживает масштабные преобразования, включающие беспрецедентный рост жилищного строительства и сдвиги в пространственном развитии городов, которые вызывают глубокие социальные и экономические изменения. Поэтому направления исследований китайских социологов направлены на разработку эффективных моделей развития городских

территорий, совершенствование механизмов управления жилищными расходами, а также поддержание среднего класса как основной группы владельцев жилья [Ho, 2017; Zhao, Ge, 2014; Chen et al., 2018].

Ряд авторов исследует влияние процессов обновления сложившейся городской среды, включая реновацию старого жилищного фонда, на сокращение жилищного неравенства. При этом основное внимание уделяется решению вопросов здоровья горожан и улучшению экологической обстановки [Koops-Van Hoffen et al., 2025; Ding, Nie, Sousa-Poza, 2024]. Ф. Гонсалес подчеркивает важность решения не только проблемы количественного дефицита жилья, но также его качества [González et al., 2024]. Многие исследователи отмечают важность преобразования сложившихся городских территорий для повышения их качества и улучшения жилищных условий горожан [Dieleman, Wegener, 2004; Oliver, 2013; Голубева и др., 2019].

По данным мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН за 2024 г., проблема жилищного неравенства традиционно входит в тройку наиболее болезненных неравенств для российского общества за последнее десятилетие [Мареева, 2025]. Хотя с 2018 г. снижается доля респондентов, называющих жилищное неравенство наиболее острым, она все еще остается высокой среди монетарных и немонетарных неравенств. Некоторое улучшение ситуации может быть объяснено действием льготных программ ипотечного кредитования, которые за последние несколько лет позволили улучшить свои жилищные условия большому количеству российских семей⁴. Тем не менее наметившийся рост объема ветхого и аварийного жилья и выделение соответствующей проблемы гражданами позволяют сделать вывод о важности улучшения качества жилья⁵. Данный тезис подтверждается свежими социологическими исследованиями, которые подчеркивают смещение фокуса граждан с наличия своего жилья в собственности на повышение его качества [Коленникова, 2024].

Все актуальнее для научных исследований становится тема советского жилищного фонда массовых серий. Здания, построенные в середине прошлого века, были рассчитаны на срок службы не более 25—50 лет. Сегодня нормативный срок эксплуатации этих зданий уже превышен, наблюдается обветшание строительных конструкций, серьезные опасения вызывают проблемы с тепло-, гидро-, шумоизоляцией, деградирует и придомовая среда. Рыночная стоимость квартир в таких домах неуклонно снижается, что напрямую связано с их техническим состоянием и несоответствием современным требованиям к комфортному жилью. Несмотря на это, районы массовой застройки советского периода обладают обширной сетью инфраструктуры и, как правило, расположены близко к городскому центру. М. Мельникова в своей работе отмечает высокую обеспеченность социальной инфраструктурой как значимое конкурентное преимущество районов массовой застройки, а также указывает на важность сохранения сложившихся социальных связей внутри таких районов [Мельникова, 2020].

⁴ Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/1223/ (дата обращения: 15.04.2025).

⁵ Результаты социологического опроса, проведенного ВЦИОМ и ДОМ.РФ // ТАСС. 2022. 20 января. URL: <https://tass.ru/nedvizhimost/13476493> (дата обращения: 15.04.2025).

Таким образом, в контексте российских городов жилищное неравенство выражается в дисбалансе качества сложившихся жилых территорий и новых жилых районов, построенных за последнее десятилетие. Следствием рекордных объемов строительства нового жилья на периферийной части городов стала разница доступности инфраструктуры в сравнении с жилыми районами срединной части города. Окраины российских городов застроены новым жильем, при этом инфраструктура в них развивается намного медленнее, что провоцирует дефицит важных социальных объектов и сервисов и порождает маятниковую миграцию между новыми районами и городским ядром [Запорожец, Багина, 2021]. Однако при этом новые жилые комплексы обладают уровнем комфорта современного жилья, которым не отличаются дома массовой постройки советского периода.

Среди ключевых индикаторов жилищного неравенства, присущих российским городам, можно выделить следующие:

- формат жилья (морфотип жилого дома, функциональность планировки квартиры);
- физическое состояние дома (состояние инженерных систем, конструктивных элементов, фасада, кровли);
- уровень благоустройства придомовой территории;
- наличие частного дворового пространства;
- доступность объектов социальной инфраструктуры и сервисов;
- транспортная доступность центра города, измеряемая по времени в пути для всех видов транспорта;
- стоимость недвижимости.

На фоне большого числа научных работ, посвященных актуальности проблемы и выстраиванию жилищной стратификации на основе объективных показателей, вопросу специфики жилищных условий и решению связанных с ней проблем неравенства уделяется гораздо меньше внимания [Старикова, Бушкова-Шиклина, 2015; Коленникова, 2024]. Поэтому особый интерес представляет поиск новых подходов к городскому развитию, способствующих улучшению жилищных условий горожан и, как следствие, сокращению жилищного неравенства.

Комплексное развитие территорий как механизм решения проблемы жилищного неравенства

В качестве ответных мер на ухудшение жилищных условий граждан в результате роста объема ветхого и аварийного жилья в 2021 г. в России был запущен механизм комплексного развития территорий (КРТ), заменивший собой применявшиеся ранее механизмы развития застроенных территорий (РЗТ) и комплексного освоения территорий (КОТ). С каждым годом механизм КРТ занимает все большую долю строительного рынка в России⁶, являясь одним из ключевых направлений градостроительного развития российских городов за счет реализации положений государственной стратегии в сфере жилищного строительства⁷.

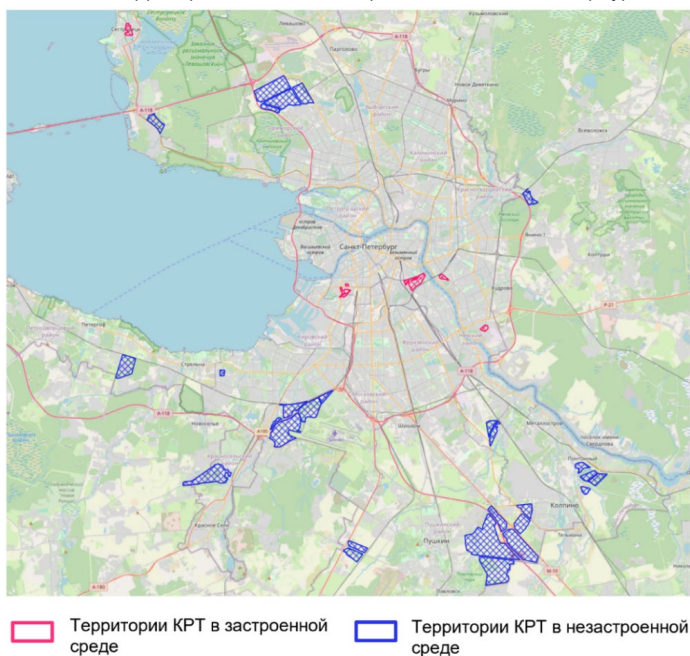
⁶ Строительство жилья в России по механизму КРТ // ДОМ.РФ. 2024. URL: <https://xn-d1aqf.xn-p1ai/analytics/housing-construction/> (дата обращения: 15.04.2025).

⁷ Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года // Правительство Российской Федерации. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405560559/> (дата обращения: 15.04.2025).

Механизм КРТ имеет особенно высокий потенциал применения в перспективе ближайшего десятилетия в связи с необходимостью преобразования сложившихся территорий города, с учетом устаревания и выхода из срока экономической жизни фонда, построенного в советский период. Таким образом, закон о комплексном развитии территорий направлен на обеспечение жителей новыми квартирами и улучшение доступности инфраструктуры за счет реализации проектов в соответствии с современными градостроительными нормами.

В силу ряда причин в некоторых субъектах страны программа комплексного развития приостановлена на неопределенный срок⁸. Один из таких субъектов — Санкт-Петербург, выбранный в качестве объекта исследования в настоящей работе. В правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга, актуализированных в 2025 г., не значится ни одной территории для развития сложившейся жилой застройки, что усугубляет проблему накопления ветхого и аварийного жилищного фонда⁹. При этом под развитие застроенной срединной части города отведена лишь небольшая площадь в промышленном «сером поясе», в то время как под развитие незастроенной территории запланировано в шесть раз больше площади (см. рис. 1), что продолжает тенденцию городского разрастания и не позволяет решить проблему жилищного неравенства.

Рис. 1. Территории комплексного развития в Санкт-Петербурге

⁸ В Петербурге продлили заморозку закона о реновации жилья // РБК. 2024. 30 октября. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/30/10/2024/672250f69a79471df6665c20 (дата обращения: 15.04.2025).

⁹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 21 июня 2016 года № 524 «О Правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга» // Техэксперт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456007157> (дата обращения: 15.04.2025).

В 2022 г. планы по реализации программы комплексного развития застроенных территорий в Санкт-Петербурге вызвали рост социального напряжения, причиной которому стало опасение жителей по поводу возможного ухудшения их жилищных условий. Петербуржцы выражали обеспокоенность и недовольство новым законом¹⁰, организовывали собрания, подписывали петиции и активно обсуждали ситуацию в социальных сетях, стремясь защитить свои жилищные права и интересы [Евдокимова, 2024].

Больше всего горожан встревожили следующие положения закона. Во-первых, в проект комплексного развития могут быть включены многоквартирные дома, не признанные аварийными и подлежащими сносу или реконструкции, построенные в период индустриального домостроения 1957—1970-х годов по типовым проектам. Это положение дает основание сносить дома, пригодные для проживания, без проведения дополнительных обследований действительного состояния изношенности зданий.

Во-вторых, законом не регламентируются конкретные зоны и районы, куда могут быть переселены жители сносимых домов. Таким образом, городские власти не ограничены выбором места переселения граждан и у тех нет гарантий получения нового жилья взамен старого в привычном районе.

В-третьих, в законе не закреплена единая методика по отбору территорий для развития, что усложняет данный процесс и делает его непрозрачным для ключевых заинтересованных сторон проекта. Выбор той или иной территории для комплексного развития осуществляется преимущественно экспертным методом, что приводит к росту градостроительных конфликтов, а также несбалансированности интересов участников проектов КРТ [Грушина, Зорина, Колесникова, 2024].

Приведенные факторы осложняют реализацию программы преобразования устаревающих жилых районов в Санкт-Петербурге, затягивая решение проблемы качества жилищных условий горожан. Несмотря на то что реализация программы КРТ может напрямую способствовать сокращению жилищного неравенства, в Санкт-Петербурге должны произойти значительные изменения в подходе по реализации данного механизма. В этих условиях первым шагом видится необходимость объективной оценки территорий города, потенциально привлекательных для комплексного развития жилой застройки, а также определение приоритетности обновления таких территорий.

Материалы и методы исследования

Краткий обзор существующих методик

В России применяется несколько основных подходов к выявлению территорий, потенциальных для включения в программу комплексного развития. Они преимущественно направлены на оценку экономико-градостроительного потенциала территорий реновации и не в полной мере учитывают социальную составляющую. Далее рассмотрим ключевые подходы.

¹⁰ Закон Санкт-Петербурга от 29 июня 2022 г. «О внесении изменений в некоторые законы Санкт-Петербурга по вопросам комплексного развития территорий в Санкт-Петербурге» // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350959888> (дата обращения: 15.04.2025).

Институт экономики города разработал методику пространственно-экономического моделирования для комплексной инвестиционной оценки привлекательности территории в целях реновации жилищного фонда¹¹. В первую очередь она позволяет оценить привлекательность территории для инвестора с учетом факторов, влияющих на успешность реализации проекта преобразования жилой застройки. Методика показала свою практическую применимость [Грушина, Зорина, Колесникова, 2024] и может быть использована для оценки проектов КРТ на уже выбранных территориях комплексного развития. Важное ограничение данной методики — необходимость наличия разработанной концепции (мастер-плана развития) будущей застройки на конкретной территории. Только в этом случае модель будет возможно применить для расчета эффективности будущего проекта. Таким образом, методика применяется только на этапе, когда территория для КРТ уже определена администрацией города и разработана концепция развития с проектной застройкой. Это делает данный подход трудоемким и ограничивает его масштабируемость в задаче выявления территорий комплексного развития на предшествующем этапе планирования реновации. Кроме того, интересы собственников недвижимости учитываются только в части выплаты компенсаций за изыятие их существующего жилья, и то лишь в случае размера выплаты, релевантного рыночной ситуации в городе.

Непосредственно для первичного выявления территорий, потенциальных для включения в программу КРТ, служит метод, реализованный в автоматизированной информационной системе Фонда развития территорий¹². Платформа позволяет визуализировать пространственные данные о физическом износе жилой застройки в виде тепловых карт. Недостатком метода является ограниченность набора факторов, по которым определяются потенциальные зоны для КРТ, а именно факт признания дома аварийным. С учетом того, что в программу КРТ могут быть включены неаварийные дома, такой метод оценки территорий реновации может быть применен лишь в ограниченном виде. Кроме того, границы потенциальной зоны формируются вручную пользователем сервиса, что дает достаточно высокую долю погрешности и субъективности в принятии решений о развитии той или иной территории.

В 2019 г. Минстрой совместно с Институтом развития ДОМ.РФ разработал «Стандарт комплексного развития территорий», содержащий ряд принципов и подходов по работе со сложившейся жилой средой, в том числе методику отбора территорий для КРТ¹³. В основе методики лежит подход кластеризации на основе параметров плотности застройки и потенциальной транспортно-пешеходной активности улично-дорожной сети (УДС). В рамках пространственного анализа исследуемая территория города разделяется сеткой, для каждой ячейки сетки рассчитываются показатели плотности застройки и потенциальной транспортно-пешеходной

¹¹ Методические рекомендации по пространственно-экономическому моделированию проектов комплексного развития территорий жилой застройки // Институт экономики города, 2022. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/225069/> (дата обращения: 15.04.2025).

¹² Автоматизированная информационная система ППК «Фонд развития территорий» // Фонд развития территорий. URL: <https://xn-p1aee.xn-p1ai/> (дата обращения: 15.04.2025).

¹³ Стандарт комплексного развития территорий // ДОМ.РФ. 2019. URL: <https://xn-d1aqf.xn-p1ai/urban/standards/printsipy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy/> (дата обращения: 15.04.2025).

активности. Показатель плотности застройки (FAR — floor area ratio) для каждой ячейки сетки определяется отношением суммарной поэтажной площади зданий, находящихся в одной ячейке, к площади самой ячейки. Далее полученные показатели FAR разделяются на группы с присвоением ячейкам соответствующих баллов. Показатели суммарной транспортной и пешеходной активности рассчитываются с использованием алгоритма Space Syntax [Lerman, Rofo, Omer, 2014]. В результате оценки каждой ячейке сетки присваивается итоговый балл с учетом результата оценки FAR и транспортно-пешеходной активности, что позволяет выявить участки городской среды, наиболее привлекательные для комплексного развития. Таковыми считаются территории, оцененные меньшим баллом FAR и высоким баллом транспортно-пешеходной активности.

Выбор метода для оценки привлекательности территорий в целях комплексного развития жилой застройки

В рамках данного исследования оптимальным методом оценки привлекательности территорий для реновации видится метод отбора территорий Минстроя, поскольку он не требует детальной разработки концепции будущего проекта для каждого жилого квартала и в то же время позволяет учесть важные пространственно-экономические факторы, влияющие на экономико-градостроительный потенциал территорий. Тем не менее для решения наиболее значимых и проблемных немонетарных вопросов жильцов предлагается дополнить эту методику оценкой степени физической ветхости жилых зданий на основе данных о проведенном капитальном ремонте, а также оценкой наличия места на территории района для строительства стартового дома, в который могут быть переселены жильцы первого сносимого дома. Для каждого дома будет дана объективная оценка необходимости его включения в проект КРТ, а также степени износа для определения очередности реновации. Жители получают гарантии сохранения места проживания в пределах своего района без нарушения сложившегося уклада жизни.

Данные

Данные по объектам капитального строительства и УДС были взяты из открытого источника OpenStreetMap¹⁴. Для зданий атрибутивная информация включает в себя адрес, площадь застройки, количество этажей, материал конструкций. Год постройки был взят с сервиса «How old is this house»¹⁵.

Информация о капитальном ремонте содержится в технико-экономических паспортах зданий, размещенных на портале «Наш Санкт-Петербург»¹⁶, и включает в себя перечень видов работ по капитальному ремонту, а также год их проведения. Дополнительно использовались данные портала Фонда развития территорий о многоквартирных домах, работы по проведению капитального ремонта

¹⁴ OpenStreetMap. 2025. URL: <https://www.openstreetmap.org/> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁵ Карта возрастов домов // Геосемантика. 2024. URL: <https://kontikimaps.ru/how-old/cities250/datasets?p=cities250> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁶ Наш Санкт-Петербург. URL: <https://gorod.gov.spb.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

в которых предусмотрены утвержденными субъектами Российской Федерации региональными программами¹⁷.

Данные по фактической вместимости объектов социальной инфраструктуры взяты с официальных порталов соответствующих организаций. Значения проектной емкости были определены на основе типовых проектов зданий социальных объектов. Данные о планировочных ограничениях, в частности о зонах с особыми условиями использования территорий (ЗООИТ) взяты в Национальной системе пространственных данных (НСПД)¹⁸.

Территории индивидуального жилищного сектора и промышленных предприятий не учитывались, поскольку задача исследования заключалась в оценке районов именно многоквартирного жилищного фонда.

Методы

Чтобы определить, подходит ли территория жилой застройки для комплексного развития, используется методика отбора территорий Минстроя, приведенная в Стандарте комплексного развития. Данная методика состоит из двух этапов, первый из которых — пространственный анализ города с целью определения потенциальных зон роста. Второй этап предполагает оценку территорий по характеристикам пространственных ограничений, а также доступности и обеспеченности инфраструктурой. Методика рассчитана на выявление территорий как в застроенной, так и незастроенной городской среде, однако в рамках исследования рассматривается исключительно метод отбора застроенных территорий.

Для определения границ рассмотрения и морфотипов застройки, расчета показателей-индикаторов и разработки аналитических схем используются ГИС-инструменты.

Пространственный анализ территории города

В рамках пространственного анализа на исследуемую территорию города накладывается сетка с ячейками площадью 1 га (100 × 100 метров). Для каждой ячейки сетки рассчитываются показатели FAR и потенциальной транспортно-пешеходной активности. Границами рассмотрения в Санкт-Петербурге являются границы освоенной урбанизированной территории в соответствии с непрерывностью плотной застройки и высокой степенью связности городской ткани [Монастырская, Песляк, 2017]. Таким образом, границы учитывают как административное деление города, так и наличие средовых барьеров (естественных и искусственных) [Голубева и др., 2019].

Показатель FAR для каждой ячейки сетки определяется отношением суммарной поэтажной площади зданий в габаритах наружных стен, находящихся в одной ячейке, к площади самой ячейки. С учетом рекомендаций СП «Здания жилые многоквартирные»¹⁹ значения суммарной поэтажной площади снижаются на 5 %,

¹⁷ МКД в программах капитального ремонта // Фонд развития территорий. URL: <https://xn-80adsazqn.xn-p1aee.xn-p1ai/overhaul/overhaul/mo/table/?tid=2362336> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁸ Национальная система пространственных данных. URL: https://nspd.gov.ru/map?thematic=Default&zoom=5&coordinate_x=7804891.637510094&coordinate_y=8181287.398947453&baseLayerId=235&theme_id=1&is_copy_url=true (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁹ Свод правил «Здания жилые многоквартирные» СП 54.13330.2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054198> (дата обращения: 15.04.2025).

что позволяет не учитывать неиспользуемые и нежилые площади. Далее полученные показатели FAR разделяются на группы с присвоением ячейкам соответствующих баллов (распределение баллов в зависимости от FAR приведено в табл. 1).

Таблица 1. *Распределение баллов в зависимости от плотности застройки*

Плотность застройки (тыс. кв. м / га)	Тип территории	Балл
<0,6	Свободные территории	0
0,6—5	С низкой плотностью застройки	1
5—10	Со средней плотностью застройки	2
>10	С высокой плотностью застройки	3

Показатель суммарной транспортной и пешеходной активности рассчитывается при помощи алгоритма Space Syntax [Lerman, Rofo, Omer, 2014]. В рамках анализа УДС города делится на сегменты между перекрестками. Для каждого сегмента УДС строятся кратчайшие маршруты до каждого другого сегмента, после чего вычисляется сумма проходящих через него пешеходных и транспортных маршрутов и в результате определяются наиболее востребованные участки УДС города. При расчете транспортной активности принимается радиус доступности 3 км, пешеходной — 840 м (радиус 10-минутной пешей доступности).

Полученные показатели потенциальной транспортной и пешеходной активности распределяются на группы с присвоением баллов:

- низкая активность (1 балл),
- средняя активность (2 балла),
- высокая активность (3 балла).

Пороговые значения для групп определяются по методу естественных интервалов Дженкса [Jenks, 1967]. Затем показатели потенциальной транспортной и пешеходной активности переносятся на ячейки сетки, где каждой присваивается максимальный из баллов всех сегментов в ее границах.

Показатели транспортной и пешеходной активности суммируются по следующей формуле:

$$PVF = W_p \times PFclass + W_v \times VFclass,$$

где W_p (weight pedestrian) — вес потенциальной пешеходной активности, $PFclass$ (pedestrian flow) — потенциальная пешеходная активность, оцененная в 1—3 балла), W_v (weight vehicle) — вес потенциальной транспортной активности, $VFclass$ (vehicle flow) — потенциальная транспортная активность, оцененная в 1—3 балла).

Поскольку анализ производится для определения территорий на застроенных участках города, вес потенциальной транспортной и пешеходной активности принимается одинаковым ($W_p = 0,5$, $W_v = 0,5$) ввиду равномерной плотности транспортных и пешеходных маршрутов. В результате анализа каждой ячейке присваивается соответствующий балл потенциальной транспортно-пешеходной активности (см. табл. 2).

**Таблица 2. Распределение баллов
в зависимости от потенциальной транспортно-пешеходной активности**

Расчетный суммарный балл активности	Степень активности	Балл
0,1—1	Низкая суммарная активность	1
1,1—2	Средняя суммарная активность	2
2,1—3	Высокая суммарная активность	3

По результатам первого этапа к отбору в целях развития рекомендуются застроенные территории, обладающие следующими комбинациями пространственных характеристик:

- высокопривлекательные — с низкой плотностью застройки (1 балл) и высокой потенциальной транспортно-пешеходной активностью (3 балла),
- среднепривлекательные — со средней плотностью застройки (2 балла) и высокой потенциальной транспортно-пешеходной активностью (3 балла), низкой плотностью застройки (1 балл) и средней потенциальной транспортно-пешеходной активностью (2 балла).

Анализ ограничений и инфраструктурной доступности

Второй этап отбора территорий включает в себя анализ отобранных на предыдущем этапе участков городской среды по характеристикам доступности и обеспеченности социальной и рекреационной инфраструктурой, а также наличию ограничений (включая зоны с особыми условиями использования территорий — ЗОУИТ²⁰).

Для оценки обеспеченности местами в школах и детских садах используется показатель обеспеченности — отношение существующего показателя загрузки объекта социальной инфраструктуры к нормативному (см. табл. 3). Радиус обслуживания детских дошкольных учреждений и школ рассчитывается по СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» и действующим нормативам градостроительного проектирования. Для дошкольных образовательных учреждений в городах он составляет 300 м. Радиус обслуживания общеобразовательных учреждений — 500 м.

**Таблица 3. Описание характеристик
для оценки обеспеченности территории социальной инфраструктурой**

Характеристика	Описание
Не обеспечена	Свыше 133% загрузки
Низкая степень обеспеченности	101—133% загрузки
Средняя степень обеспеченности	67—100% загрузки
Высокая степень обеспеченности	Менее 66% загрузки

²⁰ Согласно Земельному Кодексу Российской Федерации, под зонами с особыми условиями использования территории (ЗОУИТ) понимаются земли, в границах которых установлены ограничения на использование земельных участков. Они могут предусматривать полный запрет на строительство на данном участке либо необходимость получения дополнительных разрешений или согласований.

К рекреационной инфраструктуре в рамках методики отнесены следующие категории открытых городских пространств:

- озелененные территории общего пользования (парки, скверы),
- набережные (городские и природные).

Доступность рекреационной инфраструктуры рассчитывается по радиусам пешеходной доступности от границ соответствующих объектов до территории (см. табл. 4). Рекомендуемым показателем доступности объектов рекреационной инфраструктуры является расстояние 10-минутной пешеходной прогулки, то есть 840 м, однако такие показатели также могут регулироваться нормативами градостроительного проектирования.

Таблица 4. **Описание характеристик для оценки обеспеченности территории рекреациями**

Характеристика	Описание
Доступна	Наличие объекта рекреационной инфраструктуры в 10-минутной пешеходной доступности (в радиусе 840 м)
Недоступна	Отсутствие объекта рекреационной инфраструктуры в 10-минутной пешеходной доступности (в радиусе 840 м)

Влияние производственной и непроизводственной деятельности на свойства ландшафта оценивается исходя из наличия на рассматриваемой территории промышленных объектов, железнодорожной инфраструктуры, крупных транспортных магистралей, а также высоковольтных линий электропередачи, теле- и радиостанций, иных объектов ЗОУИТ (см. табл. 5).

Таблица 5. **Описание характеристик для оценки территорий по степени негативного антропогенного воздействия**

Характеристика	Описание
Да	Вблизи территории расположены ЗОУИТ с объектами, оказывающими негативное антропологическое воздействие
Нет	Вблизи территории нет ЗОУИТ с объектами, оказывающими негативное антропологическое воздействие

Анализ по критериям осуществимости реновации

На завершающем этапе определяется целесообразность проведения реновации. Для этого оценивается степень ветхости жилых зданий, а также наличие места в районе для строительства стартового дома.

Оценка ветхости существующей застройки проводится на основе данных о возрасте зданий и капитальном ремонте. Источником данных о проведенном капитальном ремонте в доме служит технико-экономический паспорт здания, размещенный на портале «Наш Санкт-Петербург»²¹. В целях анализа каждый вид работ по капитальному ремонту оценивается процентами, все виды работ в сумме дают 100 %.

²¹ Портал «Наш Санкт-Петербург». URL: <https://gorod.gov.spb.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

Согласно Жилищному кодексу РФ, работы по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме включают в себя:

- 1) ремонт внутридомовых инженерных систем электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, водоотведения (20 %);
- 2) ремонт, замену, модернизацию лифтов, ремонт лифтовых шахт, машинных и блочных помещений (10 %);
- 3) ремонт крыши (20 %);
- 4) ремонт подвальных помещений, относящихся к общему имуществу в многоквартирном доме (10 %);
- 5) ремонт фасада (20 %);
- 6) ремонт фундамента многоквартирного дома (20 %).

Каждому дому на исследуемой территории присваивается процент ветхости, исходя из наличия того или иного вида капитального ремонта за последние 25 лет (не ранее 2000 г.). Затем домам присваиваются баллы в зависимости от процента ветхости: 0 баллов при 20 % работ по капитальному ремонту, 1 балл при наличии капитального ремонта от 20 до 60 % и 2 балла при капитальном ремонте более 60 %.

Далее анализируется доля многоквартирных домов (МКД) по степени ветхости в пределах квартала. Если в квартале расположено более 70 % МКД высокой степени износа и более 20 % МКД средней степени износа, ему присваивается максимальный балл ветхости (3 балла). Если в квартале расположено более 50 % МКД с высоким износом и более 30 % МКД со средним износом, назначается 2 балла. Если в квартале находится более 30 % МКД с высоким износом и более 40 % МКД со средним износом, то присваивается 1 балл. И в случае, если в квартале более 50 % МКД присвоена низкая степень износа, такой квартал оценивается в 0 баллов ветхости.

Для размещения стартового дома в квартале необходимо выделение земельного участка с учетом действующих нормативов градостроительного проектирования. В рамках исследования предлагается принять усредненное значение площади земельного участка по опыту программы реновации в Москве²², равной 3 тыс. кв. м для размещения 15-этажного жилого здания общим строительным объемом 60 тыс. кв. м, что позволит застройщику переселить в него жителей первых сносимых домов и реализовать дополнительные площади на рынке. Таким образом, если в квартале достаточно места для размещения земельного участка стартового дома, такому кварталу присваиваются максимальные 2 балла. Если место для земельного участка отсутствует на территории квартала, но имеется на смежной территории (в соседнем квартале), такой квартал получает 1 балл. В случае, если ни на территории квартала, ни на смежной территории недостаточно места для размещения земельного участка, квартал оценивается в 0 баллов.

Суммарный балл территории складывается из баллов по результатам оценки степени ветхости и наличия места для стартового дома. Если при суммировании территория получает более 4 баллов, такую территорию рекомендуется включать в программу комплексного развития в первую очередь. Если балл в диапазоне от 3 до 4, то такую территорию рекомендуется включать во вторую очередь

²² Стартовые площадки реновации // Реновация в Москве. URL: <https://proren.ru/programma/startovye-ploschadki-renovatsii/> (дата обращения: 15.04.2025).

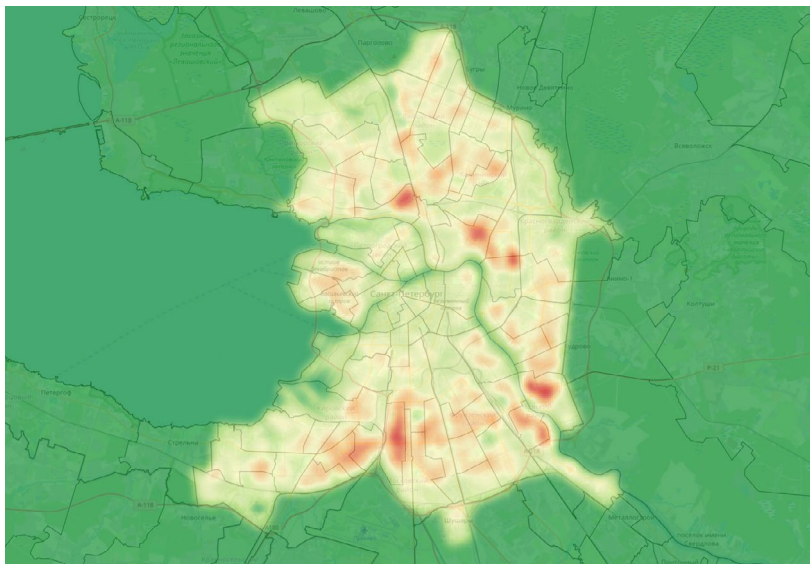
реализации программы КРТ. В случае, если суммарный балл менее 3, такую территорию не рекомендуется включать в программу комплексного развития ввиду низкой степени износа зданий и отсутствия возможности переселения жильцов в пределах своего района.

Результаты исследования и их обсуждение

Пространственно-экономическая привлекательность территорий для комплексного развития

В результате исследования в Санкт-Петербурге в рамках первого этапа методики была оценена степень пространственно-экономической привлекательности для комплексного развития жилой застройки на основе показателей по FAR и транспортно-пешеходной активности. Данные факторы характеризуют инвестиционную привлекательность таких территорий с учетом имеющегося пространственного потенциала. На рисунке 2 более привлекательные территории окрашены красным оттенком, а менее привлекательные — светло-зеленым. Наивысший балл получили территории районов массовой застройки первого индустриального периода (1955—1970 гг.), поскольку они обладают низкой плотностью и при этом достаточно высокой потенциальной транспортно-пешеходной активностью ввиду особенностей планировочной структуры.

Рис. 2. Тепловая карта степени привлекательности территорий Санкт-Петербурга для комплексного развития жилой застройки (красный цвет — более привлекательные территории — 3 балла, светло-зеленый — менее привлекательные — 1 балл)

Средние значения FAR в районах первых массовых серий равняются 8 тыс. кв. м/га. При этом большая часть таких районов расположена вблизи крупных транспортных магистралей и развязок, также они высокопроницаемы ввиду на-

личия обширной тропинойной сети, что при суммировании дает высокий балл потенциальной транспортно-пешеходной активности.

Советские кварталы периметрального типа 1930—1950-х годов постройки, также получившие высокий общий балл, тем не менее обладают более высокой плотностью (10 тыс. кв. м/га) ввиду особенностей морфологии застройки, что не позволяет так же эффективно произвести уплотнение в данных районах в сравнении с районами массовой застройки первого индустриального периода. Однако ввиду близости к прицентральной части города потенциальная транспортно-пешеходная активность таких районов также оценивается высоко.

Высокую степень привлекательности показали территории индивидуального жилищного сектора ввиду наиболее низкой плотности из всех застроенных городских территорий, однако они не учитывались в рамках исследования, поскольку не позволяют решить задачу обновления ветхого многоквартирного жилищного фонда.

Определение границ потенциальных территорий комплексного развития жилой застройки

Из территорий, выявленных на первом этапе анализа, были отобраны два района советской массовой застройки: МО Ланское и МО Финляндский, — как одни из наиболее высоко оцененных по привлекательности для комплексного развития в городе. Для данных территорий была произведена оценка инфраструктурной доступности и обеспеченности, а также оценка по критериям осуществимости реновации. Схемы результатов оценки территорий МО Ланское и МО Финляндский в матричном виде, а также в виде карт степени ветхости зданий с потенциальными зонами комплексного развития приведены на рисунках 3 и 4.

МО Ланское и МО Финляндский показали высокую степень территориальной доступности социальных объектов, что говорит о взаимной близости инфраструктурных объектов и жилых зданий. Однако территории характеризуются достижением предела по обеспеченности местами как в общеобразовательных организациях (дефицит до 4%), так и в дошкольных образовательных организациях (дефицит до 72%).

Необходимо отметить, что социальные объекты в районах советской массовой застройки также были построены по типовым проектам и к сегодняшнему дню физически и морально изношены [Куприянов и др., 2023]. В связи с массовостью данной проблемы в России действует бессрочная программа по модернизации ветшающих объектов образования²³, подразумевающая капитальный ремонт и строительство новых школ и детских садов. В Санкт-Петербурге плановая программа по реконструкции советских школ и детских садов запущена в 2025 г.²⁴ Таким образом, помимо реновации жилья, в рамках реализации проектов КРТ может быть модернизирована существующая сеть объектов образования, что позволит обеспечить местами в них как имеющихся жителей районов, так и новых жильцов, переехавших в район после реновации. Однако базово в этих районах уже имеется развитая сеть социальных объектов, что, безусловно, дает им преимущество перед новыми районами.

²³ Более 3,2 тыс. российских школ намерены капитально отремонтировать до 2028 года // ТАСС. 2024. 12 ноября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22380677> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁴ Александр Беглов: В Петербурге стартует масштабная программа реновации школ, построенных в 1960—1980-х годах // Комсомольская правда. 2024. 14 августа. URL: <https://www.kp.ru/daily/27621/4971685/> (дата обращения: 15.04.2025).

По итогам анализа ветхости многоквартирных жилых домов более 95% зданий оценены как обладающие высокой степенью износа (более 80%) и рекомендуемые к включению в программу комплексного развития. При этом жилищный фонд с износом более 80% рекомендуется к включению в программу в первую очередь, а с износом от 40% до 80% — во вторую очередь. Таким образом, несмотря на отсутствие статуса аварийности, большая часть жилищного фонда оценена как изношенная по объективным показателям.

Также в результате анализа выявлено, что исследуемые районы располагают достаточным пространством для строительства стартовых домов. Районы массовой застройки обладают большой долей свободного пространства вследствие их недоформированности в советское время [Голубева и др., 2019]. Это означает, что при комплексном развитии вполне может быть применена «волновая» модель переселения, когда жильцы первого сносимого дома получают новые квартиры в стартовом доме и на месте их старого жилья строится новое здание для следующих жильцов на очереди переселения. Такая модель принята сегодня в Москве в рамках программы реновации и показала свою успешность, поскольку жильцы получают новые квартиры, оставаясь в пределах своего района.

Рис. 3. Оценка привлекательности территории МО Ланское для комплексного развития жилой застройки

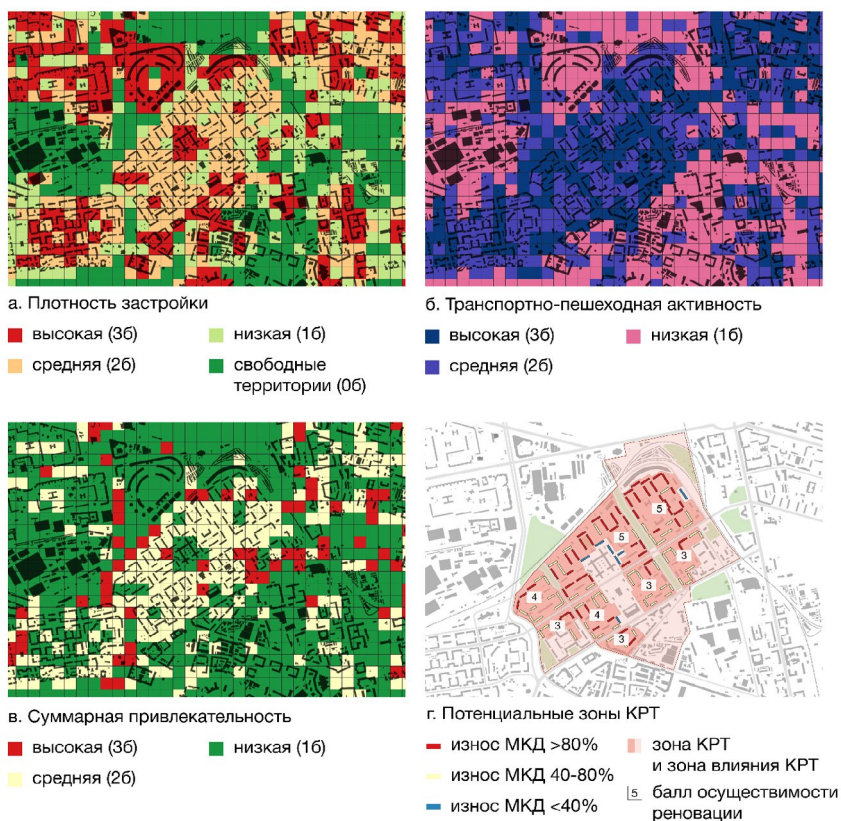
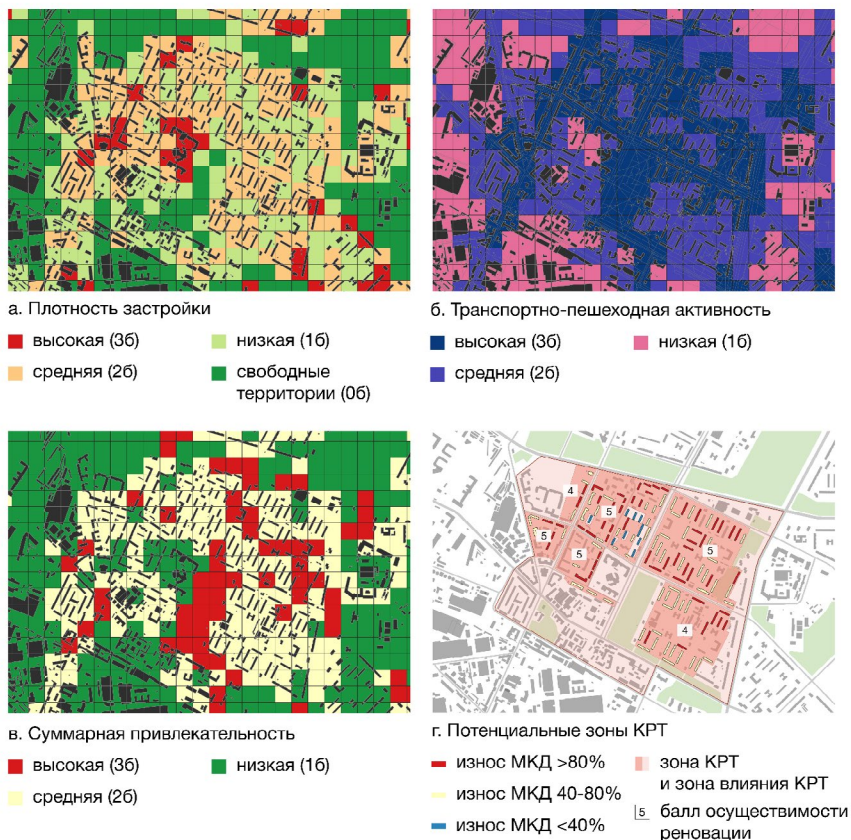

Рис. 4. Оценка привлекательности территории МО Финляндский для комплексного развития жилой застройки

Применение адаптированной методики отбора территорий для комплексного развития позволило определить направление для реновации сложившихся жилых районов в Санкт-Петербурге. Наиболее высокий потенциал обнаружен на территориях районов первых массовых серий, с которых предлагается начать реализацию проектов по обновлению жилой среды.

Ограничения исследования

Несмотря на то что в рамках комплексного развития жители старых домов получают квартиры в новых домах, улучшая свои жилищные условия, такие проекты всегда предполагают уплотнение застройки, что может негативно сказаться на средовых характеристиках района. Поскольку в рамках законодательства о КРТ роль лица, реализующего проект реновации, целиком отводится инвестору, он заинтересован в получении максимальной прибыли, а соответственно, и реализации максимальной FAR с учетом соблюдения градостроительных регламентов города. Однако при этом нельзя не отметить наличие целенаправленной страте-

гии Минстроя по уплотнению сложившихся городских территорий для населенных пунктов с устойчивым приростом населения, к которым, в частности, относится Санкт-Петербург. Положения «стратегии роста» изложены во второй книге Стандарта комплексного развития территорий²⁵ и предполагают комплекс градостроительных мер в целях повышения FAR. Такая стратегия нацелена на остановку городского разрастания и более эффективное использование имеющихся городских ресурсов, а значит, и сокращение жилищного неравенства по показателям доступности инфраструктуры [Попов, Кац, Веретенникова, 2016].

Хотя представленный метод позволяет определить вектор градостроительного развития города в части обновления сложившихся жилых территорий, дальнейшего изучения требует включение той или иной территории в проекты комплексного развития. Поскольку для первичного этапа обновления жилищного фонда лучше всего подходят массовые районы советской застройки, необходимо ответить на вопрос, являются ли такие районы составной частью образа города в соответствии с концепцией, предложенной Б. Гладаревым, и требуют ли в связи с этим какой-либо защиты от существующих механизмов КРТ [Гладарев, 2011].

Кроме того, так как работа по регенерации существующих жилых районов должна учитывать множество факторов, среди которых, помимо обозначенных в методике Минстроя пространственных характеристик, есть социальные, экономические, природные и программные факторы [Oliver, 2013], дальнейших исследований требует оценка соответствующих индикаторов, которыми может быть дополнена методика отбора территорий для комплексного развития жилой застройки. Меры по планированию преобразований в сложившихся районах непременно должны включать в себя меры по сохранению существующих социальных связей, в связи с чем требуется дальнейшая проработка механизмов по подготовке концепций развития территорий при участии собственников недвижимости, проживающих на данных территориях.

Выводы

Анализ текущих жилищных условий российских семей показал актуальность проблемы жилищного неравенства, которая заключается в неравном качестве жилья и средовых характеристик района проживания, а также доступности инфраструктурных объектов между жителями сложившихся городских территорий и новых районов на периферии городов, построенных в период рекордного объема строительства жилья последнего десятилетия. Ежегодное увеличение объема ветхого и аварийного жилищного фонда делает особенно острой проблему качества существующего жилья в срединной части российских городов, которая представлена преимущественно районами массовой постройки советского периода и нуждается в реновации.

Механизм комплексного развития территорий, призванный решить проблему обновления ветшающего жилищного фонда и улучшить условия проживания горожан, напрямую влияя на сокращение жилищного неравенства, имеет ряд недоработок, вследствие чего его применение затруднено в нескольких регионах, а в Санкт-Петербурге приостановлено на неопределенный срок. Тем не ме-

²⁵ Стандарт комплексного развития территорий // ДОМ.РФ. 2019. URL: <https://xn-d1aqf.xn-p1ai/urban/standards/printsipy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy/> (дата обращения: 15.04.2025).

нее, поскольку этот механизм на сегодняшний день наиболее перспективен для обновления сложившейся жилой среды, в данной работе предложена методика оценки привлекательности территорий для реновации по объективным факторам в качестве первого шага к качественному преобразованию сложившихся городских территорий.

Предложенная методика основывается на методике отбора территорий Минстроя и дополнена оценкой степени ветхости жилых зданий и оценкой наличия места в жилом районе под возведение стартового дома для переселения жителей первой очереди реновации. Адаптированная методика апробирована на примере Санкт-Петербурга. Пространственный анализ показал наивысшую привлекательность для КРТ районов советской застройки 1955—1970 гг. ввиду низкой плотности застройки и высокой потенциальной транспортно-пешеходной активности по причине особенностей планировки этих районов. Оценка ветхости зданий показала высокую степень износа большей части многоквартирных домов, непризнанных аварийными, что свидетельствует о необходимости включения зданий в программу комплексного развития. При этом в исследуемых районах достаточно места для строительства стартового дома, в который могут быть переселены жильцы первого сносимого дома. Благодаря этому жильцам не придется покидать свой район и нарушать сложившийся уклад жизни.

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что проблема жилищного неравенства касается большого числа российских семей. Жилищные условия, включая качество жилья и прилегающей территории, доступность инфраструктуры, сказываются на жизни горожан как в сложившихся городских районах, так и в новых районах на периферии. Для первых проблемой является качество жилья ввиду общего устаревания зданий и прилегающей среды, для вторых — низкая доступность социальных объектов и сервисов или их полное отсутствие, поскольку необходимая инфраструктура здесь еще недоформирована.

Смещение акцента градостроительного развития на преобразование сложившихся территорий через их реновацию способно сократить жилищное неравенство за счет улучшения жилищных условий и доступа к развитой инфраструктуре сложившихся районов. Первым шагом к реализации комплексного развития территорий жилой застройки должно стать выявление приоритетных территорий развития на основе объективных факторов.

С учетом проведенных ранее социологических исследований опыта реновации в Москве в работе была принята модель сохранения места проживания за жителями в случае реализации проекта комплексного развития. Однако закон о КРТ также предоставляет собственникам возможность получения компенсации за свою недвижимость в случае, если они готовы переехать в другой район, без предоставления равнозначной жилой площади от застройщика. В связи с этим дальнейших исследований требует изучение влияния монетарных факторов, таких как размер компенсационных выплат, на готовность жителей к смене района проживания. Такое исследование может быть проведено на примере регионов, где проекты КРТ жилой застройки уже находятся в стадии реализации.

Кроме того, в условиях текущего законодательства о комплексном развитии возможность реализации проекта КРТ во многом зависит от заинтересованно-

сти участия в нем инвестора. В связи с этим интерес представляет изучение факторов привлекательности сложившихся городских территорий для застройщика и то, насколько данные факторы будут способствовать сокращению жилищного неравенства в случае реализации проекта.

Адаптированная методика отбора территорий для комплексного развития жилой застройки показала свою применимость на примере Санкт-Петербурга и может быть использована в целях выявления потенциальных зон преобразования в сложившейся городской среде в других субъектах Российской Федерации, поскольку опирается на открытые источники данных.

Список литературы (References)

1. Безвербный В. А., Белкин С. В., Блинов Г. Н., Бойко Д. О., Гарнага А. Ф., Жирков О. А., Зеленцова Е. В., Иванова К. А., Ивановская Н. Е., Климович Е. В., Королева Д. О., Маркварт Э., Мартынова Я. А., Моисеев Ю. М., Орлова О. Н., Полещук М. Н., Пушкарева Т. В., Камойлова Н. А., Синицына И. А., Ситковский А. М., Томасова Д. А., Трубетская А. Ю., Хавенсон Т. Е., Центнер М. С., Щедровицкий П. Г. Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии / под общ. ред. Д. П. Соснина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.
Bezverbny V. A., Belkin S. V., Blinov G. N., Boyko D. O., Garnaga A. F., Zhirkov O. A., Zelentsova E. V., Ivanova K. A., Ivanovskaya N. E., Klimkovich E. V., Koroleva D. O., Marquart E., Martynova Y. A., Moiseev Yu. M., Orlova O. N., Poleshchuk M. N., Pushkareva T. V., Kamoilova N. A., Sinitsyna I. A., Sitkovsky A. M., Tomasova D. A., Trubetskaya A. Yu., Khavenson T. E., Tsentner M. S., Shchedrovitsky P. G. (2021) Cities of the Future: Spatial Development, Participatory Management, and Creative Industries. Moscow: RANEPa Delo Publishing House. (In Russ.)
2. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 70—304.
Gladarev B. (2011) Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: the Origin of the Public from the Spirit of the City. In: Kharkhordin O. (ed.) *From Public to Public*. St. Petersburg: EUSP Publishing House. P. 70—304. (In Russ.)
3. Голубева Я., Веретенников Д., Коротыч В., Крутенко Л., Малышев Г., Низамутдинова Г., Нестолчная реновация // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 104—128. <https://doi.org/10.17323/usp422020104-128>.
Golubeva Ya., Veretennikov D., Korotych V., Krutenko L., Malyshev G., Nizamutdinova G. (2019) Renovation Outside Moscow: Searching for Alternative Development Methods in Post-Soviet Cities. *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 15. P. 104—128. <https://doi.org/10.17323/usp422020104-128>. (In Russ.)
4. Грушина О. В., Зорина Е. С., Колесникова Н. С., Практика пространственно-экономического моделирования проектов комплексного развития территорий (на примере г. Иркутска) // Жилищные стратегии. 2024. Т. 11. № 1. С. 79—104.

- Grushina O. V., Zorina E. S., Kolesnikova N. S. (2024) The Practice of Spatial-Economic Modeling of Integrated Territorial Development Projects (on the example of Irkutsk). *Russian Journal of Housing Research*. Vol. 11. No. 1. P. 79—104. (In Russ.)
5. Евдокимова Е. П. Реновация в Санкт-Петербурге как поле властно-гражданских отношений: подходы к анализу // Социология и право. 2024. Т. 16. № 1. С. 75—83. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-1-75-83>.
Evdokimova E. P. (2024) Renovation in St. Petersburg as a Field of Power-Civil Relations: Approaches to Analysis. *Sociology and Law*. Vol. 16. No. 1. P. 75—83. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-1-75-83>. (In Russ.)
 6. Запорожец О. Н., Багина Я. А. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 269—284. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284>.
Zaporozhets O. N., Bagina Ya. A. (2021) How Hopes Build the Civic Infrastructure of New Residential Areas. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 269—284. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284>.
 7. Коленникова Н. Д. Специфика восприятия россиянами жилищных условий и жилищного неравенства: динамика и факторы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024 Т. 17. № 4. С. 247—263. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.14>.
Kolennikova N. D. (2024). Specifics of Russians' Perception of Housing Conditions and Housing Inequality: Dynamics and Factors. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, Vol. 17. No. 4. P. 247—263. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.14>. (In Russ.)
 8. Куприянов В. Н., Мирсаяпов И. Т., Хабибулина А. Г., Хабибулина А. М. Реконструкция объемно-планировочных параметров школ с использованием принципов и приемов биофильной архитектуры // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2023. № 1. С. 129—144. http://dx.doi.org/10.52409/20731523_2023_1_129.
Kupriyanov V. N., Mirsayapov I. T., Khabibulina A. G., Khabibulina A. M. (2023) Reconstruction of the Volume-Planning Parameters of Schools Using the Principles and Techniques of Biophilic Architecture. *News of the Kazan State University of Architecture and Civil Engineering*. Vol. 1. No. 63. P. 129—144. http://dx.doi.org/10.52409/20731523_2023_1_129. (In Russ.)
 9. Мареева С. В. Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 344—362. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-344-362>.
Mareeva S. V. (2025) Social-Economic Inequalities in the Russian Society: Public Perception and its Dynamics. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 25. No. 2. P. 344—362. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-344-362>. (In Russ.)

10. Махрова А. Г., Голубчиков О. Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2012. № 2. С. 26—31.
Makhrova A. G., Golubchikov O. Yu. (2012) Russian City Under Capitalism: Social Transformation of the Inner-City Space. *Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography*. No. 2. P. 26—31. (In Russ.)
11. Мельникова М. Не просто панельки. Немецкий опыт работы с районами массовой жилой застройки. Электронное издание 1.1. Издатель: Мария Мельникова, 2020.
Melnikova M. (2020) Not Just Panel Houses. German Experience of Working with Areas of Mass Residential Development. Electronic edition No. 1.1. Publisher: Maria Melnikova. (In Russ.)
12. Монастырская М. Е., Песляк О. А. Современные методы делимитации границ городских агломераций // Градостроительство и архитектура. 2017. Т. 7. № 3. С. 80—86. <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2017.03.14>.
Monastyrskaya M. E., Peslyak O. A. (2017) Modern Methods of Delimitation of Boundaries of Urban Agglomerations. *Urban Development and Architecture*. Vol. 7. No. 3. P. 80—86. <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2017.03.14>. (In Russ.)
13. Попов Е. В., Кац И. С., Веретенникова А. Ю. Доступность социальной инфраструктуры городских территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. Т. 2. С. 54—67.
Popov E. V., Kats I. S., Veretennikova A. Yu. (2016) Availability of Social Infrastructure in Urban Areas. *Regional Economics: Theory and Practice*. Vol. 2. P. 54—67. (In Russ.)
14. Старикова М. М., Бушкова-Шиклина Э. В. Исследовательские подходы к изучению жилищных условий в социологии // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10. С. 135—138.
Starikova M. M., Bushkova-Shiklina E. V. (2015) Research Approaches to Studying Housing Conditions in Sociology. *Almanac of Modern Science and Education*. No. 10. P. 135—138. (In Russ.)
15. Старикова М. М. Жилищное неравенство в городах как форма социального расслоения: критерии выделения жилищных классов и страт // Урбанистика. 2018. № 3. С. 71—98. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955>.
Starikova M. M. (2018) Housing Inequality in Cities as a Form of Social Stratification: Criteria for Identifying Housing Classes and Strata. *Urban Planning*. No. 3. P. 71—98. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955>. (In Russ.)
16. Chen J., Wu Y., Guo F., Wang H. (2018) Domestic Roperty and Housing Class in Contemporary Urban China. *Journal of Housing and the Built Environment*. No. 33. P. 91—109. <https://doi.org/10.1007/s10901-017-9545-6>.
17. Dieleman F., Wegener M. (2004) Compact City and Urban Sprawl. *Built Environment*. Vol. 30 No. 4. P. 308—323. <https://doi.org/10.2148/benv.30.4.308.57151>.

18. Ding L., Nie P., Sousa-Poza A. (2024) Housing Conditions and Health: New Evidence from Urban China. *Cities*. Vol. 152. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105248>.
19. Dwyer R. E. (2009) The McMansionization of America? Income Stratification and the Standard of Living in Housing, 1960—2000. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 27. No. 4. P. 285—300. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2009.09.003>.
20. González F., Baeza F., Valdebenito R., Sánchez B. N., Diez-Roux A., Vives A. (2024) Improvements in Habitability and Housing Satisfaction After Dwelling Regeneration in Social Housing Complexes. The RUCAS Study. *Social Science & Medicine*. Vol. 355. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2024.117090>.
21. Ho D. W. L. (2017) The Dilemma Between Class Status and Property. *International Journal of Interdisciplinary Social and Community Studies*. Vol. 12. No. 2. P. 25—33.
22. Jenks G. F. (1967) The Data Model Concept in Statistical Mapping. *International Yearbook of Cartography*. Vol. 7. P. 186—190.
23. Koops-Van Hoffen H. E., Kamphius C. B. M., Vendrig-De Punder Y. M. R., Jambroes M., Van Lenthe F. J. (2025) Applying a Systems Perspective to Understand the Health Effects of Holistic Housing Renovation in a Deprived Neighbourhood in the Netherlands: Development of a Causal Loop Diagram. *Cities*. Vol. 158. Art. 105635. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105635>.
24. Kolb K., Skopek N., Blossfeld H. P. (2013) The Two Dimensions of Housing Inequality in Europe are High Home Ownership Rates an Indicator of Low Housing Values? *Comparative Population Studies*. Vol. 38. No. 4. P. 1009—1041.
25. Lerman Y., Rofo Y. Omer I. (2014) Using Space Syntax to Model Pedestrian Movement in Urban Transportation Planning. *Geographical Analysis*. Vol. 46. No. 4. P. 392—410. <https://doi.org/10.1111/gean.12063>.
26. Massey D. S. (2008) Categorically Unequal: The American Stratification System. New York: Russell Sage Foundation.
27. Oliver A. (2013) Regenerating Urban Neighborhoods: Through Synergies of Natural and Social Capital. *Spaces and Flows: An International Journal of Urban and ExtraUrban Studies*. Vol. 1. P. 79—90.
28. Zhao W., Ge J. (2014) Dual Institutional Structure and Housing Inequality in Transitional Urban China. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 37. P. 23—41. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2014.02.002>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3031](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3031)**Е. А. Григорьева****ОТ СПРАВЕДЛИВОСТИ К ЭФФЕКТИВНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ****Правильная ссылка на статью:**

Григорьева Е. А. От справедливости к эффективности: трансформация представлений об идеальном городском управлении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 115—138. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3031>.

For citation:

Grigoreva E. A. (2025) From Justice to Efficiency: A Paradigm Shift in Conceptualizations of Ideal Urban Governance. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 115–138. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3031>. (In Russ.)

Получено: 19.05.2025. Принято к публикации: 20.08.2025.

ОТ СПРАВЕДЛИВОСТИ К ЭФФЕКТИВНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ

FROM JUSTICE TO EFFICIENCY: A PARADIGM SHIFT IN CONCEPTUALIZATIONS OF IDEAL URBAN GOVERNANCE

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Александровна — младший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; старший методист, Университетская гимназия МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: yreewda@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0313-3437>

Ekaterina A. GRIGOREVA^{1,2} — Junior Researcher; Senior Methodologist
E-MAIL: yreewda@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0313-3437>

¹ Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow High School, Moscow, Russia

Аннотация. Ускоряющиеся темпы урбанизации создают для городов по всему миру целый комплекс сложных проблем, начиная от растущего спроса на ресурсы и инфраструктуру и заканчивая усилением социального неравенства и антропогенного воздействия на окружающую среду. В связи с этим как для ученых, так и для управленцев актуальной задачей становится поиск грамотных подходов к городскому управлению.

С целью выявления специфики современных представлений о том, как должен быть устроен город и, в частности, городское управление, автором предпринято сравнительно-историческое исследование трансформации представлений социальных мыслителей об идеальном городе с конца XIX в. по настоящее время. Исследование показало ключевое изменение в представлениях об идеальном городе: главным принципом городского управления стала эффективность, которая вытеснила прежний приоритет — справедливость. Статья предупреждает об опасности подобного положения для нашего городского будущего — оно содержит риски упущения возможностей для социальных реформ. При отсутствии ориентации на справедливость в городском управлении практика городского планирования едва ли сможет бросить вызов существующим структурам власти и способствовать созданию более инклюзивной и справедливой городской

Abstract. The escalating rate of urbanization presents a multifaceted array of challenges to global urban centers, encompassing heightened resource and infrastructural demands, amplified socioeconomic disparities, and increased anthropogenic environmental impact. Consequently, the identification of efficacious urban governance paradigms has become a critical imperative.

This article presents a comparative-historical analysis of the evolving conceptualizations of the ideal city among social thinkers from the late 19th century to the present. The research aims to elucidate the specificity of contemporary perspectives on urban structure and, more particularly, urban governance. Contemporary ideal urban visions are characterized by a prioritization of “efficiency,” diverging from the historical emphasis on “justice” as the central tenet of ideal urban governance. This article posits a cautionary perspective regarding the potential ramifications of this paradigm shift for future urban development, highlighting the inherent risk of overlooking opportunities for societal reform and amelioration. Without a substantive focus on justice within urban governance frameworks, urban planning methodologies are unlikely to effectively challenge prevailing power structures and facilitate the establishment of more inclusive and equitable urban environments. Therefore, the formulation of an ideal urban vision that accords sig-

среды. Поэтому формирование представлений об идеальном городе с особым акцентом на устройстве социальной жизни в нем становится перспективной задачей для современных социологов, чьи усилия должны быть объединены с урбанистами и городскими практиками.

Ключевые слова: идеальный город, городское управление, идеальное городское управление, управление городом, управление, справедливость, эффективность

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00258 (<https://rscf.ru/project/24-28-00258/>).

nificant attention to the organization of social life constitutes a salient task for contemporary sociologists, whose endeavors should be integrated with those of urban planners and practitioners.

Keywords: ideal city, city management, ideal city governance, city governance, governance, justice, efficiency

Acknowledgments. This research was supported by grant No. 24-28-00258 from the Russian Science Foundation (<https://rscf.ru/project/24-28-00258/>).

Городское управление в современных научных публикациях

Проблемы идеального устройства поселений и их управления интересовали мыслителей со времен Платона. Однако именно в XX веке, особенно после работ классиков городской социологии [Park, Burgess, 2019: 200—202], городское управление существенно эволюционировало как предмет научного исследования. В социологической перспективе понимание городского управления прошло значительную эволюцию за XX век, в первую очередь от более традиционного фокуса на городской администрации как ключевого актора (*urban government*) к более широкой концепции, охватывающей больший спектр субъектов, заинтересованных и участвующих в городских управленческих практиках, выходящих за рамки официальных государственных институтов (*urban governance*) [Miller, 2001]. Этот переход от узкого понимания управления как деятельности администрации к широкому пониманию управления как взаимодействия множества акторов свидетельствует о растущем влиянии неправительственных организаций, структур частного сектора и групп гражданского общества на формирование городской политики [Marwell et al., 2020; Da Cruz et al., 2019]. Фундаментальным вкладом в расширение понимания городского управления от традиционно сфокусированного на действиях формальных правительственных структур (*urban government*) до ориентированного на сетевое взаимодействие (*urban governance*) стала теория городского режима, утверждающая наличие неформальной, но стабильной коалиции государственных и частных акторов, которые обладают способностью координировать действия и принимать решения для достижения определенных целей, часто связанных с экономическим развитием [Stone, 1989]. Дальнейшее движение в научной мысли о городском управлении сопровождалось работами о децентрализации власти и «выходе из-под контроля» государства [Rhodes, 1997], мультиуровневом управлении [Heinelt, Zimmermann, 2016], а также сравнитель-

ными исследованиями, анализирующими как страновые различия в структурах и функциях местного правительства и других участников городских управленческих практик, так и влияние этих различий на городское развитие [Wolman, 2019].

Тем не менее сбор систематических данных о городском управлении для понимания общих тенденций в глобальном масштабе чрезвычайно сложен. Как бы ни были желательны такие знания, учитывая стратегическую важность городов для решения современных глобальных проблем, эта область пока остается неразвитой. Как в академической, так и в общественной сфере доминирующий нарратив городского управления развивается вокруг политических вопросов неравной власти, демократизации, представительства и общественного участия. В рамках общего перехода от *urban government* к *urban governance* ученые выражают необходимость приращения научных знаний о возможностях многоуровневых институтов управления и их потенциальном влиянии на достижение более широких общественных целей, подчеркивая, что сегодня подобный анализ сопряжен с очевидной методологической сложностью [Da Cruz et al., 2019]. В связи с этим современные отечественные авторы прибегают к изучению особенностей реализации «живых лабораторий» — экспериментальных площадок для разработки и тестирования инновационных подходов в управлении городами [Мухаметов, 2020; Ушаков, 2023].

Кроме того, традиционно в исследованиях городского управления особое внимание уделялось техническим и административным аспектам управления городом (например, грамотному поддержанию инфраструктуры) [Warren, Weschler, 1975]. Сегодня внимание исследователей сконцентрировано на более сложных политических, социальных и экономических процессах, в рамках которых принимаются и реализуются решения, с учетом широкого круга вовлеченных субъектов и их непосредственных интересов [Chinyere, Jacinta, Anyim, 2020]. Социально ориентированное управление городом [Прогнозное социальное проектирование..., 1994] и развитие субъект-субъектных подходов к управлению [Тихонов, 2000] в отечественной социологии связано прежде всего с именами Т. М. Дридзе и А. В. Тихонова, чьи идеи были востребованы и продолжены в большом корпусе работ [Шилова, Богданов, 2022; Мерзляков, 2018; Расходчиков, 2022].

Наконец, признав важность неправительственных акторов в системе городского управления, а также необходимость комплексного подхода к анализу городских процессов через призму городского управления, современные городские теоретики пришли к признанию необходимости обеспечения участия горожан в управленческих практиках. Этот сдвиг обозначил, что управление городами требует активного участия тех, кого в наибольшей степени затрагивают городская политика и управленческие решения. Сегодня утверждается, что решение городских проблем требует совместных комплексных подходов, основанных на знаниях и ресурсах широкого круга участников [Видясов, Видясова, 2021; Шипова-лова, Чернышева, Гизатуллина, 2021; Da Cruz et al., 2019]. Отдельного внимания заслуживают работы, освещающие проблему так называемого городского молчания — неготовности горожан принимать активное участие в городском управлении [Мерсиянова, Корнеева, 2015].

Современные научные дискуссии в поле изучения городского управления формируются вокруг следующих тем: влияние технологий (в особенности техноло-

гий искусственного интеллекта) на городское управление [Cugurullo, Xu, 2025; Beckers, Mora, 2025; Мухаметов, 2021; Плотников, Катрашова, 2021; Оценка эффективности технологий..., 2020], проблема социального неравенства в городах [Kelly, 2025; DeLuca, 2024; Bennett et al., 2021; Levine, 2021], города в кризисных ситуациях, в частности в условиях пандемии COVID-19 [Achremowicz, Kamińska-Sztark, 2020] и антироссийских санкций [Черняков, Чернякова, 2016]. Кроме того, глобальная повестка ООН-Хабитат «Хорошее городское управление» (*Good city governance*), начатая в 2000 г., способствовала широкому обсуждению устойчивости, справедливости и инклюзивности, эффективности, прозрачности, безопасности и других принципов, представляющих собой нормативную основу для современного городского управления¹. В научной литературе, как иностранной, так и отечественной, обнаруживается обилие публикаций на данную тематику.

В поисках идеального городского управления: методология исследования

Системы городского управления во многих городах мира не соответствуют своему назначению и нуждаются в существенных реформах для обеспечения устойчивого и инклюзивного городского развития². Равно как и во многих городах прошлого, городское управление и его институциональные рамки далеки от совершенства, что не позволяет городским властям в полной мере выполнять свои обязанности из-за неадекватной децентрализации, недостаточных ресурсов, низкого потенциала и неразвитой системы взаимодействия с горожанами.

Поэтому идеальное городское управление должно выступать предметом научного интереса и поисков, в первую очередь для урбанистов, социологов, политологов и управленцев. При этом специфика социологической оптики позволяет преодолеть фокусировку на формальных политических механизмах и принципах принятия управленческих решений, предложив погружение в глубокий социальный контекст — поиск социальных идеалов, лежащих в основе той или иной управленческой стратегии. Именно они в конечном счете определяют, кто участвует в городском управлении, чьи голоса будут услышаны, чьи интересы будут соблюдены и по каким принципам.

Проследить развитие представлений об идеальном городском управлении позволяет обращение к широкой научной традиции — концепциям идеальных городов. Их изучение проливает свет на то, какой виделась идеальная социальная жизнь в городе в разном социально-историческом контексте, и вносит вклад как в имеющийся корпус знаний об общественных идеалах, так и в общее понимание тенденций и практик городского развития. И если со времен Платона и вплоть до XIX века (например, у таких авторов, как Т. Кампанелла, Т. Мор, Э. Кабе и др.) идеальный город был лишь «местом обитания» предполагаемого идеального общества и государства, удобной «моделью» для демонстрации функционирования утопического общества и пространственным выражением социально-утопических идеалов, то в эпоху модерна представления об идеальном городе обрели сугубо «городское звучание». На фоне бурной урбанизации и индустриализации город-

¹ Urban Governance // UN-Habitat. URL: <https://unhabitat.org/topic/urban-governance> (accessed: 10.05.2025).

² Ibid.

ские стены наполнились большим количеством социальных и санитарных проблем. Желая найти решение и спасти горожан от тяжелых условий жизни в городах, социальные мыслители существенно продвинулись в разработке видения идеального города, обращая внимание на различные аспекты городской жизни: начиная от условий для жизни и заканчивая совместным досугом горожан. В таких концепциях большая роль отводится идеальному городскому управлению.

Как отмечал отечественный социолог О. Н. Яницкий, понятие «идеальный город» трудно определить, поскольку в каждом отдельном случае представления об идеальном городе рождались в конкретной социальной ситуации и, что предельно важно, понимание места «идеального города» в мироздании также серьезным образом трансформировалось [Яницкий, 2019]. Для целей настоящей работы была предпринята авторская концептуализация идеального города, которая позволила обобщить существующие в научной литературе наработки [Яницкий, 2018; Груза, 1972; Windsor-Liscombe, 2004; Rosenau, 1959]. Идеальный город — это модель городского устройства, являющаяся результатом обобщения и/или абсолютизации того, что составляет предмет потребностей городского жителя, и включающая в себя утопические идеи.

С целью изучения трансформации представлений об идеальном городском управлении автором предпринято сравнительно-историческое исследование трансформации представлений об идеальном городе конца XIX — начала XXI века, рожденных в североамериканской, европейской и отечественной социальной научной мысли [Григорьева, 2025]. Выбор данной исследовательской области обусловлен, во-первых, спецификой «послемодерновых» представлений об идеальном городе, отмеченной выше, и, во-вторых, взаимосвязью интеллектуальных традиций выбранных регионов с их социально-историческим прошлым. В обозначенных хронологических и географических рамках был проведен систематический литературный обзор с целью обнаружения ключевых текстов, формирующих представления об идеальном городе³. Отбор работ в источниковую базу исследования осуществлялся по основному критерию — наличию в них развернутой авторской модели идеального города. Это позволило сфокусироваться на текстах, которые не просто описывают городские проблемы, но активно предлагают их решения через призму совершенного городского устройства.

Поскольку в задачи исследования входило выделение этапов трансформации представлений об идеальном городе, далее был разработан методологический комплекс, включающий следующие этапы.

³ Прежде всего автором был сформулирован ключевой критерий включения источников — наличие в них развернутой авторской модели идеального города, соответствующей принятой в настоящем исследовании концептуализации идеального города. Далее был предпринят целенаправленный поиск основополагающих и наиболее влиятельных текстов конца XIX — начала XXI века в североамериканской, европейской и отечественной социальной научной мысли (в первую очередь таких широко известных концепций, как «Город-сад» Э. Говарда, «Лучезарный город» Л. Корбюзье и др.) и поиск в научных базах данных Elibrary, Google Scholar, JSTOR по следующим тематическим запросам: «идеальный город», «городская утопия», «идеальное городское устройство», «ideal city», «ideal city form» и др. (с учетом количества цитирований). Метод «снежного кома» (изучение списков литературы в найденных релевантных работах для выявления дополнительных источников) позволил расширить количество анализируемых текстов. Из общего массива обнаруженных текстов были отобраны те, которые соответствовали установленному критерию. В результате была сформирована источниковая база, насчитывающая более 60 авторских работ, предлагающих представления об идеальном городе. Отобранные работы были классифицированы по географической принадлежности и сгруппированы хронологически.

1) Экспликация специфических городских проблем и социальных идей, присутствующих в авторском видении идеального города.

2) Детекция паттернов — идентификация городских проблем и социальных идей, проявляющихся в текстах нескольких авторов. Это включало как устойчивые, сквозные паттерны, характерные для всего анализируемого периода, так и периодически доминирующие идеи, актуальные лишь на ограниченных временных отрезках.

3) Сопоставление временных интервалов, в течение которых наблюдалось доминирование определенных городских проблем и связанных с ними социальных идей. Это позволило установить моменты смены дискурсивных доминант, то есть переходы от одного корпуса доминирующих проблем и идей к другому.

Этапы трансформации представлений об идеальном городе

В результате применения данных аналитических процедур была построена периодизация трансформации представлений об идеальном городе (см. табл. 1). Каждый переход между выделенными этапами непосредственно совпадает со сменой корпуса доминирующих городских проблем и социальных идей.

Таблица 1. Этапы трансформации представлений об идеальном городе в «послемоdernовое» время

Европейские представления об идеальном городе	Североамериканские представления об идеальном городе	Отечественные представления об идеальном городе
Машинный этап (конец XIX — середина XX века)		
«Город-сад» (Э. Говард) «Индустриальный город» (Т. Гарнье) «Лучезарный город» (Л. Корбюзье)	«Акрогород» (Ф. Л. Райт) «Город будущего» (Х. Феррис)	«Социалистический город» (Л. М. Сабсович) «Социалистическое расселение» (М. А. Охитович) «Зеленый город» (М. Я. Гинзбург, М. О. Барщ) «Социалистический город» (А. У. Зеленко) «Соцгород» (Н. А. Милютин)
Гуманистический этап (середина XX века — 1990 г.)		
«Право на город» (А. Лефевр) Теория пространственной справедливости (Д. Харви) «Город для людей» (Я. Гейл)	«Разнообразный город» (Дж. Джекобс) «Совершенная градостроительная форма» (К. Линч) «Аркозанти» (П. Солери) «Эко-город» (Р. Реджистер)	«Новый Элемент Расселения (НЭР)» (А. Э. Гутнов и др.) «Экополис» (В. Л. Глазычев)
Современный этап (1990 г. — настоящее время)		
«15-минутный город» (К. Морено) «Стоп Сити» (П. В. Аурели, М. Таттара)	«Умный город» (У. Митчелл, А. Гринфилд) «Океаникс» (А. Голдвейт, Дж. А. Сигел)	«Гелиокластерный город» (С. В. Непомнящий) «Лоскутки» (А. Р. Асадов и др.)

В продолжение общей логики экоантропоцентрической модели социального познания, предложенной отечественным социологом Т. М. Дридзе [Дридзе, 2000], для каждого из этапов трансформации представлений об идеальном городе была построена четырехкомпонентная модель идеального города, в сердце которой (как и в знаменитой «бабочке Дридзе») находится человек, а среда вокруг представлена следующими компонентами: взаимодействие с другими людьми, городское управление, окультуренный ландшафт (городская структура вместе со всей совокупностью городских зданий и зеленых зон). Именно через подробное описание данных компонентов авторы формулируют свое идеальное городское видение. Помимо этого, важным элементом текстов об идеальном городе является описание городских проблем, которым авторы предваряют изложение своей идеальной городской модели.

Тесная взаимосвязь социально-исторического прошлого североамериканской, западноевропейской и отечественной интеллектуальных традиций обусловила отсутствие существенных различий между оформившимися на данных территориях представлениями на каждом из этапов.

Машинный этап (конец XIX — середина XX века): справедливое городское управление

Идеальный город машинного этапа был призван спасти жителей от последствий промышленной революции, от того обилия городских проблем, которое обрушилось на города в эпоху ранней индустриализации: чрезмерное увеличение размеров городских территорий, дистанция между природой и городом, тяжелые жилищные и санитарные условия, переуплотнение городов и др. Быстрый рост городов в то время вызвал резкое ухудшение условий жизни в них. Жителей городов коснулись такие серьезные социальные проблемы, как преступность, эпидемии, бедность и др., которые также были напрямую связаны с тяжелым состоянием городских территорий в период ранней индустриализации и требовали решения [Бродель, 2008: 381—382]. Наиболее ранние из представлений об идеальном городе на данном этапе являются своего рода ответом на ужасы жизни в раннем промышленном городе (Э. Говард, Т. Гарнье). Глядя на разросшиеся города с их нездоровой средой, казалось бы, навсегда разлучившей человека и природу, Э. Говард предложил создать такую форму человеческого поселения, которая могла бы гармонично вбирать в себя достоинства и города, и деревни одновременно. В определенном смысле он призывал к строительству «городов-приютов для тех, кто теперь живет в переполненных, грязных, трущобных городах» [Говард, 1911: 132]. Более поздние авторы развивали свое видение идеального города во многом в ответ на бурное развитие автомобильной промышленности (Л. Корбюзье, Х. Феррис, М. Я. Гинзбург, М. О. Барщ, А. У. Зеленко) и высотное строительство (Ф. Л. Райт): «автомобиль убил большой город» [Корбюзье, 1977а: 40], «города превратились в пустыни из камня и асфальта» [Корбюзье, 1976: 8]. В основу проекта «Современного города с трехмиллионным населением» Л. Корбюзье заложил идею ликвидации заторов в центре города и повышения эффективности городского транспорта наряду с увеличением площади зеленых насаждений и плотности населения [Корбюзье, 1977а: 37]. Контраст между развитием

техники, науки и средств производства и серьезным ухудшением условий городской жизни, страданиями жителей стал благодатной почвой для появления утопий, «предрекающих легкий, безболезненный прогресс» [Арон, 1955: 461].

Исторически представления об идеальном городе тесно переплетались с идеей социальной справедливости. Город рассматривался как пространство коллективной жизни, где управление должно обеспечивать равные возможности, справедливое распределение благ и защиту прав всех жителей, особенно социально уязвимых групп. На фоне тяжелых санитарных и жилищных условий авторы распространяли принципы социальной справедливости прежде всего на решение жилищных проблем, выступая против неравных условий жизни различных горожан. Например, Т. Гарнье представлял свой идеальный «Индустриальный город» как социалистический город без заборов и частной собственности, без церкви и казарм, без полицейских участков и судов, город, где все незастроенное пространство занимает общественный парк [Garnier, 1989]. Идеалы социальной справедливости получили на данном этапе следующее прочтение в рамках проектов идеальных городов.

1) *Равный доступ к солнечному свету, воздуху, зеленым насаждениям; норма жилья.* Все мыслители, исключая лишь Х. Ферриса, заявляли о необходимости обеспечения равного доступа жителей к солнечному свету и свежему воздуху. Более того, в «Индустриальном городе» Т. Гарнье все дома должны были быть оснащены горячим и холодным водоснабжением, которым на рубеже XIX—XX веков, когда автор предлагал свою концепцию, были обеспечены только самые лучшие дома [Garnier, 1989]. Аналогичным образом все авторы (вновь, исключая Х. Ферриса) разделяли идею о том, что горожане должны быть уравнены в доступе к парковым и зеленым прогулочным зонам. Необходимо обеспечение данного положения градостроительными методами и дальнейшее его поддержание управленческими силами. По этому поводу Л. Корбюзье амбициозно заявил: *«Я создал модель бесклассового города, города, где люди заняты своим трудом и досугом, который отныне стал для них доступным»* [Корбюзье, 1977b: 122]. Новое сознание в архитектуре, рассуждал Л. Корбюзье, должно *«соответствовать всем поистине человеческим потребностям, потребностям, свойственным всем классам общества [речь идет о потребности в солнечном свете, свежем воздухе, парковым зонам] — а это предполагает серьезное преобразование расчета параметров, норм конституционного права, обширное знание достижений технического прогресса и так далее»* [Корбюзье, 2018: 336]. С помощью архитектурного и градостроительного вмешательства горожане обретут чистый воздух, тишину и душевное спокойствие — то, что Л. Корбюзье назвал насущными радостями бытия. Кроме того, будут ликвидированы пыль и раздражающие насекомые (мухи, комары и т. д.). Автор стремился к воссозданию естественной среды — заботился о чистоте воздуха, увеличении площади зеленых насаждений, доступе солнечных лучей в жилища и максимизации естественного освещения. Для этого он, в частности, предлагал отказаться от обращения фасадов на север и полностью остеклять их [Корбюзье, 1976: 97—98].

В идеальных городах советских авторов, помимо равного доступа к солнечному свету, свежему воздуху и зеленым зонам, для каждого горожанина также была

определена норма жилья. М. А. Охитович утверждал, что норма гигиены должна выводиться из социальной нормы, которую следует определить. Ряд авторов перешел к конкретным цифрам, в частности М. Я. Гинзбург и М. О. Барщ в своем проекте «Зеленого города» исходили из того, что жилые ячейки должны занимать площадь 12 квадратных метров, в то время как на общую так называемую кубатуру отводилось 54 кубических метра (включая лестницу, уборную и душевые), что было больше, чем обычно отводится для одного человека [Барщ, Гинзбург, 1930: 31]. Н. А. Милютин определял и подробно описывал набор оборудования, необходимого для оснащения каждой жилой комнаты [Милютин, 1930]. Горожане в идеальных социалистических городах в равной степени должны были быть обеспечены как жилой площадью, так и всем необходимым для жилья. Городское управление должно было тщательно соблюдать и поддерживать жизнь в равных условиях.

2) *Пешеходная доступность рабочих мест.* Почти все авторы машинного этапа (за исключением Х. Ферриса, М. А. Охитовича и Ф. Л. Райта) предлагали организовать идеальный город как город, в котором рабочие места находятся в пешеходной доступности от жилой зоны. При этом Ф. Л. Райт полагал, что развитие транспорта позволит осуществлять высокоскоростные передвижения и, таким образом, разделял идею близости — не пешеходной, но транспортной — работы от жилища. Данный тезис предполагает, что все жители должны оказаться в равной удаленности от работы и, соответственно, тратить равное количество времени на передвижения до нее. Отдельные авторы, в частности Т. Гарнье, предлагали расположить не только жилье, но и школы, рынки больницы, и прочие объекты инфраструктуры вблизи рабочих мест и транспортных линий [Wiebenson, 1960: 20]. Позднее, на гуманистическом этапе, идея равной удаленности от социально значимых объектов (в данном случае рабочих мест) будет названа пространственной справедливостью, продолжена и расширена.

3) *Решение жилищной проблемы на справедливых началах и борьба с бедностью.* Ряд авторов обратились к проблеме доступа к жилью и владения землей (Э. Говард, Ф. Л. Райт). В то время земля в городе имела высокую стоимость и уже находилась в собственности, а выкуп земли и строительство достойного жилья были непосильными задачами для многих горожан. «Сам город стал формой истерической аренды: жизнь горожанина отдана внаем, и его вместе с семьей выселяют, как только он оказывается на мели» [Райт, 2018: 14]. Апофеозом арендных отношений Ф. Л. Райт видел типичную для современных ему городов картину — горожанин «ютится в клетушке среди таких же клетушек под пятой хозяина, который проживает прямо над ним в каком-нибудь пентхаусе» [там же: 12].

Выходом из сложившейся жилищной ситуации Э. Говард видел в строительстве «Городов-садов», в которых «система землепользования и аренды проникнута началами социальной справедливости и правды» [Говард, 1911: 37]. Он предложил ввести коллективную собственность на землю для горожан, которые, будучи членами кооператива, вносят стартовые средства для строительства города и тем самым становятся акционерами (пайщиками) «Города-сада». Кооператив берет кредит у банка на строительство города, который со временем полностью выплачивается. Э. Говард предполагал, что реализация его идеального города на практике привела бы к решению проблемы бедности: «Со временем налог в пользу

бедных делается излишним, потому что Город-сад будет, по крайней мере с момента полного погашения покупной суммы, заботиться о пенсиях для всех своих престарелых и нуждающихся граждан» [Говард, 1911: 72].

В свою очередь Ф. Л. Райт выступил с идеей предоставить землю «на справедливых началах тем, кто сможет обращаться с ней как с подлинной человеческой ценностью» [Райт, 2018: 83]. При этом распределение земли между горожанами должно было быть равным — каждая семья в «Акророде» должна была получить один акр земли. «Со всякими несчастьями, жестокостью и бедностью можно и нужно бороться, — утверждал автор» [Райт, 2018: 171]. Реализация идеи «Акророда», по мнению Ф. Л. Райта, должна была привести к исчезновению трущоб и бедности, а агентом государства по вопросам выделения земли или благоустройства должен выступить архитектор [Wright, 1935: 346].

4) *Равные права на участие в управлении городом.* Кооперативное управление городским имуществом, предложенное Э. Говардом, предполагало, что горожане должны были бы коллективно принимать решения по всем вопросам городского развития. Благодаря этому каждый горожанин имел бы равные права на участие в управлении городом, а жилье стало бы значительно доступнее.

Гуманистический этап (середина XX века — 1990-е годы): справедливое и эффективное управление городом

Постепенно попытки реализовать на практике предложенные на машинном этапе представления об идеальном городе в разной степени обнаруживали несовместимость умозрительно созданного идеала и жизненных реалий. Например, попытки реализации концепции «Город-сад» Э. Говарда привели к тому, что заложенные автором утопические намерения тонули в непредвиденных обстоятельствах, превращая города, призванные жить в гармонии с природой, в «города-спальни» [Иконников, 2002: 8]. В то же время проблема развития городов, прежде всего крупных, серьезно пострадавших в военное время, стояла остро. За время Второй мировой войны Польша утратила 40 % городских построек, в Германии было уничтожено более 20 % жилого фонда, в СССР полностью или частично было разрушено 1710 городов и поселков городского типа [там же: 445]. Однако среди архитекторов и урбанистов нарастало ощущение, что необходимо отказаться от предложенных на машинном этапе проектов и тем самым отойти от утопий модернизма. «Минору Ямасаки запроектировал жилой комплекс в Сент-Луисе (США, штат Миссури) в соответствии со всеми критериями чистого модернизма 1930 годов, получил премию Американского института архитектуры (1951), и через шестнадцать лет весь этот комплекс был взорван (15 июня 1972 в 15 часов 32 мин.) как очаг преступности и причина распада социальных связей в районе» [Вуек, 1990: 11], — данное событие, по свидетельствам историка архитектуры Я. Вуека, можно рассматривать как своего рода «точную дату» прощания с утопиями и градостроительной практикой эпохи модернизма.

Тем не менее на гуманистическом этапе, так же как и на машинном, городское управление в идеальном городе построено по принципу социальной справедливости, который тесно переплетается с принципом справедливости пространственной. Отойдя от многих архитектурных и градостроительных положений машинного

этапа (в частности, от знаменитого принципа зонирования городских территорий, предложенного Т. Гарнье и окончательно закрепленного в городской практике начала века «Афинской хартией» Л. Корбюзье), авторы гуманистического этапа сохранили верность идеалам социальной справедливости: *«Мы не можем отказаться от понятия справедливости по той простой причине, что чувство несправедливости исторически было одним из наиболее сильных мотивов социальных изменений»* [Харви, 2008: 85]. На данном этапе, однако, прочтение социальной справедливости несколько отличалось от идей, предложенных ранее, актуализировалось в соответствии с новыми социальными городскими проблемами и сводились к следующему.

1. *Равный доступ всех горожан к социально значимым благам.* В то время как жилищная проблема была в значительной степени преодолена, города сохраняли неравномерное распределение городских благ не только в территориальном городском пространстве, но и в пространстве социальном. В связи с этим провозглашалась необходимость обеспечения равных возможностей горожан для трудоустройства, получения общественных услуг, доступа к культурным объектам [Харви, 2018: 126—134]; подчеркивалась потребность в создании «города на уровне глаз», который уравнивал бы горожан разной степени мобильности в доступе к городской среде и в возможностях перемещения по городу [Гейл, 2012: 125—127]; акцентировалось внимание на необходимости обеспечения равного доступа к продовольствию и продуктам питания [Soleri, 1987: 47]. Помимо этого, на данном этапе также постулировалась необходимость обеспечения пешей доступности ко всем социально значимым объектам, в первую очередь к рабочим местам [Гутнов, Глазычев, 1990; Джекобс, 2011; Soleri, 1987; Гейл, 2012].

2. *Обеспечение горожан равными правами активного участия в управлении и преобразовании города.* Этот тезис нашел выражение в идее «права на город» А. Лефевра и Д. Харви: «Нам необходимо представить более открытый город, даже если он будет менее спокойным, город, основанный не только на иных совокупностях прав, но и на иных политических и экономических практиках» [Харви, 2008: 93]. Обеспечение для горожан свободного и равного доступа к преобразованию города предполагает создание публичной сферы активного демократического участия, пересмотра принципов приватизации элементов городской среды. Идеальный город А. Лефевра и Д. Харви открывает своим горожанам равный доступ к политической власти [Харви, 2018: 134] и обеспечивает «городскую демократию» городским группам и классам [Lefebvre, 2003: 137]. Озвучил свое видение идеального города как демократического города и отечественный исследователь В. Л. Глазычев (во многом под влиянием идей Т. М. Дридзе): «Город, возникающий в диалоге, — подлинно демократический город» [Гутнов, Глазычев, 1990: 339]. В его понимании это предполагает соблюдение интересов жителей и обязательное согласование с ними всех градостроительных вмешательств.

В основе предложенного Дж. Джекобс видения идеального города лежало представление о том, что города должны развиваться органично, снизу вверх, посредством повторяющихся практик горожан, а не через жесткое планирование сверху вниз и чрезмерное вмешательство властей [Джекобс, 2011: 15—20]. Аналогичным образом К. Линч подразумевал под равным участием горожан в жизни го-

рода наличие у них возможности как создавать различные городские элементы, так и изменять существующие [Линч, 1986: 170]. Внесение изменений в городской ландшафт, таким образом, должно быть доступно не только городским властям, но в первую очередь самим горожанам.

3. *Распределение ресурсов в идеальном городе по принципу пространственной и социальной справедливости.* Д. Харви определил критерии, в соответствии с которыми должно осуществляться такого рода справедливое распределение ресурсов между городскими территориями: потребность в ресурсе, вклад территории в общее благо и заслуги (оценка природных условий территории, вносящей вклад в общий продукт) [Харви, 2018: 126—134]. Автор предложил на основе обозначенных выше критериев рассчитывать индекс территориальной справедливости и руководствоваться им при принятии решений [там же: 127—128]. В свою очередь К. Линч подчеркивал необходимость соблюдения принципа справедливости при распределении благ не между территориями, а между горожанами. Он также обозначил ряд оснований, по которым должно осуществляться такое распределение: равенство, потребность, способность, платежеспособность, затраченные усилия, социальная позиция или потенциальный вклад [Линч, 1986: 110—111]. Оба эти подхода созвучны и в общем смысле восходят к теории социальной справедливости Дж. Ролза.

На данном этапе, помимо идеи справедливости в управлении ресурсами идеального города, звучала также идея эффективного городского управления. П. Солери и Р. Реджистер подчеркивали необходимость бережного отношения к расходу природных ресурсов и переработке отходов для обеспечения экологического равновесия города и природы. Примечательно, что на данном этапе эффективность на страницах работ авторов неразрывно связывалась со справедливостью. Как рассуждал Д. Харви, достижение эффективности в краткосрочной перспективе грозит обернуться игнорированием социальных издержек и, соответственно, появлением новых источников неэффективности в виде определенных социальных групп, «принявших эти издержки на себя». В долгосрочной же перспективе ориентация лишь на социальную справедливость чревата неэффективным использованием ограниченных ресурсов, что представляется контрпродуктивным. Исходя из этих рассуждений, Д. Харви заключал, что в широкой перспективе социальная справедливость и эффективность — это одно и то же [Харви, 2018: 122]. В то же время в идеальном городе К. Линча справедливость и эффективность предстают как два общезначимых и общечеловеческих метакритерия, которые должны быть учтены при реализации любых градостроительных решений. Эффективность в данном случае выступает как своего рода «цена» создания и поддержания города в соответствии с определенным уровнем выделенных автором показателей качества городской среды [Линч, 1986: 111].

Современный этап (1990 г. — настоящее время): эффективное городское управление

Сегодня городские жители продолжают испытывать дефицит зеленых территорий, ученые обеспокоены тяжелой экологической ситуацией в городах, а транспортные проблемы во многих городах мира продолжают создавать серьезные

затруднения для нормальной городской жизни. По-прежнему накапливаются социальные и экологические проблемы — нищета, нехватка жилья, пространственное неравенство, проблемы утилизации отходов, загрязнение воды и воздуха, транспортная загруженность и т.д.⁴ Однако для современного этапа развития представлений об идеальном городе характерно скудное описание смыслов и значений тех или иных идей, предложенных в рамках проектов и описаний идеального города. Зачастую современное представление об идеальном городском управлении оформляется в виде рендеров с небольшим описанием (как, например, проект «Океаникс» А. Голдвейт, Дж. А. Сигел и др.) или цикла статей («Гелиокластерный город» С. В. Непомнящего). Этот отход от большого монографического изложения представлений об идеальном городе, характерного для предыдущих этапов, затрудняет процесс экспликации основных социальных идей и смыслов из концепций. Кроме того, современные авторы предлагают гораздо менее консолидированное видение идеального города по сравнению с авторами предыдущих этапов. Тем не менее проведенный анализ позволяет утверждать, что идеальное городское видение пронизано идеей эффективности в городском управлении, которое заключается в следующем.

1) *Эффективное управление ресурсами.* В рамках концепции «Умный город» У. Митчелла управление также определяется как «умное», что предполагает создание высокоэффективных, динамических рынков для тех дефицитных потребляемых ресурсов, от которых зависят все населенные пункты [Mitchell, 1999: 147—155]. При этом автор убежден, что технологии могут способствовать реализации любого социального режима и любого принципа управления ресурсами, поэтому то, что именно в конечном счете будет считаться эффективным, будет зависеть от политического выбора [ibid.: 82]. К сожалению, ответ на вопрос, какой политический выбор автор признает верным и правильным для идеальной «E-topia», остается открытым. Он лишь неоднократно подчеркивал, что надеется на разумное использование новых технологий.

2) *Эффективное использование ресурсов.* Данная идея стала ключевой для проекта «Океаникс» (Б. Ингельс, А. Голдвейт, Дж. А. Сигел) — при создании и управлении идеальным городом необходимо основываться на принципах бережного отношения к природе и минимизации экологического загрязнения⁵. Авторы убеждены, что эффективное использование ресурсов предполагает постоянное обращение к тем ресурсам, которые можно отнести к легко воспроизводимым в пределах города усилиями жителей. Об эффективном использовании ресурсов пишет и К. Морено, повествуя о том, как должен быть устроен его «15-минутный город»: «Мы помогаем защитить окружающую среду, ограничивая нагрузку на природные ресурсы и поощряя более эффективное использование городского пространства» [Moreno, 2024: 14].

Отечественные авторы также обращаются к идее эффективного использования ресурсов. Сделав «уровень комфорта городской среды» ключевым показателем своей концепции, С. В. Непомнящий определил его как уровень соответствия

⁴ Новая программа развития городов: одобрена резолюцией 71/256 Генеральной Ассамблеи, 23 декабря 2016 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/256> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵ Oceanix City // BIG. URL: <https://big.dk/projects/oceanix-city-6399> (дата обращения: 10.05.2025).

всем потребностям человека. Для повышения уровня комфорта городской среды, по мнению автора, необходимо повышать эффективность использования ресурсов, в частности солнечного света [Непомнящий, 2020]. Аналогичным образом и высокая плотность населения, «как эффективная экономическая характеристика, должна превратиться в инструмент обеспечения комфорта»⁶.

«Следы» идеи социальной справедливости прослеживаются в двух современных проектах идеального города. Авторы не провозглашают необходимость соблюдения принципов социальной справедливости и не обращаются к данной идее напрямую. Ее отдаленное присутствие, однако, обнаруживается в виде желания архитектурного бюро ASADOV создать комфортную городскую среду и обеспечить жителей доступным жильем (в первую очередь за счет создания камерных экономических жилых объектов) в рамках проекта «Лоскутки». К сожалению, понятие «комфортная городская среда» авторы не раскрывают. Аналогично с критикой к сложившейся «неравномерной географии перераспределения капитализма» обращаются итальянские авторы П. В. Аурели и М. Таттара. В своем проекте «Стоп Сити» авторы намерены преодолеть экономические асимметрии в городе [Aureli, 2018: 139], периодически в их риторике встречается марксистская терминология — рабочий класс, классовое сознание, эксплуатация и др. Однако архитекторы заявляют, что «возвращают архитектурному проекту его (правильную) миссию: установить принцип порядок, с помощью которого можно создавать рамки и конструировать формы обитания» [ibid.]. Они понимают проект города не как «повсеместный дизайн и управление его населением, а как переосмысление спорной темы, которая в последние годы стала табу: определение формы города» [ibid.]. Описание проекта не содержит конкретных указаний на то, каким должно быть новое городское управление и на каких принципах оно должно базироваться. Авторы подробно описывают форму города «Стоп Сити», задумывая ее как «острый и саркастический анализ реальности, в которой мы живем» [ibid.]. В конечном счете реализация проекта должна привести к формированию нового классового сознания у городских жителей и положить конец недугам капитализма и урбанизации.

Дискуссия

Трансформация представлений об идеальном городском управлении выглядит следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2. Трансформация представлений о городском управлении в идеальном городе

	Машинный этап (конец XIX века — середина XX века)	Гуманистический этап (середина XX века — 1990 г.)	Современный этап (1990 г. — настоящее время)
Городское управление в идеальном городе	Социальная справедливость, в первую очередь применительно к решению жилищных проблем	Распределение ресурсов между жителями и городскими территориями в соответствии с социальной и пространственной справедливостью, а также эффективностью	Эффективное распределение и использование ресурсов

⁶ Непомнящий С. В. Гелиотектура: резонанс разнополярных трендов. Поворот от асфиксии тотальной субурбанизации к зеленому дому-городу // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/10809-geliotektura-rezonans-raznopolyarnykh-trendov-povorot-ot-asfiksii-totalnoj-suburbanizacii-k-zelenomu-domu-gorodu.html (дата обращения: 09.05.2025).

Примечательно, что обозначенная в начале статьи эволюция подходов к пониманию городского управления в научной литературе в общем смысле совпала со сменой представлений об идеальном городском управлении в XX веке. Как и в идущей параллельно научной дискуссии, авторы представлений об идеальном городе на гуманистическом этапе обозначили необходимость обеспечения условий для участия горожан в городском управлении и подчеркнули сложность и связанность городских процессов, фокусируя внимание на более широком ряде аспектов городского управления. Своего рода переход от понимания городского управления как деятельности формальных правительственных структур (*urban government*) к более широкому видению, охватывающему взаимодействие государственных и негосударственных акторов (*urban governance*), произошел и на страницах текстов об идеальном городе. Однако на современном этапе видение идеального города не продолжает данные идеи и фокусируется на эффективности как ключевом принципе городского управления. Стоит отметить, что оформившаяся благодаря деятельности ООН-Хабитат ориентация на устойчивость, инклюзивность, прозрачность и другие принципы городского управления, обозначенные в широкой повестке «Новые рубежи в эффективном городском управлении»⁷, также не фигурирует в современных представлениях об идеальном городе.

Представляется возможным констатировать, что представления об идеальном городском устройстве перестали выполнять свою главную функцию — задавать видение лучшей городской жизни, предлагать альтернативное городское устройство и альтернативные принципы организации городской жизни⁸. Оставив позади идею социальной справедливости модели идеальных городов, сегодняшние авторы постулируют и утверждают уже сложившуюся практику городского управления, ориентированную на достижение эффективности и конкурентоспособности городов, борющихся за ресурсы в глобальном мире [Porter, 2015; Brenner, Theodore, 2002].

Лица, принимающие управленческие, в том числе градостроительные решения, из-за своей социальной некомпетентности нередко разрушают среду обитания людей, нанося непоправимый ущерб не только «чьей-то», но и собственной жизни [Дридзе, 2000]. Необходима социологическая экспертиза принимаемых решений, которая могла бы опираться на заложенные в представлениях об идеальном городе социальные идеалы [Дридзе, 2008]. Однако утверждение в качестве такого социального идеала эффективности как основы управления городом представляется опасной перспективой, тем не менее органично укладывающейся в общие процессы рационализации и широкого развития технократии. В погоне за эффективностью возрастает риск подавления человеческого измерения городской жизни и дегуманизации, в то время как технократический подход к управлению городом сводит сложную социальную реальность к набору цифр, алгоритмов и показателей. Человек с его уникальными потребностями, эмоция-

⁷ Urban Governance // UN-Habitat. URL: <https://unhabitat.org/topic/urban-governance> (дата обращения: 10.05.2025).

⁸ Стоит отметить, что исследование строго ограничено географическими рамками и не учитывает представления об идеальном городе в других регионах мира (например, в Азии, Африке, Латинской Америке), где могли формироваться и развиваться принципиально иные модели идеального городского устройства и управления, основанные на иных культурных, экономических и политических предпосылках. Выявленный сдвиг от «справедливости» к «эффективности» может быть характерен преимущественно для западного дискурса и не полностью отражать глобальные тенденции, что открывает перспективные направления для кросс-культурных исследований.

ми и связями превращается в безликий объект для оптимизации. Создавая «иллюзию нейтральности», стремление к эффективности может скрывать за собой вполне определенные интересы отдельных социальных групп и управление, направленное на максимизацию прибыли и укрепление власти капитала.

Анализ же потенциальной совместимости двух социальных идеалов городского управления — справедливости и эффективности — не дает оснований полагать, что обе перспективы могут быть грамотно учтены в городской управленческой практике. Во-первых, при преимущественной ориентации политики городского развития на интересы бизнеса и экономически активных горожан существует риск усиления социального неравенства и маргинализации отдельных групп населения [Sassen, 2005]. Проекты, направленные на повышение инвестиционной привлекательности городской территории, могут повлечь за собой джентрификацию, вытеснение малоимущих жителей и сокращение доступного жилья. Во-вторых, чрезмерная ориентация на количественные показатели эффективности чревата игнорированием качественных аспектов городской жизни, в том числе культурное разнообразие и участие граждан в принятии решений [Putnam, 2000]. С целью оптимизации городских процессов могут быть сокращены социальные программы и ограничены возможности для участия горожан в управлении городом. Наконец, в-третьих, активное внедрение «умных» технологий, направленных на повышение эффективности, неизбежно продуцирует новые формы социального исключения, если доступ к этим технологиям и навыки их использования распределены неравномерно [Graham, Marvin, 2002].

Сегодня отечественная социология не выдвигает социальный идеал, не указывает путь, а лишь фиксирует и объясняет происходящее в социальной реальности. Такое положение имеет практические последствия, потенциально ограничивающие способность социологической науки быть предписывающей и проактивной [Григорьева, 2024]. Проведенное исследование показывает, что необходимость развития альтернативных подходов к организации городской жизни, предлагающих новые и смелые решения оформившихся в городах проблем, явно обнаруживает себя в рамках представлений об идеальном городе. Поэтому задача создания такого видения становится перспективной для отечественных социологов. Отсутствие же идеала, на который могут быть ориентированы изменения, создает опасную ситуацию движения «в никуда».

Список литературы (References)

1. Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2015.
Aron R. (1955) *The Opium of the Intellectuals*. Moscow: AST. (In Russ.)
2. Барщ М. О., Гинзбург М. Я. Зеленый город // Современная архитектура. 1930. № 1—2. С. 16—37.
Barshch M. O., Ginzburg M. Ya. (1930) *Green City. Modern Architecture*. No. 1—2. P. 16—37. (In Russ.)
3. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь Мир, 2008.
Braudel F. (2008) *A Grammar of Civilizations*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

4. Видясов Е. Ю., Видясова Л. А. Цифровизация в управлении городом: исследование коммуникационных каналов приема и обработки обращений граждан в Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 1. С. 115—128. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-115-128>.
Vidyasov E.Yu., Vidyasova L. A. (2021) Digitalization in City Governance: A Study of Communication Channels for Receiving and Processing Citizens' Appeals in St. Petersburg. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 115—128. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-115-128>. (In Russ.)
5. Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века. М.: Стройиздат, 1990.
Wujek J. (1990) *Myths and Utopias of 20th Century Architecture*. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
6. Гейл Я. Города для людей. М.: Альпина Пабlishер, 2012.
Gehl J. (2012) *Cities for People*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
7. Говард Э. Города будущего. СПб.: Типография т-ва «Обществ. Польза», 1911.
Howard E. (1911) *Garden Cities of Tomorrow*. St. Petersburg: Tipografiya t-va «Obshchest. Pol'za». (In Russ.)
8. Григорьева Е. А. Апология утопии: о возвращении утопических построений в социологическое теоретизирование // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 139—147. <https://doi.org/10.31857/S0132162524040129>.
Grigoreva E. A. (2024) An Apology for Utopia: on The Return of Utopian Constructions to The Mainstream Sociological Theorizing. *Sociological Studies*. No. 4. P. 139—147. <https://doi.org/10.31857/S0132162524040129>. (In Russ.)
9. Григорьева Е. А. Миопия после утопии: особенности современных представлений об идеальном городе // Социологические исследования. 2025. № 6. С. 65—77.
Grigoreva E. A. (2025) Myopia After Utopia: Features of Modern Ideal City Concepts. *Sociological Studies*. No. 6. P. 65—77. (In Russ.)
10. Груза И. Теория города. М.: Стройиздат, 1972.
Gruza I. (1972) *City Theory*. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
11. Гутнов А. Э., Глазычев В. Л. Мир архитектуры (Лицо города). М.: Молодая гвардия, 1990.
Gutnov A. E., Glazychev V. L. (1990) *The World of Architecture (The Face of the City)*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
12. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
Jacobs J. (2011) *The Death and Life of Great American Cities*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
13. Дридзе Т. М. К проблеме социальной экспертизы управленческих решений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 3. С. 115—119.

- Dridze T. M. (2008) On the Problem of Social Expertise of Managerial Decisions. *RUDN Journal of Sociology*. No. 3. P. 115—119. (In Russ.)
14. Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. Т. 2. С. 20—28.
Dridze T. M. (2000) Eco-anthropocentric Model of Social Cognition as a Way to Overcome the Paradigm Crisis in Sociology. *Sociological Studies*. Vol. 2. P. 20—28. (In Russ.)
 15. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в двух томах. М.: Прогресс-Традиция, 2002. Т. 2.
Ikonnikov A. V. (2002) Architecture of the 20th Century. Utopias and Reality: In Two Volumes. Moscow: Progress-Traditsiya. Vol. 2. (In Russ.)
 16. Корбюзье Л. Градостроительство // Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1977. С. 25—53.
Le Corbusier (1977) Town Planning. In: *Architecture of the 20th Century*. Moscow: Progress. P. 25—53. (In Russ.)
 17. Корбюзье Л. Когда соборы были белыми. Путешествие в край нерешительных людей. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
Le Corbusier (2018) When the Cathedrals Were White: A Journey to the Land of Timid People. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
 18. Корбюзье Л. Лучезарный город // Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1977. С. 121—143.
Le Corbusier (1977) The Radiant City. In: *Architecture of the 20th Century*. Moscow: Progress. P. 121—143. (In Russ.)
 19. Корбюзье Л. Три формы расселения. Афинская хартия. М.: Стройиздат, 1976.
Le Corbusier (1976) The Three Establishments. The Athens Charter. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
 20. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. М.: Стройиздат, 1986.
Lynch K. (1986) Good City Form. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
 21. Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 4. С. 95—104. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6087>.
Merzlyakov A. A. (2018) The Problem of Subjectivity in the Sociology of Management. *Sociological Science and Social Practice*. No. 4. P. 95—104. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6087>. (In Russ.)
 22. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. «Городское молчание» в Москве: предпосылки и вовлеченность населения в практики гражданского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 48—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.04>.
Mersiyanova I. V., Korneeva I. E. (2015) “Urban Silence” in Moscow: Prerequisites and Public Involvement in Civil Society Practices. *Monitoring of Public Opinion*:

Economic and Social Changes. No. 6. P. 48—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.04>. (In Russ.)

23. Милютин Н. А. Соцгород. Проблемы строительства социалистических городов: Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных пунктов СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1930.
Milyutin N. A. (1930) Sotsgorod. Problems of Building Socialist Cities: Basic Issues of Rational Planning and Construction of Settlements of the USSR. Moscow; Leningrad: GIZ. (In Russ.)
24. Мухаметов Д. Р. От умного города к цифровому региону: проблемы масштабирования сетей управления // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 1. С. 141—156. <https://doi.org/10.18334/inov.11.1.111653>.
Mukhametov D. R. (2021) From a Smart City to a Digital Region: Problems of Scaling Management Networks. *Russian Journal of Innovation Economics*. Vol. 11. No. 1. P. 141—156. <https://doi.org/10.18334/inov.11.1.111653>. (In Russ.)
25. Мухаметов Д. Р. Развитие человеческого капитала в «умных городах» России: сети и «живые лаборатории» // Мир новой экономики. 2020. № 2. С. 16—24. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-16-24>.
Mukhametov D. R. (2020) Human Capital Development in “Smart Cities” of Russia: Networks and “Living Laboratories”. *The World of New Economy*. No. 2. Pp. 16—24. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-16-24>. (In Russ.)
26. Непомнящий С. В. Гелиотектура: оазисы заполярья и северные «таблетки» // АРКТИКА 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2020. № 3. С. 82—90.
Nepomnyashchiy S. V. (2020) Heliotecture: Arctic Oasis and Northern “Pills”. *ARCTIC 2035: Current Issues, Problems, Solutions*. No. 3. P. 82—90. (In Russ.)
27. Оценка эффективности новых технологий городского развития в современной России: сравнительный анализ / отв. ред. А. В. Курочкин. СПб.: Издательство РХГА, 2020.
Kurochkin A. V. (ed.) (2020) Evaluating the Effectiveness of New Urban Development Technologies in Modern Russia: A Comparative Analysis. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publishing House. (In Russ.)
28. Плотников В. А., Катрашова Ю. В. Перспективы развития и угрозы реализации концепции «умный город» (на примере Санкт-Петербурга) // Экономический вектор. 2021. № 1. С. 131—138.
Plotnikov V. A., Katrashova Yu. V. (2021) Prospects for the Development and Threats to the Implementation of the “Smart City” Concept (on the Example of St. Petersburg). *Economic Vector*. No. 1. P. 131—138. (In Russ.)
29. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Т. М. Дридзе. Изд. второе, исправленное и дополненное. М.: Наука. 1994.
Dridze T. M. (ed.) (1994) Forecast Social Design: Theoretical, Methodological and Methodical Problems. Second edition, revised and expanded. Moscow: Nauka. (In Russ.)

30. Райт Ф. Л. Исчезающий город. М.: Strelka Press, 2018.
Wright F. L. (2018) *The Disappearing City*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
31. Расходчиков А. Н. Искусственный интеллект и «умный город»: от цифровизации к городу-инновации // Социально-политические науки. 2022. № 4. С. 47—54. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54>.
Raskhodchikov A. N. (2022) Artificial Intelligence and “Smart City”: From Digitalization to Innovation City. *Social and Political Sciences*. No. 4. P. 47—54. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54>. (In Russ.)
32. Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. СПб., 2000.
Tikhonov A. V. (2000) *Sociology of Management. Theoretical foundations*. St. Petersburg. (In Russ.)
33. Ушаков Е. В. Экспериментальные площадки для городского управления: понятие живых лабораторий // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 10. С. 40—43.
Ushakov E. V. (2023) Experimental Sites for Solving Urban Governance Problems: The Concept of Living Labs. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 10. P. 40—43. (In Russ.)
34. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. Т. 3. № 66. С. 80—94.
Harvey D. (2008) The Right to the City. *Logos*. Vol. 3. No. 66. P. 80—94. (In Russ.)
35. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
Harvey D. (2018) *Social Justice and the City*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
36. Черняков М. К., Чернякова М. М. Стратегия сохранения инвестиционной привлекательности города в условиях санкций // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2016. № 4. С. 66—71.
Chernyakov M. K., Chernyakova M. M. (2016) Strategy for Maintaining the Investment Attractiveness of a City Under Sanctions. *Strategic Decisions and Risk Management*. No. 4. P. 66—71. (In Russ.)
37. Шилова В. А., Богданов В. С. Управление в цифровом обществе (по материалам круглого стола) // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 158—160. <https://doi.org/10.31857/S013216250021653-1>.
Shilova V. A., Bogdanov V. S. (2022) Governance in the Digital Society (Based on the Materials of the Round Table). *Sociological Studies*. No. 11. P. 158—160. <https://doi.org/10.31857/S013216250021653-1>. (In Russ.)
38. Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. Цифровые технологии управления в действии, или об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 1. С. 71—87.
Shipovalova L. V., Chernysheva L. A., Gizatullina E. G. (2021) Digital Governance Technologies in Action, or Citizens’ Activity Around the “Active Citizen” Platform. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 12. No. 1. P. 71—87. (In Russ.)

39. Яницкий О. Н. «Идеальный город», его статика и динамика // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 43—58.
Yanitsky O. N. (2019) "The Ideal City", Its Statics and Dynamics. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 1. P. 43—58. (In Russ.)
40. Яницкий О. Н. Идеальный город как символ будущего // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13—1. С. 1107—1113.
Yanitsky O. N. (2018) The Ideal City as a Symbol of the Future. *Russia: Trends and Prospects of Development*. No. 13—1. P. 1107—1113. (In Russ.)
41. Achremowicz H., Kamińska-Sztark K. (2020) Grassroots Cooperation During the COVID-19 Pandemic in Poland. *disP-The Planning Review*. Vol. 56. No. 4. Pp. 88—97. <https://doi.org/10.1080/02513625.2020.1906062>.
42. Aureli P. V. (2018) Appropriation, Subdivision, Abstraction: a Political History of the Urban Grid. *Log*. No. 44. P. 139—167.
43. Beckers D., Mora L. (2025) Overcoming the Smart City Governance Challenge: An Innovation Management Perspective. *Journal of Urban Technology*. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/10630732.2025.2461983>.
44. Bennett P. R., Lutz A., Jayaram L. (2021) Parenting in Privilege or Peril: How Social Inequality enables or derails the American Dream. Teachers College Press.
45. Brenner N., Theodore N. (2002) Spaces of Neoliberalism: Urban Restructuring in North America and Western Europe. Blackwell Publishing.
46. Chinyere N. L., Jacinta O. O., Anyim N. A. (2020) Urban Governance: An Overview. *GNOSI: An Interdisciplinary Journal of Human Theory and Praxis*. Vol. 3. No. 1. P. 85—97.
47. Cugurullo F., Xu Y. (2025) When AIs Become Oracles: Generative Artificial Intelligence, Anticipatory Urban Governance, and the Future of Cities. *Policy and Society*. Vol. 44. No. 1. P. 98—115. <https://doi.org/10.1093/polsoc/puae025>.
48. Da Cruz N. F., Rode P., McQuarrie M. (2019) New Urban Governance: A Review of Current Themes and Future Priorities. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 41. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1080/07352166.2018.1499416>.
49. DeLuca S., Darrah-Okike J., Nerenberg K. M. (2024) "I Just Had to Go with It Once I Got There": Inequality, Housing, and School Re-optimization. *City & Community*. Vol. 23. No. 3. P. 187—215.
50. Garnier T. (1989) Une Cité Industrielle. Étude pour la Construction des Villes. New York, NY: Princeton Architectural Press.
51. Graham S., Marvin S. (2002) Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition. Routledge.

52. Heinelt H., Zimmermann K. (2016) Cities in the Multi-Level System of German Federalism. In: A. Cole, R. Payre (eds.) *Cities as Political Objects*. Edward Elgar Publishing. P. 156—174.
53. Kelly P. (2025) The Local Welfare State and Differences in Racialized Poverty. *The Sociological Quarterly*. Vol. 66. No. 1. P. 77—100. <https://doi.org/10.1080/00380253.2024.2413120>.
54. Lefebvre H. (2003) *The Urban Revolution*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
55. Levine J. R. (2021) *Constructing Community: Urban Governance, Development, and Inequality in Boston*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
56. Marwell N. P., Marantz E. A., Baldassarri D. (2020) The microrelations of urban governance: Dynamics of patronage and partnership. *American Journal of Sociology*. Vol. 125. No. 6. P. 1559—1601. <https://doi.org/10.1086/709250>.
57. Miller Z. L. (2001) *Making Sense of the City: Local Government, Civic Culture, and Community Life in Urban America*. Ohio State University Press.
58. Mitchell W. J. (1999) *E-topia: Urban Life, Jim, But Not as We Know It*. Cambridge, MA: MIT press.
59. Moreno C. (2024) *The 15-Minute City: A Solution to Saving Our Time and Our Planet*. John Wiley & Sons.
60. Park R. E., Burgess E. W. (2019) *The City*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
61. Porter M. (2015) The Competitive Advantage of the Inner City. In: *The City Reader*. Routledge. P. 358—371.
62. Putnam R. D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Simon and Schuster.
63. Rhodes R. A. W. (1997) *Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability*. Philadelphia, PA: Open University.
64. Rosenau H. (1959) *The Ideal City in Its Architectural Evolution*. London: Routledge and Paul.
65. Sassen S. (2005) The Global City: Introducing a Concept. *The Brown Journal of World Affairs*. Vol. 11. No. 2. P. 27—43.
66. Soleri P. (1987) *Arcosanti: An Urban Laboratory?* Santa Monica, CA: VTI Press.
67. Stone C. N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946—1988*. Lawrence, KS: University Press of Kansas.
68. Warren R., Weschler L. (1975) Governing Urban Space: Multi-Boundary Politics. *Policy Studies Journal*. Vol. 3. No. 3.
69. Wiebenson D. (1960) Utopian Aspects of Tony Garnier's Cité Industrielle. *Journal of the Society of Architectural Historians*. Vol. 19. No. 1. P. 16—24.

70. Windsor-Liscombe R. (2004) The Ideal City. A Discussion Paper in Preparation for the World Urban Forum 2006. Her Majesty the Queen in Right of Canada and the University of British Columbia.
71. Wolman H. (2019) Looking at Regional Governance Institutions in Other Countries as a Possible Model for US Metropolitan Areas: An Examination of Multipurpose Regional Service Delivery Districts in British Columbia. *Urban Affairs Review*. Vol. 55. No. 1. P. 321—354.
72. Wright F. L. (1935) Broadacre City: A New Community Plan. *Architectural Record*. Vol. 77. No. 4. P. 344—349.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3020](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3020)**И. Н. Ильина, А. Н. Расходчиков, М. А. Пильгун****ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ
ЗДОРОВЬЯ В МЕГАПОЛИСЕ:
КОРЕННЫЕ МОСКВИЧИ VS «НОВЫЕ ГОРОЖАНЕ»****Правильная ссылка на статью:**

Ильина И. Н., Расходчиков А. Н., Пильгун М. А. Восприятие социальных детерминант здоровья в мегаполисе: коренные москвичи vs «новые горожане» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 139—162. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3020>.

For citation:

Ilyina I. N., Raskhodchikov A. N., Pilgun M. A. (2025) Perception of Social Determinants of Health in the Megapolis: Muscovites vs “New Citizens”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 139–162. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3020>. (In Russ.)

Получено: 15.05.2025. Принято к публикации: 26.08.2025.

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ЗДОРОВЬЯ В МЕГАПОЛИСЕ: КОРЕННЫЕ МОСКВИЧИ VS «НОВЫЕ ГОРОЖАНЕ»

PERCEPTION OF SOCIAL DETERMINANTS OF HEALTH IN THE MEGAPOLIS: MUSCOVITES VS "NEW CITIZENS"

ИЛЬИНА Ирина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт региональных экономических исследований, Москва, Россия
 E-MAIL: i.n.ilina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>

Irina N. ILINA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher
 E-MAIL: i.n.ilina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>

РАСХОДЧИКОВ Алексей Николаевич — кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия
 E-MAIL: silaslowa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6814-9029>

Alexey N. RASKHODCHIKOV² — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Faculty of Social Sciences and Mass Communications
 E-MAIL: silaslowa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6814-9029>

ПИЛЬГУН Мария Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
 E-MAIL: pilgunm@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8948-7075>

Maria A. PILGUN³ — Dr. Sci. (Philol.), Professor, Department of General and Comparative-Historical Linguistics
 E-MAIL: pilgunm@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8948-7075>

¹ Institute for Regional Economic Research, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В условиях урбанизации и роста городского населения приоритетной задачей органов власти и управления становится формирование комфортной и здоровой городской среды. Современные подходы к градостроительному планированию требуют учета связей между городской инфраструктурой, системой здравоохранения, принципами общественного здоровья и превентивной медицины. Целью настоящего исследования является анализ восприятия детерминант здоровья в мегаполисе у коренных москвичей и «новых горожан» — людей, недавно переехавших в столицу. В работе используются данные количественного (опрос) и качественного (фокус-группы) эта-

Abstract. In the context of urbanization and growing urban populations, creating a comfortable and healthy urban environment has become a priority for government and administrative bodies. Modern approaches to urban planning require considering the connections between urban infrastructure, the healthcare system, and the principles of public health and preventive medicine. The aim of this study is to analyze the perceptions of health determinants in the megacity among native Muscovites and "new citizens", i.e. people who have recently moved to the capital. The study bases on the data coming from both quantitative (population survey) and qualitative (focus group) empirical stages. The authors pay

пов. Особое внимание уделено анализу фокус-групповых интервью, расшифрованных и обработанных с применением нейросетевой технологии лингвистического анализа, позволившей выявить в ответах респондентов семантические акценты, тематические структуры и скрытые ассоциативные связи.

Результаты показывают значительные различия в восприятии городской среды между двумя группами. Коренные москвичи акцентируют внимание на доступности, комфорте, сохранении архитектурного облика и развитой инфраструктуре, тогда как «новые горожане» сосредоточены на проблемах экологии, транспорта, качества воздуха и условий для здорового образа жизни.

Статья демонстрирует методологически инновационный подход к изучению социальных представлений о здоровье в городе, объединяя методы нейросетевого текстового анализа и фокус-группового интервьюирования.

Ключевые слова: здоровый город, общественное здоровье, социальные детерминанты здоровья, оздоровление городской среды, нейросетевые технологии

particular attention to the analysis of focus group interviews, transcribed and processed using neural network-based linguistic analysis technology, which helped to identify semantic emphases, thematic structures, and hidden associative connections in the respondents' answers.

The study reveals significant differences in the perceptions of the urban environment between the two groups. Native Muscovites emphasize accessibility, comfort, preservation of architectural heritage, and developed infrastructure, while "new citizens" focus on environmental issues, transportation, air quality, and conditions for a healthy lifestyle.

This article demonstrates a methodologically innovative approach to studying social perceptions of urban health, combining neural network-based text analysis and focus group interviewing.

Keywords: healthy city, public health, social determinants of health, healthy urban planning, neural network technologies

Введение

Оздоровление городской среды, создание условий для сохранения и укрепления здоровья жителей городов становится все более важной задачей для муниципального и государственного управления. Программа «Формирование здоровой среды в населенных пунктах» как одно из ключевых направлений Национальной экологической и климатической инициативы была одобрена на заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив под председательством президента Российской Федерации 23 января 2025 г.

Современные подходы к формированию здоровой городской среды основываются на понимании важности здоровья как одного из ключевых ресурсов человека наряду с материальными, социальными и другими возможностями. Само понятие «здоровье» здесь рассматривается шире, чем просто отсутствие болезней, и определяется как «состояние полного физического, душевного и социального благопо-

лучия»¹. В исследованиях общественного здоровья постепенно сформировалось понимание, что здоровье человека зависит не только от возраста, пола и генетики, но также и от образа жизни, профессиональной среды, уровня образования, наличия или отсутствия работы и множества других факторов, включая социально-политические. Все вместе они получили название «социально-экономические детерминанты здоровья» [Whitehead, Dahlgren, 2006].

Принято выделять 12 основных направлений деятельности, связанных с целями формирования общественного здоровья или факторами (детерминантами), влияющими на здоровье жителей. Среди них как привычные для городских администраций цели — улучшение жилищных условий, создание рабочих мест, обеспечение социальной поддержки и общественной безопасности, — так и новые направления, такие как создание условий для здорового образа жизни, доступных и удобных передвижений по городу, обеспечение социальной справедливости и равных возможности для всех, развитие местного производства экологически чистых продуктов. Отдельно можно выделить направления работы, связанные с формированием привлекательности среды обитания: качество воздуха и воды, состояние почвы и устойчивость климата [Health in the 2030..., 2025].

С 1980-х годов на международном уровне формируется научное и практическое направление «здоровый город», которое учитывает не только медицинские, но и социальные аспекты общественного здоровья. Одной из основных целей данного подхода является формирование здоровой городской среды, которую, по мнению авторов, можно определить как *динамично развивающуюся совокупность условий жизни и деятельности горожан, способствующую физической и социальной активности, ведению здорового образа жизни, минимизации социального неравенства и негативных воздействий на здоровье человека* [Расходчиков, 2023: 42].

Переход от медицинской к социальной модели здоровья предлагает переориентировать градостроительные планы, стратегии городского развития на создание благоприятной для человека среды и равных возможностей для улучшения здоровья. При этом основной акцент делается не на качество системы здравоохранения, а на условия жизни и деятельности людей, городское планирование, состояние окружающей среды, социальные и экономические факторы [Оценка воздействия на здоровье, 2005]. В 2009—2011 гг. комиссия Lancet сформулировала рекомендации для планирования городского пространства, которые позволяют сохранить здоровье горожан. В соответствии с данными рекомендациями в ходе реализации проекта Building Healthy Cities (BHC) были разработаны и протестированы модели «здорового» городского планирования в Макассаре (Индонезия), Индоре (Индия), Дананге (Вьетнам) и Катманду (Непал). По итогам проекта были разработаны стратегии развития городов, что позволило повысить их показатели в отношении здоровья горожан, решить краткосрочные и сформулировать долгосрочные цели, вовлечь жителей в интерактивные программы. Использование системного подхода дало возможность повысить эффективность и результативность планирования городского развития с учетом требований public health [Rydin et al., 2012].

¹ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Всемирная организация здравоохранения. Основные документы. Сорок восьмое издание, включающее поправки, принятые до 31 декабря 2014 г., 2014. С. 1. URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

Создание здоровой городской среды требует интеграции подходов общественного здоровья, превентивной медицины и системного градостроительного планирования [Rydin et al., 2012; Corburn, 2004; Corburn, 2015; Dias Neto et al., 2021], включая цикл PDCA². Современные мегаполисы представляют собой сложные динамичные и взаимосвязанные системы, где здоровье горожан определяется множеством факторов: экологией, транспортной доступностью, инфраструктурой, качеством городской среды, а также повседневными практиками жителей [Serrano et al., 2023; Tumas et al., 2022; Singleton et al., 2023; Lee et al., 2023; Roca-Barceló et al., 2022].

Среди наиболее значимых проблем больших городов — перенаселенность, перегрузка транспортной сети (включая загрязнение и шум), дефицит зеленых зон, высокая стоимость и низкое качество инфраструктуры, миграционная нагрузка, рост преступности и угроз чрезвычайных ситуаций. Хорошо изучены влияние депривации [Moussaoui et al., 2022; Rainhorn, Grémy, 1998; Chauvin, Estecahandy, 2010]³ и близость торговых точек с вредной продукцией [Концевая, Анциферова, Муканеева, 2022]. Рекомендации комиссии Lancet и проект Building Healthy Cities доказали эффективность участия граждан, преодоления неравенства и локального экспериментального планирования [Rydin et al., 2012]. В работах зарубежных и отечественных социологов довольно подробно изучены особенности субъективного восприятия здоровья в зависимости от пола и возраста [Журавлева, 2006].

Не менее важна и специфика восприятия здоровья, влияющая на поведение горожан [Withers, Castillo-Carandang, Rimon, 2024; Языкеев, 2022]. Исследования периода пандемии COVID-19 показали значимость социальных представлений о болезни и их влияние на эффективность мер по борьбе с ней [Bilgili et al., 2021; Pilgun, Raskhodchikov, Koreneva Antonova, 2022; Raskhodchikov, Pilgun, 2023]. Этим обусловлена цель данной статьи — выявление особенностей восприятия социальных детерминант здоровья в мегаполисе среди коренного населения и «новых горожан»⁴.

Авторы исходят из гипотезы о том, что восприятие социальных детерминант здоровья жителями мегаполиса зависит от длительности проживания в городе: коренные жители склонны оценивать факторы здоровья через призму инфраструктурной доступности и культурной устойчивости, тогда как «новые горожане» акцентируют внимание на экологических и сенсорных факторах городской среды. Под коренными жителями в данной работе подразумеваются люди, родившиеся и постоянно проживающие в городе. К «новым горожанам» мы относим тех, кто сравнительно недавно приехал на постоянное место жительства из других населенных пунктов.

Города привлекают миллионы людей большими возможностями для получения образования, построения карьеры, разнообразием досуга и насыщенностью

² PDCA — итеративный метод принятия решения, используемый в управлении качеством. Также известен как цикл Деминга, цикл Шухарта, принцип Деминга-Шухарта. См. ГОСТ Р ИСО 9004—2001. Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200015261> (дата обращения: 20.10.2025).

³ См. также: Economist Intelligence Unit. Cities of the Future. The Economist Intelligence Unit Limited, 2021. <http://changemakers.economist.com/cities-future-planning-needs-next-generation-city-dwellers/> (дата обращения: 22.11.2021).

⁴ Исследование проведено в 2024—2025 гг. Агентством социальных исследований «Столица» по заказу Фонда «Московский центр урбанистики „Город“».

культурной жизни. Это позволяет обозначить приезжих, или «новых горожан», как значимую социальную группу, имеющую как свои особенности, так и проблемы. Мегаполисы уже нельзя воспринимать и исследовать как локальные сообщества прошлого, объединенные своеобразной идентичностью и навсегда привязанные к месту жительства. Улицы современных городов наполняют «новые горожане» — приезжие из других регионов, студенты, туристы и мигранты [Щербинин, Щербина, 2020]. «Новые горожане» привносят в города динамику, а также необходимые для развития финансовые потоки и трудовые ресурсы. Кроме того, они вносят свой вклад в городскую жизнь, происходящие события и структуру социальных отношений. Эти группы уже слишком многочисленны, чтобы их можно было игнорировать, однако их правовой статус в городе не определен, а возможности пользоваться услугами могут быть ограничены или затруднены [Nawratek, 2012].

Особое внимание на отношение «новых горожан» к происходящим трансформациям городов, которое может отличаться от отношения коренного населения, обращают Н. Е. Покровский и соавторы [Покровский, Макшанчикова, Никишин, 2020]. Эти теоретические обоснования и гипотезы находят подтверждение в многочисленных социологических исследованиях, проведенных в Москве по заказу Комплекса градостроительной политики Москвы в 2014—2021 гг. В частности, были замечены существенные различия в отношении к различным аспектам городской политики в зависимости от продолжительности жительства респондентов в столице, что дает основания использовать данный фактор в инструментарии количественных исследований. В настоящей работе для проведения сравнительного анализа как наиболее контрастные были выбраны две подгруппы по критерию «время проживания в Москве»: коренные москвичи и переехавшие в Москву менее пяти лет назад.

Еще одним новым методическим приемом данной работы стало использование нейросетевой технологии Text Analyst для семантического и лингвистического анализа транскриптов фокус-групповых интервью. Расшифровка и анализ текстовой информации, полученной в результате качественных исследований, — трудоемкий процесс, в ходе которого помимо социологических методов нередко приходится применять и подходы из предметной области лингвистики. Применение нейросетевых технологий может существенно облегчить работу социологов при анализе больших массивов текстовых данных, кроме того, предоставляет возможность выделения смысловых доминант, связанных между собой понятий, открывает дополнительные возможности для содержательного анализа данных исследований. В ходе работы данные, полученные в результате проведения фокус-групп, были проанализированы с помощью нейросетевой технологии, позволившей выявить семантические акценты и имплицитную информацию, характеризующую подтекстовые нюансы в ответах респондентов.

Методология и данные

Сбор данных проводился в 2024—2025 гг. в ходе исследования Агентства социальных исследований «Столица» по заказу Фонда «Московский центр урбанистики „Город“».

Исследование состояло из трех этапов.

На первом этапе проводился общемосковский опрос «Изучение отношения населения к влиянию городской среды на здоровье». Метод сбора данных: телефонный опрос (формализованное интервью), параметры выборки: 1200 интервью с респондентами, постоянно проживающими на территории Москвы в возрасте от 18 лет. Репрезентативность выборки обеспечивалась методом случайного отбора телефонных номеров из массива домашних и мобильных телефонов относительно генеральной совокупности (всего населения от 18 лет и старше), параметры выборки контролировались по полу и возрасту в соответствии с данными Всероссийской переписи населения 2020—2021 гг. Согласно задачам исследования были выделены две подвыборки по критерию «время проживания в Москве»: коренные москвичи и переехавшие в Москву менее пяти лет назад, — в рамках которых удалось соблюсти квотные параметры выборки. Количество результативных интервью по подгруппе «коренные москвичи» составило 429 анкет (35,75%), по группе «переехавшие в Москву менее пяти лет назад» — 258 анкет (21,5%). Для понимания особенностей полученных данных и возможностей использования ответов следует отметить, что при сравнении социально-демографических характеристик двух подгрупп присутствуют некоторые различия по возрасту и уровню образования респондентов. Так, в подгруппе коренных москвичей более представлены респонденты 55 лет и старше (разница между группами — 7,8%), а также респонденты с двумя и более высшими образованиями (разница — 6%). В группе переехавших в Москву менее пяти лет назад лучше представлена молодежь в возрасте от 18 до 25 лет (разница между группами — 9,7%), а также респонденты с неполным высшим образованием (разница между группами — 5,7%). По другим характеристикам подгрупп в составе респондентов разница не превышает 2—3%. Стоит отметить, что указанные различия могли повлиять на выводы, сделанные по итогам анализа данных.

На втором этапе были проведены фокус-групповые интервью. Респондентами выступили студенты трех университетов Москвы: Высшей школы экономики, Финансового университета при Правительстве РФ и Университета Правительства Москвы. В качестве респондентов в пилотном исследовании выступали студенты, обучающиеся по направлениям урбанистики, то есть обладающие профессиональными знаниями по основным направлениям городского развития. Всего проведено 12 фокус-групп, общее количество участников — 94 человека.

На третьем этапе был проведен нейросетевой текстовый анализ данных, полученных в ходе фокус-групповых интервью.

При проведении фокус-групп состав был подобран таким образом, что половина групп состояла только из студентов-москвичей, а другая — из приезжих студентов.

Полученные данные, были проанализированы с помощью нейросетевой технологии Text Analyst⁵, позволившей выявить семантические акценты и имплицитную информацию, характеризующую подтекстовые нюансы в ответах респондентов.

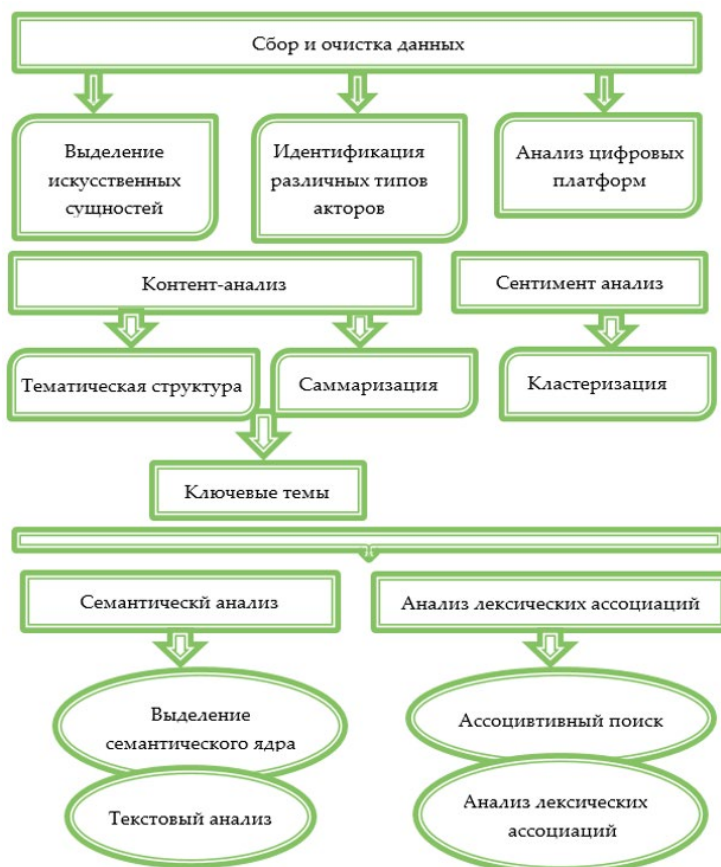
Количественные характеристики текстовых данных фокус-групп москвичей — 81 324, приехавших студентов — 73 023 токенов.

Сначала аудио- и видеозаписи фокус-групп были переведены в формат структурированных текстовых данных. Далее полученные данные были обработаны с по-

⁵ Text Analyst. URL: <https://analyst.ru/ru/products/text-analyst> (дата обращения: 24.10.2025).

мощью нейросетевой технологии Text Analyst 2.32. Дизайн этого этапа исследований представлен на блок-схеме (см. рис. 1).

Рис. 1. Алгоритм анализа данных

Подробное описание предложенной методики нейросетевого анализа текстовых данных представлено в работе А. Н. Расходчикова и М. А. Пильгун [Raskhodchikov, Pilgun, 2023].

Результаты общероссийского опроса

Результаты телефонного опроса демонстрируют, что вопросы здоровья являются наиболее важными для большинства участников опроса (55,3% респондентов), на втором месте находятся вопросы безопасности (46,8%), далее идут «отношения в семье» (42,1%) и «материальное положение» (34,6%) (см. рис. 2). Некоторые различия можно наблюдать при сравнении ответов коренных жителей столицы и недавно переехавших горожан. Так первые чуть чаще отмечали как наиболее важные вопросы безопасности (48,3% ответов в данной группе) и материальное

положение (37,3%), в то время как москвичи придают несколько большее значение общению с друзьями (13,3% ответов в данной группе против 9,2% в группе приезжих), а также вопросам экономики и политики страны (19,6% в группе коренных москвичей и 14,4% в группе приезжих).

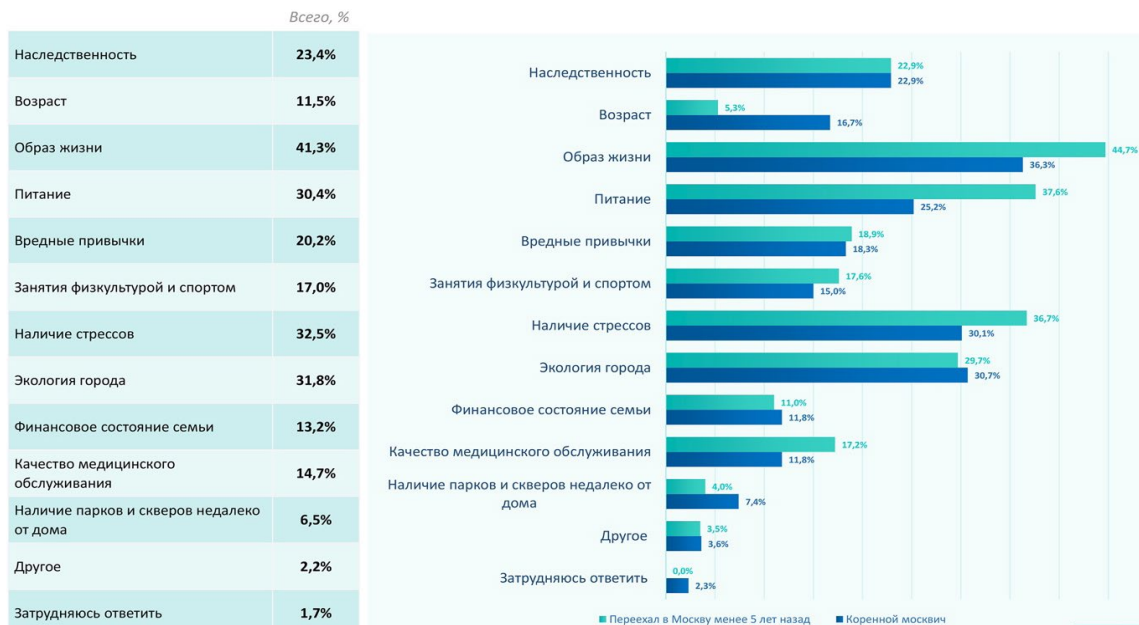
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из предложенных характеристик для Вас наиболее важны в жизни?», в % и в разрезе двух групп — «коренные москвичи» и «переехавшие в Москву менее пяти лет назад»

Далее в ходе опроса выявлялось субъективное отношение респондентов к факторам, оказывающим влияние на здоровье (см. рис. 3). Среди наиболее значимых факторов участники выделили «образ жизни» (41,3% респондентов), характерные для больших городов «наличие стрессов» (32,5%), «экологию» (31,8%) и проблемы питания (30,4%). Полученные ответы указывают на правомерность применения «социальной модели здоровья», в которой главный акцент делается не на качество системы здравоохранения, а на условия жизни и деятельности людей, городское планирование, состояние окружающей среды, социальные и экономические факторы. Лишь 14,7% респондентов отметили «качество медицинского обслуживания» в городе как фактор, влияющий на их здоровье.

Принципиальных различий в ответах коренных москвичей и приезжих жителей столицы здесь не обнаруживается, перечень приоритетных факторов у обеих условных групп выглядит одинаково. Недавно переехавшие в Москву респонденты чуть чаще отмечают в качестве значимых такие факторы, как образ жизни (44,7% при 36,3% в группе коренных жителей), проблемы питания (37,6% vs 25,2%), наличие стрессов (36,7% vs 30,1%), а также качество медицинского обслуживания (17,2% vs 11%). Коренные москвичи немного чаще обращают внимание на возраст (16,7% vs 5,3%) и наличие парков и скверов недалеко от дома (7,4% vs 4%). Однако в данном случае обнаруженные различия могут объясняться и большей представленностью респондентов старшего возраста в подгруппе коренных москвичей.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какие факторы, на Ваш взгляд, больше всего влияют на состояние Вашего здоровья?», в % и в разрезе двух групп — «коренные москвичи» и «переехавшие в Москву менее пяти лет назад»

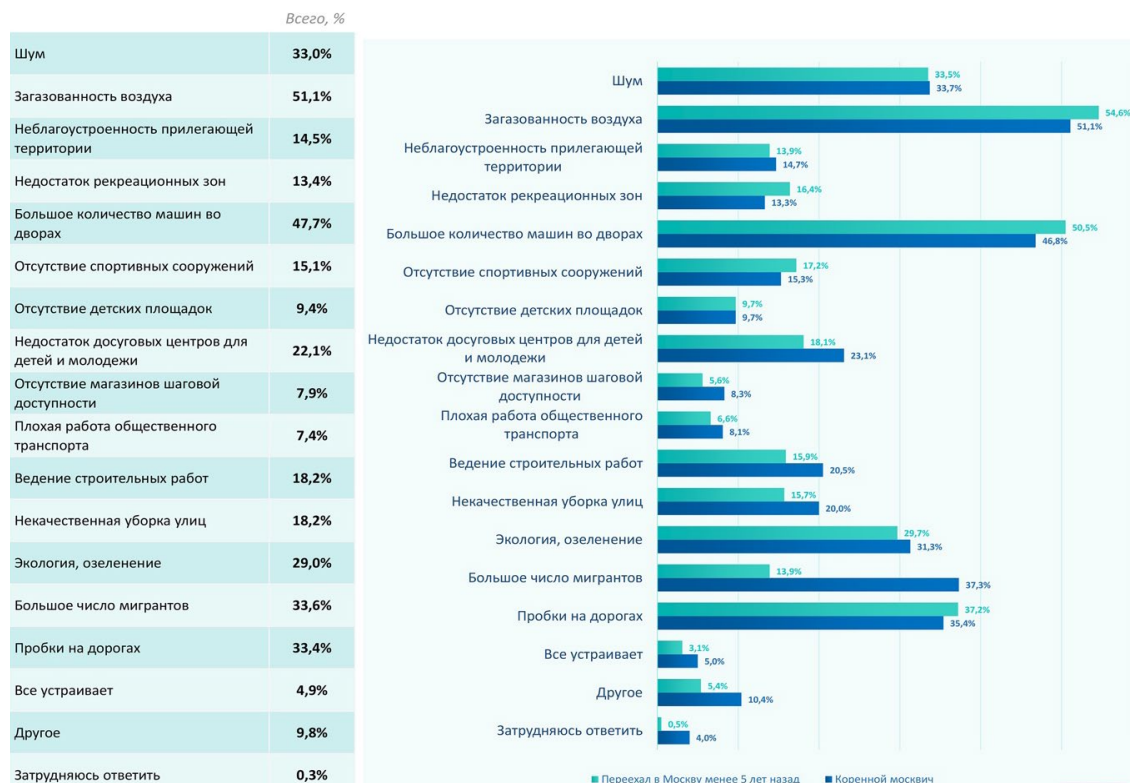

Исследование продемонстрировало значимость в глазах опрошенных такой проблемы городской среды, как большое скопление машин во дворах многоквартирных жилых домов, которая не учитывается в европейских и международных рекомендациях по здоровому городскому планированию. При этом данная проблема городской среды, судя по результатам исследования, беспокоит значительное число москвичей (см. рис. 4) и характерна для многих российских городов.

Среди аспектов городской среды, вызывающих наибольшее беспокойство, коренные москвичи чаще всего отмечали загазованность воздуха (51,1% ответов респондентов), большое количество машин во дворах — 47,7%, шумовое загрязнение — 33%, большое число мигрантов — 33,6%, пробки на дорогах — 33,4%, а также проблемы экологии и озеленения — 29%. Может вызвать вопросы правомерность включения в перечень такого фактора, как большое число мигрантов, обычно не относящегося к условиям городской среды. Однако начиная с концептуальной модели общественного здоровья М. Уайтхеда и Дж. Далгрэн к факторам окружающей среды для человека принято относить не только природные и техногенные системы городов, но и особенности социальных взаимодействий: отношения между людьми, уровень культуры в городских сообществах [Whitehead, Dahlgren, 1991]. Большое число мигрантов — характерная черта мегаполисов, описанная еще в работах Чикагской школы социологии, ее нельзя игнорировать при оценке городской среды и ее влияния на социальные отношения в городах, а значит, и на общественное здоровье.

В оценках негативных факторов окружающей среды можно также наблюдать некоторые различия во мнениях коренных москвичей и недавно переехавших жителей. Коренное население немногим больше озабоченно такими проблемами, как недостаток досуговых центров для детей и молодежи (23% ответов при 18,1% в группе приезжих), некачественная уборка улиц (20% vs 15,7%), ведение строительных работ (20,5% vs 15,9%). Также коренные москвичи чаще отмечают отсутствие магазинов шаговой доступности — 8,3% и плохую работу общественного транспорта — 8,1%, а особенно — большое число мигрантов (37,3% vs 13,9%). В то же время недавно переехавшие жители столицы чуть чаще высказывали озабоченность такими проблемами, как загазованность воздуха (54,6% при 51,1% в группе коренных жителей), пробки на дорогах (37,2% vs 32,4%) и недостаток рекреационных зон (16,4% vs 13,3%).

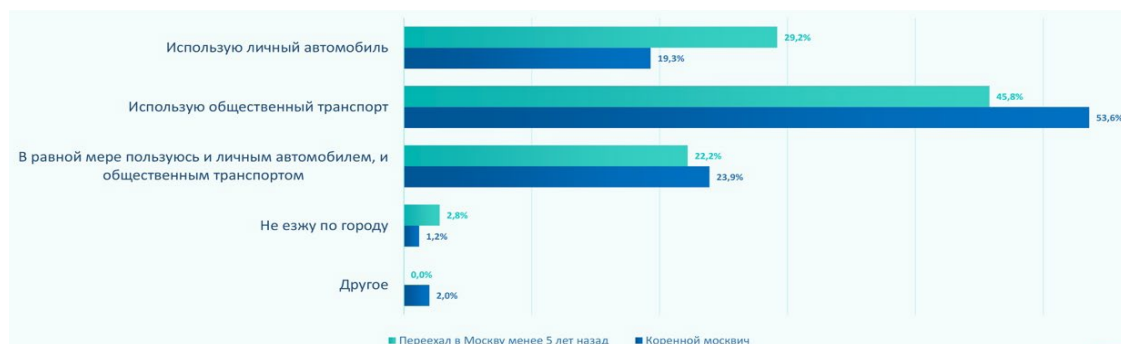
Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие условия окружающей среды беспокоят Вас больше всего?», в % и в разрезе двух групп — «коренные москвичи» и «переехавшие в Москву менее пяти лет назад»

Наблюдаемый в исследовании несколько больший акцент коренных жителей на проблемах работы общественного транспорта, а недавно переехавших горожан — на проблемах пробок на дорогах объясняется разницей в стратегиях ис-

пользования различных видов транспорта этими двумя условными группами (см. рис. 5). Так, на вопрос об использовании видов транспорта недавно переехавшие в Москву респонденты чаще указывали на использование личного автомобиля (29,2% ответов при 19,3% в группе коренных москвичей), а коренные жители, наоборот, судя по ответам, несколько чаще используют общественный транспорт (53,6% ответов при 45,8% в группе приезжих). Стоит отметить, что приоритет общественного транспорта над личными автомобилями также входит в число приоритетов оздоровления городской среды, так как это напрямую влияет на уровень безопасности на дорогах и снижение загрязнения воздуха выхлопными газами.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Каким транспортом Вы чаще всего пользуетесь в своих поездках по городу?», в % и в разрезе двух групп — «коренные москвичи» и «переехавшие в Москву менее пяти лет назад»

Значительные различия между выделенными в исследовании группами наблюдаются и в оценках уровня удовлетворенности основными сферами городской политики в Москве (см. табл. 1). Наиболее заметны различия во мнениях насчет состояния дел в здравоохранении (36,1% коренных москвичей отмечают удовлетворенность и 61,2% — в группе «новых горожан»), в оценках градостроительной политики (42,5% и 70,8% соответственно), в сфере ЖКХ (42,2% и 69,4%), системе образования (32,3% уровень удовлетворенности среди коренных москвичей и 45,8% у приезжих) и в сфере социального обслуживания населения (54,9% и 72,2%). Хотя и несколько различаются, но все же одинаково высокий уровень удовлетворенности демонстрируют обе группы в сфере благоустройства города (71,7% и 90,3% положительных оценок) и сфере охраны правопорядка (59,3% и 61,1%). Диаметрально противоположными можно назвать оценки этих двух групп миграционной политики: большинство коренных москвичей (61,5%) недовольны состоянием дел в этой сфере городской жизни, в то время как большинство (47,2%) недавно переехавших респондентов высказывают удовлетворение.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «В целом Вы удовлетворены или не удовлетворены, положением дел в следующих сферах...», в % и в разрезе двух групп — «коренные москвичи» и «переехавшие в Москву менее пяти лет назад»

		Всего	Коренной москвич	Переехал в Москву менее пяти лет назад
В сфере ЖКХ	Полностью удовлетворен	7,0	6,1 %	19,4 %
	Скорее удовлетворен	42,6	39,1 %	50,0 %
	Скорее не удовлетворен	30,2	32,5 %	23,6 %
	Полностью не удовлетворен	17,3	19,2 %	5,6 %
	Затрудняюсь ответить	2,9	3,1 %	1,4 %
В сфере здравоохранения	Полностью удовлетворен	8,9	7,6 %	18,1 %
	Скорее удовлетворен	31,5	28,5 %	43,1 %
	Скорее не удовлетворен	29,5	30,6 %	22,2 %
	Полностью не удовлетворен	23,3	26,6 %	12,5 %
	Затрудняюсь ответить	6,7	6,7 %	4,2 %
В сфере образования	Полностью удовлетворен	8,5	7,2 %	6,9 %
	Скорее удовлетворен	27,1	25,1 %	38,9 %
	Скорее не удовлетворен	22,8	24,1 %	22,2 %
	Полностью не удовлетворен	16,6	17,9 %	4,2 %
	Затрудняюсь ответить	25,0	25,7 %	27,8 %
В сфере социального обслуживания	Полностью удовлетворен	14,4	13,2 %	16,7 %
	Скорее удовлетворен	42,9	41,7 %	55,6 %
	Скорее не удовлетворен	14,3	14,8 %	9,7 %
	Полностью не удовлетворен	7,5	8,2 %	2,8 %
	Затрудняюсь ответить	20,9	22,1 %	15,3 %
В сфере градостроительной политики	Полностью удовлетворен	12,3	10,6 %	22,2 %
	Скорее удовлетворен	34,6	31,9 %	48,6 %
	Скорее не удовлетворен	20,3	21,0 %	15,3 %
	Полностью не удовлетворен	22,8	26,7 %	5,6 %
	Затрудняюсь ответить	9,9	9,8 %	8,3 %
В сфере охраны правопорядка	Полностью удовлетворен	13,4	12,6 %	11,1 %
	Скорее удовлетворен	47,5	46,5 %	50,0 %
	Скорее не удовлетворен	16,9	17,5 %	20,8 %
	Полностью не удовлетворен	12,0	12,6 %	12,5 %
	Затрудняюсь ответить	10,2	11,0 %	5,6 %

		Всего	Коренной москвич	Переехал в Москву менее пяти лет назад
В сфере благоустройства	Полностью удовлетворен	23,8	21,8 %	30,6 %
	Скорее удовлетворен	51,3	49,9 %	59,7 %
	Скорее не удовлетворен	13,8	15,8 %	6,9 %
	Полностью не удовлетворен	8,1	9,2 %	2,8 %
	Затрудняюсь ответить	2,9	3,4 %	
В сфере миграционной политики	Полностью удовлетворен	4,9	4,3 %	11,1 %
	Скорее удовлетворен	21,0	17,9 %	36,1 %
	Скорее не удовлетворен	25,4	26,2 %	26,4 %
	Полностью не удовлетворен	30,9	35,3 %	9,7 %
	Затрудняюсь ответить	17,8	16,4 %	16,7 %

Также в ходе исследования рассматривались меры, которые должны стать приоритетными для улучшения здоровья москвичей. Здесь на первое место выходит улучшение экологической ситуации в городе (52,1 % ответов респондентов), далее выделяются такие направления, как строительство новых больниц, поликлиник (25,9 %) и развитие системы формирования здорового образа жизни (в детских садах, школах и на предприятиях) (29,6 %). В ответах на данный вопрос наблюдаются некоторые расхождения во мнениях коренных москвичей и недавно переехавших жителей столицы. Коренные жители чуть чаще отмечают необходимость строительства новых больниц и поликлиник (28,1 % ответов при 23,1 % в группе приезжих), а также необходимость увеличения количества парков, скверов, прогулочных маршрутов (18,6 % ответов при 16,8 % во второй группе). Стоит отметить, что последнее различие находится в пределах статистической погрешности. Наконец, недавно переехавшие жители, в свою очередь, чаще выбирают такие меры, как развитие системы формирования здорового образа жизни (32,5 % ответов при 26,8 % в группе коренных москвичей) и необходимость строительства спортивных учреждений (16,8 % при 11,8 % в первой группе).

Таким образом, в ходе исследования удалось не только выявить восприятие основных проблем, существующих в различных сферах городской политики, но и определить значительные различия в оценках и приоритетах между двумя выделенными группами респондентов — коренными москвичами и недавно переехавшими в столицу жителями.

Результаты нейросетевого текстового анализа данных фокус-групп

На следующем этапе исследования для более подробного анализа ключевых направлений оздоровления городской среды были проведены фокус-групповые исследования среди студенческой молодежи. Выбор студентов для проведения качественных исследований обусловлен тем, что молодые люди, приезжающие в мегаполис в целях обучения, — типичные представители «новых горожан». Кроме того, студенческие аудитории московских вузов являются естественной сре-

дой, объединяющей как коренных москвичей, так и приезжих из других регионов, делая обе группы более доступными для проведения исследований. Еще одним фактором, обуславливающим участие студентов, стало то обстоятельство, что приезжие студенты полностью соответствуют критериям выбранной группы количественного исследования (жители, переехавшие в Москву менее пяти лет назад), что позволяет сравнить результаты двух этапов исследования.

Тематическая структура

Тематическая структура сводных массивов данных коренных москвичей и переехавших студентов значительно различается объемом: у первых она содержит 11 номинаций, у вторых — 32. Тематическая структура отражает ключевые темы, которые характеризуют базу данных. У коренных москвичей максимальный вес связей (99) имеет номинация *город*, а у переехавших — *человек*. Можно предположить, что москвичи при характеристике Москвы воспринимают город как самостоятельную единицу, самоценную сущность, а для «новых горожан» Москва — это среда обитания жителей.

Семантические сети

Выделение и анализ семантических сетей текстовых данных фокус-групп обеих групп респондентов позволили проанализировать наиболее важные семантические акценты в репликах участников исследования. Для обеих групп оказались важными моменты, связанные со здоровьем, качеством воздуха и экологией в мегаполисе. Соответствующие номинации имеют веса связей 99 в обоих датасетах.

Между тем выделяется ряд существенных признаков, различающих ядро семантических сетей вербальных данных, полученных в ходе проведения фокус-групп с коренными москвичами и «новыми горожанами». Ядро семантической сети определялось в соответствии с иерархией весов связей: в ядро семантической сети включались номинации с максимальными весами связей — 98—100.

Для московской группы респондентов при оценке проблем экологии и здоровья в городе особенно важными оказались характеристики, определяющие комфорт, удобство и доступность, обеспечивающие передвижение, получение медицинских услуг и других видов помощи (доступность (99), жизнь (99), качество (99), инфраструктура (99) и др.). Выделяется также внимание к наличию и развитости спортивной инфраструктуры, которая определяется как важная составляющая здорового города.

Для группы коренных москвичей решение экологических проблем и здорового образа жизни в мегаполисе тесно связано с концепцией развития городского пространства в целом, сохранением исторического облика города, архитектурного своеобразия, а также обеспечения безопасности горожан. Кроме того, представители этой группы выделяют важность развития открытых данных, которые позволяют жителям участвовать в развитии города и контролировать действия городских властей.

В группе приехавших студентов на первый план выходят проблемы, связанные с наличием большого количества машин на улицах, активным движением, загряз-

нением воздуха выхлопными газами и высоким уровнем шума не только на магистралях, но и в жилых домах, недостаточное количество света в городском пространстве, плохое качество воды (см. рис. 6).

Рис. 6. Семантические сети текстовых данных фокус-групп коренных москвичей и новых жителей Москвы

Ассоциативные сети

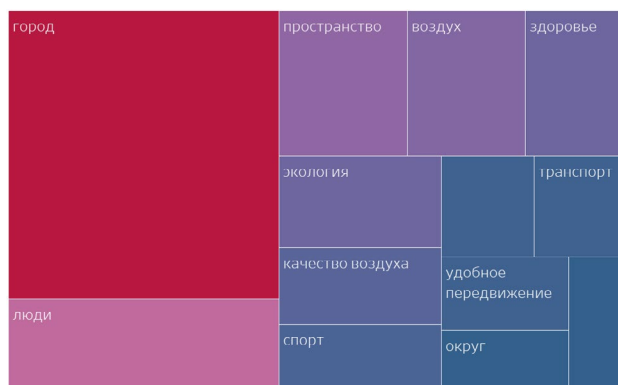
Ассоциативный поиск, построение и анализ ассоциативных сетей по вербальным данным, полученным в ходе фокус-групп, позволяют выявить скрытые оценки и мнения, которые участники фокус-групп не захотели или не смогли сформулировать в полной мере. В соответствии с целями данного исследования были выбраны стимулы *город*, *Москва*, *здоровый город*. Подробнее ознакомиться с содержанием используемых методов анализа можно в научных работах А. А. Хар-

ламова [Харламов, 2023а, 2023б], с результатами их применения — в опубликованных исследованиях [Kharlamov, Raskhodchikov, Pilgun, 2025].

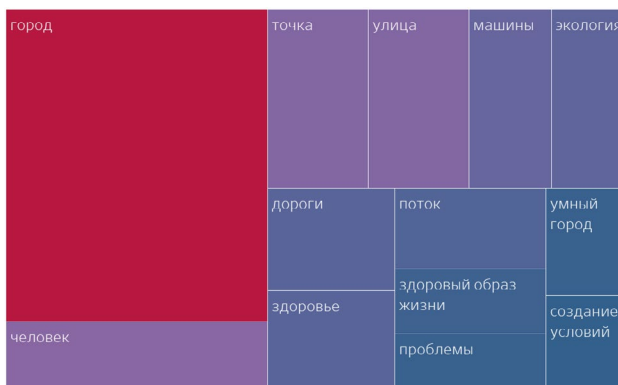
Анализ ассоциативных сетей стимула *город* в текстовых данных фокус-групп коренных москвичей и «новых горожан» подтверждает вывод, что для обеих групп при оценке города важна экологическая ситуация, которая имеет непосредственное влияние на здоровье людей. Акценты на транспортных проблемах присутствуют в обоих дата-сетах, однако для коренных москвичей важными оказываются удобство и доступность передвижения в городе, а для приехавших студентов — количество машин и качество дорог. Коренные москвичи акцентируют внимание на качестве воздуха, условиях для занятий спортом и историческом значении городского пространства. Оценки и мнения о городском пространстве новых жителей Москвы в большей степени связаны с качеством и уровнем условий для здорового образа жизни, а также развитием системы метро и технологий умного города (см. рис. 7).

Рис. 7. Ассоциативные сети стимула «город» в текстовых данных фокус-групп коренных москвичей (10/188) и новых жителей Москвы (10/175)

Москвичи

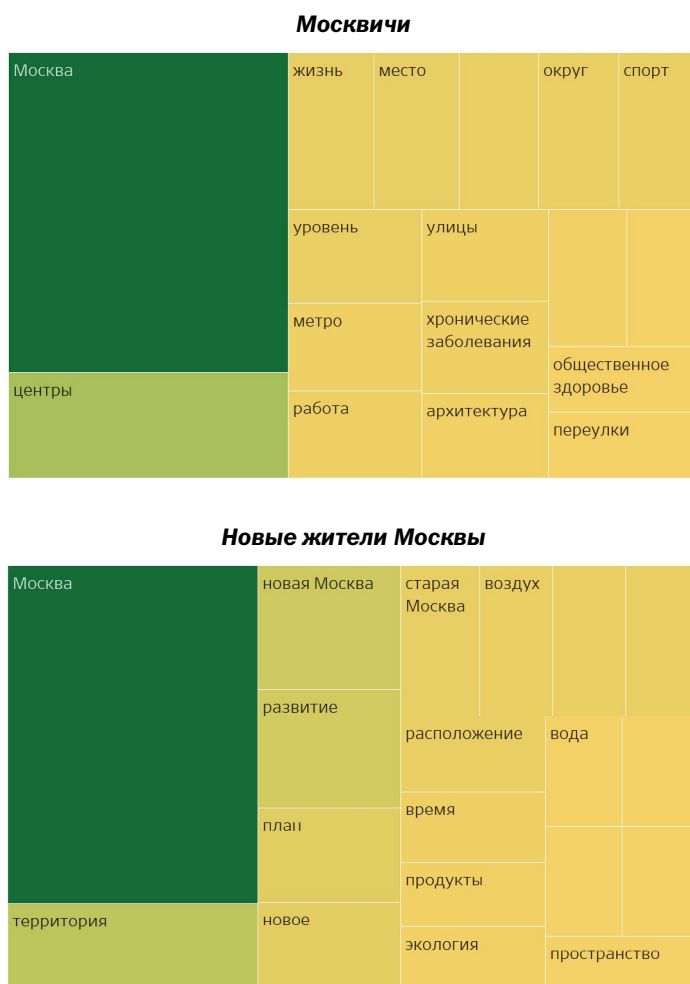

Новые жители Москвы

Анализ ассоциативных сетей позволяет проанализировать скрытые оценки и мнения респондентов. Так, анализ реакций стимула *Москва* в текстовых данных фокус-групп коренных москвичей и новых жителей столицы свидетельствует о достаточно четком противопоставлении: первые воспринимают Москву через призму своего района, а для вторых наиболее важным показателем оказывается деление на старую и новую Москву. Коренные москвичи акцентируют внимание на спортивной инфраструктуре и архитектуре Москвы, также особое значение и беспокойство у них вызывают хронические заболевания. Приехавшие студенты выделяют проблемы с воздухом, вызванные, по их мнению, загруженными магистралями, водой, экологией. Также для второй группы при оценке Москвы значимы качество продуктов, пространства для прогулок и развитие новых территорий (см. рис. 8).

Рис. 8. Ассоциативные сети стимула «Москва» в текстовых данных фокус-групп коренных москвичей (10/97) и новых жителей Москвы (10/137)

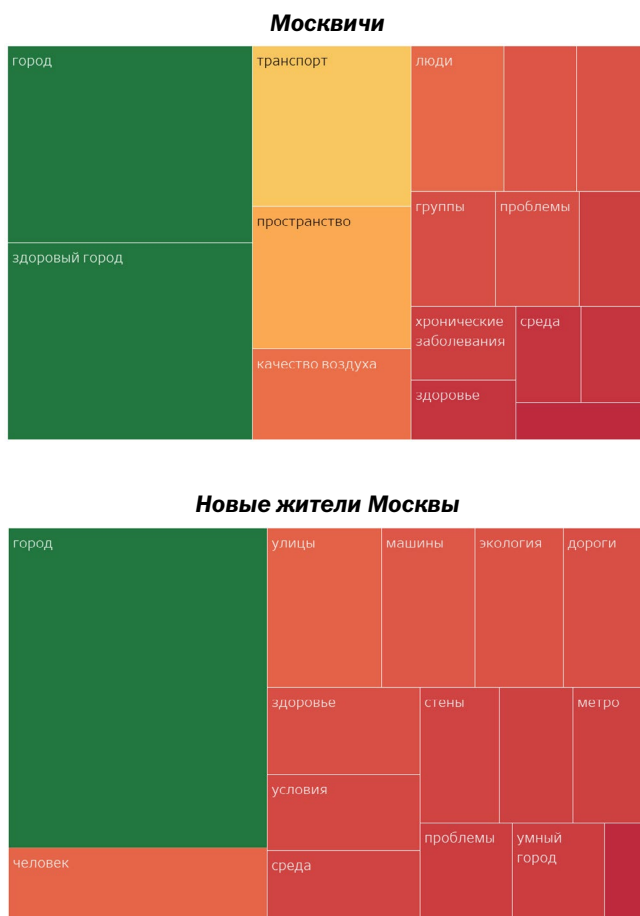

Анализ ассоциативных сетей стимула *здоровый город* в текстовых данных фокус-групп коренных москвичей и «новых горожан» показывает, что восприятие данного стимула *максимально* объединяет обе группы респондентов. Оценки понятия «здоровый город» связаны с решением транспортных проблем, сокращением количества машин, что должно повлиять на улучшение качества воздуха в городе. Важное значение для решения проблем общественного здоровья, по мнению участников обеих групп, имеет экология.

Между тем решение транспортных проблем в понимании коренных москвичей не должно повлиять на удобство передвижений. Кроме того, по их мнению, для формирования здорового города важно повысить эффективность в борьбе с хроническими заболеваниями.

У переехавших студентов здоровый город ассоциируется в первую очередь с развитием условий для здорового образа жизни, системы метро и технологий умного города (см. рис. 9).

Рис. 9. Ассоциативные сети стимула *здоровый город* в текстовых данных фокус-групп коренных москвичей (10/148) и новых жителей Москвы (10/175)

Следует также отметить, что при оценке перспектив развития концепции здорового города респонденты из группы коренных москвичей выражали более пессимистические и негативные оценки.

Анализ тематической структуры, семантических и ассоциативных сетей, построенных на основе текстовых данных фокус-групп, выявил как сходства, так и принципиальные различия в восприятии города и его экологических и социальных характеристик между коренными москвичами и новыми жителями столицы.

— Тематическое разнообразие: тематическая структура высказываний переехавших студентов значительно шире: 32 номинации против 11 у коренных москвичей, что может свидетельствовать о более разностороннем или критическом взгляде на городскую среду со стороны новых жителей.

— Различие в фокусе восприятия: коренные москвичи склонны воспринимать город как автономную и ценностную единицу, тогда как «новые горожане» акцентируют внимание скорее на человекоцентричном восприятии городской среды, встраивая Москву в контекст повседневной жизни и здоровья.

— Общие акценты: обе группы едины в признании важности здоровья, качества воздуха, экологии и транспортных условий как ключевых факторов благополучия в городе.

— Коренные москвичи подчеркивают важность доступности, комфорта, инклюзивности, спортивной и медицинской инфраструктуры, а также обращают особое внимание на сохранение историко-архитектурного облика города.

— Новые жители столицы больше концентрируются на экологических проблемах, таких как загрязнение воздуха и воды, шум, свет, чрезмерное автомобильное движение, а также выражают интерес к развитию технологий умного города и метрополитена.

— ИмPLICITные установки: ассоциативный анализ показывает, что здоровый город для обеих групп связан с экологией и транспортом, однако коренные москвичи чаще выражают сомнение в реализуемости этой концепции, в то время как переехавшие студенты проявляют больше энтузиазма, предлагая конкретные направления улучшения ситуации в городе.

— Восприятие образа Москвы: коренные москвичи описывают Москву через призму локального (своего района), делая акцент на спортивную инфраструктуру и архитектуру. «Новые горожане» же разделяют город на «старую» и «новую» Москву, делая акцент на экологических различиях между районами и развитии новых территорий.

Таким образом, нейросетевой текстовый анализ позволил не только выявить семантическую структуру и ассоциативные представления, но и зафиксировать ключевые расхождения в восприятии, основанные на различии в опыте проживания, отношении к пространству и уровнях вовлеченности в городские процессы.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило значимость социальной дифференциации восприятия здоровья и городской среды в условиях мегаполиса. Сравнительный анализ представлений коренных москвичей и «новых горожан» выявил как общие ориентиры (экология, качество воздуха, транспортная доступность),

так и принципиальные различия в акцентах, оценках и уровне вовлеченности в городские процессы.

Коренные жители воспринимают городскую среду через призму локального, устоявшегося опыта проживания, придавая значение устойчивости инфраструктуры, историко-культурной идентичности и доступности услуг. В то время как приезжие акцентируют внимание на экологических и сенсорных аспектах, уровне шума, мобильности, а также в большей степени воспринимают город как динамичную и поддающуюся изменению среду, особенно в контексте ЗОЖ и развития технологий умного города.

Метод нейросетевого текстового анализа данных фокус-групп позволил выявить как эксплицитные, так и имплицитные элементы восприятия, включая подтекстовые оценки, ассоциативные связи и скрытые предпочтения. Подобный подход делает его особенно ценным инструментом для анализа комплексных и субъективно окрашенных социальных данных.

Полученные результаты имеют как научное, так и прикладное значение — они могут быть использованы при разработке программ устойчивого городского развития, ориентированных на здоровье населения, а также при проектировании инклюзивной и адаптивной городской среды, учитывающей потребности разных социальных групп. В условиях динамики глобальных изменений города обладают положительным потенциалом для высокорезультативного использования ресурсов, предотвращения стихийных бедствий и улучшения медицинского обслуживания — при условии разработки эффективных стратегий. Многосторонний междисциплинарный подход к сложной теме городского здоровья позволит углубить понимание сложной динамики городского населения и мегаполисов через призму общественного здравоохранения и других научных перспектив.

Учет специфики восприятия городского здоровья различными категориями жителей становится неотъемлемой частью эффективной и человекоцентричной урбанистической политики.

Список литературы (References)

1. Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. Zhuravleva I. V. (2006) Attitude to the Health of the Individual and Society. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Концевая А. В., Анциферова А. А., Муканеева Д. К. Формирование городской здоровьесберегающей среды // Оздоровление городской среды. М.: Фонд «Московский центр урбанистики “Город”», 2022. С. 88—95. https://www.doi.org/10.58633/9785990703926_2022_88.
Kontsevaya A. V., Antsiferova A. A., Mukaneeva D. K. (2022) Formation of an Urban Health-Preserving Environment. In: *Urban Environment Health Improvement*. Moscow: Moscow Center for Urban Studies “Gorod” Foundation. P. 88—95. https://www.doi.org/10.58633/9785990703926_2022_88. (In Russ.)
3. Оценка воздействия на здоровье. Руководство для городов. М.: Центр поддержки проекта «Здоровые города» в России, 2005.

Health Impact Assessment. A Guide for Cities (2005) Moscow: Healthy Cities Support Center in Russia. (In Russ.)

4. Покровский Н. Е., Макшанчикова А. Ю., Никишин Е. А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54—64.
Pokrovsky N. E., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A. (2020). Reverse Migration in Pandemic Crisis: Russia's Out-of-Town Spaces as an Adaptation Resource. *Sociological Studies*. No. 12. P. 54—64. (In Russ.)
5. Расходчиков А. Н. Что мы понимаем под «здоровой городской средой»? // Доступная среда. 2023. № 16. С. 42—45.
Raskhodchikov A. N. (2023) What Do We Mean by a “Healthy Urban Environment”? *Accessible Environment*. No. 16. P. 42—45. (In Russ.)
6. Харламов А. А. Анализ текстов с использованием искусственных нейронных сетей на основе нейроподобных элементов с временной суммацией сигналов (часть 1) // Речевые технологии. 2023а. № 1. С. 87—99.
Kharlamov A. A. (2023a) Text Analysis Using Artificial Neural Networks Based on Neural-Like Elements with Time Summation of Signals (Part 1). *Speech Technologies*. No. 1. P. 87—99. (In Russ.)
7. Харламов А. А. Анализ текстов с использованием искусственных нейронных сетей на основе нейроподобных элементов с временной суммацией сигналов (часть 2) // Речевые технологии. 2023б. № 2. С. 22—39.
Kharlamov A. A. (2023b) Text Analysis Using Artificial Neural Networks Based on Neural-Like Elements with Time Summation of Signals (Part 2). *Speech Technologies*. No. 2. P. 22—39. (In Russ.)
8. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285—299.
Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. (2020) Political construction of the image of the future. *Vestn. Volume of the State University. Philosophy. Sociology. Political science..* No. 56. pp. 285—299. (In Russ.)
9. Языкеев А. Н. Горожане в поисках здоровья: новые возможности для малых городов // Оздоровление городской среды. М.: Фонд «Московский центр урбанистики „Город“», 2022. С. 72—79. https://www.doi.org/10.58633/9785990703926_2022_72.
Yazykeev A. N. (2022) Citizens in Search of Health: New Opportunities for Small Towns. In: *Urban Environment Improvement*. Moscow: The Moscow Urban Studies Center Gorod Foundation. P. 72—79. https://www.doi.org/10.58633/9785990703926_2022_72. (In Russ.)
10. Bilgili F., Dundar M., Kuşkaya S., Balsalobre Lorente D., Ünlü F., Gençoğlu P., Muğaloğlu E. (2021) The Age Structure, Stringency Policy, Income, and Spread of Coronavirus Disease 2019: Evidence from 209 Countries. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Art. 632192. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.632192>.

11. Chauvin P, Estecahandy P. (2010) Inégalités sociales de santé et précarité. *Actualité et dossier en santé publique*. No. 73. P. 17—18.
12. Corburn J. (2015) City Planning as Preventive Medicine. *Preventive Medicine*. Vol. 77. P. 48—51. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2015.04.022>.
13. Corburn J. (2004) Confronting the Challenges in Reconnecting Urban Planning and Public Health. *American Journal of Public Health*. Vol. 94. No. 4. P. 541—546.
14. Dias Neto D., Nunes da Silva A., Roberto M. S. et al. (2021) Illness Perceptions of COVID-19 in Europe: Predictors, Impacts and Temporal Evolution. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Art. 640955. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.640955>.
15. Haut comité de la santé publique, Rainhorn J. D., Grémy F. (1998) La progression de la précarité en France et ses effets sur la santé. Rennes: Éditions ENSP.
16. Health in the 2030 Agenda for Sustainable Development. Geneva: World Health Organization, 2025. URL: <https://www.who.int/europe/publications/i/item/WHO-EURO-2021-1878-41629-56873> (date of access: 17.10.2025).
17. Kharlamov A. A., Raskhodchikov A. N., Pilgun M. (2025) Social Media Actors: Perception and Optimization of Influence Across Different Types. *Journal of Combinatorial Optimization*. Vol. 49. Art. 18. <https://doi.org/10.1007/s10878-024-01238-3>.
18. Lee P. J., Jhuang J. R., Chen Y. C. et al. (2023) Urban–Rural Disparity in Birth Cohort Effects on Breast Cancer Incidence. *Journal of Urban Health*. Vol. 100. P. 341—354. <https://doi.org/10.1007/s11524-023-00718-x>.
19. Moussaoui S., Chauvin P., Ibanez G. et al. (2022) Construction and Validation of an Individual Deprivation Index: A Study Based on a Representative Cohort of the Paris Metropolitan Area. *Journal of Urban Health*. Vol. 99. P. 1170—1182. <https://doi.org/10.1007/s11524-022-00648-0>.
20. Nawrotek K. (2011) City as Political Idea. Plymouth: Plymouth University Press.
21. Pilgun M., Raskhodchikov A. N., Koreneva Antonova O. (2021) Effects of COVID-19 on Multilingual Communication. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Art. 792042. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.792042>.
22. Raskhodchikov A. N., Pilgun M. (2023) COVID-19 and Public Health: Analysis of Opinions in Social Media. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 20. Art. 971. <https://doi.org/10.3390/ijerph20020971>.
23. Roca-Barceló A., Fecht D., Pirani M., Piel F. B., Nardocci A. C., Vineis P. (2022) Trends in Temperature-associated Mortality in São Paulo (Brazil) between 2000 and 2018: an Example of Disparities in Adaptation to Cold and Heat. *Journal of Urban Health*. Vol. 99. P. 1012—1026. <https://doi.org/10.1007/s11524-022-00695-7>.
24. Rydin Y., Bleahu A., Davies M. et al. (2012) Shaping Cities for Health: Complexity and the Planning of Urban Environments in the 21st Century. *Lancet*. Vol. 379. No. 9831. P. 2079—2108. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(12\)60435-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(12)60435-8).

25. Serrano N., Realmuto L., Graff K. A. et al. (2023) Healthy Community Design, Anti-Displacement, and Equity Strategies in the USA: A Scoping Review. *Journal of Urban Health*. Vol. 100. P. 151—180. <https://doi.org/10.1007/s11524-022-00698-4>.
26. Singleton C. R., Winata F., Parab K. V. et al. (2023) Violent Crime, Physical Inactivity, and Obesity: Examining Spatial Relationships by Racial/Ethnic Composition of Community Residents. *Journal of Urban Health*. <https://doi.org/10.1007/s11524-023-00716-z>.
27. Tumas N., Rodríguez López S., Mazariegos M. et al. (2022) Are Women's Empowerment and Income Inequality Associated with Excess Weight in Latin American Cities? *Journal of Urban Health*. Vol. 99. P. 1091—1103. <https://doi.org/10.1007/s11524-022-00689-5>
28. Whitehead M., Dahlgren G. (1991) What Can We Do About Inequalities in Health? *Lancet*. Vol. 338. P. 1059—1063.
29. Whitehead M., Dahlgren G. (2006) Concepts and Principles for Tackling Social Inequities in Health: Levelling up. Part 1. Geneva: World Health Organization.
30. Withers M., Castillo-Carandang N. T., Rimon J. G. et al. (2024) The Role of Social Scientists in Global Health Crises. *Journal of Public Health and Emergency*. <https://doi.org/10.21037/jphe-24-69>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3021](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3021)**И. А. Вершинина, Т. С. Мартыненко, А. В. Лядова****ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ:
ПОИСК ПУТИ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ****Правильная ссылка на статью:**

Вершинина И. А., Мартыненко Т. С., Лядова А. В. Экологическая культура современных городов: поиск пути к экологическому благополучию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 163—184. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3021>.

For citation:

Vershinina I. A., Martynenko T. S., Liadova A. V. (2025) Ecological Culture of Modern Cities: Searching for a Path to Ecological Well-Being. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 163—184. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3021>. (In Russ.)

Получено: 15.05.2025. Принято к публикации: 26.08.2025.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ: ПОИСК ПУТИ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: urbansociology@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6186-4388>

МАРТЫНЕНКО Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: ts.martynenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5101-2381>

ЛЯДОВА Анна Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: annaslm@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2820-8589>

Аннотация. В статье представлен критический анализ отечественной и зарубежной научной литературы, цель которого — понять возможности экологической культуры жителей городов как одного из факторов решения экологических проблем. Авторы отмечают, что современная эпоха может быть охарактеризована как урбаноцен, поскольку именно города сегодня являются одновременно и главными источниками экологических проблем, и надеждой на их решение. Это, в частности, проявляется в том, что перед лицом экологических рисков города оказываются более открыты для коопера-

ECOLOGICAL CULTURE OF MODERN CITIES: SEARCHING FOR A PATH TO ECOLOGICAL WELL-BEING

Inna A. VERSHININA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology

E-MAIL: urbansociology@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6186-4388>

Tatiana S. MARTYSENKO¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology

E-MAIL: ts.martynenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5101-2381>

Anna V. LIADOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology

E-MAIL: annaslm@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2820-8589>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article presents a critical analysis of Russian and foreign scientific literature aimed at understanding the possibilities of environmental culture of city dwellers as one of the factors for overcoming modern environmental problems. The authors note that the modern era can be characterized as an urbanocene, because cities today are both the main sources of environmental problems and the hope for their solution. This is particularly evident in the fact that, in the face of environmental risks, cities are more open to co-operation than states and can shape trends in eco-urbanism, green urbanism, and vari-

ции, чем государства, и могут сформировать тренды экоурбанизма, зеленого урбанизма и различных моделей устойчивого потребления, которые могут найти свое отражение в экологической культуре их жителей.

Анализ литературы позволяет уточнить содержание понятия «экологическая культура» и выявить ключевые направления эмпирических исследований в данной области. В работе характеризуются основные социальные институты, вовлеченные в экологическую социализацию, и рассматриваются механизмы формирования экологической культуры. Авторы описываются ключевые особенности экологической культуры жителей российских городов, а также возможные направления дальнейших исследований. Подчеркивается значение данной темы для реализации Национального проекта «Экологическое благополучие», рассчитанного на 2025-2030 гг.

Ключевые слова: экологическая культура, экологическое благополучие, урбанизм, изменение климата, экологическое неравенство

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00258, <https://rscf.ru/project/24-28-00258/>.

ous sustainable consumption models, which can be reflected in the environmental culture of their residents.

An analysis of the literature allowed the authors to clarify the content of the concept of environmental culture and identify key areas of empirical research in this area. The article names the main social institutions involved in environmental socialization and examines the mechanisms for the formation of environmental culture. The authors define the features of the environmental culture of the Russian cities residents as well as possible areas for further research and highlight the importance of such studies for the implementation of the Russian National Project “Environmental Well-being” scheduled for 2025-2030.

Keywords: ecological culture, ecological well-being, urbanocene, climate change, environmental inequality

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00258, <https://rscf.ru/project/24-28-00258/>.

Введение

В последние годы экологическая повестка зачастую обретает идеологический характер, на что указывает ряд авторов [Jon, 2021; Latour, Schultz, 2022], однако это не снимает проблемы изменения климата, социально-экономические последствия которой пока сложно оценить в полной мере. При этом многочисленные «зеленые» проекты, продвигаемые международными организациями, во многом усложняют реальное решение экологических проблем, подчиняя экологические инициативы интересам отдельных стран и корпораций [Вершинина и др., 2025]. Тем не менее факты подтверждают, что уже сегодня города могут вполне успешно сотрудничать между собой в экологической сфере и предлагать решения актуальных проблем.

Самый известный пример — инициатива C40¹, которая изначально была создана для сокращения выбросов парниковых газов, а сейчас включает в себя больше 40 изначальных городов, давших ей название. ООН высоко оценивала результаты реализации инициативы, полагая, что «глобальная сеть городов, занимающаяся проблемами изменения климата, служит хорошим примером растущего трансграничного сотрудничества между городами и подчеркивает важность борьбы с деградацией окружающей среды и выбросами углерода в городах»². При этом в рамках международного сотрудничества по вопросам климата все чаще одним из способов решения экологических проблем современных городов называется формирование экологической культуры горожан.

На протяжении долгого времени государства и научное сообщество делали ставку на снижение загрязнения и ликвидацию негативных последствий воздействия человека на окружающую среду при помощи разработки технологических решений (систем очистки, фильтрации, мониторинга, контроля и т. п.), несмотря на то что довольно часто суть подобных проблем коренится в особенностях культуры и отношении к природе субъектов социальных отношений. В данной статье внимание уделяется экологической культуре горожан, поскольку их воздействие на окружающую среду значительно превышает влияние на нее жителей сельских районов, именно города играют ключевую роль в изменении климата³.

Цель работы — на основе критического анализа отечественной и зарубежной научной литературы рассмотреть экологическую культуру горожан как один из факторов решения современных экологических проблем.

Роль городов в эпоху экологической напряженности

Неоднозначность интерпретации экологических проблем, их факторов и последствий находит отражение в различной терминологии, которую используют исследователи для обозначения современной эпохи. Некогда популярный термин «антропоцен» и его отдельные характеристики все чаще подвергаются критике [Malm, Hornborg, 2014]. Тем не менее большинство исследователей сходятся в том, что нашу эпоху отличает существенное изменение экосистем под влиянием деятельности человека, вследствие чего биосфера поглощается антропосферой [Crutzen, Stoermer, 2000: 17—18], а люди становятся определяющей экологической силой [Crutzen, 2006: 13—18].

Планета стремительно меняется, в том числе вследствие бурного роста городов, которые уже стали привычной средой обитания для большей половины человечества. Города сегодня можно назвать стратегическими пространствами, которые не только концентрируют разного рода ресурсы, порождая новые формы социального неравенства [Sassen, 2000: 33], но и определяют актуальную повестку, в том числе и в экологической сфере. Отдельные процессы, протекающие в городском пространстве, также тесно связаны с экологической составляющей. Сре-

¹ C40 Cities. URL: <https://www.c40.org/> (accessed: 10.10.2025).

² От глобального — к локальному: содействие устойчивости и жизнеспособности общества в городских и сельских населенных пунктах. URL: <https://undocs.org/ru/E/2018/61> (дата обращения: 08.04.2025). С. 20.

³ Глобальное потепление: города — источник проблемы и ключ к ее решению. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363192> (дата обращения: 10.10.2025).

ди них можно выделить так называемую «зеленую» и «голубую» джентрификацию (или инвайронментальную джентрификацию), когда создание в городах зеленых зон (или же интерес населения к водоемам внутри городской территории) повышает привлекательность отдельных районов и приводит к росту цен и вытеснению уязвимых с социальной точки зрения групп населения [Anguelovski et al., 2022].

Все описанные процессы позволяют некоторым ученым предлагать для современности новое название — урбаноцен (вместо термина антропоцен), поскольку именно города, а не человечество в целом, выступают ключевыми архитекторами происходящей экологической трансформации [Palme, Salvati, 2021]. Города в этой концепции рассматриваются в качестве ключевых субъектов и драйверов социальных изменений, так как их развитие (включая и быстрый рост территории и населения) определяет глобальную динамику. Все это ставит вопросы о новом городском проектировании и дизайне, поскольку устойчивость городов (особенно крупнейших из них) уже в ближайшем будущем будет определять устойчивость всего человечества. И хотя в период пандемии COVID-19 казалось, что наиболее востребованы дезурбанизационные процессы, тем не менее рост городов неуклонно продолжается⁴.

С одной стороны, города представляют собой крупнейшие источники антропогенного воздействия на окружающую среду⁵, с другой стороны, именно города могут стать центрами экологического сознания и ответственного отношения к экосистемам, если проводимая ими политика будет способствовать трансформации повседневного опыта миллионов людей.

Несмотря на то что особенность экологических проблем и рисков зачастую носит латентный характер (они имеют отсроченные эффекты, а потому не так заметны на фоне таких социальных проблем, как бедность и социальное неравенство), чаще всего как раз в городах экологические проблемы становятся видимыми, например в виде смога, вынуждая их жителей задумываться о безопасности рукотворной среды обитания. Это и заставляет ряд исследователей рассматривать именно города как потенциально наиболее влиятельных акторов на экологической сцене, которые могут способствовать изменению отношения к окружающей среде [Khanna, 2016: 59; Jon, 2021]. Уже существует несколько десятков транснациональных экологических инициатив, участниками которых являются города. Среди них довольно известные — «Города за защиту климата» (CCP), «Объединенные города и местные органы власти» (UCLG) [Bulkeley et al., 2012] и др.

Среди социологов большие надежды на города в решении экологических проблем возлагал Ульрих Бек, прогнозировавший, что в обществе риска, где все больше говорят об изменении климата, должен произойти переход от Организации Объединенных Наций к Объединенным городам (United Cities) [Beck, 2016: 164—181], которые должны быть более продуктивны в разработке мер по противодействию экологическим вызовам. По его словам, именно мировые города становятся пространством, где столкновение глобальных рисков превращается

⁴ Занимательная урбанизация. Большие города в цифрах и фактах // Коммерсантъ. 2024. 2 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7266452> (дата обращения: 06.07.2025).

⁵ Всемирный день Хабитат в этом году отметят в Баку // Новости ООН. 2023. 28 сентября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/09/1444857> (дата обращения: 06.07.2025).

в вопросы повседневного опыта, а потому они символизируют взаимодействие «краха и пробуждения» (*collapse and awakening*), то есть, оказываясь лицом к лицу с экологическими рисками, способны предложить пути их преодоления. Для У. Бека крупнейшие города мира — это своеобразные экологические пионеры, готовые принять вызов космополитической современности и путем экспериментов найти ответы на вопросы о том, как лучше всего противостоять угрозам, способным разрушить привычный нам мир.

Если прежде урбанизация рассматривалась как противопоставление природе [Парк, 2002: 4], то сегодня исследователи, наоборот, возлагают надежды по спасению планеты на города благодаря распространению зеленого урбанизма и моделей устойчивого потребления, поскольку именно города-лидеры задают тренды, которым позже следуют все остальные. Столкнувшись с общими экологическими рисками, они оказываются более открыты для кооперации, чем государства, и уже продемонстрировали примеры вполне успешного сотрудничества и готовность брать на себя определенные обязательства.

Практика городского планирования и транспортная политика меняются в разных уголках мира схожим образом не посредством какого-то глобального регулирования, а благодаря удачным примерам решения проблем, которые копируются и воспроизводятся другими городами. Различные объединения городов способствуют созданию и распространению транснациональных норм устойчивой урбанизации — ответа на климатическую тревожность. «Стратегический экоурбанизм» популяризирует развитие «экогородов», отдающих предпочтение «зеленым» технологическим решениям [Hodson, Marvin, 2010], которые становятся результатом обмена знаниями между городами.

Проекты уже упоминавшейся организации C40 масштабны и разнообразны, причем многие из них ориентированы на решение конкретных проблем, с которыми сталкиваются города в условиях изменения климата: ухудшение качества воздуха, дефицит воды, резкие перепады температуры и продолжительные периоды жары, большие объемы твердых бытовых отходов, необходимость обеспечения продовольственной безопасности и др.

Повышенное внимание уделяется предотвращению наводнений, поскольку эта угроза актуальна примерно для двух третей крупных городов мира, в первую очередь прибрежных⁶. Мэры городов, входящих в C40, объединяют свои усилия по устранению климатических рисков, связанных с водой. Результатом их совместной работы становятся меры реагирования на чрезвычайные ситуации для защиты людей во время критических ситуаций (в том числе обеспечение безопасных и доступных убежищ, где создаются условия для удовлетворения базовых потребностей), улучшение управления водосбором рек и внедрение устойчивых городских дренажных систем, подготовка к повышению уровня моря и прибрежным штормам с помощью природных и искусственных барьеров и т. п.

В ответ на риски, вызванные изменением климата, разрабатываются новые формы транснациональной городской солидарности. По мнению ряда авторов, они могут оказаться гораздо более эффективными в решении экологических про-

⁶ Water, Heat and Nature // C40. URL: <https://www.c40.org/what-we-do/scaling-up-climate-action/water-heat-nature/> (accessed: 03.07.2025).

блем, нежели попытки глобального климатического управления, которые встречают все больше сопротивления. Доказательством этого являются сложности с принятием итоговых деклараций на климатических саммитах Организации Объединенных Наций (COP) в 2023 и 2024 гг. Государствам, которые всегда в первую очередь думают о своих национальных интересах, договориться гораздо сложнее, чем городам, которые учатся друг у друга снижать выбросы парникового газа, экономить ресурсы, сокращать количество отходов и т. д.

Однако нельзя забывать, что возможности городов значительно различаются в зависимости от того, в какой стране мира они находятся, что заставляет У. Бека говорить о новых формах социального неравенства, порожденных экологическими рисками и имеющими во многом постколониальный характер: «Стремление к озеленению городов на Севере, как оказалось, порождает нежелательные побочные эффекты на Юге. Например, для расширения использования электромобилей требуется добыча лития из шахт в Аргентине, Чили и Боливии» [Beck, 2016: 58—59], что неблагоприятно сказывается на экологической ситуации в этих странах. Экологическое благополучие одних оборачивается экологическими проблемами для других, причем это, как правило, игнорируется в международной повестке. Более того, крупнейшие городские альянсы, такие как C40, обычно непропорционально представляют крупные города Глобального Севера, в то время как голос городов Глобального Юга слышен значительно реже, то есть они со своими специфическими проблемами исключаются из транснациональной экологической повестки так же, как это происходит с городами небольшого размера.

Тем не менее перспективы межгородского экологического сотрудничества кажутся более предпочтительными, чем у межгосударственных инициатив. Как указывает И. Джон, города представляют собой оптимальные пространства для решения экологических проблем и формирования экологической культуры, отвечающей требованиям своего времени [Jon, 2021: 19]. Но путь к экологическому благополучию вряд ли будет простым, в том числе и по той причине, что должен включать в себя преодоление социально-экономических противоречий.

По словам У. Бека, литература об изменении климата стала «супермаркетом апокалиптических сценариев», а общественные и медийные обсуждения изменения климата происходят «под гильотиной переломного момента», что лишь усугубляет проблему и препятствует ее социально-политическому переосмыслению [Beck, 2016: 35—47]. При этом основной источник климатического пессимизма, с его точки зрения, заключается в общей неспособности и/или нежелании переосмыслить фундаментальные вопросы социального и политического порядка в эпоху глобальных рисков, хотя немецкий социолог надеется на то, что инвайронментальная диктатура международных организаций сменится на транснациональную солидарность городов.

Так, если города и их жители способны стать источниками и центрами новых устойчивых инвайронментальных практик, то важно выявить те факторы, которые будут способствовать этим изменениям. Для этого важно определить, что представляет собой экологическая культура, существует ли целостное представление о том, что она включает и какие факторы оказывают на нее влияние. Для этого на основе анализа отечественной и зарубежной литературы рассмотрим

содержание экологической культуры, ключевые направления эмпирических исследований и обозначим, какие факторы могут стать преградой для использования экологической культуры горожан в качестве способа решения современных экологических проблем.

Исследования экологической культуры: история и современность

Термин «экологическая культура» в отечественной социальной науке оформился во второй половине XX века [Коган, 2006], когда начал формироваться устойчивый интерес к экологической культуре, поскольку, во-первых, актуализировались экологические проблемы, связанные с антропогенным давлением на окружающую среду, во-вторых, возник широкий спектр общественных движений, в том числе ассоциированных с защитой природы, в-третьих, был осуществлен культурный поворот в социальных науках (см. подробнее [Романовский, 2006]). Тем не менее на протяжении долгого времени большинство решений, направленных на снижение загрязнения и ликвидацию негативных последствий воздействия человека на окружающую среду, были связаны с разработкой технологических решений (систем очистки, фильтрации, мониторинга, контроля и т. п.), несмотря на то что довольно часто суть подобных проблем коренится в особенностях культуры и отношении к природе субъектов социальных отношений [Урри, 2018].

Формирование социологического вектора в изучении экологической культуры за рубежом относится к 1970-м годам, когда на фоне, с одной стороны, нарастания глобальных экологических проблем, а с другой — неоднозначности геополитической ситуации («Карибский кризис») вследствие гонки ядерных вооружений в разных странах усиливались социальные движения в защиту окружающей среды, что и послужило основанием для разработки нового направления в социологической науке — экологической социологии [Dunlap, Catton, 1992—1993]. По мнению одного из основоположников данного направления Р. Э. Данлопа, социология как наука об обществе в условиях экологических вызовов, с которым сталкивается современное человечество, должна пересмотреть господствующую в исследованиях о развитии общества парадигму человеческой исключительности (*Human Exceptionalism Paradigm*) [ibid.: 269—270], в рамках которой человек рассматривается как творец не только социальной реальности, но и природного мира. Анализируя развитие социальных систем и кризисов в их функционировании, автор приходит к выводу о необходимости замены указанной аксиомы новым подходом — «экологической парадигмой», в рамках которой учитывается взаимосвязь социальных и экосистем [ibid.].

По мнению Р. Данлопа, осознание этой фигуры является первостепенной задачей для общества потребления, так как позволяет понять зависимость уровня жизни от ресурсного потенциала [ibid.]. Вот почему необходимым условием реализации новой модели системы отношений «человек — природа — общество» выступает формирование экологической культуры.

Теоретической основой большинства зарубежных исследований по-прежнему выступают работы У. Бека [Beck, 1992], в которых экологические угрозы интерпретируются как результат неконтролируемой модернизации. Большое влияние имеют также работы Р. Э. Данлопа [Dunlap, Jones, 2002], предложившего новую

экологическую парадигму, в рамках которой рассматривается переход от антропоцентризма к экоцентризму, то есть восприятию природы как равноправного субъекта взаимодействия.

В отечественной литературе следует выделить работы О. Н. Яницкого [Яницкий, 2007] и С. П. Баньковской [Баньковская, 1991], чьи труды во многом заложили основу для формирования экологической социологии в нашей стране. При этом отдельные крупные работы по данной проблематике во многом уже устарели, поскольку требуется регулярная актуализация [Марар, 2012; Хапай, 2009; Ходченков, 2006]. Статей на эту тему публикуется довольно много, однако комплексный анализ происходящих изменений в них отсутствует, хотя меняется процесс экологической социализации, формы экологического активизма, в частности, под влиянием процесса цифровизации трансформируется не только влияние общества на окружающую среду, но и способы решения и обсуждения экологических проблем.

Зарубежный дискурс, в котором затрагиваются вопросы экологической культуры, отличается достаточной источниковой базой, которая указывает на давнюю традицию в изучении рассматриваемой темы. Анализ накопленного исследовательского опыта позволяет выделить ряд особенностей зарубежного подхода к данной проблематике.

Первое, что обращает на себя внимание, это терминологическая специфика. В качестве «аналога» русскоязычного понятия «экологическая культура» в англоязычном дискурсе чаще всего используется термин «инвайронментальная культура» (*environmental culture*) [Plumwood, 2002; Khuc, 2021; Spínola, 2021; Al Doghan et al., 2022; Hannigan, 2022; Khuc et al., 2023; Kiefer, Carrillo-Hermosilla, del Río, 2024; González-Ordóñez, 2024; Hemmati, Rezaei, Shobeiri, 2024]. Хотя указанные категории часто используются как синонимы, с позиции авторов данной статьи они все-таки имеют различия. Экологическая культура подразумевает систему отношений социальных агентов с окружающей средой, основанную на определенном ценностном базисе, поэтому неотъемлемым условием для развития экологической культуры является развитие экологического сознания. В определении инвайронментальной культуры внимание чаще акцентируется на социально-экологическом проектировании и управлении, что позволяет проводить различие между данными понятиями.

В зарубежных исследованиях также часто упоминается термин «экологическое поведение», причем данное понятие довольно близко отечественному концепту «экологическая культура» [Курбанов, Прохода, 2019: 352]. Его появление в англоязычной библиографии связано с одноименной книгой австралийского философа В. Плавуд, которая «не дает определения экологической культуры, но обосновывает ее необходимость как условия преодоления экологического кризиса» [цит. по: Spínola, 2021]. Э. Спинола, анализируя работы российских авторов по данной теме, отмечает, что часто под экологической культурой понимают экологическую грамотность или образование, однако это сужает ее изначальную трактовку в работах Л. Когана [ibid.: 988].

Несмотря на относительно долгую историю термина «экологическая культура», не существует единого подхода к его определению. Более того, это понятие

употребляется наряду с такими как «экологическое поведение», «экологическое сознание», «экологические практики» и другие. Тем не менее чаще всего экологическая культура трактуется как система стандартов, ценностных и иных характеристик отношения различных субъектов к окружающей их среде. Подобное емкое определение дал О. Н. Яницкий: «Экологическая культура — ценностное отношение некоторого социального субъекта (индивид, группа, сообщество) к среде своего обитания: локальной, национальной, глобальной» [Яницкий, 2005: 136]. Определение не только фиксирует ценностный и даже фактически этический элемент, но и подчеркивает наличие у экологической культуры разных уровней, а также ее носителей.

Современные зарубежные авторы предлагают более широкую трактовку термина «экологическая культура». Э. Спинола дает следующее определение: «Экологическая культура — сложная система кодексов, стандартов и форм организации, разделяемых обществом или социальной группой, усвоенная посредством образования и социализации и способствующая поддержанию экологического равновесия. Она проявляется через нормы, убеждения, ценности, концепции, знания, привычки, практики, ожидания, образ жизни, институты и модели социальной и экономической организации, которые в целом обеспечивают экологическую устойчивость сообщества» [Spínola, 2021: 988]. Определение подчеркивает, с одной стороны, институциональный характер экологической культуры, с другой стороны — ее реализацию через повседневные практики каждого конкретного индивида.

Наряду с концептуальными аспектами зарубежный дискурс по экологической культуре отличается разнообразием тем и подходов, что обусловлено включением в исследовательскую повестку наряду с традиционными глобальными экологическими проблемами локальных особенностей их проявления. Обзор и систематизация научных публикаций по данной теме позволяют выделить ряд актуальных направлений, которые можно условно разделить на два блока: теоретические и практико-ориентированные.

Первая группа (теоретические исследования) включает работы, посвященные переосмыслению сложившихся в науке теоретических подходов к изучению экологической культуры в контексте современных вызовов [Schuurman et al., 2022; Nguyen, Le, Vuong, 2023; Navarro, Tudge, 2023; Shackleton et al., 2021; Kanazawa, 2023]. Все чаще проблематика экологической культуры анализируется в контексте критического дискурса традиционных подходов управления экосистемой, в которых игнорируется их усиливающаяся нестабильность, необратимость и скорость этих изменений из-за длительного воздействия антропогенных факторов, что приводит к сокращению периодов стабильности в состоянии экосистемы [Schuurman et al., 2022: 16—29]. В связи с этим для создания новой парадигмы управления ресурсами необходим новый подход человека к окружающей среде, что обосновывает потребность в конструировании экологической стратегии на основе экологического мышления и поведения [Schuurman et al., 2022: 16—29].

Другая группа включает эмпирические исследования отдельных аспектов конструирования и развития экологической культуры. В связи с их неоднородностью можно выделить несколько актуальных проблем. В условиях преобладания urba-

низированного образа жизни современных обществ анализируется, во-первых, проблематика экологической культуры в контексте городов и значимых аспектов их развития и функционирования [Meloni, Fornara, Carrus, 2019; Huddart-Kennedy et al., 2009; Shi et al., 2021; Sheasby, Smith, 2023].

Во-вторых, распространенным направлением в эмпирических исследованиях экологической культуры выступает ее изучение во взаимосвязи с культурно-историческим наследием, через анализ которого обосновывается необходимость учета опыта, практик, экологического мировоззрения, накопленных в процессе адаптации в рамках конкретных условий жизнедеятельности, а сам феномен экологической культуры рассматривается как непосредственный результат, отражающий специфику этого наследия длительного взаимодействия человека и природы [Das et al., 2022]. В данной трактовке экологическую культуру нельзя привести извне, она рождается как результат взаимодействия этноса и вмещающего этот этнос ландшафта. При этом сам ландшафт выступает как основа конструирования определенных представлений, норм и практик, которые посредством традиций и обрядов находят закрепление в культурных кодах и системе ценностей.

В-третьих, внимание исследователей привлекает анализ поколенческой приверженности экологическим ценностям и практикам. В этой связи обзор результатов исследований экологического поведения демонстрирует проявление устойчивой тенденции «проэкологичности» у представителей поколения Z, особенно жителей мегаполисов, по сравнению с другими социально-демографическими группами [Ivković, Mandić, 2024]. В этом контексте одним из значимых аспектов выступает изучение особенностей формирования экологической культуры, что в исследовательском дискурсе связано с теорией экосоциализации [Keto, Foster, 2021]. Основу данного подхода составляют феноменологические идеи конструирования экологического знания в процессе взаимодействия человека и природы, в результате которого человек формируется как экосоциальное существо, развивающееся в тесной взаимосвязи со всей живой биотой [Keto, Foster, 2021].

Кроме выявленных характеристик современного зарубежного дискурса об экологической культуре также следует отметить расширение географии исследований: наряду с работами традиционных представителей из западноевропейской и американской науки в исследование этих проблем все активнее включаются ученые из стран Латинской Америки, Восточной Азии и Китая [Khuc et al., 2023; Husin, Faisal, Purwaningsih, 2023; Zhao, Selamat, 2023; Xiufan, Yunqiao, 2024].

В российской социологии экологическая культура как комплекс ценностей, знаний и практик, регулирующих взаимодействие человека с природой, стала одним из ключевых объектов социологических исследований в условиях глобального экологического кризиса [Ахтырский, 2022; Зеленова, Сидельников, 2020]. В настоящее время лишь небольшое количество работ посвящено теоретико-методологическим основаниям изучения экологической культуры (см., например, [Зеленова, Сидельников, 2020; Пожарская, Деева, 2024]), большинство носит эмпирический характер и обладает некоторой спецификой. Так, широко распространенные эмпирические исследования экологической культуры молодежи чаще всего концентрируются на опросах в крупных городах (зачастую речь идет об од-

ном городе, регионе или конкретной небольшой группе (см., например, [Валеева, 2023; Деревянченко, Ананьева, 2019]). Чаще всего объектом изучения становится молодежь Москвы [Тихомиров, 2018], в то время как многие другие регионы остаются вне исследовательского интереса. Важную роль играет анализ образования, которое, по мнению большинства исследователей, становится ключевым фактором формирования экологической культуры (см., например, [Усачева, 2019]). В российских исследованиях большое внимание уделяется также правовым аспектам [Зеленова, Сидельников, 2020; Коданева, 2024]. В целом отечественные работы часто имеют фрагментарный характер, поскольку внимание уделяется либо отдельным социальным группам, либо каким-то аспектам проблемы, что не позволяет формулировать рабочие рекомендации вследствие отсутствия комплексного анализа.

Особенности экологической культуры в современной России

В России после реализации задачи по построению экологической инфраструктуры (например, системы переработки твердых бытовых отходов) интерес государственной власти постепенно смещается к формированию экологической культуры, которая позволит обеспечить эффективное функционирование создаваемой технологической системы, а также стать самостоятельным драйвером экологического развития страны. В период реализации государственной политики в области экологического развития России до 2030 г. наряду с мониторингом и конкретными мерами по защите окружающей среды от деградации и загрязнения уделяется внимание «формированию экологической культуры, развитию экологического образования и воспитания»⁷. Следующим шагом после реализации проекта «Экология» (2019—2024) стал национальный проект «Экологическое благополучие», который в более широком ключе обсуждает решения актуальных для России экологических проблем⁸.

Важно понимать, что в самом общем виде утверждение о наличии у того или иного общества экологической культуры не говорит об устоявшихся формах и практиках взаимодействия различных социальных групп и отдельных индивидов с окружающей средой, направленных на ее защиту. В зависимости от способа позиционирования человека в окружающей его среде (прежде всего природной) можно выделить антропоцентрическую культуру, когда природа рассматривается в качестве ресурса для удовлетворения потребностей человека; эоцентрическую культуру, когда человек представляет собой одну из частей экосистемы, нуждающейся в балансе; биоцентрическую культуру, в рамках которой человек анализируется наравне с другими формами жизни, которые также нуждаются в защите (речь идет, например, о правах животных). Выделяют также и другие виды, например, О. Н. Яницкий писал об элитарной и массовой экологической культуре [Яницкий, 2005].

⁷ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2012 г. № 2423-р. (в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 27 мая 2024 г. № 1285-р). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/ (дата обращения: 10.04.2025).

⁸ Экологическое благополучие // Национальные проекты.пф. URL: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/ekologicheskoe-blagopoluchie/> (дата обращения 10.04.2025).

Экологическая культура современного российского общества обладает своими особенностями. Она обусловлена не только социальными причинами (например, особенностями государственного управления), но и характеристиками территории, наличием или отсутствием конкретных природных ресурсов, разнообразием ландшафта и др. Так, наличие обширных незаселенных территорий и значительных ресурсов не способствует формированию бережного к ним отношения. Все это накладывает отпечаток и на современное отношение к защите окружающей среды. Как пишет отечественный ученый А. Л. Маршак, «...ни историческая, ни идеологическая социокультурная парадигма экологии долгое время в полной мере не вписывалась в нормативный менталитет современного российского общества, но с середины 80-х гг. начинается резкое усиление внимания к экологическим проблемам» [Маршак, 2003]. Однако многие социальные практики, направленные на сохранение окружающей среды, которые были сформированы в позднесоветское время, оказались утрачены на рубеже XX—XXI веков.

Если говорить об экологической культуре современных российских городов, то ее уровень довольно часто оценивают как низкий. Например, в рамках Европейского социального исследования (European Social Survey), в котором Россия принимала участие с 2006 по 2016 г., как раз в последний из указанных год проводился сравнительный анализ установок жителей разных европейских стран по таким вопросам, как изменение климата, энергетическая безопасность и энергетические предпочтения⁹. Результаты данного исследования стали основанием для того, чтобы сделать вывод о низком уровне экологической культуры в России по сравнению с другими странами [Курбанов, Прохода, 2019: 364], однако представляется, что это не вполне соответствует действительности, поскольку в Европейском социальном исследовании 2016 г. оценивались лишь отдельные ее составляющие, такие как предпочтительность разных видов энергии и информированность об изменении климата. Более того, оценка установок, связанных с энергетическими предпочтениями, проводилась на основании представлений о «зеленой энергетике», доминирующих в западноевропейских странах, но являющихся дискуссионными для остального мира [Ивановский, 2022], что справедливо и в отношении «зеленой экономики» в целом [Вершинина и др., 2025]. Экологический алармизм и распространение экокфобии (экологической тревожности) среди населения ряда европейских стран, то есть уверенность в катастрофических последствиях изменения климата, вряд ли можно рассматривать как показатель высокого уровня экологической культуры, тем более что экологические движения зачастую становятся инструментом экономической и политической борьбы [Хайнацкая, 2021; Шатилов, 2019]. Кроме того, сегодня ряд исследователей склоняется к тому, что роль экологического алармизма скорее деструктивна [Шелленбергер, 2022].

Результаты исследования ВЦИОМ, опубликованные в начале 2025 г., свидетельствуют, что более 90 % россиян знают о проблеме изменения климата, хотя большинство из них считают, что они лишь поверхностно осведомлены о данном

⁹ European Social Survey. Round 8, 2016. Public Attitudes to Climate Change, Energy Security, and Energy Preferences URL: https://stessrelpubprodwe.blob.core.windows.net/data/methodology/Theme/climate_change/ESS8_climate_change_proposal_and_question_design_template.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

вопросе¹⁰. При этом информированность по данной теме значительно различается по регионам (самая высокая выявлена в Москве) и возрастным группам (растет с возрастом). Последнее, с одной стороны, косвенно указывает на довольно высокий уровень экологической культуры в советском обществе, который начал стремительно снижаться в 1990-е годы вследствие выхода на первый план экономических вопросов. С другой стороны, значительная доля респондентов старшего возраста готова рассматривать климатические изменения как естественное природное явление, что противоречит данным большинства современных исследований и может говорить о том, что информация, которой они владеют, не вполне актуальна. ВЦИОМ также указывает на усиление тренда на рост климатического скептицизма среди россиян¹¹. Это может осложнить реализацию национального проекта «Экологическое благополучие» и позволяет сделать вывод о необходимости разработки комплексной просветительской программы, которая могла бы способствовать популяризации экологических практик, соответствующих интересам страны.

Обобщая анализ, подчеркнем, что на пути использования экологической культуры горожан в качестве фактора и способа решения экологических проблем стоят следующие вопросы теоретического и практического характера. Первый вопрос, на который необходимо ответить, связан с концептуализацией термина «экологическая культура». Это важно не только в теоретико-методологическом плане, но и потому, что формирование соответствующих экологических практик возможно лишь при четком понимании того, какие именно элементы экологического поведения и сознания должны быть сформированы. Здесь также возникает вопрос о том, какими характеристиками должна быть наделена культура современного российского горожанина для того, чтобы отвечать вызовам, стоящим сегодня перед государством в экологическом измерении. С одной стороны, советское наследие позволяет использовать практики, которые были распространены во второй половине XX века (например, переработка стеклотары, сдача макулатуры и др.). С другой стороны, по результатам исследований ВЦИОМ, поколение, сформировавшееся еще в советское время, не всегда имеет современное представление об экологическом развитии.

Второй вопрос связан с тем, какие механизмы могут стать эффективными для формирования современной экологической культуры горожанина, с учетом того, что поколения серьезно различаются в оценке происходящих изменений и тех способов, при помощи которых они проходят экологическую социализацию.

Наконец, третьим не менее значимым вопросом является распространение в общественно-политическом дискурсе экологических проектов, которые, с одной стороны, не соответствуют приоритетам и задачам российского государства, а с другой стороны, содержат в том числе деструктивные практики, использование которых не позволит решать экологические проблемы, а ведет к гринвошингу и другим подобным результатам. Сегодня экологический эгоизм, «который проявляется в абсолютизации „зеленой идеи“ и принудительном навязывании своих

¹⁰ Глобальное потепление: миф или реальность? // ВЦИОМ. 2025. 13 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/globalnoe-poteplenie-mif-ili-realnost-2> (дата обращения: 27.04.2025).

¹¹ Там же.

субкультурных приоритетов» [Шатилов, 2019: 71], что особенно характерно для западных стран в их взаимодействии с остальным миром, отражает систему экологического неокOLONIALИЗМА, также являющуюся барьером на пути формирования экологической культуры горожан [Вершинина и др., 2025].

Экологическая культура может выступать фактором снижения экологических проблем лишь в том случае, когда понятны ее основные компоненты, а также факторы, формирующие их. Источником информации об актуальном состоянии экологической культуры современного российского общества, а также ее основных элементов могут стать российские и зарубежные исследования экологической культуры, однако необходимо учитывать серьезную идеологическую составляющую ряда из них. Составной частью национального проекта «Экологическое благополучие» неизбежно должно быть повышение экологической культуры в соответствии с теми целями, которые ставит перед собой Россия.

Заключение

Анализ современных исследований позволяет сделать вывод, что экологическая культура может и должна рассматриваться как фактор решения современных социальных проблем, связанных с изменением климата. Понимание происходящих процессов способствует преодолению зачастую необоснованной экологической тревожности и помогает выбирать конструктивные паттерны поведения, способствующие реальному, а не декларативному сохранению окружающей среды. Так, знания могут стать основой для повышения уровня экологического благополучия, позволяя оценить существующие риски и разработать способы их преодоления.

Экологическая культура формируется под влиянием различных социальных институтов и организаций. Сегодня фактически все главные социальные институты вносят свой вклад в экологическую социализацию и имеют механизмы формирования экологической культуры. К таким социальным институтам можно отнести прежде всего государство, семью, образование, культуру. Активное участие в этой деятельности принимают некоммерческие организации, деятельность которых направлена на защиту окружающей среды. Тем не менее говорить о систематическом и последовательном создании экологической культуры в настоящий момент сложно. Кроме того, важно подчеркнуть, что меняются способы формирования экологического сознания и, следовательно, экологической культуры. Так, широкое влияние оказывают различные цифровые инструменты, при помощи которых есть возможность фиксировать собственное влияние на окружающую среду.

Экологическая культура не существует автономно, она глубоко переплетена с иными формами культуры общества, а также связана с другими социальными и природными факторами. Для формирования экологической культуры, способной отвечать на современные вызовы, необходимо понимание ее основных характеристик. Более того, как отмечает Ю. В. Маслова, при определении экологической культуры важно учитывать «понимание активной субъектной роли человека в изменении природных процессов; нарастание отчужденности человеческого общества от природных процессов; фиксацию факта наличия экологического кризиса как накопления необратимых последствий воздействия человеческой культуры на природные процессы» [Маслова, 2019: 182].

Экологическая культура горожан изучена лучше по сравнению с экологической культурой сельских жителей (см. подробнее [Пожарская, Деева, 2024: 35]), поскольку последние зачастую рассматриваются как «близкие к природе», а потому более бережно относящиеся к ней. Как результат, именно жители городов, особенно больших, рассматриваются как та социальная группа, чья экологическая культура требует преобразования. Поскольку вклад городов и их жителей в изменение климата более существенный, нежели сельских районов, то неудивительно, что снижение антропогенной нагрузки городов, в том числе с помощью повышения экологической культуры их обитателей, считается важнейшим условием достижения экологического благополучия.

Исследователи подчеркивают, что формирование экологической культуры, базирующейся на экологическом образовании и воспитании, имеет свою специфику, которая, по мнению Ю. Л. Мазурова, связана с тем, что его необходимо выстраивать через соответствующие методы, такие как «ориентация на эстетику, ориентация на гигиену, оптимизация планировочной структуры жизненного пространства, экodomинирование в урбанистике, экологическое просвещение и развитие художественной культуры» [Мазуров, 2023: 188]. При этом важно учитывать, что экологический алармизм зачастую деструктивен по своим последствиям для окружающей среды [Шелленбергер, 2022], поэтому не климатическая тревожность, а знания и сформированная на их базе культура составляют основу для экологического благополучия.

Список литературы (References)

1. Ахтырский А. А. Объективизация развития экологической культуры в России: социологический анализ // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1. С. 16—24. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-1-16-24>
Akhtirskii A. A. (2022) Objectivization of the Development of Environmental Culture in Russia: Sociological Analysis. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 1. P. 16—24. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-1-16-24>. (In Russ.)
2. Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991.
Bankovskaya S. P. (1991) *Environmental Sociology*. Riga: Zinatne. (In Russ.)
3. Валеева М. В. Экологическое сознание и поведение современной студенческой молодежи: социологический анализ // Социодинамика. 2023. № 7. С. 53—63. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.7.43907>.
Valeeva M. V. (2023) Ecological Consciousness and Behavior of Modern Students: A Sociological Analysis. *Sociodynamics*. No. 7. P. 53—63. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.7.43907>. (In Russ.)
4. Вершинина И. А., Лядова А. В., Мартыненко Т. С., Григорьева Е. А. Неоколониальное измерение зеленой экономики // Век глобализации: исследование современных глобальных процессов. 2025. № 1. С. 139—150. <https://doi.org/10.30884/vglob/2025.01.12>.
Vershinina I. A., Lyadova A. V., Martynenko T. S., Grigoryeva E. A. (2025) The Neo-Colonial Dimension of the Green Economy. *The Age of Globalization: A Study of*

Contemporary Global Processes. No. 1. P. 139—150. <https://doi.org/10.30884/vglob/2025.01.12>. (In Russ.)

5. Деревянченко А. А., Ананьева А. А. Проблемы формирования экологической культуры студенческой молодежи современной России // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 6. С. 5—13. <https://doi.org/10.17805/trudy.2019.6.1>.
Derevyanchenko A. A., Ananyeva A. A. (2019) Issues of the Formation of Ecological Culture Among University Students in Modern Russia. *Scientific Works of the Moscow Humanitarian University*. No. 6. P. 5—13. <https://doi.org/10.17805/trudy.2019.6.1>. (In Russ.)
6. Зеленова Д. А., Сидельников А. Г. Экологическая культура: понятие и формирование в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2020. № 10. С. 19—20. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2020_10_19.
Zelenova D. A., Sydelnikov A. G. (2020) Ecological Culture: Concept and Formation in Modern Conditions. *Agrarian and Land Law*. No. 10. P. 19—20. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2020_10_19. (In Russ.)
7. Ивановский Б. Г. Проблемы и перспективы перехода к «зеленой» энергетике: опыт разных стран мира (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 1. С. 58—78.
Ivanovskiy B. G. (2022) Problems and Prospects of Transition to Green Energy: Experience of Different Countries of the World (Review). *Economic and Social Problems of Russia*. No. 1. P. 58—78. (In Russ.)
8. Коданева С. И. Экологическая культура граждан России: конституционное закрепление и нормативное обеспечение ее формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 2. С. 407—423. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-407-423>.
Kodaneva S. I. (2024) Ecological Culture of Russian Citizens: Constitutional Consolidation and Regulatory Support of its Formation Practice. *RUDN Journal of Law*. Vol. 28. No. 2. P. 407—423. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-407-423>. (In Russ.)
9. Коган Л. Н. Экологическая культура развитого социалистического общества. М.: Гардарики, 2006.
Kogan L. N. (2006) *The Ecological Culture of a Developed Socialist Society*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
10. Курбанов А. Р., Прохода В. А. Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 347—370. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17>.
Kurbanov A. R., Prokhoda V. A. (2019) Ecological Culture: An Empirical Projection (Attitudes of Russians Towards Climate Change). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 347—370. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17>. (In Russ.)

11. Мазуров Ю. Л. Экологическое воспитание в городе: тренды ретроспекции // Образование и город: Третья миссия университета. Ресурсы взаимного развития: сборник статей по итогам Пятого и Шестого ежегодных международных симпозиумов. 2022—2023 / под ред. С. Н. Вачковой. М.: А-Приор, 2023. С. 176—192.
Mazurov Yu. L. (2023) Environmental Education in the City: Retrospective Trends. In: Vachkova S. N. (ed.) *Education and the City: The Third Mission of the University. Resources for Mutual Development: a Collection of Articles Based on the Results of the Fifth and Sixth Annual International Symposia. 2022—2023*. Moscow: A-Prior. P. 176—192. (In Russ.)
12. Марар О. И. Экологическая культура в современном российском обществе: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2012.
Marar O. I. (2012) *Ecological Culture in Modern Russian Society*. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
13. Маршак А. Л. Глобальная экологическая культура общества как фактор формирования социальной толерантности // Общество и право. 2003. № 1. С. 38—51.
Marshak A. L. (2003) Global Ecological Culture of Society as a Factor in the Formation of Social Tolerance. *Society and Law*. No. 1. P. 38—51. (In Russ.)
14. Маслова Ю. В. Экологическая культура современного российского общества: сущностные черты и тенденции семантических трансформаций // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 4. С. 178—188. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.19>.
Maslova J. V. (2019) Ecological Culture of Modern Russian Society: Essential Features and Trends of Semantic Transformation. *Humanitarian of the South of Russia*. Vol. 8. No. 4. P. 178—188. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.19>. (In Russ.)
15. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3—12.
Park R. (2002) The City as a Social Laboratory. *Sociological Review*. Vol. 2. No. 3. P. 3—12. (In Russ.)
16. Пожарская К. А., Деева Ю. С. Понятие «экологическая культура» в свете историографии и его приложение применительно к русскому крестьянству // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 6. С. 34—40. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2024\)6-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2024)6-04).
Pozharskaya K. A., Deeva Yu. S. (2024) Concept of “Ecological Culture” in the Context of Historiography and Its Application to the Russian Peasantry. *Izvestiya of Altai State University*. No. 6. P. 34—40. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2024\)6-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2024)6-04). (In Russ.)
17. Романовский Н. В. О современном этапе развития социологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 22—31.
Romanovskij N. V. (2007) On the Current Stage of Development of Sociology. *Sociological Studies*. No. 1. P. 22—31. (In Russ.)

18. Тихомиров Д. А. Экологическое сознание молодежи Москвы // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 65—73.
Tihomirov D. A. (2018) Environmental Awareness of Moscow Youth. *Horizons of Humanitarian Knowledge*. No. 2. P. 65—73. (In Russ.)
19. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело», 2018.
Urry J. (2018) *What is the Future?* Moscow: Delo. (In Russ.)
20. Усачева И. Н. Проблемы формирования экологической культуры в образовании // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 12—2. С. 388—394.
Usacheva I. N. (2019) Problems of Formation of Environmental Culture in Education. *Modern Science-Intensive Technologies*. No. 12—2. P. 388—394. (In Russ.)
21. Хайнацкая Т. И. Экологический алармизм как политический дискурс // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. № 2. С. 53—73.
Khainatskaya T. I. (2021) Environmental Alarmism as a Political Discourse. *South-Russian Journal of Social Sciences*. No. 2. P. 53—73. (In Russ.)
22. Хапай Н. А. Экологическая культура молодежи современной России: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
Khapai N. A. (2009) *Ecological Culture of Youth of Modern Russia: Sociological Analysis*. PhD Thesis. Rostov-on-Don. (In Russ.)
23. Ходченков А. В. Экологическая культура российской молодежи: состояние и тенденции трансформации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.
Khodchenkov A. V. (2006) *Ecological Culture of Russian Youth: State and Tendencies of Transformation*. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
24. Шатилов А. Б. Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 70—77.
Shatilov A. B. (2019) Ecology and Politics: Destructive Aspects of the Ideology of Environmentalism and the Activities of Environmental Organizations. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. No. 4. P. 70—77. (In Russ.)
25. Шелленбергер М. Конца света не будет. Почему экологический алармизм причиняет нам вред. М.: АСТ, 2022.
Shellenberger M. (2022) *The End of the World Will Not Happen. Why Environmental Alarmism Harms Us*. Moscow: AST. (In Russ.)
26. Яницкий О. Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. М.: Наука, 2007.
Yanitsky O. N. (2007) *Ecological Culture: Essays on the Interaction of Science and Practice*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
27. Яницкий О. Н. Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики // История и современность. 2005. № 1. С. 136—151.
Yanitsky O. N. (2005) Ecological Culture of Russia in the Twentieth Century: An Essay on Socio-Cultural Dynamics. *History and Modernity*. No. 1. P. 136—151. (In Russ.)

28. Al Doghan M. A., Abdelwahed N. A. A., Soomro B. A., Ali Alayis M. M. H. (2022) Organizational Environmental Culture, Environmental Sustainability and Performance: The Mediating Role of Green HRM and Green Innovation. *Sustainability*. Vol. 14. No. 12. P. 7510. <https://doi.org/10.3390/su14127510>.
29. Anguelovski I., Connolly J. J. T., Cole H., Garcia-Lamarca M., Triguero-Mas M., Baró F., Martin N., Conesa D., Shokry G., Pérez del Pulgar C., Argüelles Ramos L., Matheney A., Gallez E., Oscilowicz E., López Máñez J., Sarzo B., Beltrán M. A., Martínez Minaya J. (2022) Green Gentrification in European and North American Cities. *Nature Communications*. No. 13. Art. 3816. <https://doi.org/10.1038/s41467-022-31572-1>.
30. Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage.
31. Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*. Cambridge: Polity Press.
32. Bulkeley H., Andonova L., Bäckstrand K., Betsill M., Compagnon D., Duffy R., Kolk A., Hoffmann M., Levy D., Newell P., Milledge T., Paterson M., Pattberg Ph., VanDeveer S. (2012) Governing Climate Change Transnationally: Assessing the Evidence from a Database of Sixty Initiatives. *Environment and Planning C*. Vol. 30. No. 4. P. 591—612. <https://doi.org/10.1068/c11126>.
33. Crutzen P. J. (2006) The 'Anthropocene'. In: Ehlers E. and Krafft Th. (eds.) *Earth System Science in the Anthropocene*. New York: Springer. P. 13—18.
34. Crutzen P. J., Stoermer E. F. (2000) The "Anthropocene". *Global Change Newsletter*. No. 41. P. 17—18.
35. Das M., Das A., Seikh S., Pandey R. (2022) Nexus between Indigenous Ecological Knowledge and Ecosystem Services: A Socio-Ecological Analysis for Sustainable Ecosystem Management. *Environmental Science and Pollution Research*. Vol. 29. No. 41. P. 61561—61578. <https://doi.org/10.1007/s11356-021-15605-8>.
36. Dunlap R. E., Catton W. R. (1992—1993) Toward an Ecological Sociology: The Development, Status, and Probable Future of Environmental Sociology. *Annals of the International Institute of Sociology*. Vol. 3. P. 263—284.
37. Dunlap R. E., Jones R. E. (2002) Environmental Concern: Conceptual and Measurement Issues. In: *Handbook of Environmental Sociology*. Westport: Greenwood Press.
38. González-Ordóñez A. I. (2024) Valores Ambientales, Cultura Ambiental y Sostenibilidad Empresarial. *Revista Científica Episteme & Praxis*. Vol. 2. No. 2. P. 26—33. <https://doi.org/10.62451/rep.v2i2.47>.
39. Hannigan J. (2022) *Environmental Sociology*. London, New York: Routledge.
40. Hemmati Z., Rezaei M., Shobeiri S. M. (2024) Qualitative Study of Determinants of Environmental Culture. *Quarterly Journal of Social Development (Previously Human Development)*. Vol. 18. No. 4. P. 67—92. <https://doi.org/10.22055/QJSD.2023.39325.2559>.

41. Hodson M., Marvin S. (2010) *World Cities and Climate Change: Producing Urban Ecological Security*. Maidenhead: Open University Press.
42. Huddart-Kennedy E. et al. (2009) Rural-Urban Differences in Environmental Concern in Canada. *Rural Sociology*. Vol. 74. No. 3. P. 309—329. <https://doi.org/10.1526/003601109789037268>.
43. Husin A., Faisal M., Purwaningsih D. (2023) Adiwiyata Schools: Obstacles and Expectations of Environmental Culture Implementation at State Junior High Schools in Palembang. *JPPI (Jurnal Penelitian Pendidikan Indonesia)*. Vol. 9. No. 4. P. 74—82. <https://doi.org/10.29210/020232261>.
44. Ivković D., Mandić A. (2024) Psychological and Socio-Demographic Drivers of Pro-Environmental Behaviour in Generation Z. In: Islam N. U., Chaudhary M., Vukadin I. M. (eds.) *Tourism in a VUCA World: Managing the Future of Tourism*. Leeds: Emerald Publishing Limited. P. 119—141.
45. Jon I. (2021) *Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics*. London: Pluto Press.
46. Kanazawa M. (2023) *Research Methods for Environmental Studies: A Social Science Approach*. London, New York: Routledge.
47. Keto S., Foster R. Ecosocialization—An Ecological Turn in the Process of Socialization. *International Studies in Sociology of Education*. 2020. Vol. 30. No. 1—2. P. 34—52. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1854826>.
48. Khanna P. (2016) *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York, NY: Random House.
49. Khuc Q. V. (2021) Environmental Culture Thoughts to Make a Better World for our Nature and Children. *OSF Preprints*. <https://osf.io/g5zex>.
50. Khuc Q. V., Tran M., Nguyen T., Nguyen A. T., Dang T., Tuyen D. T., Pham P., Dat L. Q. (2023) Improving Energy Literacy to Facilitate Energy Transition and Nurture Environmental Culture in Vietnam. *Urban Science*. Vol. 7. No. 1. P. 1—17. <https://doi.org/10.3390/urbansci7010013>.
51. Kiefer C. P., Carrillo-Hermosilla J., del Río P. (2024) How does Corporate Environmental Culture Enable the Eco-Innovation Transition of Firms Towards the Circular Economy? *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. Vol. 31. No. 6. P. 5911—5937. <https://doi.org/10.1002/csr.2888>.
52. Latour B., Schultz N. (2022) *On the Emergence of an Ecological Class: A Memo*. Cambridge: Polity.
53. Malm A., Hornborg A. (2014) The Geology of Mankind? A Critique of the Anthropocene Narrative. *The Anthropocene Review*. Vol. 1. No. 1. P. 62—69.
54. Meloni A., Fornara F., Carrus G. (2019) Predicting Pro-Environmental Behaviors in the Urban Context: The Direct or Moderated Effect of Urban Stress, City Iden-

- tity, and Worldviews. *Cities*. Vol. 88. P. 83—90. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.01.001>.
55. Navarro J. L., Tudge J. R. H. (2023) Technologizing Bronfenbrenner: Neo-Ecological Theory. *Current Psychology*. Vol. 42. No. 22. P. 19338—19354. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02738-3>.
 56. Nguyen M. H., Le T. T., Vuong Q. H. (2023) Ecomindsponge: A novel Perspective on Human Psychology and Behavior in the Ecosystem. *Urban Science*. Vol. 7. No 1. P. 1—31. <https://doi.org/10.3390/urbansci7010031>.
 57. Palme M., Salvati A. (2021) Introduction: Anthropocene or Urbanocene? In: Palme M., Salvati A. (eds.) *Urban Microclimate Modelling for Comfort and Energy Studies*. Cham: Springer. P. 1—9.
 58. Plumwood V. (2002) *Environmental Culture: The Ecological Crisis of Reason*. London, New York: Routledge.
 59. Sassen S. (2000) *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press.
 60. Schuurman G. W., Cole D. N., Cravens A. E., Covington S., Crausbay S. D., Hoffman C. H., Lawrence D. J., Magness D. R., Morton J. M., Nelson E. A., O'Malley R. (2022) Navigating Ecological Transformation: Resist—Accept—Direct as a Path to a New Resource Management Paradigm. *BioScience*. Vol. 72. No. 1. P. 16—29. <https://doi.org/10.1093/biosci/biab067>.
 61. Shackleton C. M., Cilliers S. S., Toit M., Davoren E. (2021) *The Need for an Urban Ecology of the Global South*. New York, NY: Springer International Publishing.
 62. Sheasby J., Smith A. (2023) Examining the Factors that Contribute to Pro-Environmental Behavior between Rural and Urban Populations. *Sustainability*. Vol. 15. No. 7. Art. 6179. <https://doi.org/10.3390/su15076179>.
 63. Shi J., Xu K., Si H., Song L., Duan K. (2021) Investigating Intention and Behaviour Towards Sorting Household Waste in Chinese Rural and Urban—Rural Integration Areas. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 298. Art. 126827. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126827>.
 64. Spínola H. (2021) Environmental Culture and Education: A New Conceptual Framework. *Creative Education*. Vol. 12. No. 5. P. 983—998. <https://doi.org/10.4236/ce.2021.125072>.
 65. Xiufan Z., Yunqiao L. L. (2024) CIO Leadership, Employee Digital Ability, and Corporate Green Innovation Performance—Moderating Effect of Organizational Agility and Environmental Culture. *Environment, Development and Sustainability*. Vol. 27. P. 24585—24628. <https://doi.org/10.1007/s10668-024-05581-7>.
 66. Zhao Z., Selamat H. (2023) Determinants of Environmental Practices with the Mediating Effect of Environmental Culture. *Asia Pacific Journal of Business, Humanities and Education*. Vol. 8. No. 1. P. 61—74.

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): сентябрь — октябрь 2025 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 185—199.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): September — October 2025. (2025) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 185–199.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 2025

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Методы опроса: (1) телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1 600 респондентов в возрасте от 18 лет (выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ); (2) интернет-опрос по формализованной анкете на базе вероятностной панели «ВЦИОМ-онлайн» (участники панели рекрутируются в ходе ежедневного всероссийского телефонного (CATI) опроса «Спутник», который проводится по случайной (RDD) выборке мобильных номеров из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ). Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5—3,1 %. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЯН: МОНИТОРИНГ186

БЫСТРЫЕ ДЕНЬГИ ПО-ВЗРОСЛОМУ: ЭВОЛЮЦИЯ МИКРОЗАЙМОВ189

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Я ТОЛЬКО ЖИТЬ НАЧИНАЮ: НА ПЕНСИЮ ПЕРЕХОЖУ!192

ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВО195

ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ198

Авторы аналитических обзоров: Татьяна Смак, Мария Атаева

Составитель дайджеста: Светлана Бирюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЯН: МОНИТОРИНГ186

БЫСТРЫЕ ДЕНЬГИ ПО-ВЗРОСЛОМУ: ЭВОЛЮЦИЯ МИКРОЗАЙМОВ189

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЯН: МОНИТОРИНГ

13 сентября 2025 г.

История бизнеса в современной России непроста: он развивался в условиях экономических трансформаций, неоднозначного общественного восприятия, кризисов и высокой регуляторной нагрузки. Последние 15 лет индекс восприятия предпринимательства уверенно рос и закрепился на высоком уровне, для большинства предпринимательство стало позитивно воспринимаемой частью экономики.

Десять лет назад на вопрос об отношении к частным предпринимателям многие респонденты выбирали ответы «скорее хорошо», оставляя пространство для сомнений, однако сегодня большинство уверенно называет вариант «хорошо», то есть доверие бизнесу в целом стало более определенным. Единственное поколение, чье отношение к бизнесу осталось сдержанным, — это поколение оттепели: видимо, дает о себе знать память о другом экономическом укладе.

Интерес к бизнесу в России в долгосрочной перспективе растет, но колеблется в зависимости от экономической ситуации. За последние 15 лет в России выросла доля тех, у кого уже есть собственный бизнес, сегодня это почти каждый десятый. Но «предпринимательская мечта» перестает быть массовой: новых энтузиастов почти не прибавляется, а число разочаровавшихся заметно увеличилось (тех, кто хотел, но передумал). Большинство россиян по-прежнему предпочитают оставаться в стороне от бизнеса.

При высоком положительном уровне восприятия предпринимательства в обществе в целом готовность лично включаться в бизнес остается ограниченной. Мужчины в этом вопросе значительно активнее, тогда как среди женщин индекс предпринимательской готовности почти в полтора раза ниже.

Наибольшую готовность проявляют миллениалы и поколение цифры, именно они формируют ядро будущего предпринимательства. В то же время у старших поколений показатели снижаются, условный рубеж приходится на 40—45 лет, после которых не только резко сокращается предпринимательский потенциал, но и падает симпатия к бизнесменам.

Фактически предпринимательская инициатива сосредоточена в молодых и средневозрастных группах мужчин, а общественное одобрение бизнеса среди женщин не трансформируется в готовность к личному участию. Можно сказать, женская предпринимательская активность пока остается резервом, который может быть раскрыт при создании специальных условий и программ поддержки или при расширении ниш для женского бизнеса.

Отказ от предпринимательства складывается из сочетания личных и институциональных барьеров. Треть россиян, не желающих открывать собственное дело, объясняют это личными причинами — отсутствием интереса, предпринимательских качеств или необходимых знаний. Заметна и группа объективных ограни-

чений: возраст, здоровье, пенсия. Существенную роль играют и представления о системных барьерах, таких как высокие налоги, инфляция, слабая поддержка государства, высокая конкуренция, конкурентные и бюрократические сложности входа в бизнес. Часть опрошенных не готовы идти в бизнес, потому что не имеют стартового капитала, а также потому что их устраивает текущее место работы.

Иными словами, бизнес зачастую воспринимается как сложная, рискованная деятельность для людей с особым складом характера. Даже при полном отсутствии административных барьеров спрос на него, скорее всего, не станет массовым.

Среди направлений для открытия бизнеса россияне чаще называли торговлю, сельское хозяйство и сферу услуг. Молодые поколения в большей степени связывают свои планы с современными и креативными сферами, дизайном, IT и творчеством, а также общественным питанием. Старшие поколения, напротив, чаще выбирают традиционные форматы (торговля). То есть разные поколения по-разному воспринимают предпринимательство: у одних это стремление к инновациям и самореализации, у других — к стабильности и предсказуемости.

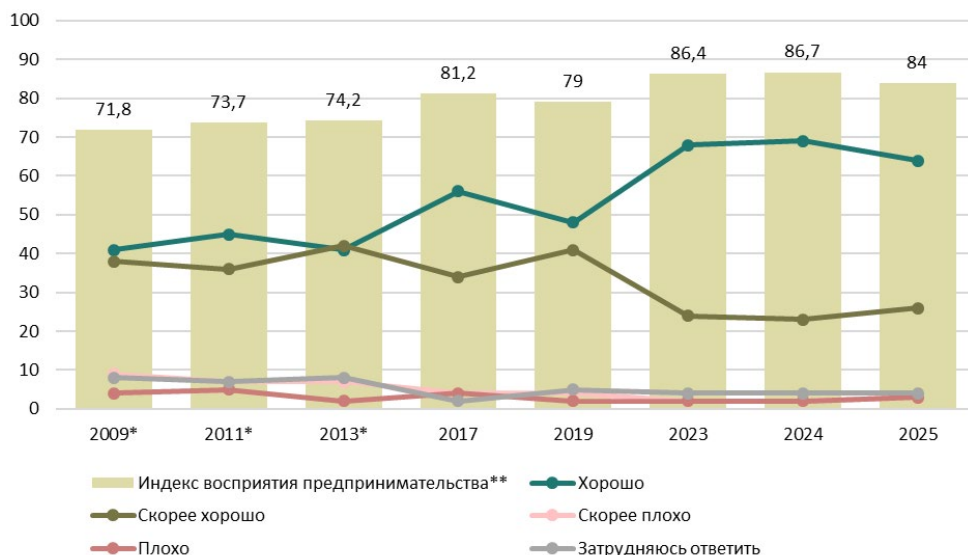
Заметны и гендерные различия: мужчины чаще выбирают технические и производственные направления (строительство, автосервис, деревообработку, IT), женщины — более «сервисные» и «креативные» сферы (салоны красоты, швейное дело, творчество, образование).

Россиян можно разделить на четыре группы, каждая из которых по-разному смотрит на предпринимательство:

1. Бывшие энтузиасты (15 %) — те, кто когда-то мечтал о собственном деле, но в итоге отказался от этой идеи. Они хорошо относятся к предпринимателям, но сами уже не готовы рисковать. Максимум таковых приходится на поколение цифры и граждан с очень хорошим материальным положением.
2. Дистанцированные (43 %) — это скорее группа поддержки малого и среднего бизнеса. Они позитивно воспринимают предпринимательство, но сами не стремятся к такому пути. В группе больше женщин, людей старшего возраста и жителей небольших городов, сел; людей со средним образованием и ниже, а также со средним уровнем дохода, для которых, видимо, важнее понятная стабильность, чем риск.
3. Практики (10 %) — ядро предпринимательства, те, у кого уже есть бизнес или кто занимается открытием своего дела. Среди них больше мужчин, старших миллениалов, людей с высшим образованием и хорошим доходом.
4. Нереализовавшиеся предприниматели (32 %) — представители этой группы демонстрируют высокий интерес и готовность к открытию своего дела, но пока не перешли в статус реальных предпринимателей или не закрепились в нем. Часть уже имеет опыт открытия своего дела, а часть планирует приступить к этому. Чаще это мужчины, молодежь (поколение цифры и младшие миллениалы) и жители мегаполисов.

В российском обществе предпринимательство воспринимается все позитивнее, но сами стратегии участия в нем расходятся: кто-то уже реализовал свои амбиции, кто-то остановился на этапе интереса, часть сознательно выбрала дистанцию. Очевидно, что потенциал для дальнейшего развития бизнеса есть, остается открытым вопрос, как его конвертировать в практику.

Рис. 1. Как Вы в целом относитесь к людям, которые занимаются частным предпринимательством (мелким и средним бизнесом)?

* До 2017 г. опросы проводились методом поквартирных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1600 респондентов.

** Индекс восприятия предпринимательства показывает, насколько позитивно россияне относятся к предпринимателям. Индекс принимает значение от 0 до 100 пунктов, чем выше значение индекса, тем более позитивное отношение к предпринимателям. Ответу «хорошо» присвоен коэффициент 1; ответу «скорее хорошо» — коэффициент 0,7; ответу «скорее плохо» — коэффициент 0,2; ответу «плохо» — коэффициент 0; ответу «затрудняюсь ответить» — коэффициент 0,3.

БЫСТРЫЕ ДЕНЬГИ ПО-ВЗРОСЛОМУ: ЭВОЛЮЦИЯ МИКРОЗАЙМОВ*19—23 сентября 2025 г.*

Сфера микрозаймов за последние годы заняла прочное место в жизни россиян, предоставляя простой и оперативный доступ к деньгам. Сегодня это уже не нишевый продукт, а важный элемент финансового рынка.

В сравнении с за мерами 2023 и 2024 гг. портрет заемщика по ключевым демографическим характеристикам остается в целом стабильным, но на фоне увеличения числа клиентов заметны несколько важных сдвигов. Стала выше доля людей старшего возраста, а также увеличилась доля заемщиков с доходами свыше 100 тысяч рублей и тех, кто занимает руководящие позиции. Все больше клиентов приходит из мегаполисов, растет доля жителей столиц — Москвы и Санкт-Петербурга. Кроме того, заемщики демонстрируют большую ответственность и осознанность при оформлении микрозаймов, а проблемы с возвратом средств становятся менее распространенными.

Потенциальные заемщики — по-прежнему люди более взрослые, чем реальные заемщики, среди них выше доля людей с высшим образованием и тех, кто оценивает свое материальное положение как среднее.

На протяжении трех последних лет причины обращения клиентов в МФО изменились мало, но заемщики стали рациональнее и осознаннее. Главным драйвером по-прежнему выступает скорость — возможность быстро получить деньги без лишних формальностей. Высоким остается значение простоты: меньше требований к документам, удобство онлайн-оформления и высокая вероятность одобрения сохраняют свои позиции в рейтинге аргументов. Часть клиентов приходит после отказа банка, но их доля за последний год снизилась.

Одновременно клиенты МФО стали осмотрительнее: все чаще внимательно читают условия займа, заранее думают о возврате и проверяют репутацию компаний: изучают информацию о компании из нескольких источников, обсуждают решение с родственниками. Постепенно снижается импульсивность («беру там, где быстрее ответили»); можно сказать, среди заемщиков медленно, но верно растет финансовая грамотность и ответственность при выборе МФО.

За все время измерений структура целей микрозаймов стала более разнообразной, но остается ориентированной на практические и бытовые нужды. Существенно за это время прибавили медицинские расходы и ремонт (как автомобилей, так и жилья). Медленно, но растет сегмент займов на образование, личные события (свадьбы, юбилеи), а также на открытие или поддержку бизнеса. Иными словами, микрофинансирование постепенно выходит за рамки «деньги до зарплаты». Одновременно снижается число тех, кто не может четко назвать цель займа — значит, использование микрозаймов становится более целевым.

Большинству заемщиков термин «нелегальный кредитор» малознаком: лишь около трети слышали его. Лично сталкивался с ситуациями, которые воспринял как нелегальное кредитование (чаще в виде звонков и рекламы, крайне редко в форме реального займа), каждый пятый.

При этом опрошенные довольно четко понимают, чем легальные игроки отличаются от серых: главным маркером называют отсутствие лицензии и регистрации. Распознают нелегальные схемы не только по формальным признакам,

но и по сомнительным практикам — навязчивой рекламе, скрытым платежам, неправомерным методам взыскания долгов, чрезмерным процентам.

При выборе между более высокой ставкой, но легальным статусом и дешевыми, но нелегальными предложениями большинство выбирает надежность: лицензия для заемщиков важнее низкого процента. При этом понимание рисков не гарантирует полного отказа от серых предложений: почти 40 % опрошенных не исключают, что могут обратиться к нелегальным кредиторам, причем среди реальных заемщиков процент выше, чем среди потенциальных. Вероятно, опыт реального заимствования делает людей более прагматичными и менее настороженными к рисковому источнику денег.

Абсолютное большинство опрошенных знакомы с понятием биометрической идентификации, но используют ее пока немногие. Лишь каждый шестой уже имел опыт использования биометрии. Среди реальных заемщиков доля пользователей биометрии почти вдвое выше, чем среди потенциальных.

Готовность использовать биометрию при оформлении займа выглядит неоднозначной: четверо из десяти заявляют, что не готовы проходить такую процедуру, каждый восьмой уже сдавал, а треть готовы попробовать, даже если ранее не сдавали биометрию. Главный барьер для тех, кто еще не сдавал биометрию, — опасения за безопасность данных: страх утечек, взлома и мошенничества. Гораздо реже звучат недоверие к технологии, нежелание передавать личную информацию, опасение излишнего контроля государства. Почти четверть отметили, что их ничего не останавливает от использования биометрии при получении займов.

Рис. 2. Возрастная структура текущих и потенциальных заемщиков микрофинансовых организаций (МФО), %

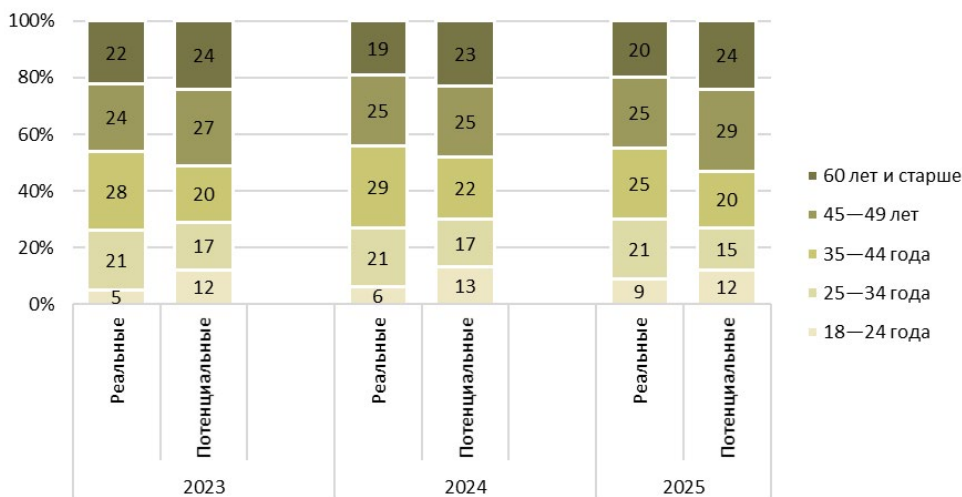
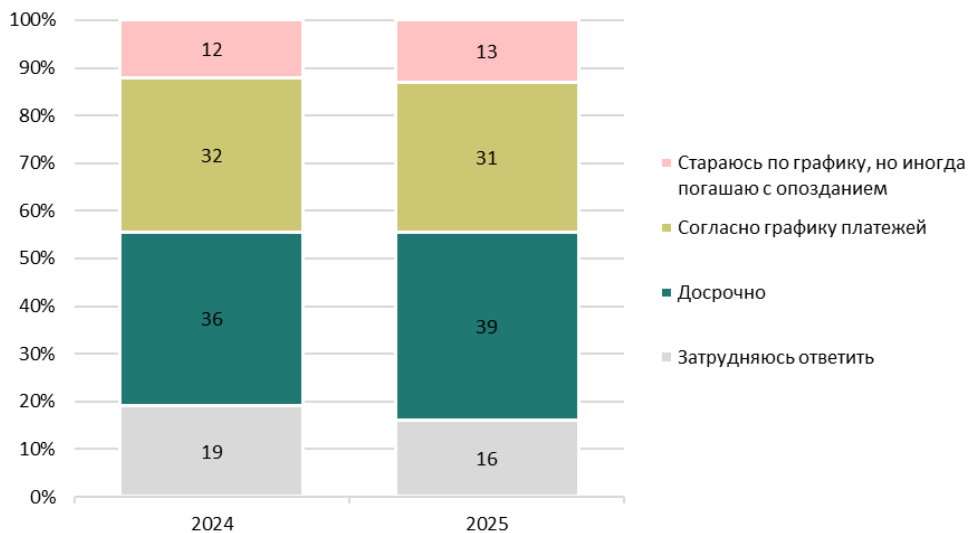

Рис. 3. Как обычно Вы погашаете займы в микрофинансовой организации (МФО)?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от текущих заемщиков)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Я ТОЛЬКО ЖИТЬ НАЧИНАЮ: НА ПЕНСИЮ ПЕРЕХОЖУ!	192
ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВО	195
ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ	198

Я ТОЛЬКО ЖИТЬ НАЧИНАЮ: НА ПЕНСИЮ ПЕРЕХОЖУ!*5 сентября 2025 г.*

За полтора последних десятилетия пенсия перестала быть для россиян символом тяжелого времени. Хотя пока еще в общественном мнении продолжают сосуществовать оба сценария пенсии — и оптимистичный, и пессимистичный, — тренд последних лет явно позитивный. При этом старшие и совсем младшие поколения неожиданно близки в своих высказываниях: и те и другие все чаще называют пенсию счастливым временем. Страхи сильнее выражены у миллениалов: на их взросление пришлось и начало трудового опыта, и повышение пенсионного возраста, и негативный информационный фон вокруг темы в целом.

Больше других пенсии боятся россияне с низким уровнем дохода: очевидно, что для них это означает сокращение и без того невысоких ресурсов, тогда как чувствующие себя в материальном плане уверенно, напротив, видят в пенсии освобождение от проблем и работы.

Женщины чаще, чем мужчины, воспринимают пенсию как позитивный этап. Возможно, они больше связывают ее с освобождением времени и переориентацией на личные интересы.

В российском обществе, по-видимому, формируется новая норма подготовки к пенсии как к инвестиционному проекту с ранним стартом. Почти треть россиян считают, что надо начинать копить на пенсию еще до 25 лет, еще четверть называет рубеж в 25—35 лет, и новые стандарты задают молодые поколения, которые, с одной стороны, росли в условиях капитализма, экономических вызовов, с другой — на фоне публичной дискуссии о финансовой грамотности и альтернативных сценариях пенсионного обеспечения.

Россияне стали относиться к пенсии прагматичнее: в последние полтора десятилетия растет процент граждан непенсионного возраста, которые рассчитывают на другие источники дохода после наступления пенсионного возраста. Чем моложе поколение, тем больше оно готово искать или создавать альтернативные источники: у поколения цифры и младших миллениалов ожидание дополнительных доходов на пенсии стало почти нормой. Чаще на «второй кошелек» рассчитывают и мужчины.

Но пока ожидания и реальность не совпадают: на практике большинство пенсионеров не имеют дополнительных доходов, пенсия становится безальтернативным источником. К тому же мужчины и женщины в пенсионном возрасте практически одинаково ограничены в дополнительных доходах, хотя в предпенсионных ожиданиях мужчины проявляют чуть больше оптимизма.

Россияне, которые не рассчитывают на пенсии иметь дополнительный доход, аргументируют это экономическими причинами (нет возможности копить), невысо-

кими запросами (буду жить на пенсию) и пессимистичным видением пенсионного возраста (не доживу / не будет здоровья / отменят пенсии).

Пока россияне молоды и не достигли пенсионного возраста, они выстраивают проактивные стратегии жизни на пенсии. Многие в этой группе рассчитывают, что будут трудиться по профессии или найдут работу полегче. Дача занимает четвертое место. Довольно распространен вариант финансовой подушки: жить на сбережения, получать доход от сдачи в аренду недвижимости или иметь дополнительную пенсию из системы частного пенсионного накопления. Иногда в планах звучат и наследство, и доходы от инвестиций, и даже идея продать жилье и потратить разницу. В целом планы непенсионеров строятся на вере в активность, финансы и инвестиции.

Реальность же менее оптимистична: стратегия пенсионеров, имеющих дополнительный к пенсии доход, скорее адаптационная, — подсобное хозяйство, доступная по силам работа или продолжение работы по профессии, а также помощь детей. При этом наибольший разрыв — в представлениях о финансовой самостоятельности: непенсионеры уверены в накоплениях, сбережениях и доходах от аренды и реже надеются на помощь детей.

Такая разница — не только следствие того, что «молодые» россияне могут переоценивать свои возможности на пенсии. По всей видимости, речь идет о более широких сдвигах, разных социально-экономических кодах старости: уход от советской модели, где пенсия — гарантированный государством финал трудового пути (когда копить на пенсию даже не приходило в голову), где дача «прокормит», а дети помогут, — к новой модели самодостаточной старости. На смену государству и семье в «новой старости» приходят сбережения и инвестиции.

За два десятилетия россияне стали не только более конкретно представлять себе, на какие источники, кроме пенсии, они могут рассчитывать, но и увеличили вариативность в ожидаемых финансовых стратегиях после выхода на пенсию: сбережения, аренда, инвестиции. При этом дача и семейная помощь остаются традиционной составляющей.

Урбанизация заметно влияет на представления о жизни на пенсии: общие для всех стратегии — работа по силам; работать по профессии чаще готовы горожане, на финансы и аренду делают ставку в основном жители мегаполисов, а на подсобное хозяйство — сельчане. На селе в целом представления о жизни на пенсии менее разнообразные и сконцентрированы вокруг земли и работы по силам. При этом довольно неожиданно, что рассчитывают на помощь детей и доходы супруга и жители мегаполисов.

Рост готовности россиян трудоспособного возраста к поиску дополнительных источников существования на пенсии во многом обусловлен устойчивым убеждением, что пенсии, которую они заработают, им не будет хватать. Хотя в текущем замере показатель демонстрирует улучшение: максимума достигла группа тех, кто уверен в будущей пенсии, в целом большинство по-прежнему настроено скептически. Немного больше оптимистов среди молодежи: зумеры и младшие миллениалы верят в будущую пенсию, но, чем ближе к реальному выходу на пенсию, тем выше пессимизм.

Рис. 1. Какое из следующих двух мнений Вам ближе?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

* До 2017 г. опросы проводились методом поквартирных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1600 респондентов.

ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВО

15 сентября 2025 г.

В разговоре о предметах искусства российская публика в большей степени отдает автору право решать, что создавать. 71 % опрошенных считают, что, создавая предмет искусства, автор должен в первую очередь думать о том, что он сам хочет выразить. Аудитория воспринимает создателя как свободного творца, а не ремесленника. И только 20 % убеждены в обратном — он должен приоритетно думать о том, что хочет, ожидает увидеть публика.

Вероятно, неоднозначность такой позиции может быть связана с размытостью понятия «искусство» в наше время. С одной стороны, мы все еще думаем о создании культурного объекта как высшей ценности (и здесь для нас видение автора первостепенно, эта сфера развивается именно благодаря новым идеям и подходам). Мы ждем от автора пояснения, своеобразной инструкции: что он хотел выразить, как нам «читать этот объект искусства». С другой — искусство становится постоянным спутником нашей повседневной жизни. И если раньше, чтобы приобщиться к «высокому», нужно было приложить больше усилий (посетить музей, театр и т. д.), то сегодня достаточно разблокировать экран своего смартфона. И создание трендового контента в социальных сетях (который, как показывают наши исследования, молодежью также воспринимается как объект искусства) — это как раз тот самый пример, когда автор, чтобы быть замеченным, должен учитывать в первую очередь вкусы и пожелания своей реальной или потенциальной аудитории. И главной здесь становится реакция зрителей на контент.

Несмотря на то что большинство признают важность авторской задумки, россияне отстаивают свое право на свободу в интерпретации. Отвечая на вопрос: «Что лично для вас главное в предмете искусства?», уже 44 % отмечают, что это смысл, считываемый зрителем. Публика уважает мнение автора, при этом сама решает, как трактовать произведение.

В то же время 43 % полагают, что ключевое — смысл, заложенный автором. Это группа с запросом на пояснение контекста создания предмета искусства, его истории и тех деталей, что были сформированы создателем. В подтверждение такой амбивалентной позиции можно привести два подхода к интерпретации предмета искусства в зависимости от его формата.

Первый — признание того факта, что авторская идея — это ключ к пониманию объекта искусства. Создатель задает рамку восприятия, а уже конкретными мыслями ее наполняет зритель в зависимости от личных жизненных обстоятельств и эмоционального состояния, культурного опыта, социального и политического контекста. Это в большей степени касается классических форм и объектов искусства.

Второй — что автор перестает влиять на предмет искусства еще до его завершения. Публика в какой-то момент становится полноправным участником процесса создания такого объекта (перформансы, цифровые и интерактивные проекты). И интерпретация — это уже личное дело каждого зрителя или участника процесса.

Роль автора в создании современных произведений искусства рождает споры. Кто «владеет» смыслом, если действия аудитории (или даже алгоритма) встроены в процесс создания объекта? Как оценить стоимость такого произведения?

Достойно ли такое искусство вообще быть частью музейных коллекций и кого фиксировать как автора для учета?

Искусство как явление становится многогранным и неоднозначным, что приводит к некоторому «культурному расколу» между целыми поколениями.

Поколения старших и младших миллениалов и поколение цифры сходятся во мнении, что искусство может быть уродливым и даже шокирующим (от 54 до 72 % по группе, в среднем по выборке так считают 42 %). Они легитимизируют право произведений бросать вызов, провоцировать, создавать дискомфорт. Это связано в первую очередь с особенностями их цифровой жизни. На фоне избытка публикаций в социальных сетях, уведомлений от мессенджеров и предложений от других источников информации шок стал обычным элементом коммуникации. Только так можно привлечь внимание уставшего от постоянного скроллинга потребителя контента. Красота становится обыденной, стандартизированной. Куда важнее впечатления, эмоции, гонка за трендами.

Эти поколения выросли в парадигме культурного релятивизма, когда классическая эстетика перестает быть единственно возможным выбором, предоставляя место перформансам, инсталляциям и цифровым форматам. Искусство для них — площадка для дискуссии.

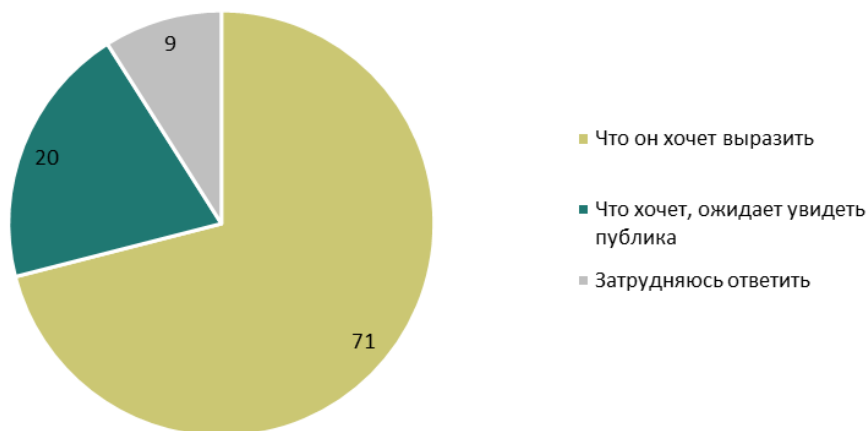
Среди молодых поколений выше доля тех, кто считает, что смогут жить без искусства (31—32 %, в среднем — 24 %). Вероятно, на это повлияли условия, в которых они росли (кризисы 1990-х, 2008, 2014 годов, пандемия). На первый план вышли другие потребности: психологическая устойчивость, стабильность, доход. Искусство же становится вторичным, фоном существования, а не самоцелью. Другими словами, это опциональная возможность для обогащения своей жизни, но не потребность.

Начиная с реформенного поколения (родившиеся в 1982 году и ранее) респонденты отстаивают мнение, что предмет искусства должен быть только красивым (от 52 до 64 % по группе, в среднем по России — 45 %). Возможно, данное восприятие связано с условиями социализации этих поколений. В советское время роль искусства была в том, чтобы нести красоту, быть «эстетической нормой», примером гармонии. Оно воспринималось как украшение жизни, компенсировало фон «бытовой серости». В связи с этим шокирующие форматы ассоциируются скорее не с попыткой автора выразить себя и свое мироощущение, а с попыткой нарушить нормы, вплоть до оскорбления чувств.

Старшие поколения также чаще считают, что без искусства жить нельзя (70—74 %). Вероятно, оно воспринимается как некая духовная опора. Но в то же время мы не можем исключать и влияние привычки — в СССР искусство воспринималось как важная часть воспитания. Посещение театра, кино, чтение литературных произведений считались некоторым обязательным минимумом культурного человека.

Несмотря на разнообразие форм и подходов, искусство продолжает быть социальным и культурным фундаментом. Так, большинство россиян заявили, что люди не смогут жить без него, оно — неотъемлемая часть их жизни (69 %). Искусство кем-то воспринимается как социальная необходимость, кем-то — как фон для повседневной жизни, поток кодов и символов. Оно неоднозначно и рождает дискуссии о его цели, применимости и восприятии. Главное одно — искусство остается для каждого значимой силой, даже если мы не сходимся в его интерпретации.

Рис. 2. Создавая предмет искусства, автор должен в первую очередь думать о том...
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

21 сентября 2025 г.

В царской России браки с большой разницей в возрасте были обычным явлением, особенно если мужчина имел высокое положение в обществе. В советский период с акцентом на равенство и коллективизм нормы стали сдвигаться в сторону браков ровесников. В постсоветской России подход вновь стал меняться: появлялись союзы, где женщина значительно старше мужчины, и воспринималось это явление как признак свободы выбора. Аналитический центр ВЦИОМ выяснил, как современное российское общество оценивает неравные по возрасту союзы.

Условным социальным стандартом сегодня по меркам россиян является разница в возрасте до десяти лет: все, что больше, уже вызывает сомнения. Мнение, что возраст не имеет значения, оказалось не так популярно, то есть в обществе все-таки сформированы ожидания насчет «правильной пары» (близкий возраст, равенство опыта и общие горизонты).

Союзы с разницей в возрасте партнеров в 15—20 лет и более для большинства скорее проблема, чем норма (хотя и это мнение популярно). Особенно критично к таким союзам относятся представители старших поколений.

Женщины чаще устанавливают возрастные рамки. Они чаще видят приемлемым рубежом разницу в десять лет и чаще говорят о большой разнице в паре как о проблеме. Мужчины же занимают более лояльную позицию, реже видят в этом проблему и чаще считают допустимой для отношений разницу в возрасте более десяти лет. Видимо, это следствие исторически сложившейся легитимации права на более молодую партнершу. Для мужчин молодая партнерша — символ статуса, власти, тогда как для женщины при любом раскладе это репутационный риск, общество скорее обвинит ее (а не мужчину) или в расчете, или в несерьезности.

Поколенческие различия отражают культурно-исторический контекст. В наибольшей степени толерантны к большим возрастным разностям миллениалы — те, на чью молодость пришлось 1990-е и 2000-е годы — время либерализации нравов. Для старших поколений характерна критичность, большую разницу в возрасте они воспринимают как проблему. Их опыт формировался в условиях советского брака, союза равных не только по социальному статусу, но и по возрасту. Более критичным в вопросе разницы в возрасте оказалось и поколение цифры, выросшее в более консервативной в сравнении с миллениалами культурной среде.

В российском обществе заметен двойной гендерный стандарт относительно разницы в возрасте. Мужчина старше женщины — часто приемлемый сценарий: даже если он в чем-то нежелателен, с ним скорее готовы мириться; но женщина старше мужчины — это уже вызов традиционным ролям, и потому чаще осуждается.

Молодые поколения к обоим сценариям относятся терпимее, а старшие поколения видят в таких союзах нарушение социальных правил, особенно когда женщина берет на себя нетипичную роль старшего партнера. Большая терпимость в целом свойственна также и мужчинам, особенно если речь идет о паре, где рядом с мужчиной женщина гораздо его моложе.

Чаще других непривычным для российского общества оказывается сценарий, где сильно старше женщина, но его поддерживает поколение цифры, которое одновременно с этим считает большую разницу в возрасте проблемой для брака. Это

не столько противоречие, сколько разговор о ценностях. У молодежи есть запрос, с одной стороны, на равенство и симметричность в паре, с другой — на толерантность к разнообразию жизненных сценариев и свободу выбора.

На отношение к большой возрастной разнице в паре заметно влияют сложившиеся в российском обществе гендерные ролевые модели. И хотя большинство опрошенных скорее исключают для себя отношения с партнером сильно старше или младше, ответы мужчин и женщин ощутимо различаются. Женщины чаще допускают союз с более старшим партнером, но практически исключают для себя отношения с младшими мужчинами. Мужчины, напротив, значительно более открыты к партнерству с женщиной помладше, но осторожнее в ситуации, когда старше партнерша. Налицо культурный стереотип, согласно которому союз «он старше, она моложе» считается нормой, такой «неравный брак» исторически был легитимирован, тогда как обратный сценарий зачастую подвергается стигматизации, ведь он ставит под угрозу одну из главных функций брака — продолжение рода.

Молодые поколения чаще видят неприемлемым для себя вариант вступить в отношения с партнером, если есть разница в возрасте (в любую сторону), тогда как старшие, напротив, демонстрируют большую гибкость. Возможно, в данном случае различия связаны с уже полученным жизненным опытом — личным или в кругу знакомых.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3005](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3005)

Е. В. Тыканова

**(НЕ)ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ИСХОД:
МНОЖЕСТВЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ**

Правильная ссылка на статью:

Тыканова Е. В. (Не)противоречивый исход: множественные результаты деятельности городских общественных движений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 200—222. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3005>.

For citation:

Tykanova E. V. (2025) (Non)Contradictory Outcome: Multiple Results of Urban Movements in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 200—222. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3005>. (In Russ.)

Получено: 26.04.2025. Принято к публикации: 20.08.2025.

(НЕ)ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ИСХОД: МНОЖЕСТВЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

ТЫКАНОВА Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором социоурбанистики, ведущий научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

Аннотация. Статья посвящена анализу сочетаний результатов и последствий деятельности городских локальных движений в России с точки зрения конечного исхода конфликта: удалось ли активистам добиться отмены градостроительного проекта или же он был реализован.

Теоретико-методологическими основаниями работы выступают подходы социологов общественных движений (У. Гэмсон, Ч. Тилли, Э. Амента, Д. Макадам, М. Джуни и пр.), обсуждающих исходы, результаты и последствия конфликтных взаимодействий. В частности, рассмотрены «внешние» (воздействие на другие общественные сферы) и «внутренние» (биографические) последствия. Предметом исследовательского интереса выступают ожидаемые и непредвиденные результаты деятельности городских общественных движений, которых им удалось достигнуть в синхронной и диахронной перспективе. Отдельное внимание уделено изучению распределения полученных результатов и последствий между вовлеченными в городской конфликт акторами.

(NON)CONTRADICTIONARY OUTCOME: MULTIPLE RESULTS OF URBAN MOVEMENTS IN RUSSIA

Elena V. TYKANOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Deputy Director on Science; Head of Urban Studies Department; Leading Researcher
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. The paper analyzes various combinations of the results and consequences of the agency of urban local movements in Russia, depending on the outcome of each conflict: whether the activists have managed to instate the cancellation of an urban development project, or whether the project has been implemented.

Theoretically, the research draws on approaches from social movement studies (W. Gamson, C. Tilly, E. Amenta, D. McAdam, M. Giugni, etc.), which provide insights into the results, outcomes, and consequences of contentious interactions. In particular, the author considers the «external» outcomes, i.e., how the efforts of initiative groups impact other social realms, and the «internal» outcomes, i.e., how participation transforms activists' biographies. The paper presents both the expected and unforeseen outcomes of urban social movements' efforts through a combination of synchronic and diachronic analysis. Special attention is paid to the distribution of the discovered results and consequences across various actors involved in urban conflicts.

Эмпирическими материалами исследования служат 18 кейс-стади градостроительных споров в шести городах-миллионниках России, в рамках которых были получены полуструктурированные интервью с участниками конфликтного взаимодействия, а также экспертные интервью. Анализ эмпирических данных демонстрирует, что минимальное количество изученных случаев можно отнести к однозначному «успеху» или «провалу» активистов. Спектр результатов и последствий российских городских споров, закончившихся отменой градостроительного проекта, включает сочетание «успеха» (1) с потенциальными угрозами устойчивости достигнутого исхода в диахронной перспективе; (2) спорами внутри активистских команд вокруг улучшений оспариваемого городского объекта; (3) неоднозначным или негативным влиянием полученного исхода на городской объект в будущем. Ряд случаев, закончившихся реализацией планируемого проекта, сочетают формальный проигрыш (1) со сделанными в пользу активистов или городских групп уступками; (2) ситуативной победой или получением выгод некоторыми городскими группами или частью активистских команд.

Вне зависимости от исхода городские конфликты могут сопровождаться иными прямыми или косвенными последствиями. К ним относятся: включение инициативной команды в общегородскую сеть, влияние на развитие профессиональных и иных групп, просвещение граждан, положительное или негативное воздействие на биографии активистов, городскую повестку, а также сопряженные кейсы. Институциональная кооптация активистов, ранее оцениваемая социологами как сугубо положительный результат и свидетельство признания группы, имеет неоднозначную для бывшего активиста и градозащитного движения природу.

The empirical materials for this research include 18 case studies of urban development conflicts in six Russian million-plus cities, where semi-structured interviews with different participants of contentious interactions and experts were conducted. The analysis of empirical data demonstrates that only a few cases under study can be classified as unambiguous «successes» or «failures» of the activists. In some further cases where the development project was cancelled, the formal «success» was combined with: (1) potential threats to the sustainability of the achieved outcome from a diachronic perspective; (2) disagreement within activist groups over the desired improvements of the contested urban object; and (3) ambiguous or negative impacts of the achieved outcome on the urban object in the future. In several cases where the project was implemented, the formal defeat was combined with: (1) concessions made to activists or urban groups; (2) a situational victory or benefits received by some urban groups or parts of activist communities.

Regardless of the outcome, urban conflicts can be accompanied by other direct or indirect consequences such as the scaling of the initiative group, development of professional communities, and citizenry enlightenment, as well as positive or negative impacts on activists' biographies, city agendas, and related cases. The institutional co-optation of activists, previously assessed by sociologists as an invariably positive result and as evidence of the groups' recognition, is actually of an ambiguous nature both for the former activists and for the city protection movements at large.

Ключевые слова: градостроительные конфликты, городское движение, исходы городских движений, результаты городских движений, последствия деятельности городских движений

Keywords: urban development conflict, urban movement, outcomes of urban movements, results of urban movements, consequences of urban movements activities

Введение

Около 16—17 % всех общественных протестов в российских городах связаны с градостроительными конфликтами, когда жители выступают против строительных или архитектурных проектов [Семенов, Минаева, 2021: 23]. Причинами низкой городской мобилизации становятся уплотнительная застройка, вырубка зеленых насаждений, строительство в природных зонах — как в городских скверах, так и в крупных парках и лесных массивах, — и в целом различные угрозы экологической безопасности городов (загрязнение рек, засыпка озер, возведение инвазивных производств, сброс и накопление в городских ареалах мусора) и пр. Между тем отнесение городского конфликта к какой-то одной тематике нередко вызывает затруднения. Такие споры¹ часто имеют комплексный, смешанный характер: например, уплотнительная застройка может угрожать разрушением близлежащим зданиям со статусом объекта культурного наследия (ОКН), а строительство крупной магистрали — усиливать шум и загрязнять городские территории.

Подобные конфликты нередко становятся предметом исследования в отечественной социологии. Российские ученые изучают динамику городских споров [Белоусов, Давыдов, 2024], последовательность связанных между собой событий в конфликтных эпизодах [Семенов, 2024], «триггеры», вызывающие их [Скалабан и др., 2023], стратегии взаимодействия вовлеченных участников [Глухова и др., 2021] и пр. Как правило, цель таких инициатив — отмена предполагаемого вмешательства в городскую среду и поддержание status quo, то есть сохранение объекта или фрагмента городской территории в его первоизданном виде.

Участие граждан в градостроительных конфликтах имеет ощутимую эффективность: треть подобных споров в крупных российских городах завершается полным удовлетворением требований жителей. Еще в трети случаев активисты достигают частичной реализации оспариваемого проекта — власти предоставляют уступки или вносят в проект изменения различной степени значимости [Семенов, Минаева, 2021: 32—33]. Впрочем, распределение «успехов» и «неудач» зависит от тематики проектов [там же], политической конфигурации в городах [Белоусов, Давыдов, 2021; Галустов, 2023; Аксенов, Галустов, 2023] и в целом от структуры политических возможностей — степени респонсивности властей к требованиям граждан [Семенов, Снарский, Ткачева, 2024] и времени протестной активности [Белоусов, Давыдов, 2021]², а также может быть неравномерным от города к городу [Семенов, Минаева, 2021]. Достижение или недостижение артикулируемой

¹ Понятия «городской спор», «локальный спор», «конфликтный эпизод», «городской конфликт», «конфликтное взаимодействие» и «градостроительный конфликт» в данной статье используются как синонимичные.

² С 2014 г. «эффективность» локальных протестов возрастает.

городским общественным движением³ цели можно квалифицировать как «успех» или «проигрыш» соответственно. В первой ситуации члены активистских команд добиваются (или же к этому приводит сочетание иных, внешних факторов) того, что их оппонент вынужден отказаться от реализации проекта. Тогда как в ситуации «неудачи» градостроительные планы в той или иной мере воплощаются.

Исходы локальных споров порой сложно квалифицировать только с точки зрения достижения формально поставленной цели активистов, а именно наличия или отсутствия трансформации оспариваемой территории. Как показывают интервью с участниками конфликтов, даже случаи, казалось бы, безоговорочной победы активистов — когда им здесь и сейчас удалось отбросить исполнение нежелательного проекта, — не всегда оцениваются ими однозначно. Так, победа может быть достигнута чрезмерными усилиями, а полученный результат в долгосрочной перспективе может иметь негативные последствия для объекта (например, когда сохраненное здание остается без использования и постепенно разрушается). Участие в успешной низовой инициативе по поводу городского развития может иметь неоднозначные или даже негативные последствия для самих активистов. Отсутствие единства среди участников движения относительно целей и желаемого результата их деятельности дополнительно усложняет анализ исходов городских конфликтов.

С опорой на теории социологии общественных движений, обсуждающие исходы деятельности таких низовых инициатив, в данном исследовании предпринята попытка проанализировать сочетания (не)предвиденных результатов и последствий деятельности городских локальных движений в России. Они будут рассмотрены в зависимости от того, удалось ли активистам добиться отмены обсуждаемого проекта или же проект был полностью или частично реализован. В первом случае этот исход будет квалифицироваться как «победа» или «успех», во втором мы можем говорить о «поражении» или «проигрыше». Данный аспект на данный момент еще не рассматривался на материалах российских городских конфликтов.

Структура статьи следующая: сначала приведен обзор теоретических подходов к изучению исходов общественных движений. С опорой на данный теоретический аппарат сформулированы цель и задачи исследования. Далее дана характеристика имеющегося массива эмпирических материалов, а также методов их анализа. После чего представлены результаты изучения последствий городских конфликтов в зависимости от их конечного исхода. В заключении предложены ключевые выводы, а также описаны ограничения и перспективы исследования.

Теоретические подходы к изучению исходов общественных движений

Общественные движения стремятся добиться определенных выгод, пытаясь повлиять на решения влиятельных акторов. Исследователи гражданской активности по-разному называют этих акторов: инкумбентами или доминирующими игроками

³ Городское общественное движение — это консолидированная группа горожан, объединенных публичной деятельностью по предъявлению к их оппонентам претензий, связанных с трансформацией городских пространств. Изученные городские общественные движения в редких случаях являются зарегистрированными юридическими лицами (например, в форме попечительских советов парков или иных НКО). В большинстве случаев они представляют собой стихийно формируемые вокруг градостроительного эпизода группы. Городские общественные движения могут использовать методы публичной (в том числе протестной) активности, но не ограничиваются только ими. В частности, они способны прибегать к формальным инструментам отстаивания своего видения городского пространства: обращаться в суды и другие официальные инстанции.

[Fligstein, McAdam, 2011], доминирующими силами [Amenta, Andrews, Caren, 1992], власть имущими [Tilly, 1999] и т. д. Участники общественных движений заняты тем, что планируют и координируют совместные действия, создают альянсы, вступают в противостояние с конкурентами, мобилизуют своих сторонников, работают над созданием коллективной идентичности, ищут ресурсы, занимаются лоббированием для решения коллективных задач, ведущих к цели движения [ibid.: 260].

Каковы желательные исходы активности общественных движений? В своей работе «Стратегия социального протеста» (1975) У. Гэмсон указывает на два таких важнейших для активистской группы результата: «принятие» — признание участников движения доминирующими акторами в качестве легитимных лиц — и «новые преимущества» в форме выгод для социальной группы, от лица которой выступают инициаторы общественного движения [Gamson, 1975: 33]. У. Гэмсону вторят Дж. Мировски и К. Росс, которые отмечают, что протестная группа способна достичь двух видов «успеха»: во-первых, реализовать поставленную перед командой цель — «достижение цели», во-вторых, быть признанной антагонистом в качестве легальных представителей мнения той или иной группы — «признание» [Mirowsky, Ross, 1981: 177—178].

Активисты зачастую публично артикулируют свои цели, что позволяет нам делать вывод, достигло ли общественное движение «успеха» или его постигла «неудача». Однако сложности с определением и оценкой конечных результатов деятельности общественного движения могут быть связаны с тем, большую роль в стимулировании тех или иных событий и действий имеет активность оппонентов и других, в том числе третьих, сил [Amenta, Young, 1999: 22—23]. Для разрешения этой проблемы Э. Аmenta и М. Янг предлагают сосредоточиться на (не)достижении социальным движением коллективных благ, а именно групповых преимуществ, из которых нельзя исключить неучастников движения. Таким образом, чем больше коллективная выгода, полученная от разрешения социальным движением проблемы, тем значительнее его благоприятное воздействие. Так, активистские команды могут не выполнить заявленную программу (и поэтому будут считаться неудачниками), но при этом получить значимые коллективные выгоды для той группы, интересы которой они представляют. Возможна и обратная ситуация, когда коллективные блага в результате деятельности общественного движения еще больше сокращаются по отношению к тому состоянию, которое было до непосредственного вмешательства активистов [ibid.: 24—25]. Взяв за основу классификацию У. Гэмсона, Э. Аmenta и коллеги выделяют уровни, согласно которым можно оценить «успех» общественного движения в зависимости от сочетания факторов (не)признания движения оппонентом и (не)получения им групповых выгод. Признание группы вкупе с получением выгод обозначается как «трансформация претендента». Под претендентом (англ. — *challenger*) авторы понимают актора, занимающего миноритарную позицию по отношению к доминирующим группам, в данном случае — общественное движение. Ситуация, в которой движению не удается добиться признания оппонента или государства, но оно получает выгоды, — это «уступка» или «упреждение». Признание без групповых выгод обозначается как «кооптация». Недостижение активистами признания в отсутствие выгод — это полная их «неудача» или «коллапс» [Amenta, Carruthers, Zylan, 1992: 310—311].

Дополнительные сложности в изучении работы активистских команд связаны с тем, что нередко достигнутый «успех» не всегда оценивается ими одинаково. Участники активистских команд и внешние наблюдатели могут иметь разные представления о том, что считать «успехом», одно и то же действие может быть расценено одними членами группы как успешное, а другими — как провальное [Giugni, 1998: 383].

Хотя лидеры общественных движений обычно организуют свою публичную отчетность вокруг объявленных целей, существует большой спектр непредвиденных эффектов, которые возможно квалифицировать как результаты деятельности инициативных групп [Tilly, 1999: 268]. Помимо четко артикулируемых и ожидаемых результатов в виде исполнения требований, важно учитывать ряд побочных эффектов участия активистов в борьбе за блага, которые можно определить с помощью более широкого термина «последствия» [Giugni, 1998: 385]. Как показывают Л. Боси и К. Уба, результаты деятельности общественного движения, как краткосрочные, так и долгосрочные, относятся к модификации различных сфер общественной жизни, что является либо запланированной, либо непреднамеренной целью активистской группы [Bosi, Uba, 2009: 409]. Чаще всего социальные ученые исследуют влияние общественных движений на политическую сферу [Giugni, 2008: 1583], в частности, изучаются изменения в политике, законодательстве, политических институтах и режимах или в действиях, предпринимаемых политическими партиями [Bosi, Uba, 2009: 409]. Меньше исследовательского внимания уделяется результатам деятельности активистов в культурной сфере, связанным с изменениями в ценностях и идеях общества, развитием новых культурных продуктов и практик, формированием коллективной идентичности и субкультур [Ibid.: 409—410]. Рассматривая культурные последствия деятельности общественных движений, Э. Амента и Ф. Полетта отмечают, что активисты могут менять образ жизни и поведение людей. В результате одни практики становятся привлекательными и социально одобряемыми, тогда как другие, напротив, начинают восприниматься как неприемлемые [Amenta, Polletta, 2019: II-2].

Важной областью исследования последствий работы общественных движений становится изучение того, как их деятельность влияет на биографии активистов [McAdam, 1989; Bosi, Uba, 2009]. Между тем, как замечают Ф. Пэсси и А. Монч, такие биографические последствия могут затронуть общество в целом, поскольку, во-первых, активисты взаимодействуют с теми, кто ими не является, во-вторых, эти последствия сказываются на бенефициарах движения. Таким образом, биографические последствия выходят за рамки влияния на личную жизнь активиста и включают влияние на культуру [Passy, Monsch, 2019: 499]. Опыт участия в общественных движениях кооптированных активистов может также оказывать влияние на действия органов власти, в которые они были имплементированы [Giugni, Bosi, Uba, 2013: 6].

Общественные движения могут не достичь поставленных целей, но в то же время способны добиваться реальных успехов в других важных областях борьбы, например, повысить осведомленность граждан и завоевать внимание общественного мнения, получить доступ к формальным политическим институтам и обеспечить соблюдение законов [Gupta, 2009: 417]. В этом случае биографические послед-

ствия для участников, а также влияние результатов их деятельности на трансформацию структуры самой активистской группы, согласно типологии Дж. Эрл, можно отнести к «внутренним» результатам движения, тогда как политические и культурные изменения — к «внешним» [Earl 2000: 3].

Опираясь на обзор исследований, посвященный изучению исходов активности инициативных команд⁴, можно предположить, что результаты, к которым приходят активисты, вовлеченные в деятельность городских движений, не всегда являются предвиденными, ожидаемыми и однозначными и, скорее всего, имеют комплексную, сочетанную природу. Они могут быть способны привести к значимым последствиям как для оспариваемой территории, самих активистов, затрагиваемого проектом городского сообщества, так и, например, для формирования дальнейшей городской повестки и политики в целом.

Цель и задачи

Цель данной статьи — определить, какие сочетания результатов и последствий возникают по итогам деятельности общественных движений, протестующих против градостроительных проектов в российских городах-миллионниках. Итог конфликта определяется тем, был ли реализован спорный проект: удалось ли активистам добиться его отмены («победа») или проект был осуществлен вопреки их усилиям («поражение»). Для достижения этой цели необходимо решить комплекс задач:

1) определить результаты активности городских общественных движений, в том числе сопутствующие (не)предвиденные «внешние» и «внутренние» последствия городских конфликтов;

2) рассмотреть типы достигнутых результатов в синхронной (здесь и сейчас) и диахронной (динамической) перспективе;

3) выявить характер последствий и результатов городских конфликтов для различных групп, которые вовлечены в спорное взаимодействие или находятся на оспариваемой территории.

Важно подчеркнуть, что в наши задачи не входит объяснение причин или факторов, приведших к тем или иным исходам конфликтного взаимодействия в градостроительных спорах.

Данные и метод

Эмпирическими материалами исследования служат 18 кейс-стади окончившихся (то есть имеющих артикулируемый исход) городских конфликтов, связанных с уплотнительной застройкой, сносом зданий, вырубкой зеленых насаждений, строительством крупных инфраструктурных объектов и прочими подобными случаями, в шести российских городах-миллионниках: Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Самаре, Новосибирске и Казани.

В Москве были изучены городские конфликты вокруг демонтажа и переноса Шуховской башни, частичной вырубки Березовой рощи, строительства Северного дублера Кутузовского проспекта; в Санкт-Петербурге — строительства храма в парке Малиновка, строительства Западного скоростного диаметра (ЗСД) над

⁴ Понятия «городское общественное движение», «инициативная группа», «инициативная команда» используются в данной статье как синонимичные.

Канонерским островом, сноса Блокадной подстанции; в Казани — трассировки магистрали и застройки в Горкинско-Ометьевском лесу, сноса Арских казарм, засыпки озера Харовое и возведения на его месте паркинга, строительства высокоскоростной магистрали (ВСМ) в п. Октябрьский, Лебяжий и заповедной лесной зоне; в Нижнем Новгороде — сноса купеческих особняков на ул. Ильинской, строительства аквапарка в Автозаводском парке, расширения Молодежного проспекта, благоустройства парка «Швейцария»; в Самаре — сноса зданий в усадьбе Зеленко, строительства здания суда на пересечении пр. Ленина и ул. Осипенко, застройки в лесопарке им. 60-летия Советской власти; в Новосибирске — строительства на прилегающей к лицу № 22 «Надежда Сибири» территории высотного здания, вырубки зеленых насаждений, сноса клуба «Отдых» и Дома спорта на ул. Богдана Хмельницкого. 17 рассмотренных кейсов городских конфликтов зародились и закончились в интервале с 2012 по 2018 г. Оспаривание реконструкции парка «Швейцария» фактически закончилось в 2023 г. Изученный спор по поводу проекта запрета автомобильного движения по ул. Ленина в Новосибирске был исключен из качественной выборки в связи с повторным возникновением конфликта и, вследствие этого, отсутствием артикулированного исхода взаимодействия. Период сбора интервью: с 2018 г. по 2023 г.

Перечисленные случаи были отобраны для проведения кейс-стади по причине их соответствия нескольким характеристикам. В частности, они соотносятся с ключевыми тематиками возникновения городских конфликтов в России: сохранение зеленых зон и поддержание экологической безопасности территорий, защита историко-культурного наследия и сопротивление возведению объектов инфраструктуры [Семенов, 2019]. В каждом городе отобранные случаи имели различные итоги в зависимости от степени изменения спорной территории: градостроительный проект был реализован полностью, осуществлен частично или отменен. Важными критериями отбора случаев также служили значительная продолжительность конфликта и разнообразие вовлеченных участников.

Коллекция эмпирических данных включает полужформализованные интервью с непосредственными участниками спорного взаимодействия ($N = 83$) (активистами, чиновниками, журналистами, экологами, архитекторами, политиками и пр.), а также интервью с экспертами, посвященные особенностям развития территорий в каждом изученном городе ($N = 23$). В число экспертов вошли представители градозащитных и экологических НКО и общественных объединений, городские активисты с продолжительным стажем участия в городских спорах, преподаватели вузов и научные сотрудники институтов — специалисты в области экологии и городского развития, а также исследователи городских конфликтов, сотрудники проектных институтов, связанных с развитием городской среды, муниципальные, городские и региональные депутаты, городские и региональные чиновники, сотрудники региональных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Критерием отбора экспертов выступили частота их упоминания в СМИ, профиль их профессиональной деятельности, а также рекомендации экспертов, с которыми уже состоялось интервью.

Все полученные данные были подвергнуты открытому и осевому кодированию в программном обеспечении Atlas.ti 9 edition.

Городские споры, закончившиеся отменой градостроительного проекта

В данном разделе рассмотрим случаи городских конфликтов, которые имеют общий критерий: они окончились отменой реализации обсуждаемого проекта развития территории.

Полный «успех» при отсутствии прямых издержек

Лишь один случай можно считать полной победой активистов — конфликт вокруг потенциальной застройки Автозаводского парка в Нижнем Новгороде. Инициативной группе удалось выиграть ключевое судебное разбирательство, в результате которого парк был признан объектом, имеющим историко-культурную ценность, а строительство на его территории дополнительных объектов было запрещено.

Там, самое главное, были суды, которые в итоге дали возможность выиграть. Потому что девчонки собирали деньги и нашли очень хорошего адвоката, долго судились и в итоге выиграли. (Э1, ж.⁵, Нижний Новгород)

Активисты оценивали такой исход взаимодействия как крупную и даже необъяснимую «удачу» ввиду того, что застройщик уже имел утвержденный проект и вложил в разработку территории собственные инвестиции. Случай Автозаводского парка был успешен для городского общественного движения и в диахронной перспективе — была запущена программа благоустройства территории в соответствии с ее статусом ОКН.

На сопредельной территории впоследствии произошел градостроительный конфликт по поводу расширения ведущего к аэропорту Молодежного проспекта. Ключевая активистка, которая инициировала судебные разбирательства в случае защиты Автозаводского парка, перенесла свой опыт и экспертизу в инициативную группу, выступавшую против реновации проспекта, и настаивала на приоритете оспаривания проекта именно на формальных аренах (что привело к «успеху» в предыдущем кейсе). Судебные тяжбы по поводу Молодежного проспекта были проиграны, тогда как активисты оценили действия своего лидера как несостоятельные.

Можно сделать вывод, что успешный во многих отношениях случай в Автозаводском парке не имел прямых издержек для оспариваемого пространства, городского движения или районного сообщества. Тем не менее в диахронной перспективе мы наблюдаем косвенные издержки в виде побочных эффектов в случае сопряженного кейса.

«Успех» в сочетании с неустойчивостью конечного исхода в будущем

Ряд изученных случаев завершился удовлетворением требований участников городских движений, однако достигнутые результаты остаются нестабильными. Активисты либо субъективно не уверены в сохранении полученного итога, либо указывают на объективные факторы, которые могут его изменить в будущем.

⁵ Здесь и далее в подписях к информантам будут применяться сокращения: Э — эксперт, А — активист, ж. — женщина, м. — мужчина.

Так, активисты, протестовавшие против трассировки высокоскоростной магистрали (ВСМ) через их поселения и лесные массивы под Казанью, простимулировали перенос магистрали в проектом решении:

И да, люди добились того, чтобы не стали их выселять. А от природных территорий — тоже трасса их обошла. (А1, м., Казань)

В дальнейшем реализация этого амбициозного проекта, который бы соединял Санкт-Петербург, Москву, Казань и Екатеринбург, вне зависимости от действий активистов была отложена федеральными чиновниками. Таким образом, остается возможность возрождения проекта, в том числе с риском обнуления уже достигнутых с активистами договоренностей о переносе трассы.

Члены инициативной группы, выступавшие за отмену строительства здания суда на месте сквера на пересечении пр. Ленина и ул. Осипенко в Самаре, смогли достичь требуемого исхода — проект был отменен, результат можно квалифицировать как «успех». Между тем активисты видят угрозу стабильности результата в федеральном статусе собственности на землю, который в будущем может угрожать возникновением нового проекта застройки.

Потому что этот кусок земли, он как находился в федеральной собственности, он так и находится в федеральной собственности. И когда собственник примет какое-то решение, построить там здание суда или не здание суда, все равно — рано или поздно — это строительство, оно начнется когда-то. (А3, ж., Самара)

Впрочем, смена собственника с федерального на муниципального также не может предоставить, по мнению активистов, никаких гарантий, что оспариваемая территория в будущем будет защищена от девелопмента:

...Потому что как захочет муниципальная власть в будущем распорядиться участком этим, мы не знаем. (А4, ж., Самара)

Защитникам удалось добиться отмены проекта сноса зданий в усадьбе Зеленко в Самаре. Побочный результат такого исхода заключается в том, что жильцам пришлось взять на себя обременение в виде проведения ремонтных работ строений, в том числе фасадов, за собственный счет. Ключевая активистка данного движения приобрела обширный опыт в области городского историко-культурного наследия, что позже позволило ей занять должность председателя местного ВООПИиК, а также консультировать активистов из других инициативных групп. Тем не менее положительный для активистов исход не воспринимается ими как стабильный и защищенный. С юридическими основаниями, а именно с перспективным статусом земельного участка, связаны переживания защитников усадьбы о потенциальной застройке участка той же строительной фирмой в будущем: «...Мы-то понимаем, что за межеванием земли, как только в его интересах она размежуется, дальше он может без нашего согласия строить» (А5, ж., Самара).

Со статусом земельного участка были связаны опасения и защитников лесопарка им. 60-летия Советской власти в Самаре по поводу сохранности территории от проектов коммерческого строительства. Активисты настаивали на признании парка зоной, имеющей наивысший охранный статус и не допускающей в нем никаких видов капитального строительства (Р-4). Между тем городские чиновники выступали в пользу статусов, позволяющих высоко инвазивные формы вмешательства на территории. В конечном итоге лесопарковой зоне был присвоен статус Р-3 (зона природных ландшафтов), позволяющий некоторые виды трансформации территории.

В качестве потенциально неустойчивого активисты классифицируют и конечный исход городского конфликта вокруг постройки храмового комплекса в парке «Малиновка» в Санкт-Петербурге.

Им неинтересно уступить воле, как они говорили, кучке активистов ангажированных. Уступить воле людей, людям нужен парк, а им нужна стройка. Они не могут уступить.
(А7, ж., Санкт-Петербург)

Важным последствием действий участников команды в защиту «Малиновки», на протяжении многих лет отстаивавших свое видение этой зеленой территории, стало вхождение общественного движения в Зеленую коалицию Петербурга. Это городская сеть, аккумулирующая усилия общественных организаций и множества инициативных групп, выступающих за сохранение зеленых зон.

Проект засыпки и застройки озера Харовое в Казани был отменен решением президента Республики Татарстан. Ко всему прочему активисты и чиновники провели краудфандинговую кампанию на дальнейшее благоустройство зеленой зоны. Тем не менее, по мнению регионального чиновника, ревитализируемая территория не получила охранный статус, который бы оградил ее от подобных проектов в будущем: «Но, значит, годы идут, граница пока что не в пользу парка» (Э4, ж., Казань).

Достигнутые активистами исходы конфликтного взаимодействия можно квалифицировать как «успех» в синхронной перспективе, который потенциально неустойчив в диахронной перспективе. Мы наблюдаем и иные последствия, такие как включение группы в общегородскую сеть, профессионализация активистов и пр.

«Успех», сопряженный со спорами о перспективах улучшения территории

Описанный выше эпизод вокруг озера Харовое также можно отнести к категории случаев, с одной стороны, закончившихся отменой предлагаемого вмешательства, а с другой — сопровождаемых разногласиями участников взаимодействия о перспективах улучшения обсуждаемой территории. Активисты вступили в конфликт с профессиональными экологами, которые настаивали на менее экологически инвазивном, но более дорогостоящем проекте благоустройства парка. Победила точка зрения лидера активистов и ее окружения, ратовавших за экономичный проект с использованием бетона. Этот случай оказал влияние на другие сопряженные городские объекты: вслед за Харовым в водный реестр были включены подобные городские пруды. Помимо этого, данный кейс связывают с последующим повышением внимания региональных чиновников к городским

конфликтам. В частности, был запущен мониторинг локальных недовольств граждан, которые следует превентивно предупреждать во избежание возникновения социальной напряженности в регионе.

Да, с гражданами стали более внимательно работать. Бюрократия разрослась благодаря чему? Что увеличили всяких контрольщиков и надзорщиков, их стало очень много. Они мониторят все сети, все форумы, все чаты. Они везде есть, они во всех, сидят во всех абсолютно вот этих, где движение есть, информационных разных группах. В общем, все социальные сети, все сайты, все форумы, все всякие там твиттеры, короче, все мониторится абсолютно. (Э4, ж., Казань)

Споры по поводу траекторий улучшения защищенной от нежелательного городского проекта территории возникли и у активистов, отстаивавших Березовую рощу в Москве. Одна часть выступала за первоизданный вид парковой зоны, тогда как другая — в пользу ландшафтного благоустройства.

В общем, успешно достаточно удалось отстоять территорию парка от застройки. И, в общем, добиться, чтобы в парке сделали парк. Другое дело — какой это парк. (А8, м., Москва)

Отменой проекта застройки закончился конфликт вокруг Горкинско-Ометьевского леса в Казани. Помимо сохранения лесопарковой зоны горожанам было предложено принять участие в партисипаторном проектировании будущего благоустройства территории. Однако ряд активистов вступили в конфликт с архитекторами и планировщиками и в конечном итоге остались не удовлетворены результатом реконструкции парка.

Это было пространство, в которое люди всегда приходили и проводили какие-то праздники и тусовки. И сейчас на этом месте я вот вижу просто столбы. То есть там нужно лавки поставить, чтобы люди там могли просто посидеть, поразговаривать. (А9, м., Казань)

Регулярно тренирующиеся в парке лыжники понесли потери: площадь помещений для их встреч на спортивной базе была сокращена. Вместе с тем эксперты и архитекторы, участвовавшие в проектировании парка, отмечают, что этот случай повлиял на трансформацию городской повестки. После успешного опыта совместного проектирования чиновники стали более открыты к мнению горожан. Постепенно начали создаваться условия и механизмы для более широкого участия граждан в планировочных процессах.

Ну, практики появились новые, появились семинары, какие-то разговоры с жителями, рабочие группы. Стали это делать. (Э5, ж., Казань)

Городскому движению удалось отстоять территорию спортивной площадки лицея № 22 «Надежда в Сибири» от уплотнительной застройки. Однако среди активистов возникли споры по поводу видения обустройства оспоренной территории:

возводить ли на ней здание спортивного зала или же ограничиться благоустройством и сооружением площадки для физических упражнений. Одна из активисток столкнулась с выражено негативными биографическими последствиями (о таком виде последствий см. [McAdam, 1989; Bosi, Uba, 2009; Tilly, 1999]), в частности, речь идет о психологическом давлении на ее дочь в школе, которое возникло после обращения активистки по поводу застройки спортивной площадки этого среднего учебного заведения к федеральным чиновникам.

Ребенок, которого я в восьмом классе с того света выпросила, вымолила и на ноги поставила, и отдать его под каток системе просто потому, что мама что-то не то сделала, мама дура <...>. Но я была неспособна оценить степень вот этой обратки, которая на меня полетела <...>. Мне казалось, что это же так очевидно: кран возле детей, трактора возле первоклашек. (А10, ж., Новосибирск)

Как мы видим на рассмотренных примерах, формально успешно закончившийся для горожан градостроительный конфликт нередко бывает сопряжен с дальнейшим недовольством и спорами в стане активистов и их лоббистов по поводу стратегий улучшения некогда оспариваемой территории. Такие кейсы имели омрачающие победу обстоятельства в виде сопутствующих издержек для одной из вовлеченных групп, в том числе выражено негативных биографических эффектов для активистов.

«Успех» с неоднозначными или негативными последствиями для объекта спора в будущем

Несколько случаев, связанных с защитой зданий и сооружений, завершились победой активистов, однако в дальнейшем эти объекты длительное время не использовались, разрушались и приходили в негодность, что можно считать негативным последствием. Например, защитники Тяговой подстанции № 11 (названной активистами «Блокадная подстанция») в Санкт-Петербурге предотвратили ее снос. Здание было признано мемориальным объектом, сохраняющим память о блокаде Ленинграда, и получило статус ОКН регионального значения. Этот случай вызвал цепную реакцию: охранный статус был присвоен нескольким аналогичным подстанциям, снабжавшим электроэнергией трамвайное сообщение во время блокады.

И в итоге вслед за этим оно потянуло за собой еще несколько зданий, которые тоже пришлось признать памятниками. (Э6, ж., Санкт-Петербург)

Тем не менее «успех», достигнутый здесь и сейчас в виде сохранения здания в первоизданном виде, оценивается как недостаточный в диахронной перспективе. Строение было передано на баланс государственной организации, совершенно не заинтересованной в дальнейшей его эксплуатации.

Большая половина, которая самая активная, громкая половина защитников считает, что то, что она досталась цирку, — это поражение. Надо, чтобы она была музеем блокады. И мы очень плотно работали с музеем на Соляном [Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда], пытаюсь добиться. (Э7, м., Санкт-Петербург)

В конечном счете «Блокадная подстанция», которая в глазах активистов должна была стать мемориальным музеем, пустовала, не получила требуемого ремонта и постепенно разрушалась.

Сходная ситуация произошла с Шуховской башней в Москве в 2012—2014 гг., являвшейся на тот момент ОКН регионального значения. Высотное строение — гиперboloидная металлическая башня авторства инженера Владимира Шухова находилась на балансе Министерства связи. Владелец принял решение демонтировать башню и перенести ее с Шаболовки в другое место. Защитники башни выступили резко против такой перспективы, ведь вследствие хрупкости сооружения оно могло не пережить разборку и быть безвозвратно утраченным. В результате активистам удалось защитить башню от демонтажа, она осталась на своем первоначальном месте. Этот случай, по мнению вовлеченных экспертов, имел широкий резонанс и оказал влияние на городскую повестку в будущем.

Федералы в это время попытались схамить с разборкой Шуховской башни. Федералы, ведомство связи. И тут мы ударили по рукам. То есть Шуховская башня просто стоит таким знаком в 2014 году. Но я бы сказал, что после покушения на статусные памятники и использование разных видов манипуляций стало в Москве как-то уже не принято. (38, м., Москва)

История, связанная с обсуждением ценности башни на Шаболовке и в целом наследия инженера Шухова, послужила площадкой для дальнейшего развития профессионального сообщества.

Запала от этой кампании хватило достаточно, еще на несколько лет вперед, чтобы какие-то архитектурные летние школы брали наши площадки. (A11, ж., Москва)

Последующая за сохранением история башни трактуется членами общественного движения и экспертами как неудачная. Хотя были проведены некоторые работы по консервации сооружения, башня продолжала подвергаться коррозии, ветшать и разрушаться, не получила требуемой реставрации и не была приспособлена под современные нужды. В 2022 г. башня была включена в перечень ОКН федерального значения. Это обстоятельство может в будущем выступить стимулом по запуску полноценной реставрации данного инженерного сооружения.

Итак, синхронной победе общественных движений в деле сохранения оспариваемого городского объекта и иным положительным эффектам, как включение объекта в перечень ОКН, может сопутствовать неудача в виде неоднозначных или даже негативных последствий для него в будущем.

Городские споры, закончившиеся реализацией градостроительного проекта

Семь попавших в нашу качественную выборку случаев градостроительных конфликтов закончились формальной «неудачей» для активистов. Однако, как и в ситуации с успешными для горожан спорными эпизодами, исход в форме реализации

предлагаемого проекта сопровождался комплексом иных результатов и последствий, которые рассмотрены в этом разделе.

«Проигрыш» с уступками городскому общественному движению

В ситуациях, когда активистам не удается достичь своей основной цели, а именно оградить территорию от нежелательного девелоппмента, они могут добиться разного рода уступок [Amenta, Carruthers, Zylan, 1992] для городского сообщества, от имени которого они выступают. Клуб «Отдых» и Дом спорта были снесены, а зеленые насаждения на ул. Богдана Хмельницкого в Новосибирске вырублены в результате неудачного сопротивления этому горожан. Впрочем, после того как этот градостроительный спор закончился не в пользу инициативной группы, часть улицы получила дополнительный охранный статус.

Все-таки этот конфликт имел одно позитивное последствие: «Богданку» признали в определенных границах достопримечательным местом. (39, м., Новосибирск)

Это обстоятельство принесло дополнительные преимущества для улицы, что в дальнейшем положительно сказалось на ее сохранности, а также привлекло внимание местных чиновников, запустивших программу благоустройства. Активисты отмечают вероятное влияние конфликта по защите ул. Богдана Хмельницкого на подобные кейсы: *«Да, то есть нам не удалось ничего сделать, но люди в городе поняли, что надо заявлять» (A12, ж., Новосибирск).*

Уступок удалось добиться и защитникам парка «Швейцария» в Нижнем Новгороде, выступавшим против высоко инвазивного с их точки зрения благоустройства, которое было приурочено к празднованию 800-летия города. Несмотря на то, что запланированная реконструкция зеленой зоны в целом состоялась, региональные чиновники были вынуждены реагировать на возмущение горожан и экологов и в итоге воздвигнутые в «Швейцарии» строения не получили статус капитальных.

Это сарай. Неважно, что он двухэтажный, на бетонном фундаменте: это никого не волнует. Это сарай по бумагам, в реестре он не стоит. Бизнесу становится неинтересно лезть в территорию. (33, м., Нижний Новгород)

Конфликт по поводу возведения над территорией Канонерского острова в Санкт-Петербурге ЗСД закончился в пользу застройщиков: проект был воплощен в жизнь в своем первоизданном виде. Активистам не посчастливилось добиться и множества уступок, на предоставлении которых они настаивали. В частности, детский сад, над которым пролегла трасса, был введен в эксплуатацию, не была разрешена проблема с шумом в многоквартирных домах, возникающим от проезда машин по эстакаде. Единственное, чего достигли активисты, — это удовлетворение их запроса о вывозе нефтекокса, который был складирован вблизи жилых зданий. Участие в данном городском конфликте принесло негативные биографические издержки одной из активисток, о которой был опубликован репортаж в популярном городском СМИ.

Вызвали и сказали: «Мы тут прочитали про вас статью. Пишите заявление, пожалуйста, об уходе». Я говорю: «С чем это связано?», — «Вы знаете, вы, наверное, опасный человек». Я говорю: «Вы знаете, я у вас больше года работаю, я опасности вам не приносила как бы», — «Нам бы хотелось, чтобы у нас работали более спокойные люди». Вот так я осталась без работы. (А13, ж., Санкт-Петербург)

Исходя из анализа имеющихся эмпирических данных, можно заключить, что исходы, которые окончились не в пользу активистов, далеки от безоговорочной «неудачи». Скорее мы можем говорить о континууме между победой и поражением, важное место в котором занимают разного уровня и масштаба уступки — достижение групповых преимуществ в терминах Э. Аменты и М. Янга [Amenta, Young, 1999]. Эти преимущества могут быть предоставлены как здесь и сейчас — синхронно (в ходе конфликта или в результате его завершения), так и отсроченно — диахронно.

«Проигрыш» с выгодой для некоторых групп горожан

По итогам окончания градостроительного спора возможна ситуация, когда одна из вовлеченных во взаимодействие групп остается в выигрыше, тогда как другие группы, мнение которых репрезентирует городское общественное движение, проигрывают.

Усилия активистов, выступавших за сохранение хотя бы части Арских казарм в Казани, не увенчались «успехом»: строения комплекса были снесены, на их месте возвели масштабный жилой комплекс. Два здания, о сохранении которых была достигнута договоренность с застройщиком, разобрали, но так и не восстановили. Впоследствии телеграм-канал ключевого активиста приобрел широкую известность, причем пик подписок пришелся именно на этап освещения историко-архитектурных ценностей комплекса Арских казарм, а также динамики конфликта. Положительным последствием члены инициативной группы считают воспринимаемое ими повышение общей осведомленности граждан об историко-культурной ценности памятников архитектуры в городе [Gupta, 2009].

Можно уже с большей уверенностью говорить в защиту наследия. То есть то, что раньше мне казалось делом десяти, пятнадцати человек, сейчас уже, конечно, это дело касается всех. И сейчас это положительный итог. (А14, м., Казань)

Важно, что большинство горожан, которые проживали в корпусах казарм, не разделяли стремления активистов сохранить комплекс, поскольку рассчитывали на приобретение выгод от застройщика — заселения в новое, неаварийное жилье.

Горожане, жители Арских казарм, в сущности, оказались по ту сторону этого конфликта и выступали за снос, потому что застройщик им гарантировал жилье. А там состояние было ужасающее этих Арских казарм, действительно. Мы буквально сидели и составляли текст, призывали сохранять первую линию Арских казарм, но не было поддержки от горожан, и это все, эта история просто подвисла. (З10, м., Казань)

Таким образом, благоприобретателями в ситуации сноса казарм оказались проживающие в их ветхих зданиях граждане, которые или не видели выражен-

ной историко-культурной ценности комплекса, или же, даже осознавая такую ценность, сделали выбор в пользу переезда.

Выступления жителей нескольких районов в Москве против проведения в местах их проживания крупной дорожной магистрали — Северного дублера Кутузовского проспекта — не привели к «успеху». В процессе городского спора застройщик принял решение перевести один участок дороги с Кунцево в Можайский район города, что вызвало активное протестное возмущение жителей последнего. В итоге резидентам Можайского района удалось одержать победу: трассировка была перенесена обратно в Кунцево, группа горожан этого района столицы проиграла.

В целом можно заключить, что некоторые участники городских конфликтов могут получить ситуативные выгоды от решений чиновников или представителей бизнеса, принятых не в пользу требований общественного движения и групп, которые оно представляет.

«Проигрыш» без уступок

Городское общественное движение может потерпеть полное поражение, когда проект реализуется в полном объеме без каких-либо уступок активистам.

Так произошло при противодействии расширению Молодежного проспекта в Нижнем Новгороде: проект был реализован без изменений, горожане не получили даже компенсационных мер в виде антишумовых экранов. Лидер движения сосредоточилась на формальных способах отстаивания позиции (обращения в официальные инстанции), что, по ее оценке, стало одним из факторов «неудачи». Инициативная группа оказалась деморализована и прекратила деятельность.

В итоге пришлось в суд идти мне одной, но мы иск подавали втроем. Два человека за компанию. Конечно, мы его проиграли именно по экспертизе, потому что экспертиза — это все. (А16, ж., Нижний Новгород)

«Неудачей» закончилась борьба защитников купеческих особняков — образцов каменного и деревянного зодчества на ул. Ильинской в Нижнем Новгороде, которые планировалось снести и построить на их месте новые высотные жилые здания. Как полный крах этот случай описывает ключевая активистка:

По сути, это наш проигрыш, потому что квартал уничтожили... То есть это несовершенство законодательства, но еще и коррупция к этому приводит. По сути, никаким правовыми путями мы не смогли эти дома оставить там тогда. (А17, ж., Нижний Новгород)

Единственный побочный эффект, которого удалось достичь активистам, безуспешно пытавшимся оградить дома на ул. Ильинской от разрушения, как и в случае с Арскими казармами, — это просвещение части горожан в области историко-культурной ценности местной архитектуры, а также накопление опыта оспаривания у ряда активистов.

Кооптация активистов

Институциональная кооптация активистов в органы власти традиционно оценивается социологами общественных движений как положительный результат

и свидетельство признания группы [Gamson, 1975; Mirowsky, Ross, 1981; Amenta, Carruthers, Zylan, 1992]. Хотя среди изученных кейсов таких случаев не было, эксперты описали в интервью подобные эпизоды из других городских споров. Оценки перехода активистов на государственные должности оказались неоднозначными: в одних случаях градозащитное сообщество воспринимало это как «успех», в других же бывший активист подвергался обструкции со стороны бывших соратников, предпочитавших дистанцироваться от органов власти, часто выступавших их оппонентами в городских конфликтах.

Ее сделали советником губернатора по вопросам культуры. Вот тут от нее отвернулась половина соратников. По понятным причинам. (37, м., Санкт-Петербург)

Активисты, перешедшие на государственные должности, сталкиваются с трудностями двойственного положения. Участники городских движений, сохранившие связи с кооптированным коллегой, могут корректировать тактику борьбы не в свою пользу.

Градозащитники не совсем понимали, собственно, протестовать или дружить, действовать, используя этот канал связи, скрыто действовать, передавать информацию, что происходит... И сама она оказалась в уязвимой ситуации, потому что вроде бы да, мне кажется, у нее очень непростая была ситуация, с одной стороны, градозащитница. С другой стороны, чиновница. (310, м., Казань)

Таким образом, институциональная кооптация активистов, согласно нашим эмпирическим данным, имеет скорее неоднозначную, далекую от сугубо положительной для бывшего активиста и градозащитного движения (группы его исхода) природу.

Заключение

Социологический анализ изученных случаев городских конфликтов подтверждает вывод исследователей общественных движений: лишь немногие исходы можно однозначно отнести к «успеху» или «провалу» активистов. Результаты оказываются многослойными и противоречивыми.

Случаи, завершившиеся отменой градостроительного проекта, обычно сочетают формальный «успех» с проблемными аспектами: (1) угрозами пересмотра достигнутого результата в будущем; (2) разногласиями внутри активистских команд по поводу дальнейших улучшений спорного объекта; (3) неоднозначными или негативными долгосрочными последствиями для территории. При этом активисты и представляемые ими сообщества могут оказаться в выигрыше, тогда как другие городские группы несут издержки от такого исхода.

Случаи реализации оспариваемого проекта также редко означают полное поражение: формальный «проигрыш» может сочетаться с (1) уступками со стороны властей или бизнеса; (2) частичными победами или выгодами для отдельных городских групп или части активистов. Лишь два изученных конфликта можно считать безусловной «неудачей» активистов.

Независимо от исхода, городские конфликты порождают прямые и косвенные последствия: включение инициативной группы в общегородскую сеть, влияние на развитие профессиональных сообществ, просвещение граждан, воздействие на биографии активистов, городскую повестку и другие случаи противостояния. Институциональная кооптация активистов, традиционно рассматриваемая социологами как положительный результат и признание движения, на практике имеет неоднозначную природу — как для самого перешедшего в органы власти активиста, так и для градозащитного движения в целом.

Ограничением данного исследования выступает тип имеющихся эмпирических материалов, а именно интервью, в которых информанты ретроспективно рассуждают о прошедших событиях. Выводы, сделанные по поводу воздействия окончившихся городских споров на сопряженные с ним конфликтные эпизоды, на городскую политическую повестку и пр. не представляют собой суждение о строгой казуальности, поскольку основаны на риторических представлениях участников взаимодействия и экспертов. Поэтому мы можем только гипотетически судить о влиянии городских конфликтных эпизодов на иные случаи и общественные сферы. Ценным научным знанием, оставшимся за рамками данной статьи, выступило бы выяснение непосредственных причин и факторов, которые обусловили специфику того или иного исхода, а также комплексов результатов и последствий городских споров.

Список литературы (References)

1. Аксенов К. Э., Галустов К. А. Городские режимы и общественно значимые проекты трансформации городской среды в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 1. С. 4—28. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.101>.
Axenov E. K., Galustov K. A. (2023) Urban Regimes and Socially Significant Projects of the Urban Environment Transformation in the Russian Federation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. Vol. 68. No. 1. P. 4—28. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.101>. (In Russ.)
2. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>.
Belousov A. B., Davydov D. A. (2021) From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>. (In Russ.)
3. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>.

- Belousov A. B., Davydov D. A. (2024) Urban Spatial Conflicts in Novosibirsk: Studying General Dynamics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>. (In Russ.)
4. Галустов К. А. Влияние городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга в XXI веке (на примере экологических и экокультурных конфликтов) // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 167—191. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-12-167-191>.
Galustov K. A. (2023) Impact of the Urban Regime on the Urban Spatial Transformation of Saint Petersburg in the 21st Century (On the Example of Ecological and Eco-Cultural Conflicts). *Administrative Consulting*. No. 12. P. 167—191. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-12-167-191>. (In Russ.)
5. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>.
Glukhova A. V. Kolba A. I., Sokolov A. V. (2021) Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia's Large Regional Centers). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>. (In Russ.)
6. Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>.
Semenov A. V. (2019) The Roots of The Grass: Patterns of Grassroots Mobilization in Russia. *Sociological Studies*. No. 12. P. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>. (In Russ.)
7. Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Количественный анализ эпизодов городских конфликтов в России // Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / отв. ред. Е. В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 13—39. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>.
Semenov A. V., Minayeva E. Y. (2021) Quantitative Analysis of Episodes of Urban Conflicts in Russia. Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS. P. 13—39. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>. (In Russ.)
8. Семенов А. В. Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 120—146. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-120-146>.
Semenov A. V. (2024) Proccesuality of Urban Conflicts: Sequence Analysis of Urban Contention in Russia. *Russian Sociological Review*. 2024. Vol. 23. No. 2. P. 120—146. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-120-146>. (In Russ.)

9. Семенов А. В., Снарский Я. А., Ткачева Т. Ю. Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007—2021) // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 62—74. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010069>.
Semenov A. V., Snarsky Y. A., Tkacheva T. Y. (2024) Temporal and Cross-Regional Variance in Environmental Protest Activity of Russians (2007—2021). *Sociological Studies*. No. 2. С. 62—74. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010069>. (In Russ.)
10. Скалабан И. А., Лобанов Ю. С., Сергеева З. Н., Волченко С. Ю. «Уровень опасений зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфликтов. Кейс г. Новосибирска // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 190—218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>.
Skalaban I. A., Lobanov Y. S., Sergeeva Z. N., Volchenko C. Y. (2023) 'The Level of Fears Is off the Scale!': Triggers of Urban Conflicts in the Context of Municipal Management (Novosibirsk Case Study). *Sociology of Power*. Vol. 35. No. 1. P. 190—218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>. (In Russ.)
11. Amenta E., Carruthers B. G., Zylan Y. (1992) A Hero for the Aged? The Townsend Movement, The Political Mediation Model, and US Old-Age Policy, 1934—1950. *American Journal of Sociology*. Vol. 98. No. 2. P. 308—339. <https://doi.org/10.1086/230010>.
12. Amenta E., Polletta F. (2019) The Cultural Impacts of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 5. No. 1. P. 279—299. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073018-022342>.
13. Amenta E., Young M. P. (1999) Making an Impact: Conceptual and Methodological Implications of the Collective Goods Criterion. *How Social Movements Matter*. Vol. 10. P. 22—41.
14. Bosi L., Uba K. (2009) Introduction: The Outcomes of Social Movements. *Mobilization*. Vol. 14. No. 4. P. 409—415. <https://dx.doi.org/10.17813/mai.14.4.m1408k812244744h>.
15. Earl J. (2000) Methods, Movements, and Outcomes. *Research in Social Movements, Conflicts and Change*. Vol. 22. P. 3—25. [https://doi.org/10.1016/S0163-786X\(00\)80033-6](https://doi.org/10.1016/S0163-786X(00)80033-6).
16. Gamson W. A. (1975) *The Strategy of Social Protest*. Homewood, AL: Dorsey.
17. Giugni M. G. (2008) Political, Biographical, and Cultural Consequences of Social Movements. *Sociology Compass*. Vol. 2. No. 5. P. 1582—1600. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00152.x>.
18. Giugni M. G. (1998) Was It Worth the Effort? The Outcomes and Consequences of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. No. 1. P. 371—393. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.371>.

19. Giugni M., Bosi L., Uba K. (2013) Outcomes of Social Movements and Protest Activities. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199756223-0037>.
20. Gupta D. (2009) The Power of Incremental Outcomes: How Small Victories and Defeats Affect Social Movement Organizations. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 14. No. 4. P. 417—432. <https://doi.org/10.17813/mai.14.4.mw77710825j7g023>.
21. McAdam D. (1989) The Biographical Consequences of Activism. *American Sociological Review*. Vol. 54. P. 744—760. <https://doi.org/10.2307/2117751>.
22. Mirowsky J., Ross K. (1981) Protest Group Success: The Impact of Group Characteristics, Social Control, and Context. *Sociological Focus*. Vol. 14. No. 3. P. 177—192. <https://doi.org/10.1080/00380237.1981.10570394>.
23. Passy F., Monsch G. A. (2018) Biographical Consequences of Activism. In: *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements*. Hoboken: John Wiley & Sons Ltd. Published. P. 499—514. <https://doi.org/10.1002/9780470999103>.
24. Tilly Ch. (1999) From Interactions to Outcomes in Social Movements. *How Social Movements Matter*. Vol. 10. P. 253—270.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3034](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3034)

Е. В. Недосека, А. Е. Ненько

КАРТИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ СООБЩЕСТВ В МАСШТАБАХ ГОРОДА НА ОСНОВании ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Правильная ссылка на статью:

Недосека Е. В., Ненько А. Е. Картирование структуры сообществ в масштабах города на основании данных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 223—250. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3034>.

For citation:

Nedoseka E. V., Nenko A. E. (2025) Mapping Community Structure at the City Scale Using Social Media Data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 223–250. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3034>. (In Russ.)

Получено: 23.05.2025. Принято к публикации: 23.09.2025.

КАРТИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ СООБЩЕСТВ В
МАСШТАБАХ ГОРОДА НА ОСНОВАНИИ ДАН-
НЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

*НЕДОСЕКА Елена Владимировна — канди-
дат социологических наук, доцент, старший
научный сотрудник, Социологический инсти-
тут РАН — филиал Федерального научно-ис-
следовательского социологического центра
Российской академии наук, Санкт-Петер-
бург, Россия*

E-MAIL: Nedelena-24@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

*НЕНЬКО Александра Евгеньевна — кандидат
социологических наук, Независимый иссле-
дователь, Санкт-Петербург, Россия*

E-MAIL: al.nenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3436-1069>

Аннотация. Урбанистические проекты как минимум в своих основополагающих ценностных принципах предполагают вовлечение горожан и их самоорганизованных групп в обсуждение и принятие демократичных, справедливых и инклюзивных решений по поводу городских изменений. Понимание интересов и ценностей, объединяющих сообщества горожан; городских пространств, с которыми они связаны; локальной экспертизы, которую они аккумулируют; а также потенциальных конфликтов между ними и другими стейкхолдерами городских процессов составляет цель картирования городских сообществ в рамках урбанистических проектов. Однако в прикладных проектах финансовые, временные и человеческие ресурсы на комплексные полевые исследования ограничены. В таком случае решением может стать выявление сообществ, объединяющихся посредством цифровых социальных сетей и проявляющих агентность (способность действовать и влиять) в цифровом пространстве города.

MAPPING COMMUNITY STRUCTURE AT THE
CITY SCALE USING SOCIAL MEDIA DATA

*Elena V. NEDOSEKA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Sen-
ior Researcher*

E-MAIL: Nedelena-24@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

Aleksandra E. NENKO² — Cand. Sci. (Soc.)

E-MAIL: al.nenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3436-1069>

¹ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

² Independent Researcher, St. Petersburg, Russia

Abstract. Urban projects, at least in their fundamental value principles, imply the involvement of citizens and their self-organized groups in the discussion and adoption of democratic, fair, and inclusive decisions regarding urban changes. Understanding the interests and values that unite communities of citizens, the urban spaces with which they are connected, the local expertise they accumulate, as well as potential conflicts between them and other stakeholders of urban processes, is the goal of mapping urban communities within urban projects. However, within the framework of applied projects, financial, time, and human resources for comprehensive field research are limited. In this case, the solution may be to identify those communities that are united through digital social networks and demonstrate agency in the digital space of the city.

This article proposes a unique approach to mapping urban communities based on open data from city social networks. This approach

В статье предложен авторский подход к картированию городских сообществ на основе открытых данных социальных сетей города, который включает в себя поиск, структуризацию данных и типологизацию городских сообществ, а также описание индикаторов их активности и форм их деятельности. Подход был разработан при реализации прикладных урбанистических проектов и является data-driven (опирается на данные, которые собирались и обрабатывались в процессе прикладных исследований). Разработанная типологизация цифровых городских сообществ является открытой и может модифицироваться под конкретные задачи новых проектов.

includes searching, structuring, and classifying urban communities, as well as describing their activity indicators and forms of activity. This approach was developed through applied urban projects and is data-driven (that is, based on data collected and processed during applied research). The developed typology of digital urban communities is open and can be modified to meet the specific needs of new projects.

Ключевые слова: городские сообщества, картирование городских сообществ, цифровой след, цифровой аватар, подход data-driven

Keywords: urban communities, mapping urban communities, digital footprint, digital avatar, data-driven approach

Введение

Картирование городских сообществ, представленных в социальных сетях, — один из центральных подходов в современных городских исследованиях и прикладных урбанистических проектах. Оно позволяет определить, хоть и с ограничениями, структуру городских акторов, которые участвуют в создании публичных дискурсов о городской жизни и готовы к различным действиям по поводу городской среды. В процессе картирования можно определить уровень агентности городских сообществ — от активно проявленных в цифровом пространстве до скрытых или даже отсутствующих. Результаты картирования помогут выявить особенности городской культуры и общественного участия, типы локальной(ых) идентичности(ей), направленность и формы деятельности городских групп.

Сетевой профиль города состоит из одного или нескольких сообществ в социальных сетях. Как отмечает Д. А. Коршунова, «Данные сообщества создаются горожанами с целью приобщения к жизни города, получения актуальной информации, общения, взаимопомощи. В них горожане свободно коммуницируют и преодолевают многочисленные барьеры общения, оставаясь при желании анонимными, активно и открыто выражают свою позицию по текущим проблемам родного города, обсуждают их, в споре приходят к определенным мнениям, обмениваются текущей информацией. Общение такого характера позволяет любому горожанину узнать больше об актуальной ситуации в городе, получить помощь по запросу, проверить свои взгляды относительно той или иной ситуации, возможно, поменять свою точку зрения. Виртуальные „локусы медиации“ на данный момент

успешно выполняют свою функцию обмена сообщениями, знаками, визуальными образами. Такие сообщества представляют собой реальные площадки формирования самосознания горожан» [Коршунова, 2018: 201—202].

Теоретико-методологические основания исследования

Несмотря на ранние описания интернета как чего-то глобального, безместного, даже географически агностического, научные исследования последовательно демонстрируют, что физическое место составляет предмет обсуждений и объект взаимодействий в социальных сетях [Hampton, Wellman, 2003; Kwon, Shao, Nah, 2021]. Эффективные и доступные соседские социальные сети могут укреплять и поддерживать офлайн-связи [boyd, 2010], усиливая локальную идентичность, чувство принадлежности локальному сообществу, пространственную привязанность [Gatti, Procentese, 2020 Hampton, Wellman, 2018]. Цифровые взаимодействия влияют на поведение в общем физическом пространстве за счет вербализации и ретрансляции норм и правил поведения [Nah et al., 2021]. Сообщества в социальных сетях повышают видимость общественных ресурсов и возможностей территории, доступных местным жителям [López, Farzan, 2015]. В городских онлайн-сообществах формируются общие представления о ценностях городской среды и ее проблемных аспектах, по поводу которых необходимо предпринимать действия [Krampen, 2013]. Регулярные повседневные обсуждения совместной материальной среды или символических аспектов территории способствуют формированию коллективных политических повесток и действий, направленных на защиту или развитие территории [Graham, Jackson, Wright, 2016].

Значительное внимание в исследованиях уделяется разным типам сообществ, представленным в социальных сетях. Одним из наиболее распространенных видов онлайн-сообществ, подлежащих изучению, являются соседские группы [Zahnw et al., 2024]. Другой популярный объект исследований — группы активистов, которые рассматриваются как акторы гражданского общества, приобретающие новые возможности самоорганизации [Sunio, Peckson, Ugay, 2021] и реализующие широкий диапазон взаимодействий в социальных сетях. Третий тип сообществ — онлайн-сообщества практик¹, они обмениваются практико-ориентированной информацией и организуют взаимодействие по интересам в цифровом режиме. Исследователи отмечают, что по степени влияния некоторые из таких объединений составляют реальную конкуренцию профессиональным новостным СМИ [Thorson, Medeiros, Cotter, 2020].

Опираясь на теорию коммуникационной инфраструктуры, рассматривающей социальные сети как платформы, предоставляющие горожанам возможности публично делиться историями, мнениями и оценками, мы полагаем, что социальные сети выступают посредниками в городской коммуникации, формируя основу «платформенного урбанизма» [Repette et al., 2021]. Представители данного направления описывают цифровые платформы не только как набор инструментов коммуникации, но и как особую инфраструктуру [Plantin et al., 2018] — «легкую и портативную» среду для повседневных взаимодействий [Peters, 2015: 32]. Коммуникация на цифровых платформах продуцирует цифровой след отдельных пользователей,

¹ Wenger-Trayner E., Wenger-Trayner B. Introduction to Communities of Practice. 2015. URL: <https://www.wenger-trayner.com/introduction-to-communities-of-practice/> (дата обращения: 14.10.2025).

равно как и групповой, в котором отражаются общие темы обсуждений. Цифровые платформы могут быть как пространством коммуникации уже сформированных офлайн-групп, которое позволяет им активно и эффективно взаимодействовать в режиме нон-стоп [Gatti, Procentese, 2020 Чернышева, Запорожец, 2023], так и пространством формирования онлайн-сообществ, определяющим их структуру, формы взаимодействия и особенности коммуникации [Van Dijk, 2006].

В сегменте русскоязычных исследований можно отметить растущий интерес к цифровым проявлениям активности горожан в контексте городских исследований. О. Н. Запорожец и Е. Г. Лапина-Кратасюк обосновали перспективы цифровой антропологии для городских исследований [Запорожец, Лапина-Кратасюк, 2015; 2016]. Команда ученых сопоставила развитие сетевых, цифровых, умных городов и образование цифровых сообществ разного типа [Сети города..., 2021]. Изучая локальные цифровые платформы, ученые определили их роль как гражданских медиа в городских конфликтах; причем цифровые платформы являются не только инструментами взаимодействия, но и «действующими лицами», или «организующими агентами», политической и гражданской мобилизации [Чернышева, Запорожец, 2023]. Городские онлайн-сообщества рассматриваются и как важные акторы публичной истории и вернакулярной исторической культуры [Касаткина, 2017].

Отдельный пул работ сосредоточен на анализе соседских онлайн-сообществ как новой среды и формы взаимодействия соседей. Например, соседские паблики новых многоквартирных жилых комплексов были описаны как пространство онлайн-коммуникации между соседями, которое развивается параллельно и в связи с их офлайн-взаимодействием, то есть поддерживает гибридный характер коммуникации [Чернышева, Гизатуллина, 2021]. Авторы настоящей статьи неоднократно обращались к исследованиям соседских групп в социальных сетях. В фокусе нашего исследовательского интереса были дискурсы, формируемые в данных сообществах, которые рассматривались нами как публичная вербализация взаимодействий в экосистеме «сообщество — территория». Так, в одной из работ мы провели сравнительный анализ дискурсов соседских сообществ с точки зрения артикулированных в них ценностей, проблем и дефицитов городской среды, релевантных для жителей конкретной территории [Ненько, Недосека, 2022]. Мы также рассматривали публичные обсуждения в соседских пабликах с точки зрения различных измерений воспринимаемого качества городской жизни. В том числе мы показали релевантность текстовых и иных данных пабликов для исследования воспринимаемой пространственной сегрегации сервисов в соседствах [Ненько, Недосека, Курилова, 2022] и воспринимаемой безопасности городской среды вблизи мест жительства [Недосека, Ненько, Лисенков, 2022].

В описанных выше работах мы развиваем подход смешанных методов для анализа дискурсов онлайн-сообществ, в том числе сочетание полуавтоматизированного текстового анализа и качественного контент(дискурс)-анализа. Параллельно развиваются и более технологичные подходы к данным пабликов городских сообществ. Например, предлагаются автоматизированные инструменты для пространственно-семантического анализа данных социальных сетей с целью определения сценариев управления территорией и возможностей использования объектов городской среды [Mityagin et al., 2021; Antonov et al., 2023]. Авто-

матерIALIZED методы картирования социальных сетей предложены в работах Г. В. Градосельской и соавторов: сообщества политической активности, политической социализации и другие определяются с помощью оригинальных методов зерновой кластеризации и анализа информационных волн [Градосельская, Расходчиков, 2020; Градосельская, 2020].

Русскоязычные исследователи, работающие в рамках коммуникативного подхода, рассматривают когнитивный и коммуникативный аспекты общения в онлайн-сообществах [Павлов, 2016; Дементьева, 2021]. К. В. Дементьева предлагает классификацию городских пабликов по следующим основаниям: 1) тематика — моно- и политематические паблики); 2) целевое назначение — новостные, развлекательные, литературные, учебные, научные, коммерческие паблики; 3) охват аудитории — паблики крупных, провинциальных городов и небольших населенных пунктов; 4) авторство информации — паблики с авторским (от модератора) и пользовательским (от всех участников группы) контентом [Дементьева, 2021: 289].

Несмотря на многообразие перечисленных работ о городских онлайн-сообществах, они не предлагают подходов к определению структуры и типологии городских сообществ, отраженной в цифровом пространстве, которые можно использовать в процессе урбанистического исследования или проекта. Представленные работы посвящены анализу отдельных типов территориальных сообществ, влиянию цифровых инструментов и платформ на организацию социальных взаимодействий жителей города, описанию дискурсов о городской среде и городской жизни либо же предлагают методы и процедуры работы с данными социальных сетей для задач городского управления. В данной статье мы развиваем подход к картированию городских сообществ, который может быть применен в контексте кабинетного исследования города в прикладной урбанистике. Под картированием мы понимаем определение типологии городских сообществ, которые формируют цифровой след города, и описание индикаторов их коммуникативной активности. За основу мы берем социальную сеть «ВКонтакте» — наиболее крупную русскоязычную социальную сеть, в которой представлены многочисленные сообщества (паблики), созданные различными городскими акторами, от администраций до жителей городов. Городское онлайн-сообщество, сформированное в социальной сети, мы будем рассматривать как сообщество добровольно взаимодействующих пользователей социальной сети, 1) имеющих определенную территориальную принадлежность разного масштаба, однако в пределах города или городской агломерации; 2) объединенных общими интересами, ценностями, потребностями, а также практиками, связанными с городской средой или жизнью в городе; 3) при взаимодействии между собой выступающих в разных ролях в процессе формирования публичного дискурса сообщества.

Структура и разнообразие городских онлайн-сообществ не отождествляются с разнообразием городских сообществ в целом. Предлагаемое нами картирование описывает топонимику городских сообществ, отраженную в цифровом пространстве социальной сети как коммуникационной инфраструктуры. Городские онлайн-сообщества представляют часть населения города, готовую

к активному производству публичного дискурса и использующую для этого цифровые платформы. У крупных городов и городских агломераций в силу большого количества и высокого разнообразия жителей, а также большей распространенности опосредованной и анонимной коммуникации может быть больше разнообразных онлайн-сообществ. В малых и средних городах, соответственно, таких сообществ может быть меньше. На вариативность онлайн-сообществ также влияют возрастная структура и цифровая грамотность населения города: в большинстве малых и средних городов РФ преобладает население старших возрастных групп, которые обычно используют социальные сети менее интенсивно, чем люди молодого и среднего возраста. Кроме того, разнообразие онлайн-сообществ зависит и от институциональных изменений цифрового пространства, в том числе от характера законодательства в области информационной политики. Так, группы протестной активности на сегодняшний день ограниченно представлены в социальных сетях, в малых и средних городах это проявляется особо наглядно.

Методология картирования городских сообществ в урбанистических исследованиях

В задачи урбанистического проекта входит всестороннее изучение мнений горожан по поводу предстоящих городских изменений [Кияненко, 2017, 2018]. В связи с этим социологическое исследование стало необходимым этапом предпроектного исследования, которое предшествует проектированию и внедрению городских изменений [Паченков, Воронкова, 2021]. В рамках социологического исследования зачастую необходимо выявлять общественные представления о проектируемой территории, связанные с ней эмоции, ценности, практики, конфликты [Ненько, Недосека, 2022]. Эти аспекты повседневного и пространственно-укорененного знания о территории можно изучить только путем непосредственного контакта с городскими жителями. Население города неоднородно, оно представляет разные социально-демографические группы, группы, объединенные интересами, практиками, уникальным опытом. Соответственно, и пространственные знания о территории, свойственные этим группам, будут различны. Поэтому в процессе изучения и преобразования города исследователям и урбанистам приходится реконструировать структуру городских сообществ, а также их знаний, представлений, ценностей, эмоций и практик. Иными словами, необходимо картирование городских групп, которые исторически, культурно, экономически, профессионально или каким-либо иным образом связаны с городскими территориями.

Необходимость картирования обусловлена не только актуальностью разносторонних знаний о городе, которыми обладают сообщества, но и важностью привлечения их в качестве партнеров урбанистических проектов. Если какие-то группы или представления о территории будут проигнорированы или не учтены, это может привести к некорректным проектным практикам и принимаемым урбанистическим решениям, к конфликтам по поводу внедряемых изменений городской среды и даже к их саботажу. Помимо негативных последствий, ощутимых на уровне поведенческих реакций, могут быть скрытые

последствия, которые легко не заметить, но которые кардинальным образом влияют на благополучие городских жителей. К таким последствиям можно отнести стирание и «забывание» памяти места и локальной памяти сообществ или же исключение отдельных групп горожан из права на город. Наиболее частыми претендентами на подобное исключение становятся сообщества мигрантов, которые по разным причинам не могут проявить свою агентность в городской среде.

Реализация урбанистического проекта также предполагает общественное участие, соучастие или партисипацию [Снигирева, Смирнов, 2021]. Этот компонент в российском градостроительстве и урбанистике в последнее десятилетие получил признание, закрепление на законодательном уровне, а также на уровне рекомендаций министерств, администраций регионов и городов.

Классификация городских онлайн-сообществ

На основании опыта, накопленного нами в процессе многолетней практики прикладных урбанистических исследований и проектов, мы сформировали классификацию городских онлайн-сообществ, которые можно картировать на основании данных социальных сетей. Практика, позволившая нам сформировать данную типологию, включает эмпирические исследования и партисипаторные проекты в российских мегаполисах и крупных городах — Санкт-Петербурге, Калининграде, Мурманске, Норильске, Архангельске, Сочи, Краснодаре, а также малых городах и исторических поселениях России (например, Урюпинске, Камышине). Из-за ограниченного объема статьи мы не можем детально описать эти проекты и отсылаем читателей к процитированным выше публикациям, которые их частично отражают. Если говорить обобщенно, то в ходе этих проектов, а именно в рамках кабинетного этапа социологического исследования, мы рассматривали различные социальные сети в разрезе сообществ, связанных с городом или с его отдельными территориями. С опорой на данные социальной сети, в том числе количественные и качественные характеристики публика, мы также формировали описание коммуникативных характеристик сообщества.

Эмпирический подход, который используется нами, можно определить как качественный анализ с опорой на данные (data-driven). Преимущественно мы определяем сообщества вручную, путем экспертной оценки страниц на предмет наличия сообщества. Однако это можно делать и (полу)автоматизированными методами, некоторые из которых мы упоминали выше, а также сочетая автоматизированный поиск с экспертной оценкой выборки. Первичный поиск групп мы осуществляем путем поисковых запросов в самой социальной сети. Для формирования запроса мы комбинируем название города и ключевые слова, которые описывают характеристики сообщества, например социальную роль или практику («искусство», «рыбалка», «родители» и т. п.). По поисковому запросу встроенный алгоритм социальной сети выдает список страниц, который мы затем проверяем, просматривая каждую, потенциально связанную с сообществом. Далее методом снежного кома, производя оценку сообществ, на которые ссылаются уже найденные сообщества или которые упоминаются в их публикациях, мы дополняем выборку. В ходе неоднократно проведен-

ных таким образом процедур мы сформировали классификацию городских онлайн-сообществ, которую предлагаем ниже. Данную классификацию мы иллюстрируем примерами сообществ, представленных в информационном поле Мурманска.

Мурманск выбран нами не случайно. Во-первых, это родной город одной из авторов, что позволяет нам глубоко анализировать процесс социальной «социации» (если говорить терминами Г. Зиммеля) как офлайн, так и онлайн. Во-вторых, это самый крупный город российского Севера, где проживают как представители коренных народов, так и приезжее население, и который по-прежнему находится в динамике урбанизации (хоть и в меньшей степени, чем во времена роста советских промышленной и военно-оборонной отраслей). В-третьих, Мурманск обладает особыми культурными ценностями, способствующими социации: в контексте сурового климата люди общительны и кооперируются друг с другом, старинное ощущение фронтира все еще дает чувство свободы и агентности, отсутствие строгой социальной иерархии и наличие общего прошлого помогает преодолевать социально-экономическое неравенство во взаимодействии. В-четвертых, Мурманск испытывает фундаментальные критические процессы постсоветской экономической стагнации и переориентации, оттока населения, формирования новых социальных групп, что способствует разнообразию общественных настроений и преобладанию амбивалентных характеристик в образе города: от ностальгии до порицания. В цифровом пространстве Мурманска присутствуют разнообразные сообщества, воплощающие различные состояния этого города. Источником иллюстраций цифровых городских сообществ Мурманска, представленных ниже, является социальная сеть «ВКонтакте» — крупнейшая социальная сеть в России.

В ходе картирования городских онлайн-сообществ в «ВКонтакте» мы предлагаем прежде всего выявить два главных типа: административные сообщества, связанные с официальными организациями и централизованно модерируемые, и сообщества-ассоциации, возникшие в результате самоорганизации различных групп горожан. Это осевые типы, остальные сообщества будут относиться к одному из них. Далее среди городских онлайн-сообществ можно выделить группы, образованные по тематическим, социальным и территориальным основаниям объединения участников. В таблице 1 представлена классификация городских онлайн-сообществ с примерами мурманских сообществ «ВКонтакте». Под таблицей размещено подробное описание типов сообществ.

В ходе исследований классификация может уточняться и изменяться в зависимости от характеристик изучаемого города или задач проекта. Например, какие-то типы могут быть укрупнены или, наоборот, разделены в зависимости от численности и разнообразия сообществ в цифровом пространстве конкретного города. В классификации отдельно не отражены случаи интерсекциональности, то есть совмещения признаков различных типов в одном конкретном сообществе (например, соседское сообщество по интересам относится сразу к двум типам нашей классификации — соседское сообщество и сообщество по интересам). Однако данная классификация не препятствует выявлению и описанию «гибридных» сообществ.

Таблица 1. **Классификация типов городских онлайн-сообществ с примерами**

Тип онлайн-сообщества	Примеры сообществ «ВКонтакте» города Мурманска	
	Административные сообщества (АС)	Сообщества-ассоциации (СА)
Городские новостные паблики	Паблики, имеющие статус СМИ со строгой модерацией и официальной рекламой. Примеры: « Мурманск » — 113,5 тыс. подписчиков; « Север Пост.ru Новости Мурманска и области » — 46 тыс. подписчиков	Неформальные паблики, имеющие характер новостных порталов с мягкой модерацией и без рекламы. Реклама возможна в формате «от своих к своим». Примеры: « Мурманск » — 406,4 тыс. подписчиков; « Подслушано Мурманск » — 92,4 тыс. подписчиков
Сообщества городских активистов	Официальные паблики некоммерческих общественных организаций, которые имеют активную социальную повестку, например, экологические организации. Примеры: « Единый волонтерский центр Мурманской области » — 6 тыс. человек; Молодежный культурный центр « Молодежь 51 » — 3,1 тыс. человек	Неформальные паблики городских активистов, например, паблики экодвижений, активистов в сфере надзора за качеством городской среды, паблики волонтеров. Примеры: « Приют для бездомных животных Мурманск » — 26 тыс. подписчиков; благотворительный магазин « Спатекс » — 1,8 тыс. подписчиков
Сообщества жителей и соседей	Паблики, представляющие официальные организации административно-территориальных единиц (например, паблики муниципалитетов) или официальные группы самоорганизованных жителей (например, паблики ТСЖ). Примеры: « Администрация города Мурманска » — 20 тыс. подписчиков; управляющая компания « Мурманремстрой » — 2 тыс. подписчиков	Неформальные паблики жителей административных (например, официальных районов города) или вернакулярных соседств (территории с топонимом и ментальными границами). Примеры: « Моя Роста » — 8,3 тыс. подписчиков; « Аскольдевец, 19 » — 58 подписчиков
Социально-демографические сообщества	Паблики, представляющие официальные организации, связанные с социально-демографическими группами, например, союз женщин, совет ветеранов, совет выпускников университета (который представляет и определенные годы выпуска). Примеры: « Комитет по развитию женского предпринимательства » — 848 подписчиков; « МАУ. Студенческий Совет » — 1 618 подписчиков	Неформальные паблики, объединяющие людей по социально-демографическим основаниям, например гендеру, возрасту, семейному и родительскому статусу, статусу выпускников учебных заведений, факультетов, годов выпуска. Примеры: « Мамы-мамы-мамы женский декрет детский » — 29,6 тыс. подписчиков; « Серебряные добровольцы г.Кола Мурманская область » — 169 подписчиков
Профессиональные сообщества	Официальные паблики, представляющие государственные, общественные и частные организации в различных сферах деятельности, например городское отделение Союза художников. Примеры: « Мурманская областная филармония » — 8,3 тыс. подписчиков; « Мурманский областной краеведческий музей » — 11 тыс. подписчиков	Неформальные паблики горожан, объединенных профессиональной принадлежностью и интересами, например сообщества краеведов, художников, спортсменов, предпринимателей. Примеры: « Мурманское филармоническое сообщество » — 2,7 тыс. подписчиков; « Учителям физики математики. Дидактика » — 2,8 тыс. подписчиков

Тип онлайн-сообщества	Примеры сообществ «ВКонтакте» города Мурманска	
	Административные сообщества (АС)	Сообщества-ассоциации (СА)
Сообщества по интересам	Официальные паблики некоммерческих и общественных организаций, представляющих различные увлечения, хобби, не(полу)профессиональные практики, например городское отделение Союза велосипедистов. Примеры: « Федерация лыжных гонок Мурманской области » — 3,4 тыс. подписчиков; « Северные бегуны » — 706 подписчиков	Неформальные паблики, объединяющие горожан с определенными интересами и увлечениями, хобби, не(полу)профессиональной деятельностью. Примеры: « Мурманск в старых фотографиях » — 12,6 тыс. подписчиков; « Вавилон51 » — группа походов по Мурманской области — 13,6 тыс. подписчиков
Религиозные сообщества	Паблики религиозных сообществ, модерлируемые официальными представителями. Примеры: « Католики Мурманской области » — 305 подписчиков; « Мусульмане Мурманска » — 5,9 тыс. подписчиков	Неформальные паблики, объединяющие людей, живущих в городе, на основе вероисповедания и религиозных взглядов. Примеры: « Казакам на Севере быть! » — 449 подписчиков; « Христианская вера и служение » — 145 подписчиков
Этнические сообщества	Паблики общественных организаций, представляющих этнические группы, проживающие в городе. Примеры: « Саамы вконтанте » — 1,4 тыс. подписчиков	Неформальные паблики диаспор и этнических меньшинств и групп, проживающих в городе. Примеры: « Азербайджанцы в Мурманске » — 207 подписчиков
Общественные паблики коммерческих объединений	Паблики малого, среднего и крупного бизнеса, который формирует вокруг себя сообщество; например, паблик кофейни — общественного пространства. Примеры: « Йога в Мурманске. Студия Йогин » — 4,3 тыс. подписчиков; « Кафе Лавка Морошка Сувениры Мурманск Морские Ежи » — 6,3 тыс. подписчиков; « ЭТЦ „Снежная деревня“ » — 38,0 тыс. подписчиков	

Городские новостные паблики

В информационном поле города, как правило, существует один или несколько наиболее популярных и многочисленных городских пабликов, в которых освещаются и обсуждаются новости, городская жизнь и события. Такие группы могут иметь официальный статус СМИ, что сопровождается строгой модерацией, централизацией решений о публикуемом контенте, наличием коммерческих объявлений. Другие новостные паблики могут быть неформальными, свободно действующими сообществами, основанными на самоорганизации горожан ради обмена и распространения новостей о событиях и о жизни в родном городе. В таких пабликах модерация менее строгая, право на публикацию потенциально имеют все подписчики, а коммерческие посты лимитированы. Последние группы можно обозначить как гражданские медиа (citizen media) с повесткой, формируемой стихийно и распределенно всеми или активными подписчиками. В подобных пабликах обсуждаются главные проблемы городов и регионов, транслируются темы локальной идентичности, осуществляются акции взаимопомощи, обсуждаются вопросы коллективной безопасности, цен на жилье и качества коммунальных услуг, локальных магазинов и сервисов и т. д. [Консолидация городских сообществ..., 2022]. Подписчиками новостных пабликов могут быть люди, которые уже уехали из города, но продолжают следить за новостями и иногда выступают активными

комментаторами, представляя точку зрения стороннего наблюдателя. Ранее мы публиковали работы по анализу новостных пабликов арктических городов, в которых подписчики обсуждают и нарративизируют локальную идентичность и чувство места [Недосека, 2024а; 2024б].

В социальной сети «ВКонтакте» на момент написания статьи (август 2025 г.) насчитывается 55 сообществ², имеющих статус СМИ, с рекламой и строгой модерацией (см. рис. 1). Самый многочисленный — «**Регион 51**» с общей численностью подписчиков 180,8 тыс. участников³.

Рис. 1. Топ-10 городских групп Мурманска, отобранных по параметру «официальные СМИ» в результате общего парсинга

1	ID группы	Ссылка на группу	Название группы	Количество участников
2	65380598	https://vk.com/club65380598	Регион 51	180858
3	45728473	https://vk.com/club45728473	Мурманск	115479
4	14273164	https://vk.com/club14273164	Мурманск – столица Арктики!	95748
5	158285273	https://vk.com/club158285273	Регинфо51.Мурманск	49372
6	15816776	https://vk.com/club15816776	Би-порт: новости Мурманска	33688
7	114924147	https://vk.com/club114924147	Nord-News Новости Мурманска и Мурманской области	27719
8	40159844	https://vk.com/club40159844	Хибины Мурманск	27396
9	1682	https://vk.com/club1682	ДТП и ЧП Мурманск	26759
10	82815477	https://vk.com/club82815477	Интересный Мурманск!	23339
11	156504993	https://vk.com/club156504993	Мурманск	14254

Неформальных пабликов, имеющих характер новостных порталов с мягкой модерацией и без рекламы в цифровом профиле Мурманска, обнаружено 75 (см. рис. 2). Самое популярное сообщество — «**Мурманск**» с общим количеством участников 409,3 тыс. человек.

Рис. 2. Топ-10 городских групп Мурманска, отобранных по параметру «городские сообщества» в результате общего парсинга

1	ID Группы	Ссылка на группу	Название группы	Количество участников
2	5608669	https://vk.com/club5608669	Мурманск	409337
3	168070657	https://vk.com/club168070657	Мурманск	167959
4	61588306	https://vk.com/club61588306	Мурманск ПБМ №1	134372
5	181923765	https://vk.com/club181923765	Мурманск тревожные новости	123571
6	33326166	https://vk.com/club33326166	Подслушано Мурманск	93218
7	198878994	https://vk.com/bipolar51	Мурманск Биполярный	93056
8	79566251	https://vk.com/club79566251	Мурманск	59123
9	122338701	https://vk.com/club122338701	Мурманск LIVE	54115
10	111226298	https://vk.com/club111226298	такие дела, Мурманск	49777
11	12873160	https://vk.com/club12873160	Мурманск. Наш тёплый север	30782

Сообщества городских активистов

Активистские паблики города зачастую представлены низовой инициативой, однако могут встречаться и административные сообщества. Тематически паблики

² С учетом нижнего порога подписчиков, равного 100 человек. В исследованиях мы не используем паблики с меньшим числом участников.

³ В представленной статье мы приведем пять примеров из цифрового профиля Мурманска и более конкретный пример эмпирического исследования с применением полного цикла картирования.

городских активистов включают волонтерские группы, обсуждающие и практикующие помощь уязвимым группам горожан или животным, сообщества с экологической направленностью, группы, осуществляющие «онлайн-надзор» за качеством городской среды. Дискурсы таких групп могут быть полупрофессиональными, а тематики обсуждений — взаимосвязанными и сатурированными (насыщенными), что связано с проактивной и вовлеченной гражданской позицией, которая требует знаний, аргументации мнений, организованных действий. Ключевой характеристикой таких сообществ является гибридный формат их практик — дискурсивные онлайн-практики сочетаются с активистскими практиками в офлайне. Например, экологические активисты могут обсуждать экологические проблемы города в виртуальном пространстве паблика и собирать членов сообщества на экологические акции в реальном городском пространстве.

В цифровом аватаре Мурманска насчитывается порядка 280 групп (см. рис. 3), представляющих молодежные движения, благотворительные и общественные организации. Самая многочисленная — «Поисковый отряд „МурманСпас“») с 21,4 тыс. подписчиков.

Рис. 3. Топ-10 городских административных групп Мурманска, отобранных по параметру «благотворительные и общественные организации, фонды» в результате общего парсинга

1	ID группы	Ссылка на группу	Название группы	Количество участников
2	76622510	https://vk.com/club76622510	Поисковый отряд "МурманСпас"	21402
3	45284968	https://vk.com/club45284968	Поисковый отряд "ЛизаАлерт" Мурманской области	16678
4	69761571	https://vk.com/club69761571	Народный фронт Мурманская область	9637
5	222118912	https://vk.com/club222118912	Русская Община Мурманская область	8271
6	134927021	https://vk.com/club134927021	Движение Первых Мурманская область	8058
7	167048854	https://vk.com/club167048854	Мурманск защита прав потребителей Резонанс	5179
8	59895526	https://vk.com/club59895526	ДОБРО. Центр развития волонтерского движения	3312
9	16607343	https://vk.com/club16607343	Ш Проект "Чужих детей не бывает!" Ш	2414
10	184445792	https://vk.com/club184445792	Мама Мурманск	2155
11	210278725	https://vk.com/club210278725	Я в Деле Мурманская область	1528

Неформальные паблики городских активистов насчитывают 77 групп (см. рис. 4). Самой многочисленной является паблик «Отдам даром — Мурманск-Территория добра!» — 25,9 тыс. подписчиков.

Рис. 4. Топ-10 городских групп Мурманска, отобранных по параметру «благотворительность» в результате общего парсинга

1	ID группы	Ссылка на группу	Название группы	Количество участников
2	109600779	https://vk.com/club109600779	ОТДАМ ДАРОМ-МУРМАНСК-ТЕРРИТОРИЯ ДОБРА!	25942
3	12826291	https://vk.com/club12826291	Фонд поддержки бездомных животных «Ищу Человека»	23254
4	190223159	https://vk.com/club190223159	Мишины новости!!!	7722
5	74854389	https://vk.com/club74854389	ВОЛОНТЕРЫ СЕВЕРА Мурманск	7367
6	216195437	https://vk.com/club216195437	Север 51 Своих Не Бросает	6979
7	114278140	https://vk.com/club114278140	Мурманск. И себе, и людям	5926
8	16092893	https://vk.com/club16092893	ДРУГАЯ ЖИЗНЬ	5819
9	71452959	https://vk.com/club71452959	Сердце Есть Мурманск	5816
10	74120182	https://vk.com/club74120182	Помогу, чем смогу. Мурманск и МО.	3007
11	48358963	https://vk.com/club48358963	Сияние добра - помощь животным.	2425

Сообщества жителей и соседей

Главный принцип объединения в данные сообщества — территориальный. Одни и те же люди могут состоять в сообществе своего района, микрорайона, жилищного комплекса и конкретного подъезда (парадной). Соседи обсуждают вопросы коллективной безопасности, качества коммунальных услуг, магазинов и сервисов «по соседству» [Ненько и др., 2022]. В таких пабликах люди, объединенные территорией проживания и локальной идентичностью, чувствуют солидарность и ощущение общности, что может перерасти в осознание коллективной агентности и практику действий на или по поводу территории. Ранее мы описали, что в дискурсе соседских пабликов артикулируются ценности и дефициты среды обитания, свойственные территориальному сообществу [Ненько, Недосека, 2022]. В соседских пабликах могут обсуждаться другие важные для урбанистов темы: практики соседского взаимодействия и обмена, локальные конфликты жителей и соседей с другими стейкхолдерами территории (администрация района, застройщик, местные службы и т. п.).

В цифровом профиле Мурманска по данному параметру всего (без низшего порога в 100 подписчиков) насчитывается чуть более 110 групп. Важно отметить, что как таковые соседские чаты в анализируемой социальной сети не популярны среди мурманчан. Преобладание девятиэтажной застройки с домами — как правило, двухподъездными (73 квартиры) — делает соседей максимально персонализированными. Самый распространенный способ общения с соседями — мессенджеры и личные контакты.

Рис. 5. Топ-10 городских групп Мурманска, отобранных по параметру «соседские, районные, микрорайонные группы, управляющие компании» в результате общего парсинга

1	ID группы	Ссылка на группу	Название группы	Количество участников
1	326174	https://vk.com/club326174	Росляково Общение, новости, реклама	13895
3	107339872	https://vk.com/club107339872	Управляющая компания "Севжилсервис" Мурманск	9248
4	186010312	https://vk.com/club186010312	Микрорайон Причалный	771
5	176551844	https://vk.com/club176551844	Управляющая компания "МУЖСК"	505
6	190193557	https://vk.com/club190193557	УК ООО "УПРАВДОМ" г. Мурманск	413
7	206556925	https://vk.com/club206556925	Арктический гектар - Соседи	380
8	178954073	https://vk.com/club178954073	АТСН "Заполярье"	266
9	154856057	https://vk.com/club154856057	РОСЛЯКОВО. СОБСТВЕННИКИ ПОМЕЩЕНИЙ	250
10	136365389	https://vk.com/club136365389	Соседи51	175
11	226150892	https://vk.com/club226150892	улица Шабалина г. Мурманск	148

Социально-демографические сообщества

К данной категории мы относим паблики, которые формируются представителями различных гендерных и возрастных групп или людьми, которых объединяет определенный социальный статус, например родительство. Основой объединения является уникальность опыта, связанного с жизнью в статусе женщины, человека старшего возраста, родителя или ином подобном статусе. В связи с размытостью классовой структуры (или классового сознания, как сказали бы марксисты) в современных российских городах сложно обнаружить паблики, которые были бы связаны с соответствующими социальными статусами (например, сложно пред-

ставить «паблик среднего класса / рабочих / интеллигенции города N»). Такие «классовые» статусы частично обнаруживаются в иных пабликах (например, территориальных). Категории социально-демографических групп, которые объединяются в паблики, свидетельствуют о проблематизированных статусах, обладателям которых есть что обсуждать, и они готовы заявлять о себе публично. Например, во «ВКонтакте» часто можно обнаружить паблики людей старшего возраста («ветераны», «серебряные волонтеры», «пенсионеры») или женские группы, такие как «Мамы-мамочки женский декрет детский», которые обсуждают «возрастные» и повседневные проблемы и способы их решения, однако сложно (невозможно) найти самоорганизованные паблики подростков и молодежи. Они «скрываются» в закрытых группах или чатах, с ними можно частично соприкоснуться через административные сообщества — паблики школ и университетов.

Профессиональные сообщества

Паблики, рассчитанные на профессиональные группы, характеризует профессиональная принадлежность и идентичность участников сообщества. Такие паблики могут официально представлять профессиональные организации и учреждения, но также и сообщества-ассоциации, неформально объединяющие специалистов. Например, в группах медицинских или педагогических работников состоят не только специалисты с профессиональным образованием, но и получатели их услуг — горожане. В таких группах идет обмен мнениями о качестве предоставляемых услуг и размещается реклама — намеренная и в формате «сарафанного радио», что выступает источником для исследований как дефицитов среды в области сервисных услуг, так и в самом широком плане потребительской лояльности.

Сообщества по интересам

Эти паблики представляют объединения горожан, складывающиеся вокруг хобби, интересов и увлечений, и могут быть представлены как сообществами официальных организаций, так и сформированными стихийно группами. Сообщества по интересам отражают характер городских субкультур (групп, имеющих уникальные ценности, предпочтения и практики) и их повесток. Мы отличаем сообщества по интересам от профессиональных сообществ, для которых профессиональная деятельность не только интересна, но и является определяющей социального и экономического статуса. Интересы в данном случае мы понимаем широко; с точки зрения урбанистической практики наиболее целесообразно узнать и понять сообщества, которые интересуются городом и его окрестностями. Это люди, увлекающиеся краеведением и историей города, старой фотографией, городским фольклором, а также рыболовы, собаководы, походники, которые разбираются в особых городских местах и ландшафтах. Такие сообщества могут аккумулировать важный мультимедиа-материал о городе (от старых архивов до современных карт), локальные знания, репрезентировать особенности локальной идентичности.

Религиозные и этнические сообщества

Каждая территория имеет свой этнический и религиозный профиль, который может отразиться и в цифровом пространстве. Представленность, коли-

чественный состав и активность религиозных и этнических групп в социальных сетях показывает как наличие этнического и религиозного самосознания и идентичности, так и принятие этих групп населением города (иначе их паблики не могли бы существовать открыто). Сопоставление структуры этнических и религиозных пабликов и статистики (иных объективных данных) об этническом и религиозном составе территории может показать характер информационной репрезентации групп и ее ограничения. Например, отсутствие этнических и религиозных пабликов в информационном пространстве города при объективном наличии соответствующих групп в городе может свидетельствовать о запрещающей информационной политике, о конфликтах групп с остальным населением или о потере идентичностей. В Мурманской области, которую отличает слабо укорененное население, проживает и коренной народ — саамы. Несмотря на малочисленность данной группы, ее представители сохраняют и транслируют историко-культурные особенности территории. Для этого они пользуются в том числе социальными сетями — их паблики являются как «витриной» практик и видных членов сообщества, так и пространством коммерциализации его этнической культуры в регионе.

Общественные паблики коммерческих объединений

Это самые многочисленные сообщества, они репрезентируют средний и малый бизнес на конкретной территории. Предметное изучение таких сообществ позволяет, например, выделить долю предпринимателей, вовлеченных в креативные индустрии, которые, как правило, реализуются с учетом локальной специфики. Одно из популярных мест, совмещающих в себе черты общественного пространства и одной из самых популярных кофейен города Мурманска, — кафе «Морошка». Местный предприниматель одним из первых сделал акцент на бренде «Север», который в дальнейшем вышел за пределы общепита и стал популярным магазином одежды и аксессуаров с надписями, характеризующими региональную специфику Мурманска.

Среди онлайн-сообществ Мурманска мы нашли примеры, иллюстрирующие все выделенные нами типы. Это показатель значительного разнообразия онлайн-сообществ, однако не стоит ожидать, что такая ситуация будет наблюдаться во всех городах. Скорее всего, в малых городах, в убывающих городах разнообразие цифровых сообществ будет значительно ниже. Здесь мы не анализируем количественное соотношение различных типов сообществ, однако такая процедура может показать выраженность и представленность определенных сообществ. Доминирование каких-то типов сообществ и меньшее количество или полное отсутствие других будет свидетельствовать о неравенстве возможностей и ресурсов в цифровом пространстве города или о рисках цифрового присутствия. Например, доминирование административных сообществ над сообществами-ассоциациями будет сигнализировать о контролируемости и иерархичности цифрового пространства и коммуникации в нем. Преобладание соседских сообществ будет показывать важность локальных идентичностей и связей, то есть важную роль территории и совместной материальной среды для процессов социации.

Коммуникативные характеристики городских онлайн-сообществ

Картирование городских сообществ на основании данных социальных сетей презентует не столько их реальное воплощение, сколько представляет собой их цифровой аватар [Nowak, Fox, 2018]. Цифровой аватар — это конструкт, возникающий в онлайн-пространстве за счет инструментов интернет-медиа, в данном случае — социальной сети. Это и репрезентация некоторых черт «реального» сообщества, и «цифровая реальность» сообщества, особенно если оно воображаемое. Онлайн-пространство и интернет-медиа накладывают определенные ограничения, равно как и дают невероятные возможности для формирования социальной структуры цифрового инварианта городского сообщества, реализации практик модераторов и подписчиков, конструирования общего языка. В антропологических деталях такое сообщество будет отличаться от своего нецифрового, офлайн-ового, «реального» формата бытия; особенно это касается эмоциональных и чувственных аспектов групповой коммуникации и деятельности. Однако фундаментальные социологические черты будут воспроизводиться (или производиться) и в цифровом формате, например, социальная структура, проявления власти, групповые роли и нормы, разделяемые ценности и интересы. Цифровой аватар городского сообщества способствует развитию особых аспектов групповой деятельности, в том числе разработке форм и правил вербальной и визуальной коммуникации и фокусировке на контенте и дискурсе.

На основании информации о выбранной группе в социальной сети можно также охарактеризовать отдельное сообщество и описать его черты в контексте разработки и реализации урбанистического проекта. Такое подробное описание может включать следующие аспекты: а) оценку коммуникативной активности сообщества; б) анализ тематической направленности обсуждений сообщества; в) оценку социальной структуры сообщества.

Оценка коммуникативной активности позволит выявить городские сообщества, которые, скорее всего, оживленно заинтересуются новым урбанистическим проектом и будут его обсуждать в контексте своих интересов и деятельности. Коммуникативно активные сообщества могут деятельно включиться в социологические и антропологические фазы предпроектного исследования и вербализировать мнения по поводу городской среды или проектируемой территории. Кроме того, они могут достаточно быстро сконструировать дискурс по поводу проекта, если узнают о нем и он их заинтересует; проявят коммуникативную инициативу, которая может стать как положительной, так и проблемной для урбанистов.

Анализ тематической направленности обсуждений в сообществе позволит урбанистам определить актуальные (артикулируемые) локальные знания, память, ценности, идентичности, свойственные конкретным городским группам и зачастую характеризующие городской контекст, в том числе территорию проектирования. Понимание тематической направленности обсуждений покажет, в каких аспектах будущий урбанистический проект может заинтересовать, а в каких — вызвать негодование группы горожан. Анализ дискурсов сообществ даст материал для картирования конфликтов, если будут выделены дебатлируемые и «горячие» темы обсуждений, проанализированы структуры аргументов конфликтующих сторон. В процессе такого анализа можно вычленить дискурсивные приемы и язык для обсуждения с горожанами урбанистических проектов и создания с ними доверительных, паритетных отношений.

Оценка социальной структуры сообщества позволяет определить его лидеров и активных членов, которые могут быть потенциальными партнерами по организации урбанистического исследования и общественного обсуждения проекта. Анализ взаимодействий между членами паблика покажет характер принятия решений (централизованный или распределенный), то есть наличие или отсутствие навыков дискурсивной демократии и опыта участия в демократических управленческих процессах. Если сообщество структурировано, консолидировано и при этом члены сообщества имеют свободу волеизъявления, то оно, скорее всего, является серьезным коллективным агентом в городе, к которому необходимо прислушаться и на которого можно опереться.

В таблице 2 представлено описание коммуникативных характеристик городских онлайн-сообществ, которое можно сформировать с помощью данных, доступных в социальной сети «ВКонтакте». Мы приводим перечень базовых характеристик (индикаторов) и соответствующих показателей. Данный перечень и его отдельные компоненты стоит трактовать как открытый список, который может дополняться и корректироваться в зависимости от задач проекта и/или доступных данных. В таблице описаны примеры базовых показателей; в исследованиях можно конструировать подобные им или другие, лучше подходящие под конкретные задачи.

Мы рекомендуем формировать описание сообщества в ходе наблюдения за онлайн-активностью паблика в течение некоторого периода времени (например, в течение нескольких недель кабинетного исследования в рамках подготовки проекта и/или предпроектного исследования). Длительное наблюдение позволит оценить динамику показателей, а также глубже понять природу, настроения и деятельность сообщества. Более того, наблюдение даст возможность сформировать исследовательскую насмотренность, которая позволит более качественно анализировать дискурс сообществ. Такая насмотренность необходима и для самого процесса поиска пабликов по названиям (например, значительная часть пабликов Мурманска содержит в названиях слова «Север» и «Арктика»). Паблики, сформированные в других социальных сетях, отличаются по дизайну и функционалу от пабликов «ВКонтакте», однако социологический смысл их описания как городских сообществ, представленный здесь, сохраняется.

Таблица 2. Формирование характеристик городских онлайн-сообществ на основании данных социальных сетей

	Качественная характеристика	Показатель	Смысл в контексте урбанистического проекта
<i>1. Коммуникативная активность сообщества</i>			
1	Прирост подписчиков за неделю/месяц/ иной период времени	Количество человек / период	Динамика расширения сообщества, рост потенциального социального влияния сообщества внутри и за его пределами
2	Динамика постов за неделю / месяц/ иной период времени	Количество постов / период	Уровень и динамика информационной активности сообщества; потенциал информационного влияния сообщества внутри и за его пределами

	Качественная характеристика	Показатель	Смысл в контексте урбанистического проекта
3	Динамика лайков / комментариев под постами за неделю / месяц / иной период времени; равновесность лайков / комментариев к постам различных тем / авторов	Среднее количество лайков / комментариев к постам / период; доля комментируемых постов / период; max и min комментируемые посты / период	Выраженность обратной связи в обществе; уровень вовлеченности членов в коммуникацию друг с другом / определенные темы
II. Тематическая направленность сообщества			
IIa. Количественные характеристики дискурса и тематик обсуждений			
5	Количество тем для обсуждения, сформированных модераторами публика (внутренняя рубрикация); динамика тем за период времени	Количество тем, всего / период	Разработанность дискурса сообщества, разнообразие обсуждаемых тем; «прирост» обсуждаемых тем
6	Популярность тем, напр.: количество подписчиков и количество их постов по теме, динамика подписчиков и их постов по теме	Человек / тема; пост / тема; человек (пост) / период / тема	Тематическая выраженность в сообществе (преобладание конкретных тем); тематическая активность в сообществе (вовлеченность подписчиков в конкретные темы)
IIb. Качественные характеристики дискурса и тематик обсуждений			
7	Количество тем(атик), конструируемых в ходе обсуждений (выделенных с помощью анализа текстов); динамика «органических» тем за период времени	Количество тем; количество тем / период	Разработанность (тематическое разнообразие) дискурса сообщества; спонтанность дискурса (дискурсивное влияние отдельных подписчиков-авторов тем; «реакция» дискурса на события окружающего контекста)
8	Гомо-/гетерогенность дискурса: наличие разночтений в интерпретации тем (вопросов), наличие конфликтных обсуждений	Количество интерпретаций / тема; доля конфликтных тем / общий объем обсуждений	Выраженность различных групп мнений в дискурсе сообщества; наличие (отсутствие) конфликтов по поводу определенных тем (вопросов)
III. Социальная структура сообщества			
9	Характер модерации: количество модераторов и администраторов публика; их социально-демографические характеристики и прописанные статусы; возможность публикации постов / комментариев / добавления тем подписчиками; наличие прописанных правил сообщества и их дискурсивные характеристики	Количество модераторов / администраторов; доля женщин / молодежи / представителей этнических групп среди администраторов / модераторов; наличие правил; наличие (перечень) выраженных этических принципов в правилах	Централизация принятия решений; наличие органа принятия решений; характеристики ответственных за принятие решений (например, гендерный баланс, наличие формальных статусов); распределенное управление в сообществе (например, подписчики могут делать публикации самостоятельно); формализация правил, этический компонент правил, дебатруемость правил
10	Актив сообщества: количество активных подписчиков, уровень их активности, социально-демографические характеристики подписчиков	Кол-во активных подписчиков; доля постов / комментариев подписчиков / общий объем постов / комментариев; доля женщин / молодежи / представителей этнических групп среди активных подписчиков	Центрированность или распределенность дискурсивизации (формирование дискурса сообщества); кластеризация сообщества (наличие или отсутствие активных подписчиков, присутствие кластеров подписчиков с различными характеристиками)

В качестве иллюстрации применения методики картирования городских пабликов приведем пример исследований, целью которых было выявление доминирующих нарративов горожан о причинах оттока населения, особенностях локальной идентичности и чувства места в арктических городах (в частности Мурманска). Объектом исследования были выбраны неформальные группы, имеющие характер новостных порталов с мягкой модерацией. Представленный в работе подход позволяет осуществить отбор страниц онлайн-сообществ, наиболее подходящих для целей исследования. Обоснование объекта заключалось в необходимости подбора городских сообществ, включающих широкую аудиторию горожан, с открытым доступом к публикациям постов и свободным от модерации комментариям. В социальной сети «ВКонтакте» автоматизированным способом были выявлены 623 группы, соответствующие в названии, в описании или статусе параметру «городское сообщество» в городе Мурманск (см. рис. 6).

Рис. 6. Топ-25 городских групп Мурманска, отобранных по параметру «городское сообщество» в результате общего парсинга

	ID группы	Ссылка на группу	Название группы	Количество участников
1				
2	5608669	https://vk.com/club5608669	Мурманск	409337
3	168070657	https://vk.com/club168070657	Мурманск	167959
4	61588306	https://vk.com/club61588306	Мурманск ПВМ №1	134372
5	181923765	https://vk.com/club181923765	Мурманск тревожные новости	123571
6	33326166	https://vk.com/club33326166	Подслушано Мурманск	93218
7	70727979	https://vk.com/club70727979	АФИША Мурманска	72667
8	2586127	https://vk.com/club2586127	Мурманская барахолка	63924
9	79566251	https://vk.com/club79566251	Мурманск	59123
10	122338701	https://vk.com/club122338701	Мурманск LIVE	54115
11	51261553	https://vk.com/club51261553	Отдам даром Мурманск	51935
12	22745081	https://vk.com/club22745081	ЗАПОЛЯРНЫЙ НИКЕЛЬ ПЕЧЕНГА LIVE	51895
13	111226298	https://vk.com/club111226298	такие дела, Мурманск	49777
14	65314046	https://vk.com/club65314046	Погода в Мурманске	39162
15	224526614	https://vk.com/club224526614	Газета «Полярная правда»	39105
16	51781730	https://vk.com/club51781730	Мурманск. Отдам даром или обменяю	34239
17	208974644	https://vk.com/club208974644	Мамы Мурманск	32083
18	55670081	https://vk.com/club55670081	Ищу тебя Мурманск	32002
19	12873160	https://vk.com/club12873160	Мурманск. Наш тёплый север	30782
20	203280187	https://vk.com/club203280187	Говорит Мурманская область	27996
21	136442754	https://vk.com/club136442754	Черный список Мурманск новости	26627
22	138762197	https://vk.com/club138762197	ИСТОРИЯ МУРМАНСКА	24934
23	217137629	https://vk.com/club217137629	Давай сходим! Мурманск	21725
24	210104315	https://vk.com/club210104315	Воришки Мурманск	20696
25	154295364	https://vk.com/club154295364	НАШ СТАРЫЙ, ДОБРЫЙ МУРМАНСК	20572

Далее массив вручную был вычищен от нерелевантных целям исследования групп по названию (например, барахолки, поиск работы, черные списки и прочее). В результате итоговой перечень составил 144 сообщества (см. рис. 7).

Для обозначенных выше целей мы сосредоточились на коммуникативных характеристиках городских сообществ. Критериями отбора сообщества послужили следующие: 1) городское сообщество, тематически посвященное городу Мурманску, его истории, проблемам и событиям; 2) высокая популярность сообщества в информационном поле; 3) группы с наибольшим числом подписчиков; 4) посто-

янная высокая интенсивность коммуникации внутри сообщества (не менее двух постов в день за последний год); 5) обсуждение проблем города на стене сообщества; 6) история существования сообщества (не менее пяти лет); 7) позиционирование сообщества именно как локального (городского).

Рис. 7. Топ-25 городских сообществ Мурманска, отсортированных по убыванию количества подписчиков

1	ID Группы	Ссылка на группу	Название группы	Количество участников
2	5608669	https://vk.com/club5608669	Мурманск	409337
3	168070657	https://vk.com/club168070657	Мурманск	167959
4	61588306	https://vk.com/club61588306	Мурманск ПБМ №1	134372
5	181923765	https://vk.com/club181923765	Мурманск тревожные новости	123571
6	33326166	https://vk.com/club33326166	Подслушано Мурманск	93218
7	198878994	https://vk.com/bipolar51	Мурманск Биполярный	93056
8	79566251	https://vk.com/club79566251	Мурманск	59123
9	122338701	https://vk.com/club122338701	Мурманск LIVE	54115
10	111226298	https://vk.com/club111226298	такие дела, Мурманск	49777
11	65314046	https://vk.com/club65314046	Погода в Мурманске	39162
12	12873160	https://vk.com/club12873160	Мурманск. Наш тёплый север	30782
13	203280187	https://vk.com/club203280187	Говорит Мурманская область	27996
14	138762197	https://vk.com/club138762197	ИСТОРИЯ МУРМАНСКА	24934
15	154295364	https://vk.com/club154295364	НАШ СТАРЫЙ, ДОБРЫЙ МУРМАНСК	20572
16	121582992	https://vk.com/club121582992	Мурманск ЧЁ Происходит?!	18862
17	95086819	https://vk.com/club95086819	Уютное Заполярье	17830
18	128345990	https://vk.com/club128345990	Мурманск / #насеверезить	15381
19	123848976	https://vk.com/club123848976	Партизан Заполярья ★ Мурманск	15089
20	160612450	https://vk.com/club160612450	Ретро Мурманск (область)	14075
21	128311041	https://vk.com/club128311041	Мурманск в старых фотографиях	13236
22	196554313	https://vk.com/club196554313	Кольский полуостров Наш Север	12847
23	82682918	https://vk.com/club82682918	Криминальный Мурманск	11961
24	72912308	https://vk.com/club72912308	Мурманск Новости для взрослых	9587
25	2598442	https://vk.com/club2598442	Мурманск: Новости, события, места	9080

Исходя из анализа обозначенных параметров нами было отобрано городское сообщество «Мурманск» (<https://vk.com/murmanskgroup>). Оно было образовано в 2008 г., является открытым, насчитывает 409,3 тыс. подписчиков (на момент проведения исследования — 384,2 тыс.), что позволяет назвать это сообщество самым популярным среди других в рассматриваемой социальной сети. Интенсивность публикации постов за последний год — в среднем четыре в день. Пользователей с активными аккаунтами (незаблокированными и неудаленными) — 82,7 % от общего числа подписчиков. Пользователей с доступной информацией о возрасте 37 % от общего числа пользователей и 44,8 % от активных пользователей. Наиболее многочисленные категории пользователей — 31—40 лет (31,9 %), 21—30 лет (21,8 %) и 41—50 лет (17,2 %). Почти все пользователи сообщества идентифицированы по полу (свыше 99 %), из них 47 % — мужчины, 53 % — женщины. Обозначенные параметры картирования выступили неотъемлемыми элементами выборки и обоснования объекта исследования.

Таким образом, при проведении исследований за счет определения качественных характеристик онлайн-сообществ можно осуществлять поиск и отбор объектов, наиболее релевантных задачам. Это позволяет значительно сократить временные затраты исследователя на обработку больших массивов нерелевантных сообщений.

Заключение

В данной статье мы представляем подход к картированию городских сообществ в рамках реализации урбанистических проектов, основанный на доступных и многочисленных данных социальных сетей. Корректное, тщательное и этическое картирование сообществ повышает качество как минимум двух компонентов урбанистического проекта — предпроектного исследования и общественного участия (партисипации). В условиях минимальных ресурсов и времени, которые обычно отводятся на реализацию этих этапов в урбанистической практике, максимизация полезности существующих цифровых данных позволяет сэкономить время и силы. Конструирование профиля сообществ, представленных в информационном пространстве города, является минимальным условием для определения социальных акторов, связанных с территорией и имеющих право на участие в ее судьбе. Анализ локальных знаний, памяти, идентичностей, ценностей среды, отраженных в дискурсах онлайн-сообществ, — минимальное условие для формирования урбанистических тезисов и выводов о территории (особенно в ситуации, когда такие выводы пытаются сделать приезжие или «гастролирующие» урбанисты).

Опираясь на теоретическую рамку концепции коммуникационной инфраструктуры, мы понимаем социальные сети как платформы, предоставляющие горожанам возможность взаимодействовать по поводу города и жизни в нем в виртуальном формате — «платформенный урбанизм». Основываясь на опыте собственных урбанистических проектов и исследований, мы предложили и описали на примерах классификацию городских сообществ, которые проявляются в цифровом пространстве города. В предлагаемой классификации мы выделяем два «осевых» типа пабликов: административные сообщества организаций с официальным статусом, которые осуществляют модерацию и контроль и продвигают корпоративную идеологию, и сообщества-ассоциации, которые возникают благодаря низовой инициативе и имеют признаки распределенного управления. Оба типа проявляются в девяти более узких категориях — тематически, социально или территориально уникальных: городские новостные паблики; сообщества городских активистов; сообщества жителей и соседей; социально-демографические сообщества; профессиональные сообщества; сообщества по интересам; религиозные сообщества; этнические сообщества; общественные паблики коммерческих объединений. Классификация не противоречит случаям интерсекциональности, то есть совмещения признаков нескольких категорий в одном сообществе. Более того, мы уверены, что такие случаи будут учащаться с нарастанием общего количества и разнообразия сообществ в информационном пространстве города (например, в мегаполисах).

Мы предложили метод подробного описания онлайн-сообщества, включающий конструирование характеристик агентности и идентичности группы на основании цифровых данных, представленных в паблике. Мы подчеркиваем, что образ сообщества, конструируемый на основании цифровых данных, соответствует понятию «цифрового аватара», то есть за пределами виртуальной реальности у группы могут быть дополнительные характеристики и аспекты деятельности. Мы выделили несколько измерений виртуального инварианта городского сообщества, которые отражают его агентность и идентичность и важны в рамках урбанистического

исследования: коммуникативная активность, тематическая направленность и социальная структура сообщества.

Картирование городских сообществ на основании данных социальных сетей, несмотря на привлекательность «готовых» данных и возможность проведения исследования в «кабинетном» формате, имеет и ограничения. Во-первых, мы пояснили выше, что цифровые инварианты городских сообществ не могут полностью соответствовать реальным сообществам, присутствующим в городском контексте. Некоторые сообщества могут быть исключены из информационного поля в силу низкой агентности, избегания информационной публичности по собственному желанию или ее невозможности в силу контекстуальных причин. Во-вторых, цифровые профили российских городов активно размываются по цифровым платформам, аудитория и характеристики которых могут различаться [Павлов, 2016]. Например, среди соседских сообществ большую популярность набирают группы в мессенджере Telegram, который предоставляет больше инструментов для управления сообществом и оперативность в получении сообщений. Во-третьих, на возможностях самоорганизованной репрезентации сообществ в информационном пространстве сказывается динамика социально-политического контекста. Например, кардинальная трансформация происходит в сегменте общественных движений и организаций гражданского общества, который характеризуется все большей регулируемостью. Встретить группы «низовой» инициативы в социальных сетях становится все сложнее, почти все из них имеют организационно-правовую форму и являются «административными сообществами». Такая «развиртуализация» низовых общественных инициатив может быть предметом отдельного исследования.

Перспективным исследовательским направлением в данной области является и сравнительный анализ категорий городских онлайн-сообществ в городах разного типа. Можем предположить, что в информационных пространствах мегаполисов можно встретить наиболее многочисленные и разнообразные профили городских сообществ. В структуре малых городов с экономической специализацией, например в моногородах, возможна более значительная роль социального класса, который может воплощаться в профессиональных сообществах (например, сообществах рабочих промышленного предприятия). В исторических городах на формирование сообществ должны оказывать влияние историческое наследие и культура, что предположительно может выражаться в возникновении сообществ, объединенных культурой (например, среди профессиональных сообществ и сообществ по интересам).

Список источников (References)

1. Градосельская Г. В. Метод зерновой кластеризации для картирования политических сетей региона // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 27—28 ноября 2020 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунува, Л. Н. Тимофеевой. М.: Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 152—153.

- Gradoselskaya G. V. (2020) Grain Clustering Method for Mapping Political Networks in the Region. In: O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (eds.) *Political Representation and Public Power: Transformational Challenges and Prospects: Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation, Moscow, November 27—28, 2020*. Moscow: Moscow Pedagogical State University. P. 152—153.
2. Градосельская Г. В., Расходчиков А. Н. Два сценария будущего молодежи: результаты картирования групп социальной сети «ВКонтакте» на примере Томска // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 4. С. 50—68.
Gradoselskaya G. V., Raskhodchikov A. N. (2020) Two Scenarios for the Future of Young People: The Results of Mapping Vkontakte Social Network Groups in Tomsk. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*. No. 4. P. 50—68.
 3. Дементьева К. В. Городские паблики социальной сети «ВКонтакте»: специфика привлечения аудитории, особенности подачи информации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 287—310. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/73/16>.
Dementieva K. V. (2021) Cities' Public Pages of the Social Network VKontakte: Features of Attracting the Audience and Presenting Information. *Tomsk State University Journal of Philology*. No. 73. P. 287—310. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/73/16>.
 4. Запорожец О. Н., Лапина-Кратасюк Е. Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 41—54.
Zaporozhets O. N., Lapina-Kratasyuk E. G. (2015) Anthropology of the Digital City: On the Issue of Choosing a Method. *Etnograficheskoe Obozrenie*. No. 4. P. 41—54. (In Russ.)
 5. Запорожец О. Н., Лапина-Кратасюк Е. Г. Цифровые коды российских городов: связи, разрывы и немного о любви к человеку // Шаги. 2016. Т. 2. № 1. С. 103—113.
Zaporozhets O. N., Lapina-Kratasyuk E. G. (2016) Digital Codes of Russian Cities: Disruptions and a Few Words about Love for the Human Being. *Steps*. Vol. 2. No. 1. P. 103—113. (In Russ.)
 6. Касаткина А. К. «ВКонтакте» с историей: историческая культура соучастия в группе «Ретро Обнинск» // История. 2017. Т. 8. № 7. Ст. S207987840001933-5-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840001933-5-1> (дата обращения: 23.10.2025).
Kasatkina A. K. (2017) Contacting History in the “VKontakte”: Participatory Historical Culture in the Social Networking Group “Retro Obninsk”. *Istoriya*. 2017. Vol. 8. No. 7. Art. S207987840001933—5—1. URL: <https://history.jes.su/s207987840001933-5-1> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)
 7. Кияненко К. В. Парадигмы социального знания и обоснования в архитектуре // Социологические исследования. 2018. Т. 9. № 9. С. 30—39.

- Kiyanenکو K. V. (2018) Paradigms of Social Knowledge and Justification in Architecture. *Sociological Studies*. Vol. 9. No. 9. P. 30—39. (In Russ.)
8. Кияненко К. В. Социальные стратегии архитектурного программирования // *Innovative Project*. 2017. Т. 2. № 1. С. 54—68.
Kiyanenکو K. V. (2017) Social Strategies of Architectural Programming. *Innovative Project*. Vol. 2. No. 1. P. 54—68. (In Russ.)
 9. Консолидация городских сообществ: проблемы и перспективы в условиях цифровизации урбанизированной среды / под общ. ред. д. ф. н., проф. В. П. Бабинцева. 2022. Белгород: Эпицентр.
Babintsev V. P. (ed.) (2022) Consolidation of Urban Communities: Problems and Prospects in the Context of Digitalization of the Urbanized Environment. Belgorod: Epicenter. (In Russ.)
 10. Коршунова Д. А. Виртуальные городские сообщества в социальных сетях как одна из форм медиации в культурном пространстве города // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2018. Т. 7. № 1А. С. 199—207.
Korshunova D. A. (2018) Virtual Urban Communities in Social Networks as One of the Forms of Mediation in the Cultural Space of the City. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Man*. Vol. 7. No. 1A. P. 199—207. (In Russ.)
 11. Недосека Е. В., Ненько А. Е., Порошина С. Е. Привязанность к месту в контексте убывающего города: анализ дискурса жителей в городском онлайн-сообществе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2024а. № 2. С. 86—115. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>.
Nedoseka E. V., Nenko A. E., Poroshina S. E. (2024a) Place Attachment in the Context of a Shrinking City: Analysis of the Discourse of Residents in an Urban Online Group. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 27. No. 2. P. 86—115. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>. (In Russ.)
 12. Недосека Е. В., Шарова Е. Н., Шорохов Д. М. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения // *Арктика и Север*. 2024б. № 54. С. 169—189. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169>.
Nedoseka E. V., Sharova E. N., Shorokhov D. M. (2024b) Shrinking Cities of the Russian Arctic: Statistical Trends and Public Discourse on the Causes of Population Outflow. *Arctic and North*. No. 54. P. 169—189. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169>. (In Russ.)
 13. Недосека Е. В., Ненько А. Е., Лисенков О. О. Репрезентация воспринимаемой безопасности городской среды в соседских онлайн-сообществах Санкт-Петербурга // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022 № 5. С. 133—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2228>.
Nedoseka E. V., Nenko A. E., Lisenkov O. O. (2022) Representation of Perceived Safety of the Urban Environment in the Neighborhood Online Communities of Saint Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 196—215. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2228>. (In Russ.)

14. Ненько А. А., Недосека Е. В. Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1. С. 217—251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>.
Nenko A., Nedoseka E. (2022) Urban Environment Values in Discourse of Online Neighbouring communities. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 25. No. 1. P. 217—251 <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>. (In Russ.)
15. Ненько А. Е., Недосека Е. В., Курилова М. С. Соседскость городских сервисов как измерение пространственной сегрегации // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2022. Т. 14. № 3. С. 34—58. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-34-58>.
Nenko A., Nedoseka E., Kurilova M. (2022) “Neighborhoodness” of Urban Services as a Dimension of Spatial Segregation. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 14. No. 3. P. 34—58. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-34-58>. (In Russ.)
16. Павлов А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «Соседской» и «Гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 46—57.
Pavlov A. V. (2016) Local Urban Communities in Social Networks: Between “Neighborhoodly” and “Civic” Communication. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*. No. 5. P. 46—57. (In Russ.)
17. Паченков О., Воронкова Л. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19(2). С. 253—268. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>.
Pachenkov O., Voronkova L. (2021) “Urban Activism” and “Public Policy” in Russia (Case of Saint-Petersburg). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 253—268. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>. (In Russ.)
18. Сети города. Люди. Технологии. Власти / под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М., 2021.
Lapina-Kratasyuk E., Zaporozhets O., Vozyanov A. (eds.) (2021) City Networks. People. Technologies. Authorities. Moscow. (In Russ.)
19. Снигирева Н. В., Смирнов Д. Е. «Белые цветы»: социально-средовое проектирование как инструмент развития территорий // Архитектура и строительство России. 2021 № 2. С. 63—72.
Snigireva N. V., Smirnov D. E. (2021) «White Flowers»: Socio-Environmental Design as an Instrument of Territorial Development. *Architecture and Construction of Russia*. No. 2. P. 63—72. (In Russ.)
20. Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. Т. 13. № 2. С. 39—71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>.

- Chernysheva L., Gizatullina E. (2021) VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 13. No. 2. P. 39—71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>. (In Russ.)
21. Чернышева Л. А., Запорожец О. Н. Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 124—148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352>.
Chernysheva L. A., Zaporozhets O. N. (2023) Digital Platforms and Urban Mobilizations: How Locality Redefines Connective Action. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 124—148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352>. (In Russ.)
 22. Antonov A., Kontsevik G., Natykin M., Mityagin S. A. (2023) Feedback2event: Public Attention Event Extraction from Spontaneous Data for Urban Management. *Procedia Computer Science*. Vol. 229. P. 138—148. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2023.12.015>.
 23. boyd d. (2010). Social Network Sites as Networked Publics: Affordances, Dynamics, and Implications. In: *A Networked Self*. Routledge. P. 47—66.
 24. Gatti F., Procentese F. (2020) Open Neighborhoods, Sense of Community, and Instagram Use: Disentangling Modern Local Community Experience through a Multilevel Path Analysis with a Multiple Informant Approach. *TPM: Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. Vol. 27. No. 3. P. 313—329 <https://doi.org/10.4473/TPM27.3.2>.
 25. Graham T., Jackson D., Wright S. (2016) ‘We Need to Get Together and Make Ourselves Heard’: Everyday Online Spaces as Incubators of Political Action. *Information, Communication and Society*. Vol. 19. No. 10. P. 1373—1389. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1094113>.
 26. Hampton K., Wellman B. (2003) Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburb. *City & Community*. Vol. 2. No. 4. P. 277—311. <https://doi.org/10.1046/j.1535-6841.2003.00057.x>.
 27. Hampton K., Wellman B. (2018) Lost and Saved... Again: The Moral Panic About the Loss of Community Takes Hold of Social Media. *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. Vol. 47. No. 6. P. 643—651. <https://doi.org/10.1177/0094306118805415>.
 28. Krampen M. (2013) Meaning in the Urban Environment. New York, NY: Routledge.
 29. Kwon K. H., Shao C., Nah S. (2021) Localized Social Media and Civic Life: Motivations, Trust, and Civic Participation in Local Community Contexts. *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 18. No. 1. P. 55—69. <https://doi.org/10.1080/19331681.2020.1805086>.

30. López C., Farzan R. (2015) Lend Me Sugar, I Am Your Neighbor! A Content Analysis of Online Forums for Local Communities. In: *Proceedings of the 7th International Conference on Communities and Technologies*. Association for Computing Machinery. New York, NY. P. 59—67. <https://doi.org/10.1145/2768545.2768558>.
31. Mityagin S. A., Yakimuk I., Tikhonova O., Sobolevsky S. (2021) Social Network Open Data Revealing for Identification of Citizens Activities on Urban Environment Objects. In: *Procedia Computer Science. 10 Seria. «10th International Young Scientists Conference in Computational Science, YSC 2021*. P. 4—12.
32. Nah S., Kwon H. K., Liu W., McNealy J. E. (2021) Communication Infrastructure, Social Media, and Civic Participation Across Geographically Diverse Communities in the United States. *Communication Studies*. Vol. 72. No. 3. P. 437—455. <https://doi.org/10.1080/10510974.2021.1876129>.
33. Nowak K. L., Fox J. (2018) Avatars and Computer-Mediated Communication: A Review of the Definitions, Uses, and Effects of Digital Representations. *Review of Communication Research*. Vol. 6. P. 30—53. <https://doi.org/10.12840/issn.2255-4165.2018.06.01.015>.
34. Peters J. D. (2015) *The Marvelous Clouds: Toward a Philosophy of Elemental Media*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
35. Plantin J. C., Lagoze C., Edwards P. N., Sandvig C. (2018) Infrastructure Studies Meet Platform Studies in the Age of Google and Facebook. *New Media & Society*. Vol. 20. No. 1. P. 293—310. <https://doi.org/10.1177/1461444816661553>.
36. Repette P., Sabatini-Marques J., Yigitcanlar T., Sel D., Costa E. (2021) The Evolution of City-as-a-Platform: Smart Urban Development Governance with Collective Knowledge-Based Platform Urbanism. *Land*. Vol. 10. No. 1. Art. 33. <https://doi.org/10.3390/land10010033>.
37. Sunio V., Peckson P., Ugay J. C. (2021) How Urban Social Movements are Leveraging Social Media to Promote Dignified Mobility as a Basic Human Right. *Case Studies on Transport Policy*. Vol. 9. No. 1. P. 68—79. <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2020.07.006>.
38. Thorson K., Medeiros M., Cotter K., Chen Y., Rodgers K., Bae A., Baykaldi S. (2020) Platform Civics: Facebook in the Local Information Infrastructure. *Digital Journalism*. Vol. 8. No. 10. P. 1231—1257. <https://doi.org/10.1080/21670811.2020.1842776>.
39. Van Dijk J. (2006) *The Network Society*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publishing.
40. Zahnow R., Verrier J., Hames S., Corcoran J. (2024) Mapping and Measuring Neighbourhood Social Media Groups. The Case of Facebook. *Applied Geography*. Vol. 172. Art. 103415. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2024.103415>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3002](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3002)

Н. Е. Шилкина, А. В. Мальцева, С. Д. Гуриева

КИКШЕРИНГ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ: ИГРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ И БОРЬБА ЗА ПРОСТРАНСТВО

Правильная ссылка на статью:

Шилкина Н. Е., Мальцева А. В., Гуриева С. Д. Кикшеринг в большом городе: игра, идентичность и борьба за пространство // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 251—272. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3002>.

For citation:

Shilkina N. E., Maltseva A. V., Gurieva S. D. (2025) Kicksharing in a Big City: Play, Identity, and the Struggle for Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 251–272. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3002>. (In Russ.)

Получено: 21.04.2025. Принято к публикации: 20.08.2025.

КИКШЕРИНГ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ:
ИГРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ И БОРЬБА ЗА
ПРОСТРАНСТВОKICKSHARING IN A BIG CITY: PLAY, IDENTITY,
AND THE STRUGGLE FOR SPACE

ШИЛКИНА Наталья Егоровна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.shilkina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>

Natalia E. SHILKINA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor of the Department of Youth Sociology and Youth Policy
E-MAIL: n.shilkina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>

МАЛЬЦЕВА Анна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: a.maltseva@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>

Anna V. MALTSEVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology
E-MAIL: a.maltseva@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>

ГУРИЕВА Светлана Дзахотовна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: s.gurieva@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>

Svetlana D. GURIEVA¹ — Dr. Sci. (Psych.), Professor, Head of the Department of Social Psychology
E-MAIL: s.gurieva@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу относительно нового и высоко дискуссионного явления современного большого города — кикшеринга (шеринга самокатов). Онтологически (объективно) проблема состоит в недостатке солидарности среды кикшеринга с другими городскими средами. Гносеологическая сторона проблемы — неполнота теоретической модели шеринга в целом и кикшеринга в частности и теоретическая недооценка его роли в игровой идентичности большого города.

Abstract. The article is devoted to the analysis of a relatively new and highly debatable phenomenon of the modern big city — kikshering (sharing of scooters). Ontologically (objectively), the problem is the lack of solidarity of the kikshering environment with other urban environments. The epistemological side of the problem is the incompleteness of the theoretical model of sharing in general and kikshering in particular, and the theoretical underestimation of its role in the game identity of the big city.

В литературе складываются различные подходы к анализу шеринговой модели: шеринг рассматривается как деятельность,

The literature presents various approaches to the analysis of the sharing model, in which sharing is viewed as an activity driven by diverse economic, social, and ideological de-

обусловленная разнообразными хозяйственно-экономическими и социально-мировоззренческими запросами общества в их взаимодополнении и конкуренции. Авторы, концентрируясь на кикшеринге, предлагают рассматривать его как игру, доступное городское развлечение, имеющее важное значение для формирования новых идентичностей горожан, и обосновывают гипотезу шерингового потребления как игровой деятельности и игровой идентичности. Гносеологическое решение дополнить теоретическую модель шеринга оценкой его роли в игровой деятельности и игровой идентичности большого города способствует решению онтологической проблемы недостатка солидарности городских сред друг с другом и борьбы разных видов деятельности за городское пространство.

Эмпирическую базу исследования составили полученные в Санкт-Петербурге результаты исследований, проведенных в период с июня по ноябрь 2024 г. (наблюдение за пользователями кикшеринга, опрос прохожих вблизи велопарковок и фокус-групповые опросы активных пользователей кикшеринга), позволяющие сделать выводы о востребованности кикшеринга как игры и его потенциале для формирования номинальной и фактической идентичности, а также о рисках повседневной борьбы за городское пространство между пешеходами и катающимися на самокатах. Отмечено, что городская уличная и цифровая инфраструктура сохраняет потенциал возможностей для развития кикшеринга и снижения связанных с ним рисков. Авторы приходят к выводу, что кикшеринг важен как игровая, развлекательная деятельность в современном городе, как источник формирования новых идентичностей, ресурсных для жизни в различных, в том числе неигровых средах. Отмечены перспективы развития кикшеринга в городе: новые сценарии кикшеринга,

mands of society, which complement and compete. The authors, focusing on kicksharing, propose to view it as a game, an accessible urban entertainment that plays a significant role in shaping new identities among urban residents, and support the hypothesis of sharing consumption as a form of play and game identity. The epistemological solution to supplement the theoretical model of sharing with an assessment of its role in the gaming activities and gaming identity of a large city contributes to solving the ontological problem of the lack of solidarity between urban environments and the struggle of different activities for urban space.

The empirical basis of the study is the results of focus group surveys of active kicksharing users in St. Petersburg between June and November 2024, including observations of kicksharing users, surveys of passers-by near bike parking lots, and focus group interviews with active kicksharing users, which allowed us to conclude the demand for kicksharing as a game and its potential for shaping nominal and actual identities, as well as the risks of everyday competition for urban space between pedestrians and scooter riders. It is noted that the city's street and digital infrastructure retain the potential for developing kicksharing and reducing associated risks. It is concluded that kicksharing is important as a game and entertainment activity in a modern city, as a source of new identities that are resourceful for living in various environments, including non-gaming environments. The prospects for the development of kicksharing in the city are highlighted, as new kicksharing scenarios and the involvement of new participants can bring the game identity out of the periphery and increase the applicability and prospects for the development of kicksharing in the city.

вовлечение в него новых участников способны вывести игровую идентичность с периферии и повысить применимость и перспективы развития кикшеринга в городе.

Ключевые слова: кикшеринг, игра, идентичность, современный постиндустриальный город, большой город, городские среды, городское пространство

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, шифр проекта 124032600013-2.

Keywords: kicksharing, game, identity, modern post-industrial city, big city, urban environments, urban space

Acknowledgments. The authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research project 124032600013-2.

Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет.
Ф. Шиллер

Введение

Пространственные проблемы большого города многосторонне рассмотрены классиками социологии города, это физическая близость, давка и скученность [Зиммель, 2018], иерархия пространств и ограничение свободы [Парк, 2006], плотность и неоднородность населения [Вирт, 2005] и связанные с ними проблемы социальной конкуренции за лучшие городские пространства, которой посвятили много внимания социологи XX века. Динамику проблематики большого города показала в своей монографии 2024 г. И. А. Вершинина, благодаря чему мы видим, что негативные эффекты больших городов — противостояние, борьба и даже враждебность — не исчезают, а вместе с технологическим развитием возвращаются к нам в новом качестве и по-прежнему, как и сто лет назад, остаются в центре внимания исследователей [Вершинина, 2024].

В конце XX века под воздействием процессов сетевизации, глобализации и цифровизации современного общества происходит изменение городских пространственных форм [там же], а под давлением философии гуманизма получают прикладное воплощение идеи социального равенства и доступности возможностей. Все это вместе привело к актуализации нового тренда взаимодействий в большом городе, сформулированного Я. Гейлом, — гуманистического подхода в урбанистике, ориентированного на заботу о людях и их жизни [Гейл, 2012], что в результате должно вытеснить из жизни горожан идею борьбы за улицы. Современный тренд развития большого города — это разнообразие видов взаимодействий и городских сред, формирующих новые номинальные и фактические идентичности. Разнообразие социальных взаимодействий в большом городе способно преодолеть традиционный антагонизм «одиночество — противостояние».

Высоким потенциалом разнообразия деятельности и взаимодействий в городских пространствах обладает экономическая модель совместного потребле-

ния, материализованный результат глобальной цифровизации и сетевизации общества — шеринг, «зонтичное понятие», в широком смысле означающее разные варианты совместного владения, аренды, дарообменов и т. д., в узком смысле — аренду какого-либо товара или услуги через цифровое мобильное приложение. Его частный вариант — кикшеринг (аренда самокатов).

Такая постановка проблемы определяет цель — исследовать кикшеринг как новую деятельность и выявить его роль в формировании новых идентичностей горожан, а также позволяет сформулировать ключевой исследовательский вопрос: возможно ли достижение солидарности среды кикшеринга с другими городскими средами?

Дальнейшая структура статьи включает следующие разделы: 1) описываются сложившиеся теоретические модели исследования шеринга, 2) предлагается методология исследования шеринга как игровой деятельности и игровой идентичности, 3) раскрываются проблемы включения кикшеринга в городское пространство, 4) предоставляются сведения об эмпирической базе и методах исследования, 5) приводятся работы, раскрывающие роль кикшеринга в формировании игровой идентичности пользователей, 6) в заключении авторы приходят к мнению о позитивных перспективах кикшеринга в достижении солидарности в различными городскими средами и его важном вкладе в развитие городов.

Сложившиеся теоретические модели изучения шеринга

Теоретические модели шеринга рассматривают его многосторонне. Исследования отражают значимость социальных детерминант, таких как интерес к новому (новый товар, новый дизайн) [Lho et al., 2022; Nastase, Negrutiu, Felea et al., 2022]; доверие и единение с другими, разделяющими шеринговое мировоззрение [Kolade, Adepoju, Adegbile, 2022; Lho, Quan, Yu et al., 2022]; коммуникативные мотивы (общение с единомышленниками по шеринговому мировоззрению) [Mitake, 2022], социальные связи (поддержка своих единомышленников) [Chuah et al., 2021]. То есть шеринг изучается в контексте эмоциональности, осознанности, новых солидарностей. Не меньшее влияние на развитие шеринга оказывают экономические детерминанты, такие как максимальная выработка ресурса товаров и услуг через достижение эффективных транзакций [Hawlitschek, Notheisen, Teubner, 2018], повышение экономической заинтересованности всех участвующих сторон — владельцев ресурсов, посредников и пользователей [Oberg, 2021; Su, Lin, Wang, 2022] и другие аспекты рационализации потребления и получения более дешевого продукта, снижения издержек владения и т. д. Значительное число концепций указывают на взаимодополнение экономических и социальных детерминант. В таком ракурсе рассматриваются вопросы оценки прикладной эффективности шеринга непрямыми участниками (горожанами, муниципалитетами, политиками) [Claudelin, Tuominen, Vanhamäki, 2022; Liu, Kim, 2022], вопросы доступности товаров и услуг как равенства хозяйственно-экономических возможностей [Mitake, 2022], защиты экологии, достижения ценностей устойчивого развития [Nastase, Negrutiu, Felea et al., 2022], а особенно интересны с этой точки зрения вопросы городской микромобильности, изучаемые как в социальном, так и в экономическом контексте заинтересованности и удовлетворенности потре-

бителей [Лapidус, Гостилович, Трофимов, 2024], организации транспортной логистики [Коновалова, Котенкова, Сенин, 2022], градостроительства [Исмагилова, 2023]. Шеринговая экономика несет в себе не только преимущества, но и риски — неопределенности, неизвестности нового [Гостилович, Лapidус, Давыдкин и др., 2024; Li, 2019], недоверия к качеству [Govindan, Shankar, Kannan, 2020], неуверенности в конфиденциальности [Mondal, Samaddar, 2020], эгоизма пользователей, нарушения правил, мошенничества [Rathnayake, Ochoa, Gu et al., 2024], ценностных барьеров [Kimura, Nakajima, 2020], языковых и культурных коммуникативных барьеров [Alharthi, Alamoudi, Shaikh et al., 2021].

Разнообразие подходов к анализу шеринга отражает динамику его институционализации как системы совместного потребления. Такая система содержит не только выгоды, но и риски, которые тем не менее не препятствуют росту интереса к шерингу в России и во всем мире [Rathnayake et al., 2024], что объясняется его высокой значимостью как инструмента, средства достижения ценностей, важных для экономики, для экологии и отдельных социальных групп или общества в целом. Так, по данным газеты «Коммерсантъ», по итогам 2025 г. оборот шеринговой экономики в мире достигнет 335 млрд долл., а через шесть лет может составить 1,8 трлн долл.¹ Шеринг, позиционируемый прежде всего как инструмент достижения новых целей общества от локальных до глобальных как финансово-экономическое равенство, осознанное потребление и пр., приобретает новые значения.

Методология исследования шеринга как игровой деятельности и игровой идентичности

Теоретическая модель шеринга может быть дополнена его видением в другом качестве — не только как средства, но и как самоцели, а именно игры, доступного городского развлечения. Горожане могут использовать шеринг не только в утилитарном инструментальном смысле, а также для того, чтобы весело провести время, то есть для игры в ее базовом смысле игровой неутилитарной деятельности синонимично забаве, потехе², где мотив лежит не в достижении результата, а в самом процессе³, и, кроме того, возможно совмещение инструментальной задачи шеринга с игровыми практиками. Процесс игры содержит в себе выигрыш и проигрыш, новый опыт и неизвестность, солидарность и эгоизм — и в качестве игры шеринг привлекателен для пользователей как самостоятельное развлечение через «обогащение» инструментальной задачи развлечением, а также как включение геймификации в шеринговые приложения.

Взгляд на кикшеринг и на шеринг в целом как на игру имеет важное прикладное значение. Игровые среды эффективны для формирования новых коллективных идентичностей — «мы-идентичностей». Городские игровые среды явля-

¹ Абрамян В. Расширение делением // Коммерсантъ Санкт-Петербург. 2025. 19 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7798336> (дата обращения 03.07.2025).

² Игра // Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / под ред. А. С. Гавриловой. М.: Аделант, 2014. С. 124.

³ Игра // Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 475.

ются ресурсом для преодоления традиционных негативных эффектов больших городов. Гносеологическое решение дополнить теоретическую модель шеринга оценкой его роли в игровой деятельности и игровой идентичности большого города способствует решению онтологической проблемы недостатка солидарности городских сред друг с другом и борьбы разных деятельности за городское пространство.

Новое поколение горожан, выросшее в условиях массового роста благосостояния, качества образования, креативности и постмодернистского культурного поля, экономически более благополучное и мировоззренчески более скептическое, чем предыдущие, отодвигает экономические и мировоззренческие причины шеринга на второй план и прибегает к идее совместного использования товаров и услуг прежде всего ради игровой компоненты, калейдоскопа событий, нового опыта и номинальных идентичностей. Недооценка этого мотива в организации пространства большого города актуализирует онтологическую проблему скученности в физическом пространстве разных деятельностных сред.

Гипотеза шерингового потребления как игровой деятельности и игровой идентичности базируется на идее И. Гоффмана об игре как развлекательной активности (*fun in games*), идее Я. Гейла об урбанистическом пространстве разнообразных социальных взаимодействий, а также положениях символического интеракционизма Дж. Мида о роли социальных взаимодействий в формировании идентичности. Таким образом, мы сможем убедиться, что шеринг полезен не только для экономии финансов городских домохозяйств, не только для реализации глобальных мировоззренческих идей осознанного потребления, но и как ресурс новых взаимодействий и номинальных идентичностей большого города.

Вклад кикшеринга в формирование идентичности необходимо определить в диапазоне от потенциальной идентичности до фактической. Говоря о потенциальной или нулевой идентичности, то есть состоянии, когда не пройден ни один из этапов развития идентичности, мы имеем в виду не негативный смысл непродуктивной жизни «лишнего человека» [Колотаев, 2020: 140], а перспективы вовлеченности в кикшеринг всех горожан без возрастной или другой селекции. Предлагая горожанам всех возрастов и занятий альтернативный способ передвижения по городу, кикшеринг шаг за шагом работает над изменением городского пространства в направлении гуманистической урбанистики. И в перспективе, в процессе развития инфраструктуры, потенциальная идентичность имеет возможность трансформироваться в фактическую (деятельностную) идентичность. Что касается фактической (деятельностной) идентичности и связанной с ней номинальной (внешней) идентичности [Jenkins, 2004], то ее ценность состоит в ресурсности, чему большое значение придавал исследователь идентичности Дж. Марсиа [Marcia, Waterman, 1993], видя в новых идентичностях источник развития и адаптивности человека. Игровая идентичность — это, конечно, не условие, необходимое для выживания человека в городе, а, говоря словами Р. Парка, «попытка человека преобразовать мир, в котором он живет, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями» [Парк, 2002: 4], что происходит как в физическом пространстве, так и в виртуальном мире цифрового приложения, которое участвует в формировании идентичностей, получивших в работах образные названия — «исследова-

тель», «социофил», «карьерист» и «киллер», основанных на потребностях исследования, общения, достижения и навязывания соответственно⁴ [Шилкина, 2014: 267; Юрков, 2012: 301].

Кикшеринг в городском пространстве

Эмпирическое исследование проведено в Санкт-Петербурге. Для ответа на поставленные вопросы мы сконцентрировались на широко распространенной и вызывающей много споров разновидности шеринга — кикшеринге (шеринг самокатов). Кикшеринг как деятельность имеет выраженную игровую природу, что проявляется в его сфокусированности на процессе и собственной иррелевантной логике, как будто ограничивающей игрока так называемым магическим кругом [цит. по: Глазков, 2016: 171] от остального мира и поддерживающей его пространственную автономность. Например, разгоняясь по пешеходному тротуару на электросамокате, пользователь кикшеринга действует как игрок, катаясь или оставляя самокат в соответствии с правилами кикшеринга, но не учитывая интересы пешеходов и автомобилистов, выводя их из контекста как не включенных в игру [Gofman, 1961]. Понимание проблем локализации в городском пространстве игровой среды и взаимодействия ее с другими средами позволяет объяснить дисциплинарные запреты и ограничения в отношении электросамокатов⁵. Компании, предоставляющие услуги кикшеринга, пытаясь участвовать в решении проблем взаимодействия, вводят новые правила для «игроков»⁶, но оставляют самокаты в интенсивном уличном трафике⁷. В итоге самокаты либо борются за городское пространство с пешеходами и автомобилями, либо находятся вне улиц и вне доступа⁸.

В контексте идей об экономике совместного потребления и устойчивом развитии предпринимаются попытки усилить значение транспортного кикшеринга. Так, стоянки электросамокатов расположены у станций метро «Озерки» и гипермаркета «О'Кей», чтобы горожане могли воспользоваться ими для решения транспортных задач по дороге от метро или от гипермаркета⁹. Но на практике электросамокаты у метро могут использоваться также для развлечения, что только усиливает

⁴ Bartle R. Hearts, Clubs, Diamonds, Spades: Players who Suit MUDs // Journal of MUD Research. 1996. Vol. 1. No. 19. URL: https://www.researchgate.net/publication/247190693_Hearts_clubs_diamonds_spades_Players_who_suit_MUDs (дата обращения 03.07.2025).

⁵ Водянов И. Полиция изъяла тысячи электросамокатов с улиц Петербурга // РБК. 2024. 5 июля. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/05/07/2024/6687a5219a79476508e8cac1 (дата обращения: 22.03.2025).

⁶ Шурыгин Д. Трое на самокате, не считая собаки. Большой разговор с компаниями кикшеринга о том, как идет в Петербурге борьба за безопасность // Фонтанка.ру. 2024. 20 августа. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/08/20/73981574/> (дата обращения: 22.03.2025).

⁷ Корбат И., Лысак И. «Безопасность нулевая». В Петербурге планируют изгнание самокатчиков с тротуара, но пока на словах // Фонтанка.ру. 2024. 15 мая. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/15/73582034/> (дата обращения: 22.03.2025).

⁸ Черных К. Что сказали в полиции об изъятии электросамокатов с улиц Петербурга. Дела возбуждают о самовольном занятии земли // Фонтанка.ру. 2024. 17 мая. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/17/73588193/> (дата обращения: 22.03.2025).

⁹ У станций метро «Озерки» открыто благоустроенное общественное пространство // Администрация Санкт-Петербурга. Официальный сайт. 2022. 5 ноября. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/248998/> (дата обращения: 22.03.2025).

скученность пешеходов и самокатов. Например, у станции метро «Озерки»¹⁰ дифференцировать пешеходный и самокатный трафики должен был сквер, округлые клумбы и велопарковки которого создают условия для катания, но в этом сквере также высокий пешеходный трафик, кроме того, он мал и пересечен автомобильным въездом на парковку около гипермаркета «О'Кей». Поэтому рассматриваемое пространство не воспринимается пользователями кикшеринга как пригодное для катания, и они катаются по тротуару пр. Энгельса среди уличных торговцев и пешеходов.

Борьба игровой деятельности за территорию в городе напрямую влияет на организацию передвижения и его безопасность для всей улицы и иногда принимает настолько жесткие формы, что вводятся системные меры защиты пострадавших¹¹. Предпринимаются попытки достичь безопасности кикшеринга не через дифференциацию городских сред, а с помощью правоохранительной системы¹². В городском пространстве социальных взаимодействий приоритетное место отдается неигровым сферам. Традиции индустриального города прочно закрепили приоритеты «есть, чтобы жить» и жить «ради работы» [Соколов, Рехтина, 2019: 292], иллюстрация этому — парковка автомобилей возле продуктового гипермаркета «О'Кей» у станции метро «Озерки», многократно превышающая по площади расположенный рядом сквер для кикшеринга. Жизнь индустриального города действительно не оставляет времени на игровую деятельность для взрослых. Инструментальная деятельность и дорога работающего горожанина хронометрируют сутки так, что в них едва есть время на быт и сон. Стремление нового поколения потребителей вести себя в этих условиях «постиндустриально» может восприниматься как чрезмерная зашумленность городской среды и вызывать не желание взаимодействовать, а отторжение¹³.

Пространство индустриальных городов всегда выстраивалось так, чтобы вся жизнь города поддерживала не столько потребности горожан, сколько интересы города — городской промышленности, торговли, науки и пр. В такой городской жизни преимущественные права на улице отдаются не пешеходам, а машинам с их пассажирами и грузами, обеспечивающими бесперебойность индустриальной жизни города, рядом с которой нет места такому занятию, как «бесполезное» игровое катание. Город как будто строится не для людей, а для машин и механизмов, люди в нем нужны ради их вклада в обслуживание этих машин и механизмов. Пешеход, физкультурник или ребенок с мячом косвенно полезны индустриальному городу, по остаточному принципу им выделены минимально необходимые тротуары и площадки.

¹⁰ Выбрана типичная локация стоянки электросамокатов около станции метро, рядом с торговыми центрами, остановками наземного транспорта, высоким пешеходным и автомобильным трафиком.

¹¹ Горбунова Е. «Детям мы не рады». Эксперт — о том, что делать, если вас сбил самокат, и как получить компенсацию // Фонтанка.ру. 2024. 3 апреля. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/04/03/73415135/?ysclid=m6qcmiks4v83569815> (дата обращения: 22.03.2025).

¹² Склюев И. Первые в сезоне иски к кикшерингам: разбор с юристом // Мобилити. 2025. 22 апреля. URL: <https://mobilitymag.ru/articles/pervye-v-sezone-iski-k-kiksheringam-razbor-s-yuristom?ysclid=mgvq6b2uo3162971506> (дата обращения: 22.04.2025).

¹³ Погодина А. «Прекратить ванханалию на улицах»: запретят ли в России электросамокаты // Газета.ру. 2024. 16 июля. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/07/16/19413727.shtml?ysclid=m6qfvkq91g332392359> (дата обращения: 22.03.2025).

Поколения, сформированные индустриальным городом, транслируют «выживальческие» идентичности [Bhat, 2018], обеспечивающие благополучие в индустриальном, но не постиндустриальном городе. Несмотря на условную несовременность, эти идентичности не стоит недооценивать: они обеспечивают необходимое историческое межпоколенческое воспроизводство идентичностей, которые в совокупности с новыми индивидуальными средовыми идентичностями должны становиться наилучшим жизненным ресурсом новых поколений. При этом приоритет должен быть отдан не «инаковости», а общим интересам и уважению к различиям [Вершинина, Лядова, 2022: 358].

Ключевым аргументом в пользу вытеснения кикшеринга с улиц является риск травматизации горожан и неудобства, вызванные их скученностью. Однако вряд ли можно предположить, что игровая деятельность с отменой кикшеринга будет исключена из жизни большого города. Скорее игровому кикшерингу будет найдена замена в виде другой игры, сопряженной с другими рисками.

Потребность в игровой деятельности в условиях постиндустриального города так велика, что превосходит потребность в безопасности. Это позволяет говорить об игровой деятельности как необходимой для создания условий успешного функционирования горожан в неигровых средах. Игровая деятельность может состоять из любых видов шеринга, а также других игр большого города от спортивных до азартных.

Признание необходимости игровой деятельности подразумевает, что ей соответствуют игровые взаимодействия, разнообразие которых вносит вклад в разнообразие идентичностей, усиливающих ресурсность человека в неигровых средах. Можно предположить, что эффективность постиндустриального города будет основана не на дифференциации, а на взаимодействии его сред.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирической базой исследований кикшеринга как игровой деятельности и игровой идентичности стали данные об отношении к кикшерингу, о цели, формате (правилах, условиях) кикшеринга, эмоциях и чувствах, переживаемых в связи с кикшерингом. Исследование проводилось с июня по ноябрь 2024 г. и включало:

1) наблюдение за пользователями кикшеринга, задачей которого было выявление типичных элементов одежды, проводилось на велопарковке кикшеринга около станции метро «Озерки» в Санкт-Петербурге — пассивное, невключенное, дискретное; в течение 2—15 сентября 2024 г. по часам в интервалах: 8.00—10.00, 12.00—14.00, 16.00—20.00, всего 140 часов наблюдения с фиксацией элементов одежды пользователей разного пола, возраста, характера катания (в одиночку, вдвоем на одном самокате, в компании), а также погодных условий (температуры воздуха и наличия/отсутствия осадков), с последующей сводкой и группировкой элементов одежды с выявлением процента повторов — элемент одежды считался типичным, если повторялся чаще, чем у половины катающихся;

2) опрос пешеходов, задачей которого было выявление ситуаций конкуренции пешеходов с катающимися на электросамокатах, проводился около велопарковок на станции метро «Озерки» — интервью с открытыми вопросами об отношении к катанию и катающимся на электросамокатах, продолжительностью до трех

минут по систематической случайной выборке (опрос трех пешеходов в час с интервалом 20 минут, $n = 160$), шесть дней (каждое первое воскресенье месяца с июня по ноябрь) 2024 г. с 11.00 до 20.00, с последующим определением повторяющихся (более двух раз) ситуаций, которые пешеходы оценивали как вытеснение их с тротуара¹⁴;

3) фокус-групповые интервью, решающие задачи выявления признаков игровой и идентификационной составляющей в кикшеринге, проводились в сентябре-ноябре 2024 г. с жителями Санкт-Петербурга в возрасте 18—25 лет, проживающими в городе не менее года, активными (не менее раза в неделю в любых городских локациях) пользователями кикшеринга, всего 8 фокус-групп, 49 участников¹⁵, длительность фокус-групп составила 45—55 минут, гайд интервью включил в себя следующие блоки тем для обсуждения: понятие и признаки шеринга и кикшеринга; позитивные и негативные стороны кикшеринговых практик; индивидуальные причины выбора кикшеринга; представления о перспективах распространения кикшеринга, что в совокупности обеспечило получение необходимого объема материала для кодировки и систематизации высказываний¹⁶.

Необходимо отметить объективные ограничения эмпирических данных, связанные с особенностями восприятия и интерпретаций участников фокус-групп и разнообразием развития городов, но полученные данные релевантны для проверки гипотезы об игровой и идентификационной составляющей шерингового потребления.

Результаты эмпирического исследования

Сюжеты и игроки в кикшеринг

Ключевые операторы кикшеринга Whoosh, «МТС Юрент» и «Яндекс» сообщают о снижении среднего чека и длины поездки в 2024 г. Это говорит о том, что кикшеринг становится все более доступным для самых разнообразных деятельности и катание приобретает новое сюжетное содержание¹⁷. Наблюдение¹⁸ за пользователями кикшеринга у станции метро «Озерки» в течение двух недель со 2 по 15 сентября 2024 г. показало максимальную востребованность самокатов с 20 до 21 часа и минимальную — с 13 до 14 часов. Учитывая данные фокус-групповых обсуждений, можно утверждать, что самокаты используются круглосуточно.

Участники фокус-групп назвали следующие возможные сюжеты кикшеринга:

— транспортная поездка для передвижения по городу в парк, на пляж, в кино, к метро и т. п. и обратно («когда ты в таком месте, где нет общественного транспорта», или «не хочешь ждать автобус», или «автобусы перестали ходить [ночью]» (М., 23 г.);

¹⁴ В тексте статьи цитаты из интервью отмечены словом «Пешеход» и сопровождаются кодом, отражающим пол и возраст опрошенного.

¹⁵ Из них 28 мужчин и 21 женщина; 34 учатся в вузах и 7 — в колледжах Санкт-Петербурга, 8 работают.

¹⁶ В тексте статьи цитаты из интервью выделены курсивом и сопровождаются кодом, отражающим пол и возраст участника фокус-группы.

¹⁷ Склюев И. 31,2 млрд рублей и 281,6 млн поездок за сезон. Кикшеринг в России 2024 // Трушеринг. 2025. 18 апреля. URL: <https://truesharing.ru/tp/54173/#2> (дата обращения: 28.06.2025).

¹⁸ Некоторые данные наблюдения: 1) погодные условия за время наблюдения — температура +20 / +25, облачно, ясно, без осадков; 2) катаются поодиночке — 86%, вдвоем — 14%; 3) среди катающихся поодиночке 80% мужчин, среди катающихся вдвоем — 50% мужчин; 3) возраст по оценке наблюдателей 14—29.

- катание как прогулка в неопределенном направлении в компании друзей («кикшеринг — это про просто покататься» (М., 20 л.));
- катание «для настроения» («да, это в целом может быть делом настроения: захотел — покатался» (М., 24 г.));
- катание как ЗОЖ («там озеленение, дышать свежим воздухом» (Ж., 24 г.));
- катание как причастность к новому, современному («...по-новому назвали и ввели в нашу современную жизнь. Какое-то красивое, забугорное название плюс [цифровые] технологии и молодежь: „Вау! Как прикольно!“» (Ж., 24 г.));
- катание, чтобы изучить как устроен цифровой сервис («Вначале мне просто хотелось посмотреть, как все устроено, что за сервис, какие возможности» (М., 19 л.)).

А вот ценность экологического сценария катания вызвала сомнения:

Кикшеринг — это не про экологию. (М., 20 л.)

Машина, которая поломанная и она отработала свой ресурс. Она хоть в личном пользовании, хоть в пользовании компании — все еще машина, которая отработала полный ресурс и будет пылиться где-то. (М., 21 г.)

А самокаты — это литиевые аккумуляторы. (Ж., 24 г.)

Это хуже, чем бензиновые. (М., 24 г.)

Сервера надо как-то обслуживать, на сервера нужно электричество. (М., 21 г.)

Игроками становятся те, кто катается на самокате в одиночку, в компании на нескольких самокатах и вдвоем на одном самокате в соответствии с игровой идентичностью, когда кикшеринг важен как все новое («Вау! Как прикольно!»), как способ общения («катался с друзьями, было круто» (М., 19 л.)), как выигрыш («удобная вещь, но при наличии студенческого проездного бесполезная, [но нужен], когда автобусы перестают ходить» (М., 23 г.)), как источник риска («но ничего пока ни с кем не случилось» (М., 18 л.)).

В игру «принимаются» не все. Участники фокус-групп были едины в мнении, что кикшеринг жестко отсеивает игроков по возрасту:

Молодые как бы изначально живут в этой сфере [цифровой], умеют этим пользоваться, а [немолодые] не понимают, как пользоваться приложением. (Ж., 24 г.)

Переживания от игры, эмоции также связываются с молодежным возрастом:

Для нас [молодежи] он [кикшеринг] хорош тем, что дает какое-то чувство свободы. (М., 21 г.)

Участники фокус-групп отметили, что в игровом кикшеринге они могут переживать те эмоции, которые вне «магического круга» нет повода переживать или раскрывать.

Я первый раз взял самокат и просто катался с друзьями по набережной, было круто, чувствовалась скорость и свобода, мне очень понравилось. (М., 19 л.)

Кикшеринг воспринимается как временное, преходящее увлечение, как возрастная черта:

Если смотреть в будущее, то лет через десять <...> самокат я явно не буду использовать часто. (М., 19 л.)

Кроме того, участники фокус-групп полагают, что кикшеринг «не подходит» старшим пользователям. Для этого нет объективных причин, старшее поколение часто придает значение физкультуре и сохраняет спортивные навыки¹⁹, однако в игре приоритет отдается не объективным фактам, а игровой идентичности «наши — не наши».

Мне кажется, для взрослого поколения кикшеринг не подходит. (Ж., 20 л.)

Я просто представляю ситуацию, скажу: «Мама, поехали на самокате до метро додем». Она мне скажет: «Ты на 15 минут раньше выйди [и пройди пешком]». (Ж., 24 г.)

В то же время около трети пользователей сервиса кикшеринга в России — это люди старше 34 лет, а 11 % пользователей — старше 45 лет²⁰. Но они «невидимы» для молодых участников фокус-групп. Причиной этого отчасти могут быть ошибки в определении возраста, но главная причина в том, что старшие пользователи «невидимы» как не соответствующие правилам игры. В глазах молодежной аудитории старшие участники не обладают игровой идентичностью, они катаются, чтобы почувствовать себя другими, не теми, кем они являются, то есть для молодых участников старшие игроки, в игровых метафорах Гофмана, «ненастоящие»: «...Самокат нужен человеку в 50 лет, если он захотел покататься и почувствовать себя подростком» (Ж., 20 л.).

В действительности старшие пользователи, конечно, не носят маску подростков, а играют в собственную игру, в которой «невидимыми», возможно, становятся молодые люди.

Правила игры в кикшеринг

Правила игрового кикшеринга создают сами игроки. Их особенность состоит в том, что они релевантны не объективным фактам, а игровой идентичности участников игры.

Продолжая в игровых метафорах И. Гофмана, можно сказать, что пешеход или автомобиль на улице — это «ненастоящие» участники дорожного движения, они

¹⁹ В Петербурге дан старт «Активному долголетию» // Администрация Санкт-Петербурга. Официальный сайт. 2024. 11 января. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/248998/> (дата обращения: 28.06.2025)

²⁰ Склюев И. 31,2 млрд рублей и 281,6 млн поездок за сезон. Кикшеринг в России 2024 // Трушеринг. 2025. 18 апреля. URL: <https://truesharing.ru/tp/54173/#2> (дата обращения: 28.06.2025).

иррелевантны игре в кикшеринг, внешние по отношению к игре, и потому они временно исключаются из виду, что отмечают прохожие:

Если я хочу подойти к [торговой] палатке, то надо [сначала] оглянуться и посмотреть, нет ли за спиной самоката! [Потому что] он несется и меня не видит! Сердце останавливается, как они мимо свистят. (Пешеход, Ж., 54 г.)

Участники игры не связывают себя обязательствами взаимодействовать с другими:

Я не могу рассчитывать, что они [пешеходы] ни с того, ни с сего должны повернуться и пойти поперек [тротуара]. (М., 18 л.)

Участники игры включены в «магический круг» Гофмана, внутри которого они условно автономны, как если бы были отделены в пространстве от всех:

Думаешь о чем-то своем или с другом разговариваешь, и больше в моменте никого рядом нет. (М., 21 г.)

Следующее правило — костюм. Кикшеринг требует характерной для деятельности экипировки. По результатам наблюдений было сформировано представление о требуемом костюме — это, как правило, кеды или кроссовки, футболки, худы, рюкзак или поясная сумка, очки для защиты от солнца и ветра, капюшон тоже от ветра или от взглядов пешеходов, бейсболка, перчатки для скейта, может быть один или два наколенника. Одежда может содержать какую-либо символику, наклейки, но светоотражающие элементы не были замечены. Цвет — графит, темно-зеленый, серый, черный, деним. Несмотря на то, что пользователь кикшеринга участвует в дорожном движении и безопаснее было бы носить костюм неоновых цветов или светоотражающие элементы, это не важно для того, кто внутри игры и отделен «магическим кругом» Гофмана от других. Вероятно, по этой же причине пользователи игнорируют шлем, но иногда катаются в наушниках и рискованно катаются вдвоем. В целом используется одежда, применимая для спорта и активного отдыха.

Как любая игра, игровой кикшеринг предусматривает возможность выигрыша и проигрыша. Выигрыш может быть финансовым от использования разного рода преимуществ от выбора цен и условий аренды. Участники фокус-групп сообщили, что обычно выигрывают «бесплатные минуты», «дополнительные поездки», «сниженные тарифы за платные подписки», «сниженные тарифы в определенное время суток и в отдельные дни недели» и проч., а также пришли к выводу, что при расчете выигрыша от кикшеринга в сравнении с владением самокатом нужно учитывать «коэффициент полезного действия» и «долгосрочность использования в человекоднях». Другой выигрыш — это экстремально опасный адреналиновый выигрыш в соревновательной гонке на скорость и маневренность. Это наиболее опасная для горожан борьба за пространство, выигрыш от которой тем не менее интересует игроков. «Мы катаемся так ночью, когда тротуары пустые» (М., 21 г.), —

утверждают игроки, полагая, что по ночам тротуары целиком попадают в «магический круг» Гофмана и принадлежат им по праву.

Проигрыш участники фокус-групп связали с ограничением маршрутов поездок:

Самокат ты тоже можешь взять не где угодно. Самокат тоже находится в специализированных местах, желательно от них не уезжать, потому что иначе ты просто не сможешь припарковать. (М., 21 г.)

Борьба за городское пространство

Виды деятельности в постиндустриальном городе и сформированные ими идентичности в отличие от индустриальных не должны оправдывать занимаемое пространство приносимой пользой. В современном постиндустриальном городе понимание полезности гораздо сложнее, в нем должно быть место для бесполезной в индустриальном смысле игры. Тем не менее движение на улицах выстраивается так, что находиться на них нужно не «просто», а только «по делу». Такой взгляд, когда в приоритете находятся машины, противоречит идее современного городского пространства, но, что удивительно, устойчив среди пешеходов, которые готовы мириться с неудобством на тротуарах ради удобства на дорогах, поскольку машины полезнее, чем «немашины»:

Самокаты нельзя на дорогу, там они будут мешать машинам. Люди [в автомобилях] по делу, а они [самокаты] просто так. (Пешеход, М., 64 г.)

Городские улицы устроены таким образом, что речь идет не о солидарности, а о борьбе разных городских сред за пространство. Если для машин и пешеходов создаются непрерывные дороги и тротуары, то игроки кикшеринга должны кататься по неудобной выделенной полосе («никогда не знаешь, что делать, когда она внезапно прерывается» (Ж., 19 л.)), иногда борясь за нее с пешеходами:

Я пошла там по этой стороне [по велосипедной дорожке на ул. Композиторов], он на своем самокате неизвестно откуда выскочил и так кричал на меня. (Пешеход, Ж., 72 г.)

[Если] эта дорожка [велосипедная дорожка на ул. Луначарского] для велосипедов, то она для любых колес, то почему я не могу катить здесь коляску? А где мне катить коляску? (Пешеход, Ж., 23 г.)

В то же время игроки кикшеринга отмечают неудобство выделенных дорожек:

Выделена дорожка примерно полкилометра — как будто для трехлетних детей, которые будут кататься на своем трехколесном велосипеде по ней весь день туда и обратно. (Ж., 20 л.)

Показательно описание борьбы за пространство участницы фокус-группы:

Там, где я иду к метро, не только из машин пробка, но там и из людей и самокатов пробка. Там тропинка, и все навстречу друг другу — и люди, и самокаты. Нету ни промехутка, ни отдельной полосы. А этот самокатчик ездит шашкой, или, как это называется, змейкой. Вечером я могу доехать на самокате, потому что людей меньше, но утром это просто нереально. (Ж., 24 г.)

Потенциальная идентичность в кикшеринге

Говоря о перспективах вовлеченности горожан в кикшеринг, можно выделить изменения городского пространства и развитие цифровых технологий, встроенные в стратегии развития городов. В этом отношении были выделены тренды развития сценариев кикшеринга и вовлечения новых персон.

Во-первых, перспективным представляется сценарий университетского кикшеринга, когда дополнительные велодорожки и стоянки связывают разные корпуса университета друг с другом и с метро:

Мне было бы удобно брать кикшеринг от метро до университета [расстояние от метро Пл. Восстания до учебного корпуса ул. Смольного, д. 1/3 около 3 км], но там нет стоянки и, конечно, нет велодорожки, но я все равно беру с собой скейт, [чтобы доехать] от Тульской [Тульская улица — ближайшая остановка наземного транспорта, расстояние от которой до учебного корпуса ул. Смольного, д. 1/3 около 800 м], но это, конечно, в сухую погоду только, а так одежда позволяет и есть где [скейт] оставить. (Ж., 19 л.)

Во-вторых, катание поддерживается и предлагается для распространения в Санкт-Петербурге как альтернатива прогулке по пешеходной улице по аналогии с другими городами:

[Я видел, что] в Белгороде устроены целые пешеходные улицы. Там длинная аллея получается. Это пешеходная улица, она начинается... до парка, там еще один парк, потом еще один, и ты можешь спокойно кататься на них. (М., 21 г.)

В-третьих, предлагается краткосрочное устройство места для кикшеринга в выходные и праздничные дни.

У нас [откуда я приехал в Санкт-Петербург] Красная площадь Курска — это большое дорожное полотно, где автобусы едут, а в День города можно перекрыть движение, пусть там люди ходят и самокаты. (М., 21 г.)

В-четвертых, отмечается потенциал развития кикшеринга во всей стране:

Я [приехал в Санкт-Петербург] из Старого Оскола. Вот я приезжаю домой — самокатов мало кажется. Но можно найти. (Ж. 25 л.)

Я [приехала в Санкт-Петербург] из Нижегородской области, из Дзержинска. У нас очень развит и кикшеринг, и самокатчики, которые еду развозят. У нас недавно починили тротуарчики, поэтому норм инфраструктура работает. (Ж. 24 г.)

В маленьких городах сейчас тоже [появился кикшеринг]. Мне мама звонит и говорит: «У нас тоже самокаты теперь появились», — они тоже не стоят на месте. (Ж. 25 л.)

В-пятых, перспективным информанты называют совершенствование интеллектуальных технологий и вовлечение в кикшеринг людей разных возрастов.

Люди в более взрослом возрасте, 50+, они же работают, они пользуются мессенджерами, приложениями, просто им один раз показать [как пользоваться сервисом]. (Ж. 24 г.)

Номинальная и фактическая идентичности в кикшеринге

Что касается номинальной и фактической идентичности в кикшеринге, то в результате наблюдения и обсуждения на фокус-группах мы обнаружили следующее. Номинальная идентичность пользователя кикшеринга, то есть идентичность, считаваемая по внешним признакам, — это прогрессивная возрастная структура катающихся, необходимая экипировка, электросамокат, цифровое приложение. Фактическая идентичность, то есть идентичность, проявляющаяся в поведении пользователей кикшеринга, — это владение цифровыми компетенциями («минимальные навыки, все сейчас умеют»), любопытство («попробовать новое»), навык катания («довольно быстро у всех получается»), опыт дружбы («мы с друзьями обычно катаемся»), усовершенствование жизни («это особенно классно если...»), проба независимости («чем больше ты можешь, тем больше ты свободен»), раскрепощенность («круто»), риск и азарт («иногда [катаемся] на скорости, но ничего пока ни с кем не случилось»).

Такая идентичность имеет как негативную, так и позитивную стороны. С одной стороны, это фактор опасности, риск нарушения ПДД, травматизма. Однако, с другой стороны, это опыт принятия решений, понимание своих внутренних резервов, часть индивидуальной жизненной истории, новые и физические, и цифровые навыки и многое другое, что в итоге значительно повышает ресурсность горожан для жизни в иных, в том числе неигровых, средах и особенно важно для молодежи, но не только.

Заключение

Можно констатировать, что игровая сторона кикшеринга имеет особое значение для жизни большого города и заслуживает внимания. Во-первых, жители современного города хотят тратить время на игру и развлечение, а кикшеринг представляет собой вполне приемлемый и доступный вариант такой игры, если для него созданы соответствующие пространства и дорожная инфраструктура. Во-вторых, игровой кикшеринг — это новая деятельность, формирующая новые идентичности, обладающие ресурсом в неигровых средах.

Хотя на данном этапе своего развития в России кикшеринг часто воспринимается как помеха пешеходам и фактор нарушения ПДД, результаты исследования позволяют прогнозировать продуктивный вклад кикшеринга как игры в развитие большого города при условии понимания его в таком качестве и соответствующей организации городского пространства.

Говоря о большом городе, мы подчеркиваем эстафету борьбы разных городских сред за городское пространство, которую современному постиндустриальному мегаполису передал большой город времен Роберта Парка. Решение проблемы — в осмыслении, осознании необходимости условий не только для утилитарно полезной деятельности, но также и для поддержки разнообразных, в том числе игровых, взаимодействий и в широком смысле — социальных солидарностей горожан. В гуманистической концепции города разные среды имеют свои права на городское пространство.

В современном (не в календарном, а в концептуальном смысле) урбанизме, создающем пространство не для борьбы, а для взаимодействия разных городских сред и видов деятельности, кикшеринг имеет право на существование не только как инструмент достижения какой-либо экономической или экологической полезности, но и как игровая деятельность, важность которой для города и общества может быть не видна немедленно, но имеет большие перспективы для формирования в игровых взаимодействиях новых идентичностей, ресурсных для саморазвития, самореализации человека и его вклада в будущее большого города.

В широком смысле можно рассматривать значение не только кикшеринга, но всех видов шеринга в городе как источника новых социальных практик, влияние которых на идентичность представляет самостоятельный интерес для науки.

Список литературы (References)

1. Вершинина И. А., Лядова А. В. Города — острова экологической надежды? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 354—363. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2285>. Рец. на кн.: Jon I. Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics. London: Pluto Press, 2021.
Vershinina I. A., Liadova A. V. (2022) Are Cities Islands of Ecological Hope? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 354—363. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2285>. Book Review: Jon I. Cities in the Anthropocene: New Ecology and Urban Politics. London: Pluto Press, 2021. (In Russ.)
2. Вершинина И. А. Социальные отношения в большом городе. М.: АНО Центр этнических и международных исследований, 2024.
Vershinina I. A. (2024) *Social Relations in the Big City*. Moscow: ANGO “Center for Ethnic and International Studies”. (In Russ.)
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии / пер. с англ. Николаева В. Г.; отв. ред. Гирко Л. В. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 89—113.
Wirth L. (2005) *Urbanism as a Way of Life*. Moscow: INION RAN. P. 89—113. (In Russ.)
4. Гейл Я. Города для людей / пер. с англ. Токтонова А. М.: Крост, 2012.
Gehl J. (2012) *Cities for People*. Moscow: Crost. (In Russ.)
5. Глазков К. П. Игровая концепция повседневности И. Гофмана: между символическим интеракционизмом и этнометодологией // Социологические

- обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 167—191. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-2-167-191>.
- Glazkov K. (2016) Erving Goffman's Gaming Concept of Everyday Life: Between Symbolic Interactionism and Ethnomethodology. *Russian Sociological Review*. Vol. 15. No. 2. P. 167—191. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-2-167-191>. (In Russ.)
6. Гостилович А. О., Лapidус Л. В., Давыдкин В. В., Юрьев Г. А. Оценка зрелости шеринг-экономики в России: рынок аренды потребительских товаров // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16. № 1. С. 79—97. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-79-97>.
Gostilovich A. O., Lapidus L. V., Davydkin V. V., Yuriev G. A. (2024) Assessment of the Sharing Economy's Maturity in Russia: The Market for Renting Consumer Goods. *Ars Administrandi*. Vol. 16. No. 1. P. 79—97. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-79-97>. (In Russ.)
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / пер. с нем. Левинсон К. М.: Strelka Press, 2018.
Simmel G. (2018) *Die Großstädte und das Geistesleben*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
8. Исмагилова С. Х., Горшкова Е. Д., Залетова Е. А. Развитие инфраструктуры микромобильности в городе Казани // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2023. Т. 25. № 4. С. 57—70. <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2023-25-4-57-70>.
Ismagilova S. Kh., Gorshkova E. D., Zaletova E. A. (2023) Development of Micromobility Infrastructure in the City of Kazan. *Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*. Vol. 25. No. 4. P. 57—70. <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2023-25-4-57-70>. (In Russ.)
9. Колотаев В. А. Драматургия нулевой идентичности: феноменология лишнего человека в отечественном киноискусстве // *Артикульт*. 2020. № 4. С. 138—151. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2020-4-138-151>.
Kolotaev V. A. (2020) Zero Identity Drama: The Phenomenology of the Superfluous Person in Russian Cinema. *Articult*. No. 4. P. 138—151. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2020-4-138-151>. (In Russ.)
10. Коновалова Т. В., Котенкова И. Н., Сенин И. С. Микромобильность как элемент системы городского транспорта // *Транспорт и информационные технологии*. 2022. Т. 12. № 4. С. 27—40. <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2022-12-4-27-40>.
Konovalova T. V., Kotenkova I. N., Senin I. S. (2022) Micromobility as an Element of the Urban Transport System. *Transportation and Information Technologies in Russia*. Vol. 12. No. 4. P. 27—40. <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2022-12-4-27-40>. (In Russ.)
11. Лapidус Л. В., Гостилович А. О., Трофимов И. С. Драйверы лояльности и потребительской удовлетворенности шеринговыми сервисами городской мо-

- бильности: каршеринг, райдшеринг, байкшеринг, кикшеринг // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 3. С. 321—335. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-3-321-335>.
- Lapidus L. V., Gostilovich A. O., Trofimov I. S. (2024) Drivers of Loyalty and Consumer Satisfaction with Sharing Services for Urban Mobility: Carsharing, Ride-Sharing, Bike-Sharing, and Kick-Sharing. *Economics and Management*. Vol. 30. No. 3. P. 321—335. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-3-321-335>. (In Russ.)
12. Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. с англ. Баньковской С. П. // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3—12.
Park R. (2002) The City as a Social Laboratory. *Russian Sociological Review*. Vol. 2. No. 2. P. 3—12. (In Russ.)
13. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / пер. с англ. Николаева В. Г. // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11—18.
Park R. (2006) The Urban Community as a Spatial Configuration and Moral Order. *Russian Sociological Review*. Vol. 5. No. 1. P. 11—18. (In Russ.)
14. Соколов Н. В., Рехтина Л. С. Пробки вместо хобби: синхронизация и концентрация повседневности в современном обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 286—305. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.16>.
Sokolov N. V., Rekhtina L. S. (2019) Traffic Jams Instead of Hobby: Synchronization and Concentration of Everyday Life in Contemporary Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 286—305. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.16>. (In Russ.)
15. Шилкина Н. Е. Чем «карьерист» отличается от «киллера»? социальная адаптация в компьютерно-моделируемом виртуальном мире // Казанская наука. 2014. № 1. С. 266—268.
Shilkina N. E. (2014) What Distinguishes a “Careerist” from a “Killer”? Social Adaptation in a Computer-Simulated Virtual World. *Kazanskaya Nauka*. No. 1. P. 266—268. (In Russ.)
16. Юрков А. А. Типологизация пользователей онлайн-игр и их мотивация // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 301—304.
Yurkov A. A. (2012) Typology of Online Game Users and Their Motivation. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 3. P. 301—304. (In Russ.)
17. Alharthi M., Alamoudi H., Shaikh A., Bhutto M. (2021) “Your ride has arrived” — Exploring the Nexus Between Subjective Well-Being, Socio-Cultural Beliefs, COVID-19, and the Sharing Economy. *Telematics and Informatics*. Vol. 63. Art. 101663. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2021.101663>.
18. Bhat A. (2018) *The Sociology of Central Asian Youth*. New York, NY: Routledge.
19. Chuah S. H. W., Tseng M. L., Wu K. J., Cheng C. F. (2021) Factors Influencing the Adoption of Sharing Economy in B2B Context in China: Findings from PLS-SEM and

- fsQCA. Resources, Conservation and Recycling. Vol. 175. Art. 105892. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2021.105892>.
20. Claudelin A., Tuominen K., Vanhamäki S. (2022) Sustainability Perspectives of the Sharing Economy: Process of Creating a Library of Things in Finland. *Sustainability*. Vol. 14. No. 11. Art. 6627. <https://doi.org/10.3390/su14116627>.
 21. Gofman E. (1961) Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis. Indiana: Bobbs-Merrill company.
 22. Govindan K., Shankar K., Kannan D. (2020) Achieving Sustainable Development Goals through Identifying and Analyzing Barriers to Industrial Sharing Economy: A Framework Development. *International Journal of Production Economics*. Vol. 227. Art. 107575. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.107575>.
 23. Hawlitschek F., Notheisen B., Teubner T. (2018) The Limits of Trust-Free Systems: A Literature Review on Blockchain Technology and Trust in the Sharing Economy. *Electronic Commerce Research and Applications*. Vol. 29. P. 50—63. <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2018.03.005>.
 24. Jenkins R. (2004) Social Identity. London and New York: Routledge.
 25. Kimura R., Nakajima T. (2020) Collectively Sharing Peoples Visual and Auditory Capabilities: Exploring Opportunities and Pitfalls. *SN Computer Science*. Vol. 1. Art. 298. <https://doi.org/10.1007/s42979-020-00313-w>.
 26. Kolade O., Adepoju D., Adegbile A. (2022) Blockchains and the Disruption of the Sharing Economy Value Chains. *Strategic Change*. Vol. 31. No. 1. P. 137—145. <https://doi.org/10.1002/jsc.2483>.
 27. Lho L. H., Quan W., Yu J., Han H. (2022) The Sharing Economy in the Hospitality Sector: The Role of Social Interaction, Social Presence, and Reciprocity in Eliciting Satisfaction and Continuance Behavior. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 9. Art. 362. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01379-y>.
 28. Li Y., Song D., Dang P., Wei L., Qin X., Siddique K. (2019) The Effect of Tillage on Nitrogen Use Efficiency in Maize (*Zea Mays* L.) in a Ridge–Furrow Plastic Film Mulch System. *Soil and Tillage Research*. Vol. 195. Art. 104409. <https://doi.org/10.1016/j.still.2019.104409>.
 29. Liu Y., Kim D. (2022) Why Did Uber China Fail? Lessons from Business Model Analysis. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. Vol. 8. No. 2. Art. 90. <https://doi.org/10.3390/joitmc8020090>.
 30. Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D. R., Archer S. L., Orlofsky J. L. (1993) Ego Identity. A Handbook for psychosocial research. New York, NY: Springer-Verlag. URL: <https://archive.org/details/egoidentityhandb0000unse/page/n5/mode/2up> (дата обращения 22.03.2025)
 31. Mitake Y., Nagayama A., Tsutsui Y., Shimomura Y., (2022) Exploring Motivations and Barriers to Participate in Skill-Sharing Service: Insights from Case Study in Western Part of Tokyo. *Sustainability*. Vol. 14. No. 9. <https://doi.org/10.3390/su14094996>

32. Mondal S., Samaddar K. (2020) Issues and Challenges in Implementing Sharing Economy in Tourism: a Triangulation Study. *Management of Environmental Quality*. Vol. 32. No. 1. P. 64—81. <https://doi.org/10.1108/MEQ-03-2020-0054>.
33. Nastase I. A., Negrutiu C., Felea M., Acatrinei C., Cepoi A., Istrate A. (2022) Toward a Circular Economy in the Toy Industry: The Business Model of a Romanian Company. *Sustainability*. Vol. 14. No. 1. Art. 22. <https://doi.org/10.3390/su14010022>.
34. Oberg C. (2021) Disruptive and Paradoxical Roles in the Sharing Economies. *International Journal of Innovation Management*. Vol. 25. No. 4. Art. 2150045. <https://doi.org/10.1142/S1363919621500456>.
35. Rathnayake I., Ochoa J. Jorge, Gu N., Rameezdeen R., Statsenko L., Sandhu S. (2024) A Critical Review of the Key Aspects of Sharing Economy: A Systematic Literature Review and Research Framework. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 434. Art. 140378. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.140378>.
36. Su B. C., Lin H., Wang Y. M. (2022) The Business Model of Digital Platforms for the Sharing Economy: Intensive Case Study Methodology for Rover.com Pet Boarding Platform. *Sustainability*. Vol. 14. No. 23. Art. 16256. <https://doi.org/10.3390/su142316256>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3015](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3015)

Е. В. Фролова, О. В. Рогач

ГОРОДСКАЯ ГАСТРОНОМИЯ В ПРАКТИКАХ КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ТУРИСТОВ

Правильная ссылка на статью:

Фролова Е. В., Рогач О. В. Городская гастрономия в практиках культурного потребления туристов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 273—292. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3015>.

For citation:

Frolova E. V., Rogach O. V. (2025) Urban Gastronomy in the Cultural Consumption Practices of Tourists. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 273—292. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3015>. (In Russ.)

Получено: 14.05.2025. Принято к публикации: 04.09.2025.

ГОРОДСКАЯ ГАСТРОНОМИЯ В ПРАКТИКАХ КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ТУРИСТОВ

ФРОЛОВА Елена Викторовна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: efrolova06@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

РОГАЧ Ольга Владимировна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: rogach16@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

Аннотация. В работе анализируются корреляты гастрономического выбора туристов и их опыт в области городской гастрономии, полученный в ходе путешествий. Особое внимание уделено изучению социокультурных и экономических потребностей туристов в практике потребления еды как культурного феномена современного города.

Дизайн исследования строился на сочетании количественного и качественного подходов. На первом этапе для сбора эмпирических данных использовался анкетный онлайн-опрос населения ($N = 1369$ человек, квотная выборка с контролем пола и возраста респондентов), на втором этапе проведены фокус-группы с информантами, имеющими значительный опыт туристических поездок, в том числе с гастрономическими целями ($n_1 = 6$ и $n_2 = 7$). Гайд фокус-групп включал вопросы, направленные на уточнение мотивации информантов, персонифицированного опыта культурного потребления городской гастрономии в ходе совершения туристических поездок.

URBAN GASTRONOMY IN THE CULTURAL CONSUMPTION PRACTICES OF TOURISTS

Elena V. FROLOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology
E-MAIL: efrolova06@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

Olga V. ROGACH¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology
E-MAIL: rogach16@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. This article analyzes the factors correlating with tourists' gastronomic choices and their experiences with urban gastronomy gained during their travels. Particular attention is paid to exploring the sociocultural and economic needs of tourists in relation to food consumption as a cultural phenomenon in the modern city.

The study design combines quantitative and qualitative approaches. In the first stage, empirical data was collected using within an online population survey ($N = 1,369$, quota sampling with controls for gender and age). In the second stage, the authors conducted focus groups with informants with significant tourism experience, including those with gastronomic purposes ($n_1 = 6$ and $n_2 = 7$). The focus group guide included questions aimed at clarifying the informants' motivations and their personalized experience of cultural consumption of urban gastronomy during tourist trips.

The analysis revealed that tourists have heightened expectations for local gastronomy prior-

Установлены завышенные запросы туристов к местной гастрономии: отмечается приоритизация экономических потребностей (качество питания, ценовая доступность) при актуализированном спросе на социокультурные аспекты сервисного обслуживания (дружелюбие, индивидуальный подход, гостеприимство). Туристы стремятся получать позитивные эмоции через опыт соприкосновения с аутентичным колоритом городской среды, что обусловлено поиском «пиковых» впечатлений в путешествии, позволяющим выйти за рамки обыденности, приобрести индивидуальный опыт освоения городского пространства. Более трети опрошенных респондентов в дополнение к традиционному функционалу еды демонстрируют востребованность развлекательного контекста городской гастрономии, нестандартной атрибутики потребления пищи и получения нового опыта. Эти дополнительные смыслы городской гастрономии находят отражение в туристических нарративах, рефлексии полученных впечатлений.

В ходе исследования были установлены риски интерпретационных искажений в восприятии городской гастрономии, замещения подлинного социокультурного опыта псевдообразцами гастрономических практик. Приоритизация развлекательного контекста, шаблонность туристических маршрутов редуцируют возможность реального приобщения к жизненному миру города. Полученные результаты вносят вклад в осмысление процессов культурного потребления в городах, углубление понимания специфики восприятия городской гастрономии в ходе туристической поездки.

Ключевые слова: гастрономия, туризм, гастрономическое впечатление, культурное потребление, местная кухня, городское пространство

itizing economic needs (food quality, affordability) and sociocultural aspects of service (friendliness, personalized service, and hospitality). Tourists seek positive experiences through authentic encounters with the urban environment, driven by a search for "peak" experiences during travel that allow them to transcend the ordinary and gain a personalized experience of exploring urban spaces. More than a third of respondents, in addition to the traditional functions of food, demonstrate a desire for the entertaining context of urban gastronomy, unconventional food consumption attributes, and new experiences. These additional meanings of urban gastronomy are reflected in tourist narratives and reflections on their experiences.

The study identified the risks of interpretative distortions in the perception of urban gastronomy, and the substitution of genuine sociocultural experiences with pseudo-models of gastronomic practices. Prioritizing entertainment and the stereotypical nature of tourist routes reduce the opportunity for genuine engagement with the city's everyday life. The findings contribute to a better understanding of cultural consumption processes in cities and a deeper understanding of the specifics of perceiving urban gastronomy during a tourist trip.

Keywords: gastronomy, tourism, gastronomic impression, cultural consumption, local cuisine, urban space

Введение

Комфорт пребывания горожан в определенных локациях детерминирован параметрами развития инфраструктуры общественного питания. По мнению зарубежных исследователей, гастрономия как практика культурного потребления является определяющим атрибутом городского образа жизни [Стил, 2016], формируя не только специфику городской экономики, но и, что более важно, событийный контекст познания города как места соприкосновения материального и нематериального начал. Ю. В. Веселов и Г. И. Чернов подчеркивают, что местные практики питания, специфические продукты и кулинария формируют особое пространство, гастрономическое сообщество города [Веселов, Чернов, 2018].

Еда как продукт местной культуры в современных исследованиях воспринимается в качестве фактора социализации [Brian, 2018], маркера социального статуса [Bourdieu, 1984; Носкова, 2015], источника самоидентификации индивида, инструмента получения впечатлений и пропуска в иной культурный мир для путешественника [Urry, 2000]. Множественность ролей гастрономии связана с разделением современным горожанином процесса потребления пищи различными смыслами.

Особенно ярко восприятие городской гастрономии прослеживается в ходе совершения туристических поездок. Питание в городских путешествиях не только выполняет базовые, утилитарные функции удовлетворения потребности индивида в еде, но и становится востребованным трендом культурного потребления новых впечатлений и эмоций, приобщения туриста к местной кулинарной культуре. Отнесение гастрономического опыта к практикам культурного потребления обусловлено потенциальными возможностями гастрономии в процессе познания города, рефлексии его истории и культуры. В частности, гастрономический опыт туриста обеспечивает подлинное соприкосновение с национальными традициями локальных территорий, образом жизни местного населения [Kaushal, Yadav, 2020], позволяет понять культурно-историческую специфику [Seyitoğlu, Ivanov 2020] и социально-экономический контекст развития города [Ермолаев, 2022], его колорит. В своих путешествиях туристы ориентированы на получение увлекательного аутентичного опыта, что представляется возможным в рамках погружения в быт местного населения, принятия активного участия в совместных гастрономических практиках [Carvalho и др., 2023]. Таким образом, гастрономические ожидания туриста центрируются не только в экономической сфере, вбирающей в себя повседневные рациональные мотивы выбора, но и в социокультурной, которая позволяет приобщиться к новому опыту. Социокультурный контекст гастрономических практик отражает выбор туриста, обусловленный социальными и культурными причинами, взаимосвязь которых не позволяет рассматривать их как единичные локальные нарративы.

Гастрономия становится фактором формирования конкурентоспособного туристического предложения [Antón и др., 2019], апеллируя к востребованным трендам культурного потребления новых впечатлений и эмоций. Анализ научной литературы по данной проблематике показывает, что гастрономические практики в туристических поездках наиболее ярко демонстрируют переход от экономики потребления продуктов к экономике потребления впечатлений [Quadri-Felitti, Fiore,

2012]. Следование модусу визуализации побуждает современного путешественника при выборе объектов питания ориентироваться на городскую эстетику, декорации и перформанс [Кравченко, 2015a], встроенность ресторана/кафе в общий городской ландшафт [Нап, Ryu, 2009].

В научной литературе представлены работы, посвященные роли гастрономии в развитии туризма [Трабская, Чернова, 2015], мотивации и потребностей туристов в гастрономическом путешествии [Щербакова, Жданова, 2019], ресурсам и проблемам гастрономического туризма [Гриненко, Логинова, 2021; Otengei, Ahebwa, 2021], механизмам модернизации туристических практик, основанных на национальных традициях кулинарии [Ликсакова и др., 2018]. В современной научной литературе подчеркивается взаимосвязь между развитием туристической привлекательности территории и маркетинговым продвижением городской гастрономии, в которой традиционная кухня и локальные продукты наделяются атрибутами аутентичности [Jongsuksomsakul, 2024]. Ценности общества потребления, возможность постоянного выбора в условиях высокой конкуренции в сфере общественного питания меняют конфигурацию мотивационных установок туристов в городской гастрономии. Рестораны, ориентированные на удержание интереса, не могут ограничиваться только стандартами качества и справедливого ценообразования. Новые вызовы экономики впечатлений диктуют тренд на «изысканное, фешенебельное и индивидуальное обслуживание» [Kankam, 2023]. Также современные горожане придают особое значение таким характеристикам туризма, как дружелюбие, радушие и открытость социальных взаимодействий в местных сообществах [Фролова и др., 2020a].

С. А. Кравченко в своем исследовании обращает внимание на перманентный поиск и погоню за гастрономическими впечатлениями, новые смыслы восприятия еды: «еду-знаки, „вдруг-события“ и сетевое „соприсутствие“ акторов — производителей еды» [Кравченко, 2015b: 19]. В проведенном ранее авторском исследовании также выводится тезис о связи практик коммерциализированного гостеприимства с потреблением впечатлений, где особое место занимает удовлетворение гедонистических потребностей туриста. Использование в городской гастрономии интерактивных форм коммуникаций «хозяина» и «гостя» не просто обеспечивает получение последним эстетического удовлетворения, но и направлено на формирование позитивного психоэмоционального состояния туриста [Рогач, Фролова, Медведева, 2022].

В работах современных авторов отмечается инкорпорирование локальных культур в гастрономический туризм, что позволяет рассматривать путешествие как образ жизни, связанный с приобретением экспериментального опыта от потребления «гастрономических традиций и „кулинарной репутации“ региона» [Пряжникова, 2023: 93]. При этом мотивы потребления могут лежать как в части удовлетворения физических или коммуникационных потребностей, так и в части приобретения культурного опыта, поддержания статуса. Как справедливо отмечается в работе М. С. Филатовой, Э. Э. Ибрагимова, С. В. Чимириис и Т. И. Спатарь-Козаченко сегодня «сложно отделить гастрономический туризм от вспомогательных услуг по обеспечению путешествия туристов» [Филатова и др., 2021: 40], что может искажать восприятие городской гастрономии как культурной практики потребления. Артикулируемый путешественниками спрос на впечатления в процес-

се реализации гастрономических практик подкрепляется «вспомогательными приемами экономики „впечатлений“» [там же: 43], что создает риски представления в городской гастрономии атрибутов псевдоаутентичности, имитации статусных гастропрактик и пр.

Несмотря на внимание ученых к гастрономическому туризму, остается ряд малоизученных аспектов в части персонифицированного опыта потребления городской гастрономии в туристических поездках; ожиданий, заложенных в гастрономический выбор; влияния рациональных и эмоциональных аспектов на восприятие гастрономических практик. Новизна представленной работы заключается в исследовании коррелят, связанных с персонифицированным гастрономическим выбором туриста. В работе отражен комплексный подход к представлению мотиваторов гастрономического выбора, сосредоточенных в экономическом и социокультурном поле туриста. Использование в ходе сбора информации качественной методологии позволяет сфокусировать внимание на практиках поиска и восприятия «псевдоидентичности» в городской гастрономии.

Методология

Цель исследования заключается в анализе предпочтений и потребностей туристов и их опыта городской гастрономии. Авторами был проведен онлайн-опрос в октябре-декабре 2024 г. ($N = 1369$). В опросе населения использовалась квотная выборка (параметры квотирования — пол и возраст респондентов, согласно данным Росстата на 1 января 2024 г.). Рекрутинг респондентов осуществлялся через туристские агентства города Москвы, где посетителям в период ожидания предлагалось, перейдя по ссылке, ответить на вопросы анкеты. Ссылка на опрос была размещена на платформе Google. Аналогичный опрос был проведен в 2019 г. [Фролова и др., 2020b], что позволило апробировать методику в рамках пилотажного исследования ($N = 300$). Трансформация социально-экономического контекста проведения исследований в 2019 и 2024 гг. позволила увидеть изменения в оценочных суждениях респондентов, однако пилотажный характер, как и малый размер выборки, не позволяет проводить сопоставительный анализ.

Для корректировки полученных половозрастных групп был произведен ремонт выборки (коррекция распределений половозрастных характеристик респондентов, проведен дополнительный опрос групп, представленных в недостаточном количестве). В итоговом распределении доля мужчин и женщин равна: 50,2 % мужчин и 49,8 % женщин. В итоговой выборке наблюдаются небольшие смещения. Среди мужчин в возрасте 56 лет и старше доля опрошенных респондентов составила 15,9 %, что ниже установленных параметров генеральной совокупности на 9,7 п. п. При этом увеличена доля мужчин в возрасте 25—35 лет (9,2 п. п.). Аналогичное смещение с незначительными вариациями характерно для женщин данных возрастных групп. Указанное смещение выборки по параметру возраста частично оправдывается снижением туристической активности старших возрастных групп. В частности, потребление туристических продуктов приобретает рутинизированный характер и подразумевает, как правило, питание в учреждениях санаторно-курортного типа и/или отелях, предлагающих услуги «все включено». Социально-демографические характеристики респондентов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики респондентов, %

Пол / возраст	18—24	25—35	36—45	46—55	56 и старше	Всего
Мужчины	5,6	14,9	12,3	9,4	8,0	50,2
Женщины	5,2	11,0	12,6	10,5	10,5	49,8
Всего	10,8	25,9	24,9	19,9	18,5	100

Уровень дохода не был отнесен к контролируемому критерию при формировании выборки, однако в ряде случаев оценки респондентов анализировались в соответствии с данным показателем. В таблице 2 представлено распределение респондентов по уровню дохода.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Уровень дохода Вашей семьи в месяц составляет...», %

Уровень дохода, тыс. руб.	>50	51—80	81—100	101—130	131—150	151—200	200 и более
Доля, %	21,8	25,0	17,9	12,3	9,6	5,2	8,2
Численность, человек	298	342	245	169	132	71	112

В ходе исследования проверена гипотеза о появлении новых трендов культурного потребления горожан в гастрономии: при сохранении потребностей в безопасности, справедливости ценообразования и качества питания конституируются запросы на гостеприимство и возможность визуализации впечатлений (фотографирование себя и блюд в ресторане/кафе), эстетику и дизайн.

На количественном этапе определялась регулярность гастрономического выбора туристом в зависимости от содержательных характеристик мест питания и блюд, оценивалось восприятие гастрономии в континууме экономических и социокультурных факторов. Данные опроса обрабатывались с использованием программного обеспечения IBM SPSS Statistics V.29.

Качественный этап исследования представлен фокус-групповыми дискуссиями ($n_1 = 6$ и $n_2 = 7$). Подбор информантов осуществлялся путем персонифицированного обращения к участникам анкетного опроса, имеющим значительный опыт туристических поездок (выбравших при ответе на вопрос анкеты о частоте совершения туристических поездок варианты: «три-четыре раза в год» и «более четырех раз»). Состав участников характеризуется неоднородностью ввиду дифференциации представительства по полу, возрасту и уровню дохода. В ходе фокус-групповых дискуссий изучен гастрономический опыт информантов во время туристической поездки, их социальные ожидания, восприятие комфорта пребывания в городской среде в контексте удовлетворения дифференцированных потребностей в питании (безопасность, эстетика, аутентичность, впечатления и др.). Анализ данных этого этапа исследования позволяет оценить встроенность городской гастрономии в новые практики культурного потребления туристов.

Результаты исследования

Согласно полученным данным, городская гастрономия занимает значимое место в практиках культурного потребления опрошенных москвичей. Респондентам было предложено выразить свое согласие с утверждением: «В туристических поездках питание играет для меня важную роль», используя 10-балльную шкалу, где 1 — абсолютно не согласен, 10 — полностью согласен. Почти половина опрошенных (47,8 %) достаточно высоко оценили роль питания в туристической поездке (от 7 баллов и выше). При этом каждый четвертый респондент (24,3 %) оценил роль питания в туристической поездке на высший балл (10 баллов из 10). Стоит отметить, что на распределение полученных ответов пол респондентов не оказал влияния. Вместе с тем восприятие роли городской гастрономии в туристической поездке определил уровень дохода опрошенных. Среди респондентов с доходом более 200 тыс. руб. выше доля оценивающих значимость питания в максимальном диапазоне оценочных баллов (34,8 %, что выше средних значений по выборке на 10,5 п. п.) (см. табл. 3).

Таблица 3. Зависимость оценок значимости питания в туристических поездках от уровня месячного дохода респондента, %

Балл	Уровень дохода, тыс. руб.							Среднее значение по выборке
	>80	51—80	81—100	101—130	131—150	151—200	200 и более	
1	13,1	21,6	12,7	16,0	5,3	2,8	0,9	13,2
2	7,7	10,8	9,8	8,3	4,5	8,5	19,6	9,6
3	16,1	5,8	7,8	3,0	9,8	7,0	8,9	8,8
4	4,0	10,5	13,1	5,3	9,8	2,8	0,9	7,7
5	4,0	10,2	11,4	13,0	1,5	11,3	7,1	8,4
6	2,7	3,2	2,9	8,9	5,3	9,9	5,4	4,5
7	12,8	9,9	5,7	13,6	6,1	1,4	2,7	8,8
8	4,0	6,1	11,4	7,7	25,0	14,1	9,8	9,3
9	7,0	1,5	4,5	4,1	1,5	22,5	9,8	5,3
10	28,5	20,2	20,8	20,1	31,1	19,7	34,8	24,3

С определенной долей допущения можно предположить, что городская гастрономия для части респондентов становится репрезентацией статусных притязаний туристов. Мнение, что выбор места питания определяет статус человека, в той или иной степени (оценки от 7 до 10 баллов) поддерживают в сумме 30,4 % опрошенных. Среди тех, кто абсолютно не согласен с данным утверждением, чуть выше доля низкодоходных респондентов (на 12,2 п. п. в сравнении со средними значениями по выборке).

Контекст туристической поездки настраивает путешественников на потребление впечатлений, что усиливает значимость социокультурных потребностей и меняет подход к восприятию стоимостных издержек городской гастрономии. В сумме почти половина опрошенных респондентов (44,3 %) испытывают интерес (оценки от 7 до 10 баллов) к ресторанам / кафе, которые обладают особым нацио-

нальным колоритом (см. табл. 4). Наличие традиционных продуктов в меню имеет меньшую притягательность для современного туриста (34,9% по сумме баллов от 7 до 10). Можно предположить, что смысловое наполнение городской гастрономии в современных условиях связывается не столько с едой, сколько с атмосферой потребления пищи. В частности, по критерию «дружелюбное обслуживание в кафе/ресторане» поставили 10 баллов из 10 возможных максимальное число респондентов (23,6%).

Таблица 4. **Оценки согласия с утверждениями по степени значимости, где 1 — абсолютно не согласен, 10 — полностью согласен, %**

Утверждение	Оцените степень своего согласия со следующими утверждениями, где 1 — абсолютно не согласен, 10 — полностью согласен									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В туристических поездках, выбирая кафе/ресторан, для меня важно наличие в меню традиционных для данной местности продуктов	15,3	11,4	12,1	6,6	12,3	7,5	4,9	10,4	6,6	13,0
В туристических поездках мне интересно ходить в рестораны/кафе, обладающие особым национальным колоритом	11,4	9,4	9,5	8,7	11,2	5,5	5,6	13,1	12,8	12,8
Для меня важно дружелюбное обслуживание в кафе/ресторане	9,7	6,6	8,3	6,7	9,2	7,5	6,1	12,9	9,4	23,6
Для меня важно, когда официанты пытаются со мной поговорить, рассказать о блюдах, узнать мое имя и пр.	14,5	10,2	8,1	8,3	11,2	8,2	8,3	11,5	5,8	13,9
Выбор ресторана показывает статус человека	20,6	13,0	8,1	10,7	11,0	6,1	5,9	7,2	9,1	8,2
Мне нравится посещать кафе/рестораны, где обслуживают официанты	9,0	10,4	9,1	10,8	9,6	8,3	8,0	10,7	9,1	15,0

Полученные выводы можно проиллюстрировать результатами фокус-групповой дискуссии.

Для меня очень важна атмосфера. Приходя в ресторан, ищешь именно этот национальный колорит, это интересно, понимаешь, что это другая культура... Нравится, когда официанты в национальной одежде... (Татьяна К., 37 лет)

Традиционные продукты — это, конечно, интересно, но не всегда... Я к этому отношусь осторожно, гораздо важнее атмосфера в целом, когда все дружелюбно, чувствуешь, что тебе рады. Да, понимаешь, что все это игра, ты платишь деньги, и тебя встречают как родного... Но, знаете, в целом впечатления остаются хорошие. И это важно... В такое место хочется вернуться... (Ольга П., 50 лет)

Интерес представляет тот факт, что для респондентов, приоритизирующих питание в туристической поездке, особое значение приобретают социокультурные потребности: традиционная кухня, национальный колорит, дружелюбное обслуживание (см. табл. 5).

Таблица 5. *Корреляции между приоритетом питания и другими аспектами*

Перечень утверждений, с которыми респонденты оценивали степень своего согласия	По Спирмена
В туристических поездках, выбирая кафе/ресторан, для меня важно наличие в меню традиционных для данной местности продуктов	,649
В туристических поездках мне интересно ходить в рестораны/кафе, обладающие особым национальным колоритом	,726
Для меня важно дружелюбное обслуживание в кафе/ресторане	,793
Для меня важно, когда официанты пытаются со мной поговорить, рассказать о блюдах, узнать мое имя и пр.	,674
Для меня важно питаться в ресторанах известных сетей	,310
Выбор ресторана показывает статус человека	,531
В рассказах о поездке гастрономические впечатления занимают важное место	,619
Статус и престиж кафе/ресторана для меня важен	,568
Мне нравится посещать кафе/рестораны, где обслуживают официанты	,697
Для меня важно здоровое питание	,619
Мне нравится, когда в кафе/ресторане я могу наблюдать за процессом приготовления моего заказа	,580
Мне нравится ходить в кафе/ресторан, отдаленный от туристических маршрутов	,524

Примечание: корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Приоритет питания в туристической поездке больше всего коррелирует с национальным колоритом (,726), традиционной кухней (,649) и характеристиками, связанными с сервисом: дружелюбное обслуживание (,793), наличие официантов (,697), индивидуальный подход, когда «официанты пытаются поговорить, рассказать о блюдах» (,674).

Установлена зависимость между признанием значимости питания в туристической поездке и такой характеристикой городской гастрономии, как сервисное обслуживание: «мне нравится посещать кафе/рестораны, где обслуживают официанты» (,697), «важно, когда официанты пытаются со мной поговорить, рассказать о блюдах, узнать мое имя и пр.» (,674).

В ходе исследования респондентам был задан вопрос о специфике выбора кафе/ресторанов в зависимости от ряда характеристик. Установлено, что в туристических поездках путешественники демонстрируют мозаичную палитру мотивов (см. рис. 1).

Рис. 1. Специфика выбора туристом кафе /ресторана, %

Гастрономия является социокультурным феноменом современных городов, туристы в своем выборе демонстрируют запрос на констелляцию экономических и социокультурных аспектов потребительских практик. Более двух третей опрошенных обращают внимание (выбор в сумме ответов «часто» и «всегда») на такие параметры городской гастрономии, как «дружелюбное обслуживание, гостеприимство, внимание к индивидуальным потребностям» (64,3%), «подходящая цена» (67,2%), «безопасность и качество продуктов» (68,0%).

Да, кому-то это интересно, я не знаю, там... поесть в темноте, на дне морском... Но мне важна спокойная атмосфера, качественная еда. А там, где хотят удивить, вряд ли позаботятся о хорошей кухне... Это и дороже к тому же... (Олег П., 50 лет)

Второй по значимости круг запросов обусловлен дефицитом времени в туристической поездке и подразумевает обеспечение логистики и базового комфорта городской гастрономии. На выбор туристов в этом случае оказывают влияние

следующие факторы: «легко добраться» (59,1 % респондентов выбрали в сумме варианта ответа «часто» и «всегда»), «отсутствие языкового барьера» (51,1 %), «дизайн помещения» (50,6 %).

Примечательно, что третий круг запросов туриста к городской гастрономии связан не с ее прямой функцией — удовлетворением голода, — а апеллирует к культурно-развлекательным практикам. 45,1 % респондентов выбирают ресторан, где есть живая музыка, развлекательная программа (39,9 %). Кроме того, результаты исследования показали востребованность каждым третьим туристом нестандартной атрибутики (атмосферы, оформления) — 38,1 %.

Да, для меня это интересно... В последней поездке мы с моей девушкой потратили время, но добрались до ресторана, где все было в таком футуристическом стиле, необычно... (Николай К., 22 года)

Я не поклонник разных странностей... Но, если это как-то связано с историей, какими-то традициями города, то тогда становится интересным... Такое у нас было в поездке, когда параллельно с подачей блюд шло выступление с народными танцами, все подкреплялось рассказами об истории города... Это запомнилось... (Андрей Д., 48 лет)

Несмотря на устоявшееся представление о моде на фотографирование себя и еды в ресторане как репрезентации туристического впечатления, результаты исследования показали обратный тренд. Почти две трети опрошенных респондентов не разделяют стремления к визуализации своего гастрономического опыта (41,1 % никогда не фотографируют свою еду, 20,5 % делают это редко). Запечатление гастрономического содержания тарелки чуть в большей степени свойственно молодежи, которая демонстрирует активность в социальных сетях и запрос на получение одобрения от виртуальной аудитории. Всегда фотографируют еду 12,2 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет. Аналогичные пропорции характерны для таких возрастных групп, как 25—35 и 36—45 лет (12,4 % и 15,5 % соответственно). В то время как среди старшей возрастной группы (от 55 лет) доля всегда фотографирующих составляет только 4,4 %.

Что касается формирования впечатлений от поездки, ее рефлексии, то гастрономия представляет важную часть индивидуальных повествований для трети опрошенных респондентов. 37,5 % в той или иной степени (сумма баллов от «7» и выше по 10-бальной шкале) согласились с утверждением, что «в рассказах о поездке гастрономические впечатления занимают важное место». Данная тема нашла эмоциональный отклик в ходе фокус-группового обсуждения. С одной стороны, информанты признавали значимость гастрономических впечатлений для формирования образа города, общего восприятия туристической поездки, рефлексии своих воспоминаний.

Это все очень связано: еда и настроение в путешествии. И не просто настроение, ты понимаешь, как едят и живут люди, это правда... (Ольга П., 50 лет)

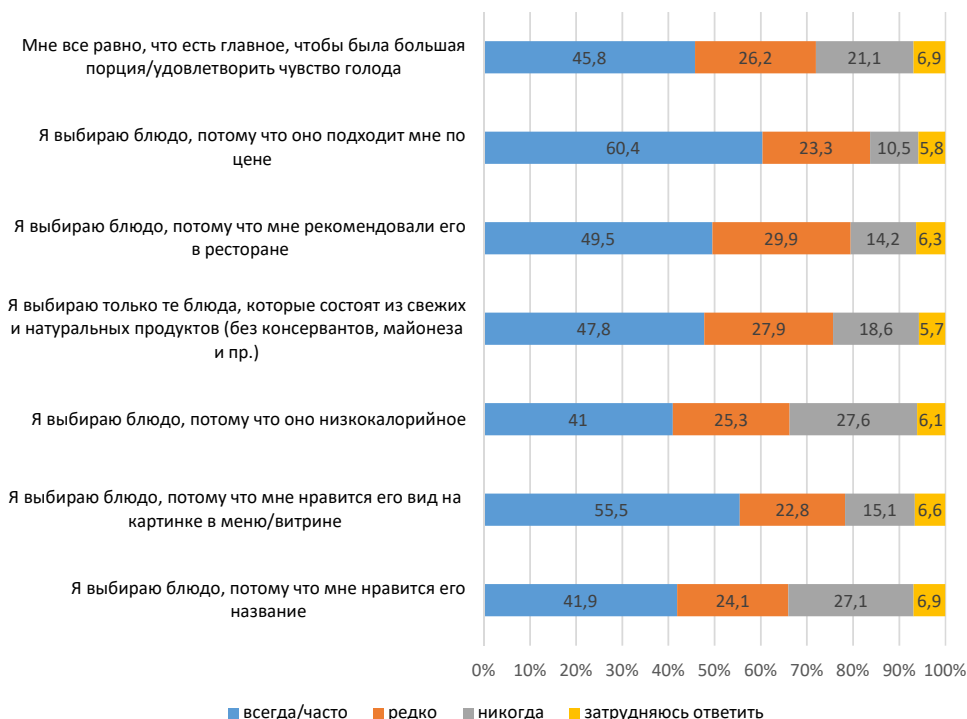
Приезжая домой, тебя и на работе, и родственники обязательно спросят, что вы там ели, было ли вкусно, что было особенным... И, если было особенное, была возможность почувствовать этот колорит, то эти воспоминания — они особенные... (Нина К., 49 лет)

С другой стороны, информанты высказывали мнение, что городская гастрономия в туристической поездке наделяется завышенными ожиданиями и псевдо-реальными культурными смыслами, которые легитимируют в общественном сознании завышенную стоимость на услуги общественного питания:

Все эти национальные кухни, эти танцы с бубнами — это не имеет никакого отношения к настоящей жизни местных. Они там не питаются на самом деле... Это аттракцион для туристов, которые хотят для себя что-то новое... И под этим соусом им впаривают еду, не стоящую своих денег... (Олег П., 50 лет)

Можно предположить, что городская гастрономия в ряде случаев приобретает черты коммерциализированного продукта, где его аутентичность подменяется трендом на яркие впечатления и эмоции.

Рис. 2. Специфика выбора туристом блюда в кафе/ресторане, %

Результаты опроса показали совпадения потребительских подходов респондентов к выбору как кафе/ресторана, так и блюд (см. рис. 2). В частности, сохра-

няется мозаичность формирования запросов к городской гастрономии. Значительная часть туристов ориентируется на доступность цены и привлекательность внешнего вида блюда. Можно предположить, что визуальная репрезентация еды обеспечивает туриста инструментами релевантной оценки блюда по критериям безопасности, качества продуктов, соответствия вкусовым предпочтениям. Почти половина опрошенных респондентов (49,5%) ориентируется на совет, полученный от обслуживающего персонала. Принимая во внимание роль гастрономии в познании жизненного мира города, вполне закономерно желание туриста опереться на опыт местных жителей.

Наряду с восприятием питания в качестве обретения инокультурного опыта, получения аутентичных впечатлений и эмоций сохраняется доля туристов, редуцирующих значение гастрономии к ее первичной, инструментальной роли. Для данной категории респондентов свойственно традиционное восприятие еды в ее базовом функционале (удовлетворение голода). В частности, для 45,8% респондентов (сумма ответов «всегда» и «часто») «безразлично, что есть, главное, чтобы была большая порция / удовлетворить чувство голода». Более выражен указанный запрос среди мужского населения (52,0% vs 39,6%). Упрощает восприятие городской гастрономии также низкий уровень дохода туристов, максимизируя значимость размера порции, а не ее содержания.

Дискуссия

Городская гастрономия в условиях доминирования ценностей общества потребления становится иллюстрацией завышенных ожиданий туристов, стремления к максимизации получаемых преимуществ, соответствия статусным требованиям. Данный вывод подтверждается дифференциацией запросов туристов к городской гастрономии, повышением значимости каждого из ее параметров. Можно предположить, что визуализация «гламурных» образов туристов и гастрономического глянца формирует нерелевантный действительности статусный запрос на гастрономические практики в путешествии.

В частности, при сохранении экономических запросов к качеству и доступной цене потребительский выбор дополняется социокультурными потребностями. Более двух третей опрошенных обращают внимание на такие параметры городской гастрономии, как «подходящая цена» (67,2%) и «качество продуктов» (68,0%). Данный перечень может быть дополнен значимостью когнитивного образа еды в сравнении с ее аффективным и эмоциональным восприятием [Lai и др., 2019] (что, однако, в российских реалиях не изучается как самостоятельный аспект городской гастрономии и может быть представлено как один из компонентов социокультурной стороны туристических практик).

При этом городская гастрономия в ходе туристической поездки приобретает «дополненную стоимость» за счет придания еде новых ценностей и смыслов. Именно через гастрономию турист осваивает городское пространство, приобщаясь к повседневным жизненным нарративам местных жителей в противовес медийным образцам туристического опыта. В современных условиях развития урбанизированных пространств рутинизация жизненных практик актуализирует поиск «пиковых» впечатлений, выхода за рамки обыденности. С определенной долей допу-

щения можно сделать вывод, что современный турист в дополнение к посещению стандартизированных туристических объектов ориентирован на формирование своего уникального опыта освоения города. Индивидуализированный акт выбора туристом ресторана и блюда обеспечивает «потребление» города в наложении его физического, социального и культурного пространства.

Респонденты в ходе исследования достаточно высоко оценили значимость таких критериев, как национальный колорит, наличие в меню локальных продуктов, традиционных для данной местности. Интерес представляет тот эмпирический факт, что репрезентация городской гастрономии строится не только на процессе дегустации новых блюд, но и на социальных практиках взаимодействия туриста и принимающей стороны. В частности, результаты исследования показали, что обслуживание в ресторане, практики коммерциализированного гостеприимства имеют повышенную значимость в оценках туристов. Эмпирические данные частично подтверждаются другими исследованиями, где обосновывается взаимосвязь между дружелюбным поведением обслуживающего персонала «первой линии» и ориентацией на повторный визит/покупку. Коммерциализированное гостеприимство в городской гастрономии, обеспечивающее позитивную идентификацию бренда, подразумевает доступность персонала, юмор, неформальное общение, поддержание разговорных практик [Othman, 2025]. Можно предположить, что иное культурное пространство повышает требования туристов к дружелюбному обслуживанию. Зачастую туристические поездки подразумевают наличие языкового барьера, обостренное восприятие дихотомии «свой — чужой». В этой ситуации дружелюбие обслуживающего персонала выступает в определенном роде гарантом комфортного пребывания, инструментом достижения понимания и реализации своих потребностей. Результаты других исследований показывают, что для посетителей ресторанов восприятие «выдающегося обслуживания» сопровождалось формированием чувства общности, наличия особых взаимоотношений даже в условиях краткосрочного взаимодействия, предвосхищения имеющихся потребностей [Walsh, 2000].

Согласно результатам нашего массового опроса, городская гастрономия в большинстве своем занимает важное место в описательных повествованиях о туристической поездке, рефлексии полученных в ходе путешествия впечатлений. Вместе с тем, по оценкам респондентов, визуализация гастрономического опыта не является распространенной практикой.

В дополнение к количественным данным материалы качественного исследования показали амбивалентный характер восприятия городской гастрономии в туристической поездке. Национальный колорит, дружелюбная атмосфера, гостеприимное обслуживание как маркеры успешного опыта посещения ресторана были названы в ходе фокус-групп. В то же время можно констатировать наличие ряда неоднозначных трактовок. Информанты, с одной стороны, высказывали мнение, что городская гастрономия выступает в числе ключевых факторов познания иного культурного кода, позволяя наделять туристические воспоминания ярким содержанием и смыслом. С другой стороны, были высказаны идеи о том, что максимизация гастрономических ожиданий инициирует риски интерпретационных смещений, где изучение национальных традиций, поиск подлинных культур-

ных смыслов подменяется упрощенными схемами приобщения к псевдореальности в виде коммерциализированных гастротуристических практик. Аналогичные выводы присутствуют в ряде других научных работ, где делается акцент на маркер «подлинности» в городской гастрономии. «Местный образ жизни через еду» [Ko et al., 2018] постигается посредством посещения ресторанов, находящихся «в стороне от проторенных дорог» [Kaushal, Yadav, 2021]. По мнению Ю. В. Веселова, традиции этнической гастрономии, репрезентируемые в тематических ресторанах, зачастую имеют мало общих точек соприкосновения с вкусами национальной кухни тех стран, которые они представляют [Веселов, 2015].

Выводы

В условиях доминирования ценностей общества потребления, высокой конкуренции и дифференциации предложений в сегменте городского общественного питания туристы предъявляют особые требования к местной гастрономии. Результаты исследования подтвердили гипотезу о приоритизации экономических потребностей в качестве питания и ценовой доступности. Кроме того, современные туристы придают достаточно высокое значение социальным аспектам сервисного обслуживания, таким как дружелюбие, индивидуальный подход, гостеприимство. Данные модусы потребления органично сочетаются с запросом на национальный колорит, традиции, локальные продукты, аутентичность гастрономических практик.

Максимизация запросов туриста к городской гастрономии обусловлена поиском «пиковых» впечатлений в путешествии, позволяющих выйти за рамки обыденности, получить индивидуальный опыт освоения городского пространства. Более трети опрошенных респондентов в дополнение к традиционному функционалу еды демонстрируют востребованность развлекательного, креативного контекста городской гастрономии, совмещения процесса потребления пищи с нестандартной атмосферой, получением новых эмоций.

Новизна представленного исследования заключается в анализе противоречий восприятия городских гастрономических практик в ожиданиях современного туриста. Количественные исследования показали актуализированный запрос на приобщение к национальной гастрономии, традициям питания местного населения, их встроенность в сервисное обслуживание, персонизированные практики общения с работниками. При этом качественные исследования иллюстрируют масштабирование тематических концепций «псевдоидентичности» в городской гастрономии, которые имеют хорошую узнаваемость и коммерческую рентабельность.

Список литературы (References)

1. Веселов Ю. В. Современная социальная система питания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 1. С. 68—82.
Veselov Yu. V. (2015) The Contemporary Social System of Food. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 18. No. 1. P. 68—82. (In Russ.)
2. Веселов Ю. В., Чернов Г. И. Еда и мы: гастрономический портрет Петербурга (эссе) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 1. С. 182—209.

- Veselov Y. V., Chernov G. I. (2018) Food and We: Gasronomic Portrait of Saint Petersburg. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 21. No. 1. P. 182—209. (In Russ.)
3. Гриненко С. В., Логинова А. Д. Гастрономический туризм как форма детского и семейного туризма // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2021. Т. 2. № 10. С. 41—53.
Grinenko S. V., Loginova A. D. (2021) Gastronomic Tourism as a Form of Children's and Family Tourism. *The Professors' Magazine. Recreation and Tourism Series*. Vol. 2. No. 10. P. 41—53. (In Russ.)
 4. Ермолаев В. А. Гастрономия: история вопроса в социокультурном контексте // Вестник культуры и искусств. 2022. Т. 2. № 70. С. 62—70.
Ermolaev V. A. (2022) Gastronomy: History in the Socio-Cultural Context. *Culture and Arts Herald*. Vol. 2. No. 70. P. 62—70. (In Russ.)
 5. Кравченко С. А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования. 2015а. № 1. С. 85—94.
Kravchenko S. A. (2015a) Social and Cultural Dynamics of Food: Acquisitions and Vulnerabilities. *Sociological Studies*. No. 1. P. 85—94. (In Russ.)
 6. Кравченко С. А. Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды // Вестник Института социологии. 2015b. Т. 3. № 14. С. 12—29.
Kravchenko S. A. (2015b) Paradoxes of Time's Arrow: Birth of Non-food. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 3. No. 14. P. 12—29. (In Russ.)
 7. Ликсакова И. В., Бугаец Н. А., Новикова У. В. Обзор кулинарных традиций Краснодарского края как основы формирования предложения в сегменте гастрономического туризма // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12. № 1. С. 77—90. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2018-10107>
Lixakova I. V., Bugayets N. A., Novikova U. V. (2018) Culinary Traditions of Krasnodar Region as a Basis for Creating Offers in the Segment of Gastronomic Tourism: An Overview. *Services in Russia and Abroad*. Vol. 12. No. 1. P. 77—90. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2018-10107> (In Russ.)
 8. Носкова А. В. Питание как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник Института социологии. 2015. Т. 3. № 14. С. 49—64.
Noskova A. V. (2015) Food as a Sociology Object and a Social Inequality Marker. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 3. No. 14. P. 49—64. (In Russ.)
 9. Пряжников О. Н. Гастрономический туризм: мотивация и типы туристов (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2023. № 4. С. 91—98. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2023.04.05>
Pryazhnikova O. N. (2023) Gastronomic Tourism: Motivation and Types of Tourists. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*. No. 4. P. 91—98. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2023.04.05>. (In Russ.)

10. Рогач О. В., Фролова Е. В., Медведева Н. В. Туристский потенциал российских территорий: позиция муниципальных органов власти // Вопросы экономики. 2022. № 9. С. 125—138. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-9-125-138>.
Rogach O. V., Frolova E. V., Medvedeva N. V. (2022) The Tourist Potential of Russian Territories: View from the Municipal Level. *Voprosy Ekonomiki*. No. 9. P. 125—138. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-9-125-138>. (In Russ.)
11. Стил К. Голодный город. Как еда определяет нашу жизнь. М.: Strelka Press, 2016.
Steel C. (2016) *Hungry City. How Food Shapes Our Lives*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
12. Трабская Ю. Г., Чернова Е. В. Роль гастрономических брендов в продвижении туристических направлений // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. Т. 1. С. 52—59.
Trabskaya Yu. G., Chernova E. V. (2015) The Role of Gastronomic Brands in Promoting Tourist Destinations. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*. No. 1. P. 52—59. (In Russ.)
13. Филатова М. С., Ибрагимов Э. Э., Чимирис С. В., Спатарь-Козаченко Т. И. Типология и потребительский опыт гастрономических туристов на примере российских гастро-дестинаций // Современные проблемы сервиса и туризма. 2021. Т. 15. № 4. С. 38—49. <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-4-38-49>.
Filatova, M. S., Ibragimov, E. E., Chimiris, S. V., Spatar'-Kozachenko, T. I. (2021) Typology and Consumer Experience of Gastronomic Tourists Using the Case of Gastronomic Destinations in Russia. *Service and Tourism: Current Challenges*. Vol. 15. No. 4. P. 38—49. <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-4-38-49>. (In Russ.)
14. Фролова Е. В., Рогач О. В., Рябова Т. М. Деятельность муниципальных органов власти по развитию культурно-познавательного туризма: проблемы, ресурсы и новые возможности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020а. № 3. С. 210—228.
Frolova E. V., Rogach O. V., Ryabova T. M. (2020a) Activities of Municipal Authorities in the Development of Cultural and Educational Tourism: Problems, Resources and New Opportunities. *Public Administration Issues*. No. 3. P. 210—228. (In Russ.)
15. Фролова Е. В., Танатова Д. К., Рогач О. В., Рябова Т. М. Влияние питания на восприятие мест отдыха в оценках туристов // Социальная политика и социология. 2020b. Т. 19. № 1. С. 132—142.
Frolova E. V., Tanatova D. K., Rogach O. V., Ryabova T. M. (2020b) The Influence of Nutrition on the Perception of Holiday Destinations in Tourists' Assessments. *Social Policy and Sociology*. Vol. 19. No. 1. P. 132—142.
16. Щербакова Н. В., Жданова О. В. Гастрономическая идентичность как инструмент продвижения туристской дестинации // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. № 1. С. 125—135. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10110>.

- Shcherbakova N. V., Zhdanova O. V. (2019) Gastronomic Identity as a Tool for Promote a Tourism Destination. *Services in Russia and Abroad*. Vol. 13. No. 1. P. 125—135. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10110>. (In Russ.)
17. Antón C., Camarero C., Laguna M., Buhalis D. (2019) Impacts of Authenticity, Degree of Adaptation and Cultural Contrast on Travellers' Memorable Gastronomy Experiences. *Journal of Hospitality Marketing & Management*. Vol. 28. No. 7. P. 743—764.
 18. Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge, MA.
 19. Brian H. (2018) Why Do Kids' Menus Always Have Chicken Nuggets? Children's Observations on the Provision of Food in Hotels on Family Holidays. *Hospitality & Society*. Vol. 8. No. 1. P. 69—96.
 20. Carvalho M., Kastenholz E., Carneiro M. J., Souza L. (2023) Co-Creation of Food Tourism Experiences: Tourists' Perspectives of a Lisbon Food Tour. *Tourist Studies*. Vol. 23. No. 2. P. 128—148. <https://doi.org/10.1177/14687976231168941>.
 21. Han H., Ryu K. (2009) The Roles of the Physical Environment, Price Perception, and Customer Satisfaction in Determining Customer Loyalty in the Restaurant Industry. *Journal of Hospitality & Tourism Research*. Vol. 33. No. 4. P. 487—510. <https://doi.org/10.1177/1096348009344212>.
 22. Jongsuksomsakul P. (2024) Culinary Storytelling About the Local Cuisine of Phitsanulok, Thailand. *SAGE Open*. Vol. 14. No. 1. <https://doi.org/10.1177/21582440241233451>.
 23. Kankam G. (2023) Service Quality and Business Performance: The Mediating Role of Innovation. *Discover Analytics*. Vol. 1. No. 6. <https://doi.org/10.1007/s44257-023-00006-7>.
 24. Kaushal V., Yadav R. (2021) Understanding Customer Experience of Culinary Tourism Through Food Tours of Delhi. *International Journal of Tourism Cities*. Vol. 7. No. 3. P. 683—701.
 25. Kaushal V., Yadav R. (2020) Understanding Customer Experience of Culinary Tourism Through Food Tours of Delhi. *International Journal of Tourism Cities*. Vol. 7. No. 3. P. 683—701. <https://doi.org/10.1108/IJTC-08-2019-0135>.
 26. Ko S., Kang S., Kang H., Lee M. J. (2018) An Exploration of Foreign Tourists' Perceptions of Korean Food Tour: A Factor-Cluster Segmentation Approach. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. Vol. 23. No. 8. P. 833—846.
 27. Lai M. Y., Wang Y., Khoo-Lattimore C. (2019) Do Food Image and Food Neophobia Affect Tourist Intention to Visit a Destination? The Case of Australia. *Journal of Travel Research*. Vol. 59. No. 5. P. 928—949. <https://doi.org/10.1177/0047287519867144>.
 28. Otengei S. O., Ahebwa W. M. (2021) Innovative Capacity and Sustainable Food Tourist Influx to African-Ethnic Restaurants: The Dynamic Capabilities Perspec-

- tive. *Tourism and Hospitality Research*. Vol. 21. No. 2. P. 131—143. <https://doi.org/10.1177/1467358420966028>
29. Othman N.A. (2025) Does Frontline Employee Friendliness During Service Delivery Still Matter in the Current Era? Revisiting Its Dimensionality Effects on Brand Outcome. *Journal of Brand Management*. Vol. 32. P. 315—327. <https://doi.org/10.1057/s41262-025-00384-1>.
30. Quadri-Felitti D., Fiore A. M. (2012) Experience Economy Constructs as a Framework for Understanding Wine Tourism. *Journal of Vacation Marketing*. Vol. 18. No. 1. P. 3—15. <https://doi.org/10.1177/1356766711432222>.
31. Seyitoğlu F., Ivanov S. (2020) A Conceptual Study of the Strategic Role of Gastronomy in Tourism Destinations. *International Journal of Gastronomy and Food Science*. No. 21. Art. 100230. <https://doi.org/10.1016/j.ijgfs.2020.100230>.
32. Urry J. (2000) *Sociology Beyond Societies*. Vol. 3. London: Routledge.
33. Walsh K. (2000) A Service Conundrum: Can Outstanding Service Be Too Good? *Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly*. Vol. 41. No. 5. P. 40—50. <https://doi.org/10.1177/001088040004100533>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3038](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3038)

Н. А. Климова, М. С. Нарышкина

КАЧЕСТВО ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННЫХ ДЕЛОВЫХ РАЙОНОВ МОСКВЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОГО ЦЕНТРА МОСКВА-СИТИ

Правильная ссылка на статью:

Климова Н. А., Нарышкина М. С. Качество городской среды современных деловых районов Москвы в социальных ожиданиях жителей на примере делового центра Москва-Сити // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 293—313. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3038>.

For citation:

Klimova N. A., Naryshkina M. S. (2025) The Quality of the Urban Environment of Modern Business Districts of Moscow in the Social Expectations of Users on the Example of the Moscow City Business Center. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 293—313. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3038>. (In Russ.)

Получено: 29.05.2025. Принято к публикации: 02.09.2025.

КАЧЕСТВО ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННЫХ ДЕЛОВЫХ РАЙОНОВ МОСКВЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОГО ЦЕНТРА МОСКВА-СИТИ

КЛИМОВА Наталия Александровна — советник, Российская академия архитектуры и строительных наук, Москва, Россия; аспирант, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Россия
E-MAIL: nklimova1@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0004-8525-0187>

НАРЫШКИНА Мария Сергеевна — независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: numidesign@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-1712-8340>

Аннотация. Статья фокусируется на вопросах сбалансированного развития и качества городской среды современных деловых районов в крупных городах и мегаполисах. На примере истории возникновения и развития деловых районов Москвы демонстрируются возможности формирования полицентрической структуры деловой активности в мегаполисе и возможных социально-экономических эффектов, которые могут стать следствием таких процессов. В исследовании также анализируются возможные социальные последствия новой градостроительной политики Москвы на основе федерального и регионального законодательства по максимальному использованию городских территорий при одновременном тренде на улучшение качества городской среды и развитие инфраструктуры.

THE QUALITY OF THE URBAN ENVIRONMENT OF MODERN BUSINESS DISTRICTS OF MOSCOW IN THE SOCIAL EXPECTATIONS OF USERS ON THE EXAMPLE OF THE MOSCOW CITY BUSINESS CENTER

Natalia A. KLIMOVA^{1,2} — Advisor; PhD Student
E-MAIL: nklimova1@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0004-8525-0187>

Maria S. NARYSHKINA³ — Independent Researcher
E-MAIL: numidesign@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-1712-8340>

¹ Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Moscow, Russia

² National Research University Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

³ Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the issues of balanced development and the quality of the urban environment in modern business districts of large cities and megacities. Using the example of Moscow's business districts, the history of their emergence and development illustrates the possibilities of forming a polycentric structure of business activity in a megalopolis and the effects that may result from such processes. The study also analyzes the possible social consequences of Moscow's new urban planning policy based on federal and regional laws to maximize the use of urban areas while simultaneously trending towards improving the quality of the urban environment, including the quality of architectural solutions, taking into account aesthetic and practical characteristics, and well-developed infrastructure. The paper presents research

В работе приводятся данные социологического исследования, проводившегося в феврале 2025 г. (метод сбора данных — формализованные телефонные интервью, объем выборки — 600 респондентов) о влиянии делового центра Москва-Сити, выбранного в качестве примера, на среду жизнедеятельности в близлежащем районе, оцениваются восприятие территории самого комплекса, востребованность его объектов и инфраструктуры местными жителями, а также в целом отношение к таким деловым центрам и их воздействию на городскую ткань. Делается попытка поиска баланса между необходимостью города в строительстве многофункциональных высотных зданий и комплексов и потребностями жителей в качественной городской среде. В работе используются концепции жизнеспособности городской среды (urban vitality), смешанного использования (mixed-use) и устойчивого урбанизма (sustainable urbanism).

Ключевые слова: урбанизация, искусственная среда, социальные взаимодействия, деловой район, деловой центр Москва-Сити, комфортная городская среда

data conducted in February 2025 (data collection method formalized telephone interviews, sample size 600 respondents) on the impact of the Moscow City business center, chosen as an example, on the living environment in nearby area, evaluates the perception of the territory of the complex itself, the demand for its facilities and infrastructure by residents, as well as the general attitude towards such business centers and their impact on the urban fabric. Based on a sociological study in the areas adjacent to the business center, an attempt is being made to find a balance between the city's need for the construction of multi-functional high-rise buildings and complexes and the needs of residents in a high-quality urban environment. The work uses modern concepts of urban vitality, mixed-use, and sustainable urbanism.

Keywords: urbanization, artificial environment, social interactions, business district, Moscow City business center, comfortable urban environment

Поскольку мир народов создан людьми, именно в умах людей и следует искать принципы его устройства.

Вико Дж. «Основания новой науки об общей природе наций», 1759

Введение

На протяжении жизни многих поколений человечество собственноручно создает искусственную среду жизнедеятельности, имея целью достижение определенного комфорта. При этом изменяются природные ландшафты и формируется техногенная среда, часто вступающая в конфликт с природой и создающая угрозу самому существованию человека как биологического вида.

Средоточием этой искусственной среды выступают урбанизированные территории — города, которые рассматриваются одними исследователями как центры экономического развития, воспроизводства человеческого капитала, а другими характеризуются как источники разрушения окружающей природы [Farr, 2007] и деградации социальных отношений [Mouratidis, Poortinga, 2020]. Тем не менее тенденции городского развития в разных странах мира в последние десятилетия

демонстрируют движение в сторону все более урбанизированного мира. Наступление века городов было «официально объявлено» в 2007 г. в отчете Фонда ООН в области народонаселения «State of World Population. Unleashing the Potential of Urban Growth»¹. Именно в этом документе был представлен неоспоримый аргумент, подтверждающий пришествие новой эры, когда больше 50 % населения планеты живет в городах.

Россия идет в фарватере общемировых тенденций. В недавно принятой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.² в разделе основных трендов отмечается, что население страны продолжает концентрироваться в крупных городах и городских агломерациях при сокращении доли жителей малых и средних городов и сельской местности.

Современные мегаполисы и крупные города, в списке которых Москва постоянно занимает одно из ведущих мест, представляют собой сложные экономические механизмы привлечения человеческого капитала, в том числе наиболее активного слоя — инвесторов, предпринимателей. Москва сегодня — политический, экономический и культурный центр Российской Федерации, безусловный лидер деловой активности населения. Здесь совершаются крупнейшие сделки, принимаются важнейшие государственные решения. Столица России — устойчиво растущий мегаполис, экономика которого находится в тройке городских экономик мира (с учетом последних данных Всемирного банка), где создана инфраструктура для осуществления любого вида деятельности³. Выступая с отчетом о работе столичного правительства в 2024 г. в Московской городской думе, мэр Москвы С. С. Собянин отметил: «Москва обязана стремиться быть лучшим городом Земли. И в этом состоит стратегия властей города»⁴.

Современные тенденции урбанизации и увеличения концентрации населения в крупных городах и мегаполисах меняют традиционные подходы в архитектуре и градостроительной деятельности [Spiliotopoulou, Roseland, 2020; Lyu et al., 2025]. Одним из важных направлений развития становится появление в таких городах масштабных деловых центров, состоящих преимущественно из высотных объектов, как центров международной торговли и части глобальной экономической инфраструктуры. Данное явление получило свое развитие в концепциях «компактного города» [Breheny, 1995; Conticelli, 2020] и «вертикального урбанизма» [Bruyns G., Higgins C., Nel D., 2021; Lauermann, 2022; Генералова, 2018]. Большинство мировых столиц представлены открыточными видами комплексов сверкающих небоскребов. Однако в научной литературе и мнениях экспертов нередко звучит критика такого подхода, главными аргументами которой выступают нарушение

¹ Доклад о народонаселении мира 2007 г. Фонд ООН в области народонаселения // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2007.pdf> (дата обращения: 14.10.2025).

² Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-п. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda/ (дата обращения: 14.10.2025).

³ Крупнейшие городские экономики мира. URL: <https://ac-mos.ru/citynomics/largest-urban-economy/> (дата обращения: 02.05.2025).

⁴ Чернявская В. Сергей Собянин обозначил ключевые достижения и перспективы развития столицы // Вечерняя Москва. 2024. 26 декабря. URL: <https://vm.ru/moscow/1194183-sergej-sobyanin-oboznachil-klyuchevye-dostizheniya-i-perspektivy-razvitiya-stolicy?ysclid=mam8rtv8ey201765877> (дата обращения: 05.05.2025).

архитектурного облика городов однообразными деловыми центрами, а также негативное влияние чрезмерной концентрации высотных зданий на качество жизни жителей и экологию городов.

В Москве одним из таких наиболее ярких мест остается комплекс Москва-Сити, разместившийся на берегу Москвы-реки в четырех километрах к западу от Кремля. В свое время мэр Москвы С. С. Собянин назвал его «градостроительной ошибкой», однако уже через два года это мнение изменилось на прямо противоположное, и сегодня Москва-Сити является безусловным символом современной Москвы. Одной из серьезных проблем данной территории была транспортная доступность. И хотя ее во многом удалось решить, вопросы комфортности городской среды на территории делового центра и близлежащих районов остаются актуальными.

Сложности адаптации Москва-Сити в городской среде мегаполиса отражают базовую проблему больших городов — поиска баланса между концентрацией объектов для экономического развития и создания комфортной среды для людей, компактностью городских центров и плотностью застройки [Lehmann, 2016]. Города, и прежде всего глобальные города и мегаполисы, характеризуются недостатком физического пространства: это скопления людей и компаний. Но успешный город без людей не существует [Glaeser, Gottlieb, 2008]. Именно для того, чтобы преуспеть, города должны привлекать умных людей, создавая для них концентрированные возможности социальных взаимодействий: общения, обмена идеями, работы и отдыха. Таким образом создается противоречие между потребностями людей в личном пространстве, спокойной и размеренной жизни и тенденцией формирования все более плотной и высотной застройки, ускорения ритма жизни. Как отмечает М. В. Лазарева, крупные многоэтажные деловые центры становятся обязательной частью современных больших городов, одновременно с этим возникает и проблема нормализации социально-экологического микроклимата внутри делового центра [Лазарева, 2008]. В связи с этим особенно актуально звучит мысль Э. Глейзера: «Город может победить, но слишком часто горожане, похоже, проигрывают» [Глейзер, 2014: стр. 12].

Целью настоящей работы является исследование социальных последствий новой градостроительной политики по максимальному использованию городских территорий с соответствующим увеличением плотности и высотности застройки при одновременном тренде на улучшение качества городской среды. Объектом исследования выбран деловой район Москва-Сити, как наиболее крупный и динамично развивающийся центр деловой активности Москвы. Авторы исходили из гипотезы, что крупные деловые центры могут создавать чрезмерную нагрузку на близлежащие жилые районы, значительно ухудшая такие аспекты среды жизнедеятельности, как транспортная ситуация, экология и озеленение, доступность общественных центров и объектов социальной инфраструктуры. Как следствие, необходимы специальные мероприятия (архитектурно-планировочные решения), способные компенсировать негативные социальные последствия для жителей. Социологические исследования в жилых районах, расположенных в непосредственной близости от делового центра, позволяют определить наиболее значимые для горожан диспропорции среды жизнедеятельности и составить перечень необходимых компенсационных мер. Выбор района Москва-Сити как объекта исследова-

ния обусловлен тем, что провести такую социальную диагностику возможно только в уже сложившейся городской среде. Однако результаты данной работы могут впоследствии использоваться при проектировании других деловых центров, что может иметь большое практическое значение.

В представленном исследовании использовались современные концепции жизнеспособности городской среды (urban vitality) [Mouratidis, Poortinga, 2020; Lyu et al., 2025], смешанного использования (mixed-use)⁵ [Hirt, 2012] и устойчивого урбанизма (sustainable urbanism) [Farr, 2007; Lehmann, 2016]. В качестве модели для исследования влияния делового центра Москва-Сити на условия жизни в близлежащих районах были использованы методические наработки по социальной экспертизе градостроительных проектов, включающие выявление инфраструктурных проблем района, оценку востребованности объекта жителями, определение потребностей в объектах инфраструктуры и влияние нового строительства на изменения городской среды района [Расходчиков, 2024].

На основе материалов социологического исследования в районе международного делового центра Москва-Сити демонстрируются оценки качества городской среды с позиции жителей района. В статье анализируются основные позитивные эффекты от концентрации деловой активности в рамках высотной застройки, а также факторы, негативно влияющие на социальные взаимодействия и комфортность жизнедеятельности жителей. Полученные результаты могут быть использованы для корректировки изменений в градостроительной политике, к числу которых можно отнести недавние новации по снятию ограничений на этажность застройки⁶ при одновременном повышении требований к архитектурной составляющей объектов и городской среды в целом⁷.

Обзор терминологии и краткая история деловых районов Москвы

История деловой Москвы берет свое начало еще в древнерусские времена и непрерывно развивается на протяжении веков. Активнее деловые районы стали формироваться в Москве еще в середине прошлого века. Как отмечает Л. И. Соколов, этому способствовал рост деловых учреждений, связанных с управлением народным хозяйством [Соколов, 2014]. Так, в 1960—1970-х годах был спроектирован и построен административно-деловой и торговый комплекс на проспекте Калинина (Новый Арбат), в 1980 г. открыт Совинцентр (первая очередь Центра международной торговли), а в 1992—1995 гг. — штаб-квартира Газпрома. Все эти комплексы, разные по объему, структуре и местоположению, концентрировали

⁵ Grodach C., Gibson C., O'Connor J. Three Ways to Fix the Problems Caused by Rezoning Inner-City Industrial Land for Mixed-Use Apartments. 2019. URL: https://ro.uow.edu.au/articles/journal_contribution/Three_ways_to_fix_the_problems_caused_by_rezoning_inner-city_industrial_land_for_mixed-use_apartments/27717756 (дата обращения: 14.10.2025).

⁶ Постановление Правительства Москвы от 02.02.2024 г. № 199-ПП, упраздняющее ограничения на высотную застройку за рядом исключений // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1304923320?ysclid=mb9fn9isdw39339603> (дата обращения: 17.05.2025).

⁷ Правительство Москвы. Постановление от 30.04.2013 г. № 284-ПП «Об оптимизации порядка утверждения архитектурно-градостроительных решений объектов капитального строительства в городе Москве». URL: <https://docs.cntd.ru/document/537934242> (дата обращения: 02.04.2025); Об утверждении Положения об особенностях порядка подготовки и согласования документации в целях изменения внешнего архитектурного решения нежилых зданий, строений, сооружений, помещения в которых находятся в собственности города Москвы <https://docs.cntd.ru/document/1311008873> (дата обращения: 19.04.2025).

в себе, кроме деловой, дополнительные функции — жилье, торговлю, гостиничную, рекреационную, общественно-социальную.

Смена политического и экономического строя в 1990-х годах сформировала острую потребность активно включиться в деятельность международного экономического сообщества, развивать многочисленные связи. Рост отечественного бизнеса, приход иностранных компаний на российский рынок и, как следствие, бурный расцвет постиндустриального общества, характеризующегося повышенным вниманием к таким сферам, как управление, услуги, финансы, сформировал высокий спрос на качественные офисные площади для размещения компаний, занятых в данных областях.

Появление коммерческой недвижимости тогда отражало меняющуюся экономическую ситуацию в стране. Мировой опыт показал, что разносторонние контакты в области коммерции, торговли, бизнеса наиболее успешно реализуются в концентрированной деловой зоне города. Это стало началом появления и развития современных деловых районов Москвы. Первым проектом такого рода в Москве стал Московский международный деловой центр «Москва-Сити».

Если рассмотреть административные округа (АО) Москвы в комплексе, то сегодня почти каждый из них имеет свои преимущества для размещения и развития центров деловой активности. Так, к достоинствам Северного АО можно отнести близость к крупным транспортным узлам, Западный АО традиционно считается престижным для развития бизнеса, Восточный АО имеет преимущества по более низким арендным ставкам, Юго-Восточный АО — это индустриальный центр столицы, а Юго-Западный АО характерен развитием научных учреждений и компаний.

Деловые локации Москвы, различающиеся по масштабу и функциональному составу, часто используют в своих названиях различные, но по сути синонимичные словосочетания, а именно: деловой центр, бизнес-центр, деловой кластер, деловой квартал, бизнес-парк, деловой комплекс, деловая зона, центр деловой активности. К этому ряду терминов вполне можно отнести и словосочетание «деловой район». Оно может означать как отдельное компактное образование, например БЦ «Белая площадь» (м. Белорусская, Центральный АО), так и территорию, включающую сразу несколько зон деловой активности. Примером здесь может быть центральный деловой район Москвы с такими деловыми зонами, как Белорусская, Курская, Павелецкая, Москва-Сити, Хамовники.

Рассмотрим некоторые трактовки словосочетаний из вышеперечисленного, наиболее подходящие к территории комплекса Москва-Сити. Согласно словарю бизнес-терминов, «деловой центр» — это город, населенный пункт, где принято совершать финансовые или хозяйственные сделки, или место, имеющее развитую инфраструктуру, организованный рынок и необходимые условия для ведения переговоров и совершения сделок⁸. Однако А. Л. Гельфонд в своих публикациях ограничивает понятие делового центра и определяет его только как тип здания, представляющего собой новый, универсальный тип общественного здания, в котором актуальные и потенциальные деловые функции во всей совокупности своих атрибутов раскрываются одновременно в зависимости от социаль-

⁸ Бизнес. Толковый словарь: англо-русский / Г. Бетс, Б. Брайндли, С. Уильямс и др.; пер. А. В. Щедрина, Н. Н. Кричгина. М.: Инфра: Весь мир, 1998. С. 759.

но-экономических факторов [Гельфонд, 2000: стр.43]. Представляется, что данное определение вполне можно отнести и к комплексу зданий.

А. А. Каясов дает определение сразу нескольким деловым образованиям. Это и деловой центр (по аналогии с А. Л. Гельфонд он относит это понятие к отдельно-му зданию), и деловая зона (то есть группа зданий), и деловой район, определяе-мый автором как район деловой активности, состоящий из нескольких деловых зон и концентрирующий множество функций [Каясов, 2012]. Исследование ООО «Информ-оценка» относит деловые районы к зонам «...культурной, торговой и де-ловой активности в административных районах», характеризующимся «высоким транспортным и пешеходным трафиком, а также высокой концентрацией объе-ктов деловой и общественной активности»⁹.

Согласно многоядерной модели развития города и концепции множествен-ных субцентров Ч. Гарриса и Э. Ульмана, выделяется центральный деловой район [Гаррис, Ульман, 1965]. К его характеристикам авторы относят следующее: из-за асимметричности городского роста центральный деловой район редко находится в географическом центре города. В случае, если город имеет выход к морю или реке, центр, как правило, примыкает к ним. Легкий доступ в этот район на лич-ном и общественном транспорте обеспечивается за счет схождения большого количества транспортных линий. Цены на недвижимость и аренду в этом райо-не крайне высоки. Здесь расположены правительственные здания, финансовые институты, бизнес-центры, а также торговые улицы, которым обеспечен большой поток покупателей.

В начале-середине 1990-х годов, когда зародилась и позже начала реализо-вываться идея строительства делового центра Москва-Сити, этот участок только частично можно было признать соответствующим критериям многоядерной мо-дели развития города или методике «концентрических зон» Р. Парка и Э. Бёрджес-са [Park, Burgess, McKenzie, 1925; Бёрджесс, 2002] и отнести к Центральному де-ловому району. Сегодня все характеристики налицо. И хотя подходы к городскому развитию претерпевают серьезные изменения, Москва-Сити по-прежнему оста-ется «лабораторией» для изучения различных аспектов человеческого поведения.

В данной статье в отношении территории исследования будет использоваться устоявшееся словосочетание «деловой центр», а также в качестве синонима — термин «деловой район».

Современные подходы к формированию деловых районов

Кто оказывает влияние на то, какими должны быть современные деловые рай-оны и/или центры? Это и сами девелоперы, и власть, и профессиональное архи-тектурное сообщество, и арендаторы, и население. Принцип «офис как изолиро-ванная башня» уступает место модели «офис как часть города».

Современные бизнес-центры все чаще выходят за пределы своей основ-ной функции — предоставления рабочих площадей. Обладая рядом схожих

⁹ Обзор рынка недвижимости на территории г. Москвы, московской области и городов России с численностью на-селения от 1 млн человек применительно к анализу ликвидности (сроков экспозиции объектов) на период 2 полуго-дия 2024 года // Информ-оценка. URL: https://irnr.ru/wp-content/uploads/Концепция/Ликвидность/2_2024/212.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

характеристик, прежде всего это многофункциональность и доступность [Hirt, 2012], они превращаются в сложные организмы, становятся точками притяжения, местами, где соединяются деловая активность, городская инфраструктура и повседневная жизнь горожан. Многофункциональность как характерная черта отечественных деловых районов все чаще отмечается исследователями [Каясов, 2012].

Если в 1990—2000-х годах главным конкурентным преимуществом бизнес-центра была доступная арендная ставка и наличие парковки или, напротив, престижное местоположение и парковка, то сегодня арендаторы ориентируются на гораздо более широкий спектр факторов. Во главу угла выходит среда — насколько она удобна, технологична, инклюзивна и комфортна как для работы, так и для жизни. К. Линч справедливо отмечал, что «значимость любого места заключается в ощущении его связанности с жизнью человека и со всем живым» [Линч, 1982: стр. 244]. Поэтому значение приобретают такие параметры, как наличие точек общественного питания, рекреационных зон, пространств для коротких рабочих встреч или работы вне офиса, мест бытового обслуживания, насыщение пространства современными цифровыми решениями.

В отечественной литературе по архитектуре и градостроительству сложилось отдельное направление исследований, посвященных формированию общественно-деловых центров [Боков, 1974; Зюкова, 2012; Макарова, Ладик, Киселев, 2019]. Данная традиция идет от подходов экономической географии и предполагает формирование в городах иерархии общественных районов, необходимых для обслуживания населения.

Можно сказать, эти два подхода — создание деловых центров и формирование общественно-деловых районов — имеют противоположные основания. Первый исходит из необходимости создания зданий для бизнеса и деловой активности, второй — из потребности обеспечения бытовых и общественных потребностей жителей городов. Однако деловой район современного мегаполиса выходит за рамки обоих представлений.

Деловой район — это часть города, его структурная единица с преобладающей коммерческой и офисной функциями, концентрацией размещения рабочих мест, а также мест для деловых встреч и переговоров. В то же время современный деловой район — это многофункциональное городское пространство, включающее жилые дома, функцию временного проживания (апартаменты и гостиницы), общественные и торговые центры, досуговую инфраструктуру и зеленые пространства. Границы делового района могут не совпадать с границами административно-территориальных районов города. Деловой центр развивается преимущественно за счет строительства новых офисных и жилых зданий, торговых центров, которые могут пересекать границы административных районов, формируя связанную структуру.

Немаловажное значение имеет логистика внутри района: удобство общественного транспорта, пешеходная доступность локации. Важную роль также играет архитектурная выразительность [Фролова, Ангрикова, 2017; Шаропатова, 2020] и используемые материалы и технологии. Пространства становятся не просто функциональными, но и визуально привлекательными. Архитектура исполь-

зуется как инструмент идентичности места, задавая тон району и одновременно транслируя ценности компании-застройщика¹⁰.

Для достижения данных целей существуют различные приемы: использование современных материалов и технологий, панорамное остекление, высотные доминанты, бионические и другие интересные тренды формообразования. По мнению главного архитектора Москвы С. Кузнецова, столичная авторская архитектура должна быть «максимально непохожей на привычное и при этом нести эмоциональный, драматичный заряд, вызывая у людей яркий отклик»¹¹. Из этого сложился термин «эмо-тек», то есть эмоциональное техно, примеры которого можно наблюдать в новых деловых локациях столицы.

Проект, в котором изначально закладываются вышеперечисленные элементы, имеет явное конкурентное преимущество. Такие бизнес-кластеры способствуют экономии времени, повышению эффективности всей городской деловой экосистемы, а также, будучи насыщенными людьми и технологиями, в эмоциональном плане кажутся «открытыми вперед во времени» [Линч, 1982].

Формированию подобных деловых районов способствует современная градостроительная политика как на федеральном, так и на московском уровне, последовательно реализуемая с 2010-х годов и особенно активно в последние годы. Основными ее признаками являются комплексность развития городских территорий¹², опережающее развитие транспортной системы города¹³, планы по реорганизации столичных промзон¹⁴, системные работы по благоустройству территорий¹⁵.

В то же время возникает вопрос о социальных последствиях появления крупных деловых центров в городской среде: как внедрение коммерческих функций в том или ином районе города влияет на комфортность городской среды и условия жизни для горожан. В настоящей работе авторы исходят из необходимости поиска инструментов для достижения баланса между концентрацией деловой активности и созданием привлекательной среды для жизни. Важным аспектом такой работы служат социологические исследования в районах расположения деловых центров, направленные на выявление мнения жителей о преимуществах и недостатках такого соседства.

¹⁰ Путевка на все направления: требования к туристскому продукту растут // Деловой Петербург. URL: <https://www.dp.ru/a/2025/04/29/putjovka-na-vse-napravlenija> (дата обращения: 15.05.2025).

¹¹ Грек А. «Эмоциональное техно»: главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов — о новейшем стиле современной столицы // Techinsider. 2025. 9 января. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/1673045-emocionalnoe-tehnoglavnyi-arhitektor-moskvy-sergei-kuznetsov-o-noveishem-stile-sovremennoi-stolicy/?ysclid=mambtw05g616076694> (дата обращения: 17.05.2025).

¹² Федеральный Закон от 30.12.2020 г. № 494-ФЗ О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46327> (дата обращения: 14.10.2025); Постановление Правительства Москвы от 23.03.2021 № 331-ПП «О мерах по реализации проектов комплексного развития территорий нежилкой застройки города Москвы». URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/46190220/?ysclid=mb9fijcxcx978192426> (дата обращения: 30.04.2025).

¹³ Программа модернизации и развития транспортной системы Москвы до 2030 г. <https://www.mos.ru/mayor/themes/10755050/> (дата обращения: 30.04.2025); Постановление Правительства Москвы от 06.09.2011 г. № 413-ПП (ред. от 22.09.2015 г.) «О формировании транспортно-пересадочных узлов в городе Москве». URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/9834220/?ysclid=mb9ffif9gt133585153> (дата обращения: 30.04.2025).

¹⁴ Программа «Индустриальные кварталы» от апреля 2021 г. по реорганизации столичных промзон. URL: <https://desipov.ru/iquarters> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁵ Закон г. Москвы от 30.04.2014 N 18 (ред. от 02.11.2022) «О благоустройстве в городе Москве» [https://www.mos.ru/upload/documents/files/2855/ZakongMoskvot30042014N18\(redot02112022\)Ob.pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/files/2855/ZakongMoskvot30042014N18(redot02112022)Ob.pdf) (дата обращения: 14.10.2025).

Оценка влияния Москва-Сити на качество городской среды близлежащих районов

Рассмотрим ключевые результаты репрезентативного опроса, проведенного в феврале 2025 г. в рамках совместного проекта Совета главных архитекторов субъектов РФ и муниципальных образований им. А. В. Кузьмина Союза архитекторов России и кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ. Объем выборки — 600 респондентов, постоянно проживающих в непосредственной близости от делового центра Москва-Сити. Метод сбора данных — формализованные телефонные интервью. Репрезентативность выборки обеспечивалась методом случайного отбора телефонных номеров из массива домашних и мобильных телефонов опрошенных жителей на территории Пресненского района ЦАО г. Москвы в границах ТТК, Звенигородского шоссе, ул. 1905 года и Краснопресненской набережной. Относительно генеральной совокупности (жители от 18 лет и старше, постоянно проживающие на указанной территории) параметры выборки контролировались по полу и возрасту. По материалам репрезентативного опроса осуществлен экспорт первичной информации в программу обработки и анализа данных SPSS, с последующим импортом в «Да-систему» (версия 5.0) для построения реляционной базы и анализа. Анализ массива первичных данных позволяет сделать вывод относительно их представительности, достаточной для изучения корреляций по широкому спектру задач. Надежность данных определяется в первую очередь показателями социально-демографического состава опрошенных: взрослое, материально обеспеченное население со значительным удельным весом лиц, имеющих высшее образование (из общего числа респондентов мужчины — 38 %, женщины — 62 %, из них в возрасте 55 лет и старше — 39 %), при этом половина работающего населения считает себя в общем достаточно высоко материально обеспеченными.

В ходе социологического исследования, проведенного на территории жилых районов, прилегающих к деловому центру Москва-Сити, выяснялись оценки жителей таких параметров городской среды, как транспортная доступность, экологическая ситуация, обеспеченность района местами приложения труда, культурно-досуговыми и спортивными объектами. Отдельно изучались вопросы востребованности объектов Москва-Сити жителями близлежащих районов, а также их отношение к планам по развитию делового центра.

Одной из ключевых проблем делового района Москва-Сити с момента его появления стало резкое ухудшение транспортной ситуации. Поэтому одной из задач исследования было выяснение мнения жителей об актуальном состоянии транспортной доступности района. Кроме того, транспортная доступность района, удобство перемещений на различных видах транспорта — одни из наиболее значимых характеристик, влияющих на стоимость недвижимости и удобство жизни в крупных городах и мегаполисах. Судя по результатам исследования, жители по-разному оценивают транспортную ситуацию в районе в зависимости от того, какими видами транспорта они чаще всего пользуются. Респонденты, использующие преимущественно общественный транспорт, чаще оценивают транспортную ситуацию положительно (58,8 % ответов в данной группе), в то время как среди автомобилистов доля положительных оценок значительно ниже (31,5 %). Наиболее остро в районе ощущается недостаток парковок (57,8 % ответов респондентов)

и стоянок для автомобилей (31,3 % ответов) (см. рис. 1), а также связанная с этим проблема большого количества машин во дворах жилых домов (34,7 % ответов).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Каких объектов транспортной инфраструктуры недостаточно в Вашем районе?», в % от числа опрошенных

Для оценки различных аспектов транспортной ситуации местным жителям предлагалась балльная система, где 1 — совсем не удовлетворен, а 5 — крайне удовлетворен. На основе полученных оценок были составлены индексы, демонстрирующие уровень удовлетворенности по восьми показателям. Судя по результатам исследования, район обладает доступной и развитой системой общественного транспорта, которая в то же время в значительной мере перегружена. Если рассматривать непосредственно комплекс Москва-Сити, то несмотря на имеющиеся ограничения на въезд на территорию, здесь наблюдаются проблемы с большим количеством пересечений транспортных и пешеходных потоков и, как следствие, с безопасностью передвижения на пешеходных зонах, нехваткой парковочных мест для автомобилей и загруженностью автомобильных дорог (см. рис. 2).

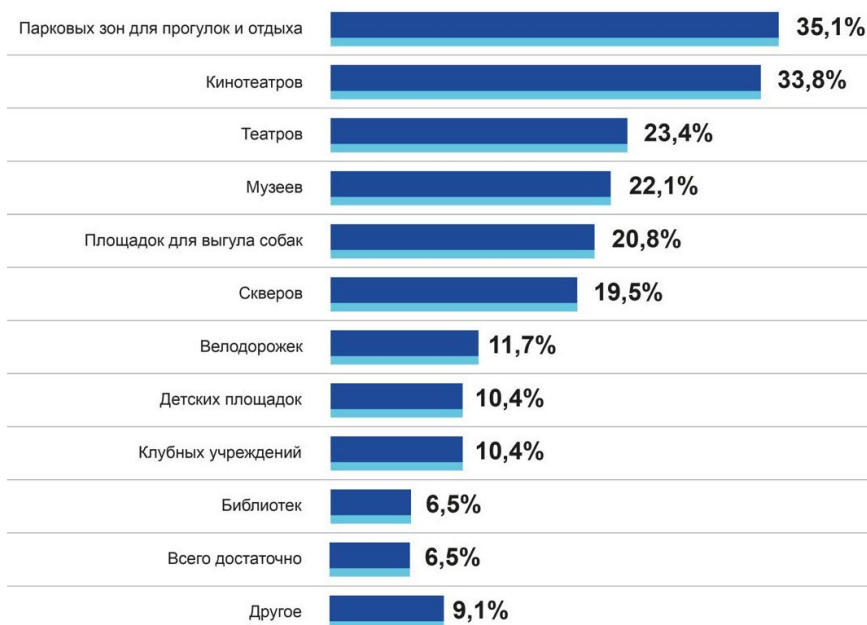
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, насколько Вы удовлетворены положением дел в следующих сферах (по шкале от 1 до 5, где 1 — совсем не удовлетворен, а 5 — крайне удовлетворен)»

Оценка жителями экологической ситуации в районе указывает на наличие большого числа проблем, связанных с такими факторами, как нехватка зеленых пространств (62,7 % ответов респондентов), загрязненность воздуха (37,5 %), высокий уровень шума (35,2 %). Еще одним раздражающим фактором является частое ведение строительных работ (25,8 %). Запрос жителей на увеличение числа зеленых зон в первую очередь касается парковых зон для прогулок и отдыха (35,1 %), озелененных детских (20,2 %) и спортивных площадок (30 %), площадок для выгула собак (13,1 %).

В перечень востребованных в районе общественных пространств можно включить также кинотеатры (33,8 % ответов респондентов), театры (23,4 %), музеи и выставочные пространства (22,1 % ответов). Среди значимых социальных объектов жители района в ходе опроса указывали на нехватку поликлиник (42,4 %), центров дополнительного образования для детей и детских досуговых центров (33,3 %), детских садов (28,8 %), стоматологических клиник (24,2 %) и школ (22,7 %). Еще одна проблема — недостаточность объектов для занятия спортом и ведения здорового образа жизни: крытых бассейнов (56,4 %), детских спортивных сооружений (42,7 %), спортивных центров и физкультурно-оздоровительных комплексов (для занятий фитнесом, гимнастикой и т. д.) (41,8 %), спортивных площадок (30 %), в том числе для людей с ограниченными возможностями (20 %), а также оборудованных велосипедных маршрутов (11,7 %) (см. рис. 3).

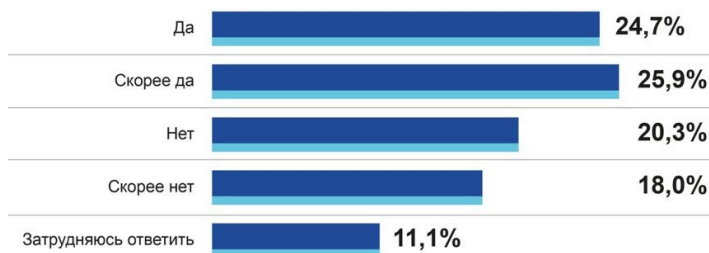
Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Каких общественных пространств недостаточно в Вашем районе?» (в % от числа опрошенных)

Таким образом, городскую среду жилых районов вокруг делового центра Москва-Сити сложно назвать сбалансированной и отвечающей современным требованиям к комфортной городской среде. Исследование продемонстрировало: хотя наиболее острая проблема транспортной доступности районов вокруг делового центра за последние годы была во многом решена за счет строительства новых дорог и развития системы общественного транспорта, тем не менее остается большое число проблем, связанных с экологией района и недостаточностью объектов инфраструктуры, необходимых для удобства жителей.

Большинство участников опроса (63,1 %) регулярно используют объекты, размещенные в Москва-Сити, что говорит о востребованности делового центра. Более половины респондентов также утвердительно ответили на вопрос о необходимости такого делового центра для Москвы (см. рис. 4) (50,6 % положительных ответов при 38,3 % отрицательных). Кроме того, около половины участников опроса (46,8 % респондентов, за исключением тех, кто отметил, что не работает в настоящее время по разным причинам, — пенсионер, занят домашним хозяйством, безработный), продолжающих трудовую деятельность, ответили, что работают в районе проживания. Такой довольно высокий для районов Москвы уровень занятости вблизи места жительства может указывать на то, что наличие делового центра позитивно влияет на обеспеченность района рабочими местами. Частично решается одна из ключевых проблем Москвы — проблема ежедневной маятниковой миграции работающего населения.

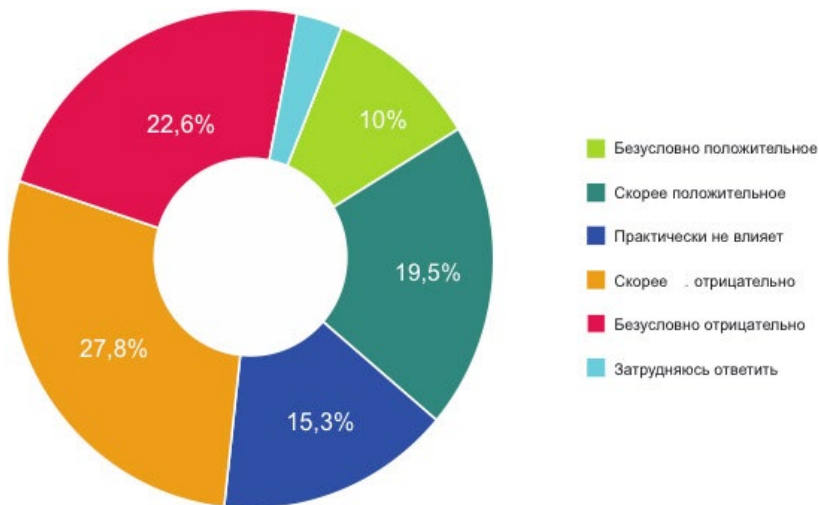
Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что подобный деловой комплекс необходим такому городу, как Москва?», в % от числа опрошенных

В то же время оценка влияния Москва-Сити на условия жизни в районе демонстрирует преобладание отрицательных эффектов (см. рис. 5). К наиболее чувствительным негативным последствиям появления делового центра участники опроса относят увеличение транспортного и пассажиропотока и ухудшение экологической ситуации. К позитивным изменениям — повышение престижности района и улучшение доступности товаров и услуг. В оценках архитектурного облика Москва-Сити мнения жителей разделились: 41,4 % респондентов отметили, что им в целом нравится архитектура делового центра, при этом 38,6 % респондентов высказали противоположное мнение. Главной причиной отрицательных оценок архитектурного облика Москва-Сити, судя по ответу на открытые вопросы, является то, что деловой центр нарушает сложившийся архитектурный облик района. В качестве более удачного решения некоторые респонденты приводили пример

Санкт-Петербурга, где деловой комплекс Лахта-Центр был размещен вне исторической застройки центральных городских районов.

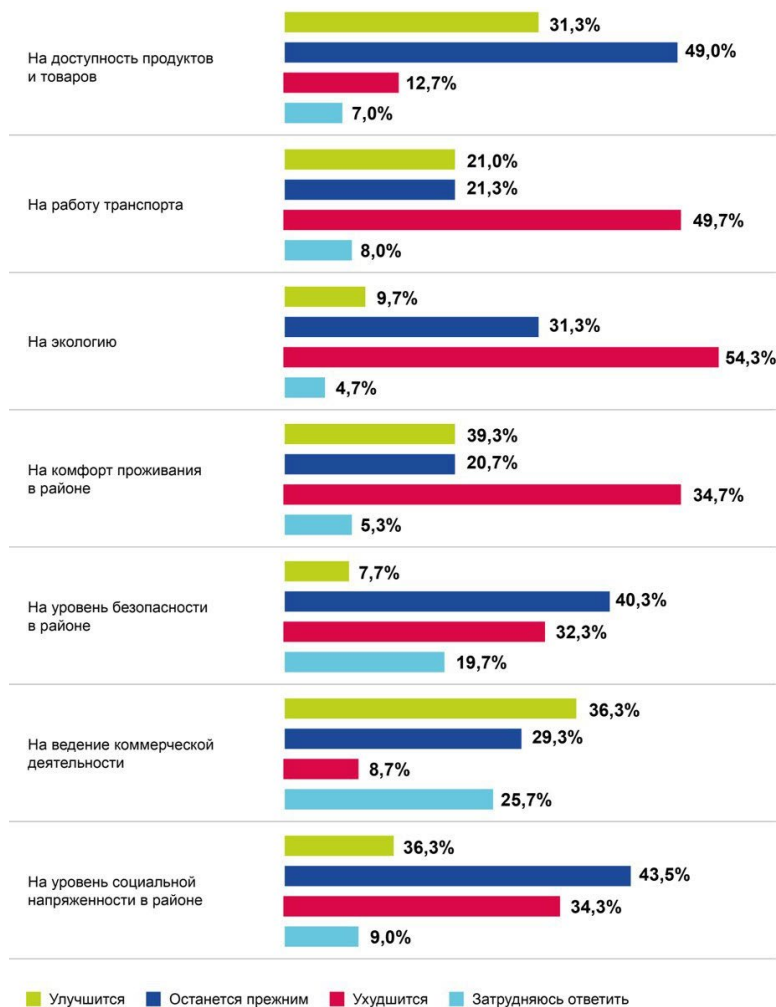
Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как влияет комплекс Москва-Сити на жизнь в Вашем районе?» (в % от числа опрошенных)

В ходе исследования также выяснялось отношение жителей близлежащих районов к планам по расширению комплекса Москва-Сити за счет строительства новых жилых высотных зданий и офисных центров. Отношение жителей к планам создания «Большого Сити», судя по результатам опроса, преимущественно отрицательное. Это связано с ожиданием ухудшения экологической и транспортной ситуации и негативным влиянием на комфорт проживания в близлежащих районах, ростом уровня социальной напряженности (см. рис. 6).

В целом можно отметить как позитивные, так и негативные аспекты влияния делового центра Москва-Сити на качество жизни на прилегающих территориях. Среди позитивных факторов выделяются повышение престижности, обеспеченность местами приложения труда и развитие системы общественного транспорта. К негативным относятся ухудшение экологии и транспортной ситуации, значительное увеличение пассажирских и транспортных потоков, в результате чего нарушается устоявшийся ритм и спокойный, размеренный темп жизни. Можно сделать вывод о необходимости постоянной работы по внедрению компенсационных мер для поиска баланса между продолжающимся строительством центров деловой активности с высотными доминантами в районах Москвы и размерами таких комплексов. В случае с Москва-Сити этот баланс, судя по результатам опроса, уже нарушен, масштаб делового центра явно избыточен для близлежащих районов, вследствие чего планы по его дальнейшему уплотнению и расширению не вызывают одобрения у большей части местного населения.

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, повлияет на жизнь в Вашем районе развитие комплекса Москва-Сити за счет строительства новых высотных зданий?», в % от числа опрошенных

Выводы

Современные тенденции развития мегаполисов и глобальных городов диктуют необходимость появления крупных деловых центров для концентрации деловой активности и повышения инвестиционной привлекательности. Москва как одна из мировых столиц и глобальный город, безусловно, нуждается в таких масштабных деловых центрах, как Москва-Сити. Данное мнение, как показало исследование, разделяют не только городские власти и бизнес-сообщество, но и горожане. В то же время появление в живой ткани города крупного делового центра и/или района с плотной застройкой и скоплением высотных доминант способно

нарушить исторически сложившийся архитектурный облик, принести значительные неудобства жителям близлежащих районов. Рост экономической активности и престижности той части города, где появляются подобные деловые центры, не всегда способен компенсировать негативные последствия для жителей, такие как ухудшение экологической обстановки, увеличение потоков людей, скорости жизни, усиление имущественного расслоения и общее снижение комфортности проживания.

Деловой центр Москва-Сити в 2025 г. отметит 30 лет с начала строительства. Работы по развитию территории продолжаются: утверждены и уже реализуются сразу несколько проектов, которые окажут значительное влияние на облик и всю территорию делового центра, а также близлежащие районы преимущественно жилой застройки. В числе этих проектов — башня One с архитектурой, «ставшей жестом»¹⁶ в стиле эмо-тех от главного архитектора Москвы С. О. Кузнецова, будущая штаб-квартира компании РВБ (владельца маркетплейса Wildberries), рассчитанная на 17 тыс. рабочих мест, которая может достигнуть 400-метровой высоты и стать самым высоким акцентом Москва-Сити. Она разместится на соседнем участке с тем местом, где в одном из первых вариантов по замыслу автора идеи Москва-Сити Б. И. Тхора должна была появиться высотная доминанта делового центра — нереализованная башня «Россия». Кроме того, по соседству в стадии строительства находится участок жилого небоскреба «Дом Дау», а на территории квартала «Камушки» планируется развитие проекта с рабочим названием «Москва-Сити 2». Налицо тренд на увеличение плотности и высотности. И вряд ли такое масштабное строительство и увеличение нагрузки на транспортную инфраструктуру района позитивно скажутся на развитии всей территории, даже несмотря на то, что сегодня в районе Сити уже задействованы все имеющиеся виды транспорта, включая водный.

Проблемы экологии, отсутствие зелени и благоустройства и, как следствие, общее неудовлетворительное состояние среды делового центра Москва-Сити также указывались респондентами в числе ключевых недостатков. Нельзя не отметить изменение трендов за последние годы в этом направлении — рост внимания к вопросам качества среды, которое отсутствовало на предыдущем этапе развития комплекса. В новых проектах, которые сегодня находятся в стадии реализации, воспроизводство зеленой среды во всем ее многообразии, благоустройство станут важными элементами, призванными интегрировать природу в структуру современного города. Получит развитие соседняя территория «Экспоцентра», где в ближайшие четыре года появится новый объект — Национальный центр «Россия», который будет включать многое из того, что упоминали респонденты в рамках опроса: благоустроенную парковую территорию, прогулочные и водные зоны, многофункциональные общественные пространства для культурно-досугового использования всех возрастных групп населения. Напротив делового центра Москва-Сити будет реконструирована набережная Тараса Шевченко, где, согласно проекту, появится многоуровневый парк с кафе, местами отдыха и спортивными площадками. Территория будет доступна через мост Багратион.

¹⁶ С. О. Кузнецов, <https://t.me/skyscrapersrussia/13039>.

После реализации эти планы, возможно, гармонизируют среду делового центра Москва-Сити и повлияют на отношение к нему со стороны жителей близлежащих районов. В то же время пример Москва-Сити демонстрирует, что в вопросе включения новых деловых центров в городскую ткань важно учитывать их масштаб и заранее просчитывать уровень воздействия на природную и социальную среду городских районов.

Городской центр российской столицы, являясь традиционным местом деловой активности, остается наиболее востребованным деловым сообществом. Однако он уже перенасыщен, а строительство новых объектов создает значительную нагрузку на городской транспорт, уличное движение, может нарушить сложившийся архитектурный облик и стать причиной дискомфорта для жителей.

Быстрорастущий московский бизнес вносит в число приоритетных градостроительных задач вопрос о формировании новых общественно-деловых субцентров (центров деловой активности) в сложившейся планировочной структуре города.

В этой ситуации более рациональной стратегией могло бы быть создание сети или «кольца» менее масштабных деловых центров в различных частях мегаполиса, иными словами, децентрализация, формирование альтернативных общественно-деловых субцентров в срединной и периферийной частях города, на месте бывших промышленных территорий, которые составят конкуренцию деловой застройке центра Москвы [Жуковский, 2017]. Эти территории должны быть полифункциональными и учитывать, среди прочего, потребности населения района проектирования.

Отдельного внимания и дальнейшего изучения требует вопрос строительства современных высотных зданий, в том числе в структуре деловых центров. Сегодня это мировой тренд и естественная потребность для мегаполисов, крупных и глобальных городов, в условиях продолжающейся урбанизации сталкивающихся с дефицитом земельных ресурсов. Однако, судя по результатам представленного исследования, создание таких концентрированных городских пространств требует, во-первых, опережающего развития транспортной инфраструктуры в районе строительства, включая развитие системы общественного транспорта и парковочных пространств, возможно, внедрения инновационных видов транспорта, способных выдержать значительное увеличение пассажирских и автомобильных потоков. Во-вторых, высотное строительство нуждается в серьезных компенсационных экологических мероприятиях в виде создания дополнительных зеленых зон как во внешней среде, так и внутри объектов — парков, прогулочных маршрутов и других современных подходов к распространению озелененных поверхностей в пространстве.

Список литературы (References)

1. Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4. № 1—2. С. 168—181.
Burgess E. (2002) The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. *Personality. Culture. Society*. Vol. 4. No. 1—2. P. 168—181. (In Russ.)
2. Боков А. В. Архитектурно-пространственная организация многофункциональных общественных комплексов и сооружений: автореф. дисс. ... канд. архитектуры / Объединенный совет при ЦНИИЭП жилища. М.: 1974.

- Bokov A. V. (1974) Architectural and Spatial Organization of Multifunctional Public Complexes and Structures: Extended Abstract of the PhD Dissertation in Architecture. Joint Council of the Central Research & Design Institute for Residential and Public Buildings. Moscow. (In Russ.)
3. Гаррис Ч., Ульман Э. Сущность городов // География городов. М.: Прогресс, 1965. С. 255—268.
Garris C., Ulman E. N. (1965) The Nature of Cities. In: G. M. Mayer, K. F. Kon (eds.) *Geography of Cities*. Moscow: Progress. P. 255—268. (In Russ.)
 4. Гельфонд А. Л. Основные исторические типы деловых центров // Архитектура и строительство — 2000: Тезисы докладов, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. Ч. 2. Сборник тезисов конференции, Нижний Новгород, 1 января — 31 декабря 2000 г. С. 43—44.
Gelfond A. L. (2000) The Main Historical Types of Business Centers. In: Gelfond A. L. (ed.) *Architecture and Construction — 2000: Abstracts of Papers, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering*. P. 2. *Collection of Conference Abstracts, Nizhny Novgorod, January 1 — December 31*. P. 43—44. (In Russ.)
 5. Генералова Е. М. Вертикальный урбанизм архитектурной среды города: современное развитие типологии высотных зданий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 3. С. 28—33.
Generalova E. M. (2018) Vertical Urbanism of the Architectural Environment of the City: Modern Development of the Typology of High-Rise Buildings. *Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social Sciences, Humanities, Medical and Biological Sciences*. Vol. 20. No. 3. P. 28—33. (In Russ.)
 6. Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.
Glaser E. (2014) *The Triumph of the City. How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. Moscow: Gaidar Institute Press.
 7. Жуковский Р. С. Архитектурно-градостроительная типология общественно-деловых субцентров городов // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2017. № 1. С. 82—95.
Zhukovsky R. S. (2017) Architectural and Urban Planning Typology of Social and Business Subcenters in Cities. *Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*. No. 1. P. 82—95. (In Russ.)
 8. Зюкова Н. Б. Эволюция концепций и моделей функционально-территориального развития городских агломераций // Градостроительство. 2012. № 1. С. 47—50.
Zyukova N. B. (2012) Evolution of Concepts and Models of Functional and Territorial Development of Urban Agglomerations. *Urban Planning*. No. 1. P. 47—50. (In Russ.)
 9. Каясов А. А. Международный опыт формирования деловых районов в структуре города архитектурно-градостроительными приемами // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2—1. С. 256—259.

- Kayasov A. A. (2012) International Experience in the Formation of Business Districts in the City Structure Using Architectural and Urban Planning Techniques. *Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 14. No. 2—1. P. 256—259. (In Russ.)
10. Лазарева М. В. Ландшафтный компонент в структуре делового центра: автореферат дис... канд. архитектуры. М.: Московский архитектурный институт, 2008.
Lazareva M. V. (2008) Landscape Component in the Structure of a Business Center: Extended Abstract of the PhD Dissertation in Architecture. Moscow: Moscow Architectural Institute. (In Russ.)
 11. Линч К. «Образ города»/ пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.
Lynch K. (1982) The Image of the City. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
 12. Макарова М. Г., Ладик Е. И., Киселев С. Н. Современные тенденции в формировании общественно-деловых пространств // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2019. № 4. С. 94—102.
Makarova M. G., Ladik E. I., Kiselev S. N. (2019) Modern Trends in the Formation of Social and Business Spaces. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*. No. 4. P. 94—102. (In Russ.)
 13. Расходчиков А. Н. Социологическое сопровождение проектов территориального планирования как инструмент взаимодействия органов власти с населением // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 124—142. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-124-142>.
Razkhotchikov A. N. (2024) Sociological Support of Territorial Planning Projects as a Tool for Government Interaction with the Population. *Issues of State and Municipal Management*. No. 1. P. 124—142. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-124-142>. (In Russ.)
 14. Соколов Л. И. Административно-деловые комплексы и центры (Опыт СССР и нового времени). М.: АСВ, 2014.
Sokolov L. I. (2014) Administrative and Business Complexes and Centers (Experience of the USSR and Modern Times). Moscow: ASV.
 15. Фролова Ю. В., Ангрикова А. В. Влияние архитектурной концепции на продажу недвижимости // Наука и образование сегодня. 2017. № 6. С. 39—42.
Frolova Yu. V., Angrikova A. V. (2017) Influence of the Architectural Concept on the Sale of Real Estate. *Science and Education Today*. No. 6. P. 39—42. (In Russ.)
 16. Шаропатова А. В., Мажанская Е. В. Факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность объектов на рынке жилой недвижимости // Вестник науки и образования. 2020. № 11. С. 29—32.
Sharopatova A. V., Mazhanskaya E. V. (2020) Factors Affecting the Investment Attractiveness of Residential Real Estate Objects. *Bulletin of Science and Education*. No. 11. P. 29—32. (In Russ.)

17. Breheny M. J. (1995) The Compact City and Transport Energy Consumption. *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 20. No. 1. P. 81—101.
18. Bruyns G., Higgins C., Nel D. (2021) Urban Volumetrics: From Vertical to Volumetric Urbanisation and its Extensions to Empirical Morphological Analysis. *Urban Studies*. Vol. 58. No. 5. P. 922—940. <https://doi.org/10.1177/0042098020936970>.
19. Conticelli E. (2020) Compact City as a Model Achieving Sustainable Development. In: Leal Filho W., Marisa Azul A., Brandli L., Gökçin Özuyar P., Wall T. (eds) *Sustainable Cities and Communities. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*. Cham: Springer. P. 100—108. https://doi.org/10.1007/978-3-319-95717-3_35.
20. Glaeser E., Gottlieb J. (2008) The Economics of Place-Making Policies. *Brookings Papers on Economic Activity*. Vol. 39. No. 1. P. 155—253.
21. Farr D. (2007) *Sustainable Urbanism: Urban Design with Nature*. New York, NY: McGraw-Hill.
22. Hirt S. (2012) Mixed Use by Default: How the Europeans (Don't) Zone. *Journal of Planning Literature*. Vol. 27. No. 4. P. 375—393. <https://doi.org/10.1177/0885412212451029>.
23. Lauermaun J. (2022) Vertical Gentrification: A 3D Analysis of Luxury Housing Development in New York City. *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 112. No. 3. P. 772—780. <https://doi.org/10.1080/24694452.2021.2022451>.
24. Lehmann S. (2016) Sustainable Urbanism: Towards a Framework for Quality and Optimal Density? *Future Cities and Environment*. Vol. 2. Art. 8. <https://doi.org/10.1186/s40984-016-0021-3>.
25. Lyu G., Angkawisittpan N., Fu X., Sonasang S. (2025) Investigating the Relationship between Built Environment and Urban Vitality Using Big Data. *Scientific Reports*. Vol. 15. Art. 579. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-84279-2>.
26. Mouratidis K., Poortinga W. (2020) Built Environment, Urban Vitality and Social Cohesion: Do Vibrant Neighborhoods Foster Strong Communities? *Landscape and Urban Planning*. Vol. 204. Art. 103951. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.103951>.
27. Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. (1925) *The city*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
28. Spiliotopoulou M., Roseland M. (2020) Urban Sustainability: From Theory Influences To Practical Agendas. *Sustainability*. Vol. 12. No. 18. Art. 7245. <https://doi.org/10.3390/su12187245>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3036](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3036)

А. Н. Языкеев

ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИКИ ЧРЕЗМЕРНОГО ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Правильная ссылка на статью:

Языкеев А. Н. Возможности диагностики чрезмерного туризма на примере городов Калининградской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 314—334. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3036>.

For citation:

Yazykeev A. N. (2025) Possibilities of Overtourism Diagnostics Using the Example of Cities in the Kaliningrad Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 314–334. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3036>. (In Russ.)

Получено: 26.05.2025. Принято к публикации: 02.09.2025.

ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИКИ ЧРЕЗМЕРНОГО ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЯЗЫКЕЕВ Андрей Николаевич — вице-президент, Международная академия детско-юношеского туризма и краеведения им. А. А. Остатца-Свешникова, Москва, Россия
E-MAIL: Yazukeyev@live.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8166-1290>

Аннотация. В статье поднимается проблема чрезмерного туризма, анализируются социальные причины ее возникновения и возможности диагностики. Амбициозные цели по развитию внутреннего туризма, а также по созданию современных международных курортов мирового уровня в России создают запрос на разработку мер для предотвращения чрезмерного туризма в отечественных туристских центрах.

Автор рассматривает проблему противоречия между стратегиями туристического развития территорий и социальными ожиданиями местных жителей и обосновывает необходимость разработки и внедрения социальных технологий управления туристическим развитием городов и регионов на основе социального участия местного населения и малого бизнеса в мероприятиях региональных программ туристического развития.

На основе исследований, проведенных в Калининградской области, в работе охарактеризовано восприятие населением мероприятий по туристическому развитию региона, приведены оценки уровня удовлетворенности жителей изменением городской среды. По результатам анализа выделены проблемы, имеющие тенденцию к обострению на фоне роста туристического потока, такие как рост стоимости товаров и услуг (при низкой покупательной способно-

POSSIBILITIES OF OVERTOURISM DIAGNOSTICS USING THE EXAMPLE OF CITIES IN THE KALININGRAD REGION

Andrey N. YAZYKEEV¹ — Vice-President
E-MAIL: Yazukeyev@live.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8166-1290>

¹ International Academy of Children and Youth Tourism and Local History named after A.A. Ostapets-Sveshnikov, Moscow, Russia

Abstract. The article explores the issue of overtourism, focusing on its social causes and diagnostic approaches. Ambitious national goals for the development of domestic tourism and the establishment of world-class international resorts in Russia have generated a need for preventive measures against overtourism in major tourist destinations.

The study examines the contradiction between tourism development strategies and the social expectations of local residents, emphasizing the importance of designing and implementing social technologies for managing tourism growth. These technologies should be based on inclusive participation of local communities and small businesses in regional tourism development programs.

Drawing on empirical research conducted in the Kaliningrad region, the article analyzes public perceptions of tourism-related initiatives and assesses residents' satisfaction with urban environment changes. The findings reveal growing tensions associated with increasing tourist flows, such as higher prices for goods and services amid low local purchasing power, rising pressure on transport infrastructure, and growing urban density.

сти местного населения), повышение нагрузки на транспортную инфраструктуру и увеличение плотности городской застройки.

Ключевые слова: туристическое развитие, социальные технологии, чрезмерный туризм, социальное участие

Keywords: tourist development, social technologies, excessive tourism, social participation

Введение

Формирование стратегии туристического развития — популярное сегодня решение, направленное на повышение привлекательности и оживление экономики городов и регионов. Принятая Правительством РФ в 2021 г. государственная программа «Развитие туризма» предоставила возможности для строительства гостиниц и обеспечивающей инфраструктуры, повышения доступности туристских продуктов и совершенствования управления в сфере туризма¹. В результате в последние годы мы можем наблюдать значительное увеличение въездного турпотока не только в традиционных курортных регионах, таких как Краснодарский край, Минеральные воды, но и в большом числе городов, ранее не воспринимавшихся в качестве центров массового туризма: Казани, Туле, Калининграде, Калуге, Астрахани. Хотя туристская индустрия крайне редко становится основным источником дохода для городов, комплекс мер по развитию туристической привлекательности может создавать кумулятивный эффект для роста других отраслей экономики [Azam, Alam, Hafeez, 2018; Оборин, 2020] и, что не менее важно, повышать качество жизни местного населения, удерживать имеющиеся человеческие ресурсы и привлекать новые.

В то же время в последние годы многие исследователи обращают внимание на то, что увеличение туристских потоков может создавать значительные неудобства для местных жителей. Европейские и некоторые азиатские страны фиксируют снижение толерантности к туристам, а муниципальные власти отдельных городов, например Барселоны, Венеции, Амстердама, Эдинбурга и Брюгге, приняли ряд мер по ограничению туристских потоков. Одновременно в зарубежной и отечественной научной литературе сформировалось целое направление исследований, посвященных проблеме чрезмерного туризма.

Существуют различные подходы к определению признаков чрезмерного туризма. Одни исследователи в качестве индикатора этой ситуации рассматривают превышение количества туристов по отношению к местным жителям [Евстропьева, Бардаш, Будаева, 2019; Шерешева, Полянская, Оборин, 2019], другие делают акцент на вреде природе и экосистемам [Koens, Postma, Papp, 2018; Arian, Uensever, 2019], городской инфраструктуре и памятникам [Carocchi et al., 2019; Аигина, 2018]. Однако чаще всего в качестве главного показателя избыточного туризма выступают неудобства, доставляемые местным жителям, что нередко приво-

¹ Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие туризма“» от 24.12.2021 № 2439. <http://static.government.ru/media/files/Wdbna3vXF5dFlp2SITXiAWCr311oTmL.pdf> (дата обращения: 25.10.2028).

дит к протесту городских сообществ. Довольно точное определение этого явления дают немецкие ученые, обозначая изменение общественного мнения населения от энтузиазма по поводу туристов до раздражения [Kagermeier, Erdmenger, 2019].

Амбициозные цели по развитию внутреннего туризма и созданию международных курортов мирового уровня в Российской Федерации говорят о необходимости разработки мер для предотвращения аналогичных проблем в отечественных туристских центрах. Хотя в российской практике еще не зафиксированы массовые протесты горожан против туристов, ряд исследователей уже обращают внимание на актуальность данной проблемы для курортов черноморского побережья [Ветитнев, Чигарев, 2021; Цехла, Стахно, 2023] и территорий вокруг озера Байкал [Липка и др., 2022].

В контексте предметного поля социологии управления проблема чрезмерного туризма может быть рассмотрена как противоречие, возникающее между стратегиями туристического развития и социальными ожиданиями жителей городов. В данном случае региональные и муниципальные программы туристического развития выступают не как самоцель, а как один из инструментов социально-экономического развития территорий. Стоит отметить, что данная проблема возникает в тот момент, когда усилия местных властей по привлечению туристских потоков начинают приносить результаты, но в силу различных причин массовый турпоток причиняет значительные неудобства местным жителям. Определить точку перехода «от энтузиазма по поводу туристов к раздражению» можно при помощи социологических исследований в регионе. В идеале это должен быть мониторинг, измеряющий динамику настроений населения.

В исследованиях туристических возможностей регионов довольно часто изучается связь с брендингом территорий [Anholt, 2016], историко-культурными особенностями городов и регионов [Бугров, 2017]. Используются подходы, ориентированные на привлечение определенных групп населения: формирование условий для «креативного класса» [Florida, 2017] и представителей «серебряного возраста» [Patterson, Balderas-Cejudo, Pegg, 2021], развитие детско-юношеского туризма [Исаенко, Смирнов, 2017], создание здоровой городской среды [Расходчиков, 2023]. С эволюцией интернет-технологий к классическим методам исследований добавляются возможности анализа больших данных, полученных из социальных сетей и электронных систем бронирования [Loureiro, 2014], операторов сотовой связи и банков [Языкеев, Дусенко, 2023]. Активное развитие информационных технологий в туристической отрасли послужило формированию новых направлений исследований и созданию платформенных решений на основе больших данных, появлению такого понятия, как «умный туризм» [Pencarelli, 2020]. По мнению С. В. Дусенко, значимость туристической отрасли в экономике стран и жизни людей дает основания говорить о формировании социологии туризма как самостоятельного направления исследований [Дусенко, 2022].

Однако социологическому мониторингу отношения местного населения к туристской деятельности в городах и регионах пока уделяется недостаточно внимания. Цель настоящей работы — продемонстрировать возможности социологических исследований для диагностики проблем чрезмерного туризма в городах и регионах. В качестве объекта исследования выбрана Калининградская область — регион,

демонстрирующий заметные успехи в сфере туристического развития. Автор исходит из предположения, что недовольство местного населения большим наплывом туристов накапливается постепенно и при отсутствии реакции со стороны органов власти может приводить к негативным последствиям. Диагностические социологические исследования могут помочь выявить факторы, вызывающие раздражение местных жителей, а также сферы жизнедеятельности горожан, которые страдают от массового туризма. Отдельное внимание в работе уделяется анализу способов решения проблемы чрезмерного туризма: обосновывается авторская позиция о необходимости применения социальных технологий для регулирования социально-экономических отношений в городах, реализующих программы туристического развития. Эмпирическим материалом выступает социологическое исследование, проведенное в 2025 г. Агентством социальных исследований «Столица» методом телефонного опроса в шести городах региона и одном поселке городского типа. В опросе приняли участие 1200 респондентов в возрасте от 18 лет, постоянно проживающих на территории региона. Кроме того, в работе использованы данные статистики въездного туризма в Калининградскую область, данные о динамике количества средств коллективного размещения, оценки вклада туризма в валовый региональный продукт (ВРП) региона, а также вторичный анализ данных «Индекса качества городской среды» Минстроя РФ².

Рис. 1. Динамика въездных туристических потоков в Калининградскую область³

² Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 25.10.2028).

³ Составлено автором на основе источников: Ежегодный отчет губернатора А. А. Алиханова о работе Правительства Калининградской области. 2022. URL: <https://gov39.ru/poslanie/otchet2022/> (дата обращения: 22.12.2022); Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» (утвержден Федеральным агентством по туризму) в редакции от 10.11.2021 г. URL: <https://bazanpa.ru/rosturizm-pasport-ot18112021-h5381000/> (дата обращения: 07.10.2022); Постановление Правительства Калининградской области от 1 февраля 2022 года № 45 «Об утверждении государственной программы Калининградской области «Туризм»» (с изменениями на 17 апреля 2023 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/578156819?ysclid=lodfi19miy654679529> (дата обращения: 18.05.2023).

Города Калининградской области выбраны в качестве объекта исследования, так как в последние годы этот регион вошел в число лидеров по привлечению туристов и одновременно характеризуется устойчивым ростом туристских потоков. Начиная с 2011 г. в Калининградской области наблюдается стабильный рост въездных туристских потоков (см. рис. 1). Большой импульс в развитии туризма региону дал Чемпионат мира по футболу 2018 г., в том числе заметно возросло число его посещений иностранными туристами. В 2020 г. произошло снижение турпотока в результате пандемии COVID-19, однако уже в следующем 2021 г. регион вышел на допандемийные показатели. Здесь можно наблюдать и сопутствующие экономические эффекты в виде увеличения количества средств размещения (с 89 в 2014 г. до 269 в 2022 г.⁴), роста стоимости недвижимости и миграционного прироста населения в туристических городах [Федоров, Кузнецова, 2023].

Возможности социальных технологий для предупреждения чрезмерного туризма

Проблема чрезмерного туризма приобрела наибольшую актуальность в последние 10—15 лет, и за это время ученые и практики предложили разные решения. Чаще всего городские власти применяют различные ограничения для уменьшения туристического потока [Наумова, Савельев, 2019], перераспределения потоков на менее посещаемые объекты и формирование у туристов «ответственного потребления» [Шерешева, Полянская, Оборин, 2019]. При этом многие исследователи сходятся во мнении, что данная проблема должна решаться за счет совершенствования системы управления туристическим развитием и улучшения диалога между участниками туристской деятельности и жителями городов [Veiga et al., 2018; Koens, Postma, Papp, 2018].

При этом зачастую упускается из виду базовое понимание управления как системы регуляции отношений субъектов, вовлеченных в те или иные социально-экономические процессы [Тихонов, 2007]. Если рассмотреть проблему в этом ключе, то на первое место выходит противоречие между интересами туристов и местных жителей. Следовательно, решение проблемы нужно искать не столько в различного рода ограничениях для туристов и перераспределении турпотоков, сколько в поиске баланса между интересами жителей, местных властей и туристов. Можно предположить, что горожане, получающие понятные им и ощутимые блага от туристской деятельности, скорее готовы терпеть неудобства от массового туризма. А переход «от восторга к раздражению» будет происходить, когда издержки от туризма в повседневной жизнедеятельности начнут значительно превышать получаемые выгоды.

На взгляд автора, проблемы чрезмерного туризма могут быть обусловлены игнорированием такого значимого фактора, как участие, его недооценкой в системе управления туристическим развитием городов и регионов. Важность социального участия для качества управленческих решений подчеркивается в работах российских социологов [Социология управления..., 2014]. Способность жителей

⁴ Валовой региональный продукт региона. Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Калининградской области. URL: https://39.rosstat.gov.ru/vrp_vrp (дата обращения: 25.10.2028).

городов и поселений объединять усилия для решения важных внешних задач и самостоятельно регулировать внутренние отношения позволяет рассматривать городские сообщества как одного из ключевых участников в системе управления туристическим развитием городов и регионов. Как справедливо отмечает в своем обзоре мировых практик брендинга территорий Андреа Инш, «навыки, талант и деловая хватка жителей также вносят свой вклад в рост и процветание города и региона» [Инш, 2013: 21].

Вовлечение местных жителей не только позволяет учесть их интересы и тем самым улучшить качество принимаемых решений, но и способствует поиску уникальных местных традиций, возможно, уже забытых многими, но сохранившихся в семейных приданиях и памяти старожилов. Важность задействования социальных ресурсов для развития внутреннего туризма подчеркивается в работах Е. И. Фроловой, где выделены основные формы такого участия: привлечение местного населения к популяризации туристических продуктов региона через социальные сети или блоги, коммерциализированное гостеприимство и микропредпринимательство на рынке аренды частного жилья [Фролова, Рогач, 2023].

Приток дополнительных средств от туристов не всегда способен компенсировать жителям возникающие неудобства, так как зарабатывают преимущественно предприниматели и граждане, сдающие в аренду жилье. Остальные группы населения могут и не получать ощутимых преимуществ от наплыва гостей. Гармонизации отношений между туристами и местными жителями могут способствовать разработка и внедрение разного рода социальных технологий, целевым ориентиром которых должны выступать механизмы направления выгод от притока туристов на цели социально-экономического развития территорий.

Автор данной статьи исходит из понимания социальных технологий как теоретически обоснованного и апробированного на практике набора действий или последовательности приемов, позволяющих достигать определенных управленческих целей. Имеется в виду не просто применение научных знаний на практике, а создание определенных алгоритмов, правил и инструментов их эффективного использования. В идеале точное соблюдение социальной технологии должно приводить к заранее заданным результатам. В качестве примеров методических работ, где социологические процедуры алгоритмизированы до уровня социальных технологий, можно привести методику социальной диагностики деловой организации В. Щербины, направленную на выявление наиболее жизнеспособных стратегий и ориентиров развития компании [Щербина, 2018], метод прогнозного социального проектирования Т. Дридзе, позволяющий последовательно изменять городскую среду под меняющиеся потребности жителей [Дридзе, 1998], а также модель взаимодействия городских властей с населением при реализации градостроительных проектов [Расходчиков, 2024].

В сфере туризма такие социальные технологии еще предстоит разработать. Задача данной работы — продемонстрировать возможности социологической диагностики проблемы чрезмерного туризма. Такая диагностика впоследствии может стать значимым элементом социальных технологий управления туристическим развитием региона на основе социального участия местного населения в мероприятиях региональных программ туристического развития.

Рост туристической привлекательности городов Калининградской области и настроения жителей

Судя по результатам исследования общественного мнения в Калининградской области, жители городов региона осознают его привлекательность для туристов и склонны позитивно оценивать происходящие в населенных пунктах изменения. По оценкам жителей, регион хорошо представлен на туристическом рынке страны, такого мнения придерживаются 61,9% участников опроса (см. рис. 2). Среди сильных сторон региона с точки зрения развития туризма чаще всего назывались: наличие оборудованных морских пляжей и променадов, богатство архитектурного и культурного наследия, благополучная экологическая обстановка и наличие санаторных территорий, красивая природа и мягкий климат, высокий уровень культуры и гостеприимность местного населения. Ключевые минусы — оторванность региона от остальной части страны, его анклавное положение, не всегда благоприятные погодные условия, а также недостаточная развитость транспортных систем и общественного транспорта.

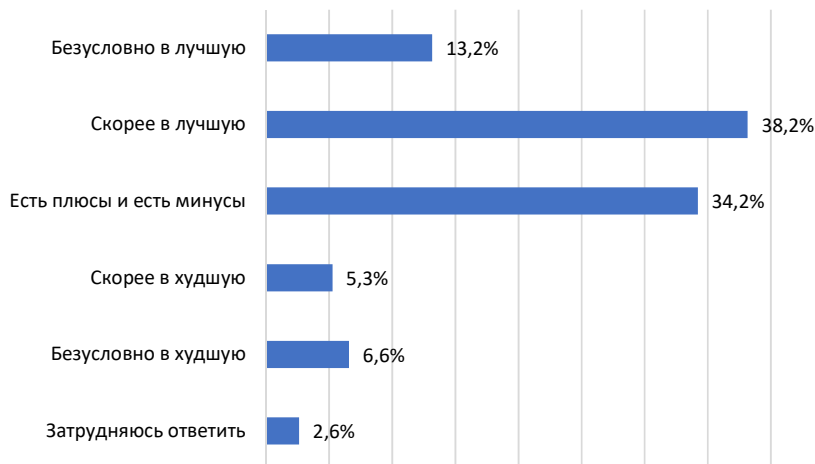
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вам кажется, насколько хорошо Калининградская область представлена на туристическом рынке нашей страны?», % от опрошенных

В оценке изменений, происходящих в городах региона вследствие увеличения числа туристов, мнения участников опроса разделились. Большинство респондентов (50,4%) отмечают изменения в лучшую сторону (см. рис. 3). Среди позитивных изменений жители чаще всего отмечали улучшение благоустройства и внешнего облика центральных районов, развитие транспортной инфраструктуры, увеличение числа массовых и культурных мероприятий, появление современных пляжей и променадов. В то же время треть участников исследования (34,2%) помимо плюсов назвали и минусы туристического развития региона. Среди негативных аспектов чаще всего назывались такие проблемы, как увеличение пробок на дорогах, недостаточность парковочных мест и стоянок для автотранспорта, увеличение стоимости жилья и плотности застройки, рост числа приезжих и ухудшение миграционной ситуации, высокие цены и недоступность билетов на самолеты и по-

езда в другие регионы России в весенне-летний сезон. Среди недостатков участники опроса также называли сезонность туристических потоков, приводящую к уменьшению всех видов активности в зимний период и нестабильности работы.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в лучшую или худшую сторону изменилась жизнь в Вашем городе в результате развития туризма?», % от опрошенных

Среди проблем, не связанных напрямую с туристическим развитием, но очевидно влияющих на качество жизни в регионе, участники опроса называли плохое состояние дорог, неразвитость общественного транспорта, недостаток рабочих мест, проблемы с трудоустройством и низкий уровень зарплат, неблагоустроенность и недостаточную освещенность спальных районов городов и высокие цены на продукты питания. Некоторые из перечисленных проблем могут обостряться на фоне роста туристических потоков. Так, увеличение стоимости продуктов, товаров и жилья при низком уровне доходов населения может усиливать социальное расслоение и субъективные ощущения собственной бедности для части местных жителей. Неудовлетворительное состояние дорог, неразвитость транспортной системы и общественного транспорта в ситуации расширения туристических потоков приводит к увеличению пробок, времени в пути и ухудшению транспортной доступности городов и туристических объектов.

Проблемы инфраструктурного развития значительно различаются в отдельных городах Калининградской области (см. табл. 1). Для жителей Калининграда острее всего ощущается недостаток дорог и транспортных развязок, парковочных мест и автостоянок. В Светлогорске и Янтарном участники опроса чаще всего указывают на нехватку парковочных мест и автостоянок, медицинских и культурно-досуговых объектов. Жители Балтийска наиболее обеспокоены нехваткой дорог и транспортных развязок, медицинских объектов и зеленых зон. В Зеленоградске, судя по результатам опроса, острее ощущается нехватка парковочных мест и автостоянок, дорог и транспортных развязок, медицинских и культурно-досуговых объектов. Жителей Советска и Черняховска в первую очередь

беспокоит недостаток объектов медицины, далее идут проблемы транспортного развития. Кроме того, в Черняховске наблюдается запрос на увеличение числа культурно-досуговых объектов, а также парков и скверов.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Каких инфраструктурных объектов не хватает в районе Вашего проживания?», % от опрошенных в каждом населенном пункте

Каких инфраструктурных объектов не хватает в Вашем городе?	Калининград	Светлогорск	Балтийск	Янтарный	Зеленоградск	Советск	Черняховск
Дорог, развязок и других транспортных объектов	20,5	10,5	15,4	16,4	15,8	23,0	16,0
Медицинских объектов	7,8	15,8	13,2	22,8	13,2	35,5	20,5
Торговых объектов	0,8	2,6	1,1	1,6	1,3	1,0	3,8
Спортивных центров и площадок	7,3	9,2	5,5	3,3	1,3	2,0	8,9
Школ, детских садов и других образовательных объектов	7,8	6,6	1,1	1,2	5,3	1,7	5,4
Культурно-досуговых объектов	3,5	15,8	7,7	14,8	11,8	3,0	10,2
Парков, скверов и т. д.	7,0	2,6	12,1	1,6	7,9	2,1	10,1
Объектов общепита	0,3	2,6	1,1	2,2	1,3	3,4	2,7
Парковок и стоянок для автомобилей	22,4	18,4	7,7	23,0	26,3	5,0	4,7
Музеев, библиотек и других объектов культуры	1,1	2,6	3,3	1,6	2,6	1,3	3,2
Другое	15,4	10,5	27,5	9,8	7,9	17,0	10,0
Затрудняюсь ответить	5,9	2,6	4,4	1,6	5,3	5,0	4,5

Представляет интерес сопоставление субъективных оценок жителей, высказанных в ходе опроса, с результатами анализа статистических данных и экспертных оценок, представленных в ежегодном исследовании «Индекс качества городской среды» Минстроя РФ за 2024 г. Методика составления Индекса учитывает 36 показателей и группируется по шести типам городских пространств: жилье и прилегающие пространства, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства, социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства, улично-дорожная сеть, общегородское пространство. Каждый индикатор оценивается по шкале от 1 до 10 баллов и нормируется с учетом разброса в полученных оценках; подробнее с методикой можно ознакомиться в принятом для ее утверждения постановлении Правительства РФ⁵.

⁵ Методика формирования индекса качества городской среды, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 510-р, с учетом изменений, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2019 г. № 2625-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/wbRiqrDYKeKbPh9FzCHUwWoturf2Ud0G.pdf> (дата обращения: 25.10.2025).

В индексе представлены шесть из семи городов — участников исследования (поскольку Янтарный имеет статус поселка городского типа, в Индекс он не попал), что позволяет соотнести результаты оценки с данными представленного социологического исследования.

Таблица 2. Результаты оценки качества городской среды городов Калининградской области, представленные в «Индексе качества городской среды» Минстроя РФ за 2024 год

	Общий балл	Жилье и прилегающие пространства	Улично-дорожная сеть	Озелененные пространства	Общественно-деловая инфраструктура	Социально-досуговая инфраструктура	Общегородское пространство
Зеленоградск	291	51	50	53	42	48	47
Калининград	270	48	44	44	39	52	43
Светлогорск	269	46	54	53	36	39	41
Черняховск	259	49	53	37	30	45	45
Советск	254	45	57	36	38	47	47
Балтийск	252	45	40	46	29	47	45

Сравнительно низкие оценки качества улично-дорожной сети фиксируются в Балтийске, Зеленоградске и Калининграде, что соотносится с результатами нашего социологического исследования. Респонденты из этих трех городов чаще отмечали проблемы нехватки автомобильных дорог, развязок и других транспортных объектов. Также с результатами исследования можно соотнести низкие показатели состояния озелененных пространств в Черняховске и социально-досуговой инфраструктуры в Светлогорске. При этом существуют и расхождения. Так, Индекс показывает сравнительно высокую оценку озелененных пространств в Балтийске, в то время как участники опроса из этого города отмечали недостаток зеленых зон (12,1 %). Кроме этого, не совпадают оценки социально-досуговой инфраструктуры в Зеленоградске: в индексе проставлена высокая оценка, в то время как участники опроса указывали на недостаток культурно-досуговых объектов (11,8 %). Расхождения можно объяснить разницей в методиках: субъективное восприятие жителей города может не совпадать с экспертными оценками и данными статистики по обеспеченности населения разного рода объектами.

По результатам сводной оценки качества городской среды среди городов Калининградской области с заметным отрывом лидирует Зеленоградск (291 балл), затем идут Калининград (270 баллов) и Светлогорск (269 баллов). Стоит отметить, что Зеленоградск по оценке качества городской среды также лидирует среди всех малых городов России, представленных в Индексе, в том числе опережает такие известные туристские центры, как Суздаль (277 баллов), Алушка (266 баллов), Мышкин (265 баллов). Калининград в Индексе относится к группе крупных городов и уступает по сводной балльной оценке Туле и Грозному (по 280 баллов), но опережает другие туристские центры, в том числе Сочи (263 балла), Новороссийск (253 балла), Симферополь (225 баллов) и Астрахань (210 баллов).

Также стоит отметить, что все исследуемые города региона за последние годы продемонстрировали заметный прогресс по оценке качества городской среды. В таблице 3 приведены сравнительные данные сводного Индекса за 2018 и 2024 гг. Наибольшее улучшение показателей наблюдается у Балтийска (+97 баллов) и Черняховска (+96 баллов). Однако стоит отметить, что эти города в 2018 г. получили негативную оценку качества городской среды, так как набрали менее половины от максимального количества баллов, то есть сравнение происходит с довольно низкой базой. Поэтому наиболее значимыми можно считать успехи по улучшению качества городской среды, достигнутые за последние годы в Зеленоградске (+94 балла) и Светлогорске (+73 балла), где изначально фиксировались сравнительно высокие показатели.

Таблица 3. Сравнительные результаты оценки качества городской среды городов Калининградской области, представленные в «Индексе качества городской среды» Минстроя РФ за 2018 и 2024 гг.

	Общий балл Индекса КГС		Прирост
	2018	2024	
Зеленоградск	197	291	94
Калининград	214	270	56
Светлогорск	196	269	73
Черняховск	163	259	96
Советск	188	254	66
Балтийск	155	252	97

Примечание. Составлено автором на основе источников

Позитивная динамика показателей качества городской среды в городах Калининградской области в целом соотносится с оценками жителей происходящих изменений. Так, по результатам проведенного нами исследования, большинство жителей городов — участников опроса позитивно оценили изменения в своих городах (см. рис. 4); при этом наибольшие доли положительных оценок фиксируются в Светлогорске (53,4 %) и Зеленоградске (48,9 %).

В ходе социологического исследования также оценивались различные аспекты социального участия жителей Калининградской области в проектах туристического развития (см. рис. 5). Результаты демонстрируют довольно низкий уровень участия жителей в разработке или обсуждении планов туристического развития городов и региона в целом. Лишь 5,5 % респондентов заявляют, что принимали участие в обсуждениях и общественных слушаниях по этим вопросам. Гораздо большее количество участников опроса (12,4 %) констатируют, что хорошо осведомлены о стратегиях и планах туристического развития региона, еще треть респондентов (34,2 %) обладают некоторой информацией, но подробно ее не изучали. В целом по результатам исследования уровень осведомленности жителей о планах туристического развития территорий можно назвать относительно высоким, так как в совокупности о той или иной степени информированности заявляют более половины участников опроса. В то же время уровень непосредственного участия жителей в обсуждении стратегий и программ здесь довольно низкий; при этом около четверти опрошен-

ных указывают о своей заинтересованности в получении информации о планах туристического развития, что указывает на возможность существенного расширения социального участия жителей в вопросах туристического развития городов.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в лучшую или худшую сторону изменилась жизнь в Вашем городе в результате развития туризма?», % от опрошенных⁶

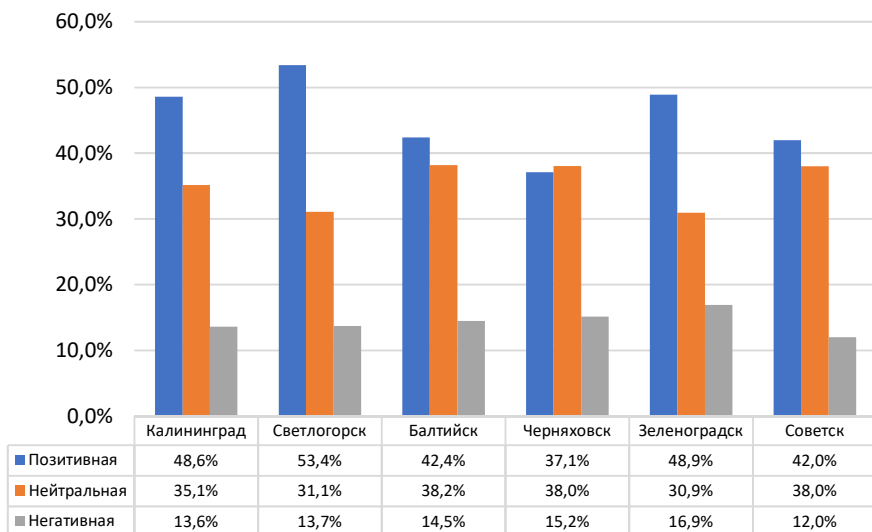
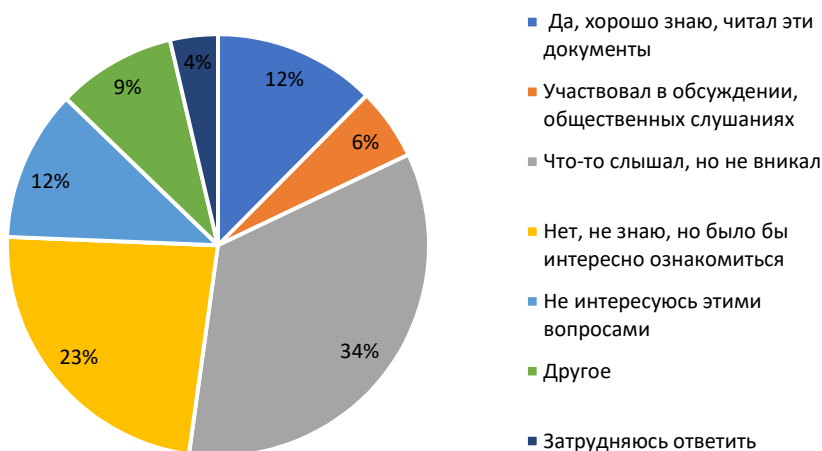

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы о стратегии или планах туристического развития Вашего города или региона?», % от опрошенных

⁶ Данные представлены по отдельным городам, суммированы ответы «Безусловно в лучшую» и «Скорее в лучшую» (отображены как позитивная оценка), «Безусловно в худшую» и «Скорее в худшую» (отображены как негативная оценка). Число затруднившихся с ответом не отображено в диаграмме для удобства восприятия.

Наиболее предпочтительными каналами информации о планах туристического развития для жителей являются интернет-сайты (71,4 %), социальные сети и блоги (34,6 %), а также местные телевизионные каналы (30,8 %). Исключение здесь составляют представители старшей возрастной группы, среди которых в предпочтениях источников информации на первое место выходит телевидение (54,8 % ответов в возрастной группе «55 лет и старше»), также высока популярность печатных СМИ (38,3 %). При этом использование интернет-сайтов распространено и среди старшего поколения — 46,7 % ответов в возрастной группе 55 лет и старше. Данные указывают на корреляцию между положительными оценками происходящих в городах изменений и уровнем информированности жителей о планах туристического развития. Так, среди респондентов, отметивших, что хорошо знают о планах туристического развития, и тех, кто участвовал в их обсуждении, доля позитивных оценок произошедших изменений (варианты ответов «безусловно в лучшую» и «скорее в лучшую») составила 62,7 % при 50,4 % в среднем по выборке.

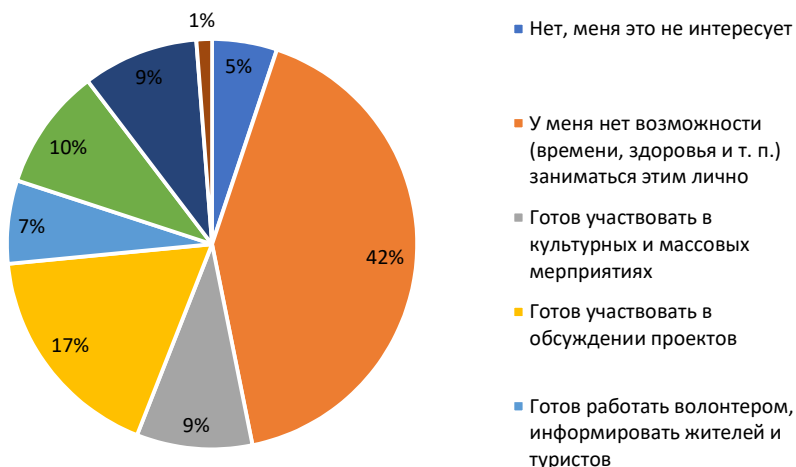
Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Из каких источников Вы предпочитаете получать информацию о планах туристического развития?», %

С одной стороны, результаты исследования показывают большой процент жителей (41,7 % участников опроса), по тем или иным причинам неготовых лично участвовать в проектах и мероприятиях по туристическому развитию территорий (см. рис. 7). С другой стороны, 17,5 % респондентов сообщили о готовности участвовать в обсуждении проектов развития, еще 9,6 % готовы вести работу в социальных сетях (преимущественно представители младшей возрастной группы), 9,1 % — участвовать в массовых и культурных мероприятиях, 6,6 % — работать волонтерами, информировать жителей и туристов.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует наличие значительного потенциала в части увеличения информационной осведомленности жителей региона, а также возможности дополнительного вовлечения населения в различные формы социального участия в проектах туристического развития городов и территорий.

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Вы готовы лично принимать участие в проектах и мероприятиях по туристическому развитию?», % от опрошенных

Заключение

Анализ подходов к определению чрезмерного туризма и методов решения данной проблемы позволяет сформулировать одну из главных причин возникновения этого явления. Она выражается в противоречии, возникающем между стратегиями туристического развития и социальными ожиданиями жителей городов. Следовательно, решение проблемы нужно искать не столько в различного рода ограничениях для туристов и перераспределении турпотоков, сколько в поиске баланса между интересами жителей, местных властей и туристов. Помочь в этом могут социологические исследования, направленные на диагностику проблем чрезмерного туризма в городах и регионах и выявление факторов, вызывающих наибольшее раздражение местных жителей. В идеале такие исследования должны носить мониторинговый характер для измерения динамики настроений населения.

Индустрия внутреннего туризма, практики туристического развития городов и территорий в России переживают период становления, поэтому крайние формы проявления чрезмерного туризма в отечественной практике еще не зафиксированы. В то же время ряд исследователей уже обращают внимание на актуальность данной проблемы для курортов черноморского побережья и территорий вокруг озера Байкал. Судя по результатам исследования, проведенного в городах Калининградской области, в этом регионе чрезмерный туризм пока не проявляется. Большинство жителей региона, принявших участие в опросе, склонны позитивно оценивать изменения, происходящие в их городах в связи с мероприятиями туристического развития. Выделяются отдельные проблемы, имеющие тенденцию к обострению на фоне роста турпотока, в первую очередь это увеличение стоимости товаров и услуг при низкой покупательной способности местного населения. Это указывает на необходимость выработки региональных программ, направленных на развитие производств и создание высокооплачиваемых рабочих

мест, либо реализации социальных программ по поддержке малообеспеченных слоев населения. Без существенного увеличения уровня доходов населения неоднозначное и даже негативное отношение к туристам может получить большее распространение. Среди его причин — рост потребительских цен под давлением растущих турпотоков, а также особенности поведения туристов, в том числе демонстративное потребление.

Стратегический ориентир Калининградской области на туристическое развитие приносит ощутимые преимущества региону в виде кратного увеличения въездного турпотока, развития туристской инфраструктуры. Отдельно стоит отметить положительные демографические тенденции, а именно приток населения в регион, что также можно отнести к значимым и долгосрочным результатам туристического развития. Кроме того, устойчивый рост количества посещений региона туристами и способность к восстановлению объемов турпотока после кризисов говорят об устойчивости выбранной Калининградской областью стратегии развития.

В то же время наше исследование демонстрирует, что увеличение притока туристов в города региона усиливает нагрузку на инфраструктуру и создает определенные неудобства для жителей. Внимания городских властей требуют вопросы развития транспортной инфраструктуры городов, улучшения работы общественного транспорта, а также необходимость более рационального регулирования строительной деятельности. Жалобы участников опроса на увеличение плотности городской застройки при уменьшении площади зеленых насаждений, а также на точечную застройку (особенно это касается Зеленоградска и Светлогорска) указывают на необходимость введения ограничений на строительство, особенно в исторических районах. Кроме того, исследование показывает, что в сезон туристские территории сталкиваются с большим притоком транспортных средств при недостаточной пропускной способности внутри городских (особенно в Калининграде и Светлогорске) и междугородних дорог (Зеленоградск, Янтарный), недостаточном количестве парковочных мест. При развитии существующих и создании новых точек притяжения для туристов необходимо опережающее развитие транспортных систем, а также увеличение количества рейсов и уровня комфортности общественного транспорта. Недоступность популярных для жителей мест отдыха во время туристского сезона также способна негативно сказаться на восприятии населением мероприятий по туристическому развитию.

Гармонизации отношений между туристами и местными жителями могут способствовать разработка и внедрение разного рода социальных технологий, целевым ориентиром которых должны выступать механизмы направления выгод от притока туристов на цели социально-экономического развития территорий. Результаты исследования указывают на необходимость большего вовлечения жителей региона в проекты туристического развития. При сравнительно высоком уровне информированности жителей о планах и мероприятиях туристического развития уровень участия населения в туристической деятельности в целом невысок. При этом наше исследование показывает, что уровень информированности и социального участия жителей в проектах туристического развития положительно связан с оценкой происходящих в городах и регионе изменений. Значительным потенциалом обладают такие формы участия, как включение жителей в обсуждение

туристских мероприятий, развитие практик волонтерства, в том числе в части информационного сопровождения в интернете (особенно актуально для молодежи). Также эффективной практикой для развития социального участия жителей может стать привлечение населения к участию в массовых и культурных мероприятиях, проводимых в регионе, что говорит о необходимости формирования событийных календарей городов с учетом интересов не только туристов, но и местных жителей.

Список литературы (References)

1. Аигина Е. В. Сверхтуризм и туризмобия: новые явления или старые проблемы? // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12. № 4. С. 41—55. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2018-10404>.
Aigina E. V. (2018) Overtourism and Tourismophobia: New Phenomena or Old Problems? *Service and Tourism: Current Challenges*. Vol. 12. No. 4. P. 41—55. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2018-10404>. (In Russ.)
2. Бугров Д. В. Историческое наследие и этнокультурные традиции как ресурс туристского потенциала регионов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 4. С. 268—278. <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.4.079>.
Bugrov D. V. (2017) Historical Heritage and Ethno-cultural Traditions as a Development Resource of the Tourist Potential of Regions. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. Vol. 19. No. 4. P. 268—278 <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.4.079>. (In Russ.)
3. Ветитнев А. М., Чигарев Д. В. Предупреждение риска овертуризма в сочинской туристской дестинации // Вестник Академии знаний. 2021. Т. 44. № 3. С. 58—64. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-11213>.
Vetitnev A. M., Chigarev D. V. (2021) Preventing the Risk of Overtourism in a Sochi Tourist Destination. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. Vol. 44. No. 3. P. 58—64. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-11213>. (In Russ.)
4. Дридзе Т. Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Институт психологии РАН, 1998.
Dridze T. (1998) *Urban Development: From Social Diagnostics to Constructive Dialog of Stakeholders*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
5. Дусенко С. В. О становлении социологии туризма // Актуальные проблемы развития туризма: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Москва, 16—17 марта 2022 года. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)», 2022. С. 42—46.
Dusenko S. V. (2022) On the Formation of Tourism Sociology. In: *Actual Problems of Tourism Development: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 16—17*. Moscow: Federal State Budgetary Edu-

- cational Institution of Higher Education “Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (GTSOLIFK)”. P. 42—46. (In Russ.)
6. Евстропьева О. В., Бардаш А. В., Будаева Д. Г. Методологические подходы к туристско-рекреационной дифференциации территорий с особыми условиями использования // Современные проблемы туризма и сервиса. 2019. Т. 13. № 1. С. 7—15. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10102>.
Evstropieva O. V., Bardash A. V., Budaeva D. G. (2019) Methodological Approaches to Tourist and Recreational Differentiation of Territories with Special Conditions of Use. *Modern Problems of Tourism and Service*. Vol. 13. No. 1. P. 7—15. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10102>. (In Russ.)
 7. Инш А. Глава 2. Брендинг города как места, привлекательного для проживания // Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под ред. К. Динни, пер. с англ. В. Сечной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 21—28.
Insch A. (2013) Chapter 2. City Branding as a Place to Live. In: Dinney K. (ed.) *Branding of Territories. Best World Practices*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. P. 21—28. (In Russ.)
 8. Исаенко В. П., Смирнов Д. В. Роль социокультурной среды в формировании нравственных основ личности: раздумья о нравственности и путешествиях // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2017. № 2. С. 7—31.
Isayenko V. P., Smirnov D. V. (2017) Role of Sociocultural Environment in the Formation of Moral Foundations of Personality: Reflections on Morality and Travel. *Bulletin of the Academy of Children and Youth Tourism and Local History*. No. 2. P. 7—31. (In Russ.)
 9. Липка О. Н., Жданова А. П., Куikliна С. Л., Мальнев А. В., Шейнфельд С. А. Оценка кумулятивного воздействия и ранжирование эколого-социальных угроз для Байкальской природной территории // Экологический мониторинг и моделирование экосистем. 2022. Т. 33. № 3—4. С. 81—115.
Lipka O. N., Zhdanova A. P., Kuklina S. L., Malnev A. V., Sheinfeld S. A. (2022) Assessment of the Cumulative Impact and Ranking of Ecological and Social Threats to the Baikal Natural Territory. *Ecological Monitoring and Modeling of Ecosystems*. Vol. 33. No. 3—4. P. 81—115.
 10. Наумова И. В., Савельев И. И. Овертуризм: сущность и пути решения проблемы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. Т. 13. № 4. С. 27—35.
Naumova I. V., Saveliev I. I. (2019) Overtourism: Essence and Solutions. *Modern Problems of Service and Tourism*. Vol. 13. No. 4. P. 27—35. (In Russ.)
 11. Оборин М. С. Отрицательные последствия массового туризма для принимающих территорий // Сервис Plus. 2020. Т. 14. № 1. С. 18—26.
Oborin M. S. (2020) Negative Consequences of Mass Tourism for Host Territories. *Service Plus*. Vol. 14. No. 1. P. 18—26. (In Russ.)
 12. Расходчиков А. Н. Оздоровление городской среды — новое качество жизни // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международ-

- ные отношения. 2023. Т. 7. № 4. С. 455—462. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-4-455-462>.
- Raskhodchikov A. N. (2023) I Mprovement of Urban Environment — New Quality of Life. *Vestnik of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*. Vol. 7. No. 4. P. 455—462. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-4-455-462>. (In Russ.)
13. Расходчиков А. Н. Социологическое сопровождение проектов территориального планирования как инструмент взаимодействия органов власти с населением // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 124—142. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-124-142>.
Raskhodchikov A. N. (2024) Sociological Support of Territorial Planning Projects as a Tool for Interaction Between Government Bodies and the Population. *Issues of Public and Municipal Administration*. No. 1. P. 124—142. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-124-142>. (In Russ.)
 14. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+, 2014.
Tikhonov A. V. (ed.) (2014) *Sociology of Management: Fundamental and Applied Knowledge*. Moscow: Canon+. (In Russ.)
 15. Тихонов А. В. Социология управления. Издание второе, дополненное и переработанное. М.: Канон+, 2007.
Tikhonov A. V. (2007) *Sociology of Management*. Second Edition, Supplemented and Revised. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
 16. Федоров Г. М. Кузнецова Т. Ю. Население и расселение Калининградской области на начало 2023 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2023. № 2. С. 18—30.
Fedorov G. M. Kuznetsova T. U. (2023) Population and Settlement of the Kaliningrad Region at the Beginning of 2023. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*. No. 2. P. 18—30.
 17. Фролова Е. В., Рогач О. В. Стратегические ориентиры повышения туристической привлекательности городских и сельских поселений // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2023. Т. 16. № 4. С. 289—298.
Frolova E. V., Rogach O. V. (2023) Strategic Guidelines for Increasing the Tourist Attractiveness of Urban and Rural Settlements. *Bulletin of Voronezh State Agrarian University*. Vol. 16. No. 4. P. 289—298. (In Russ.)
 18. Цехла С. Ю., Стахно Н. Д. Проявления избыточного туризма: сезонные проблемы туризма в Крыму // Туризм как фактор устойчивого развития региона: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 19—20 апреля 2023 г., Горно-Алтайск, 19—20 апреля 2023 г. / под общ. ред. Т. А. Куттубаевой, Н. И. Клепиковой. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2023. С. 14—17.
Tsekla S. Yu., Stakhno N. D. (2023) Manifestations of Excessive Tourism: Seasonal Problems of Tourism in Crimea. In: T. A. Kuttubaeva, N. I. Klepikova (eds.) *Tour-*

ism as a Factor in Sustainable Development of a Region: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, Gorno-Altaysk, April 19—20, 2023, Gorno-Altaysk, April 19—20, 2023. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. P. 14—17. (In Russ.)

19. Шерешева М. Ю., Полянская Е. Е., Оборин М. С. Необходимость системного подхода к развитию российских туристских дестинаций в условиях растущей угрозы овертуризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. Т. 13. № 4. С. 74—85.
Sheresheva M. Yu., Polyanskaya E. E., Oborin M. S. (2019) The Need for a Systems Approach to the Development of Russian Tourist Destinations in the Context of the Growing Threat of Overtourism. *Modern Problems of Service and Tourism*. Vol. 13. No. 4. P. 74—85. (In Russ.)
20. Щербина В. В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М.: Новый хронограф, 2018.
Shcherbina V. V. (2018) Rationalizing Diagnostic Managerial Social Technologies. Moscow: New Chronograph. (In Russ.)
21. Языкеев А. Н., Дусенко С. В. Возможности анализа больших данных для оценки ивент-мероприятий // Актуальные проблемы развития туризма: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Москва, 15—16 марта 2023. М.: РУС «ГЦОЛИФК», 2023. С. 127—133.
Yazykeev A. N., Dusenko S. V. (2023) Opportunities of Big Data Analysis for Evaluation of Event Events. In: *Actual Problems of Tourism Development: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 15—16*. Moscow: RUS “GTSOLIFK”. P. 127—133. (In Russ.)
22. Anholt S. (2016) Places: Identity, Image and Reputation. Springer.
23. Arian I., Uensever I. (2019) Importance of Tourism Equinox for Sustainable City Tourism. Cultural and Tourism Innovations: Integration and Digital Transition. Proceedings of the 6th International IACuDiT Conference. Athens, Greece.
24. Azam M., Alam M. M., Hafeez M. H. (2018) Effect of Tourism on Environmental Pollution: Further Evidence from Malaysia, Singapore and Thailand. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 190. P. 330—338. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.04.168>.
25. Capocchi A., Vallone C., Pierotti M., Amaduzz A. (2019) Overtourism: A Literature Review to Assess Implications and Future Perspectives. *Sustainability*. Vol. 11. No. 12. Art. 3303. <https://doi.org/10.3390/su11123303>.
26. Kagermeier A., Erdmenger E. (2019) Das Phänomen Overtourism: Erkundungen am Eisberg unterhalb der Wasseroberfläche. In: Reif J., Bernd E. (Hrsg.) *Tourismus und Gesellschaft: Kontakte — Konflikte — Konzepte*. Berlin: Erich Schmitt Verlag. P. 97—110.
27. Koens K., Postma A., Papp B. (2018) Is Overtourism Overused? Understanding the Impact of Tourism in a City Context. *Sustainability*. Vol. 10. No. 12. Art. 4384.

28. Pencarelli T. (2020) The Digital Revolution in the Travel and Tourism Industry. *Information Technology & Tourism*. Vol. 22. P. 455—476. <https://doi.org/10.1007/s40558-019-00160-3>.
29. Loureiro A. (2014) Did the Context of Economic Crisis Affect the Image of Portugal as a Tourist Destination? The GDS's Perspective. *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*. Vol. 6. No. 5. P. 466—469.
30. Florida R. (2017) *The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class — And What We Can Do About It*. New York, NY: Basic Books.
31. Patterson I., Balderas-Cejudo A., Pegg S. (2021) Tourism Preferences of Seniors and Their Impact on Healthy Ageing. *Anatolia*. Vol. 32. No. 4. P. 553—564.
32. Veiga C., Santos M. C., Águas P., Santos J. A. C. (2018) Sustainability as a Key Driver to Address Challenges. *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*. Vol. 10. No. 6. P. 662—673. <https://doi.org/10.1108/WHATT-08-2018-0054>.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ВЦИОМ

